

В.И.ГУЛЯЕВ

ГОРОДА-ГОСУДАРСТВА МАЙЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Ордена Трудового Красного Знамени
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ACADEMIA DE CIENCIAS DE LA URSS

INSTITUTO DE ARQUEOLOGÍA

V.I.GULIAEV

CIUDADES
ESTADOS DE LOS
MAYAS

LA EDITORIAL «NAUKA»

MOSCÚ 1979

В.И.ГУЛЯЕВ

ГОРОДА- ГОСУДАРСТВА МАЙЯ

**(СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ ГОРОДА
В РАННЕКЛАССОВОМ ОБЩЕСТВЕ)**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1979

В книге рассматриваются вопросы внутренней структуры и функций древнего города. На основе археологических, этнографических и исторических материалов автор делает выводы о природе городов майя, сопоставляя их с городскими центрами других раннеклассовых обществ: Египта, Шумера и т. д.

Ответственный редактор

Н. Я. МЕРПЕРТ

ВВЕДЕНИЕ

«В эпоху древности,— писал в одной из своих недавних работ И. М. Дьяконов,— будь то на Западе или на Востоке, именно город занимает ведущее положение как центр экономической, социальной и политической жизни. Можно сказать, что древность кончается вместе со смертью древнего города»¹.

То, что города с момента своего появления были основными центрами цивилизации, известно давно. И поэтому город неизменно являлся постоянным объектом археологических исследований: особенно это касается античных городов Греции и Рима, западноевропейских городов эпохи развитого феодализма, древнерусских городов и т. д. В гораздо меньшей степени повезло в этом отношении городам раннеклассовых обществ Древнего Востока, Африки и доколумбовой Америки. Отдельные памятники изучались не без успеха и там, но теоретическое осмысление роли города во всей социально-экономической структуре общества, его функции, его планировка и внутренняя организация, наконец, его происхождение и определяющие черты — все эти вопросы стали ставиться на повестку дня лишь сравнительно недавно — в последние два-три десятилетия. Между тем материалы и факты, освещающие раннеклассовые общества в их городском варианте, имеют самое прямое отношение к разработке наиболее крупных теоре-

тических проблем современной исторической науки. Речь идет прежде всего о проблеме происхождения и развития классового общества и государства. «Для изучения закономерной тенденции образования классового общества и становления государства,— пишет Б. Б. Плотровский,— первостепенное значение имеет изучение тех ранних классовых обществ и государств, которые возникли на земле первыми и самостоятельно»².

Согласно общепринятому мнению, города впервые появились на Ближнем Востоке (Месопотамия: Шумер) в конце IV тысячелетия до н. э.³ Несколько позднее признаки городской жизни отмечены в долине Нила, а спустя еще несколько столетий — в Индии. При этом среди специалистов ведутся ожесточенные споры относительно того — родились ли все перечисленные выше древнейшие городские цивилизации независимо друг от друга или же более поздние очаги городской культуры в Египте и Индии возникли под прямым влиянием месопотамских традиций.

Что же касается Нового Света в доколумбову эпоху, то лучше всего изучены там города Мезоамерики. И лишь наиболее пылкое воображение может объявить их продуктом диффузии из Старого Света. Во всяком случае, наука пока не располагает никакими серьезными основаниями, чтобы говорить о прямых контактах

между древними цивилизациями Старого и Нового Света⁴.

Таким образом, Месопотамия (Шумер) и Мезоамерика — те два региона, где зарождение и развитие города протекало совершенно самостоятельно⁵. А это в свою очередь открывает самые широкие перспективы для сравнительного анализа двух независимых моделей древнейших городских культур.

Каждая из названных моделей имеет свои преимущества и свои недостатки. В Месопотамии города появляются очень рано, по-видимому, в конце IV тысячелетия до н. э., и их развитие прослеживается на основе археологических находок и клинописных текстов вплоть до конца I тысячелетия до н. э., т. е. на протяжении свыше 3 тыс. лет. Однако первые, наиболее интересные страницы в жизни месопотамского города известны нам меньше всего. Да и последующие этапы освещены источниками далеко не равномерно.

Мезоамериканский вариант города отражен в документах, письмах и хрониках испанских и индейских авторов достаточно широко, но лишь на сравнительно коротком отрезке его существования: X—XVI вв. н. э.

«Города-государства Центральной и Южной Америки, — отмечает В. Н. Никифоров, — несравненно полней, чем скудные сведения о древнеегипетской или шумерийской цивилизациях, позволяют представить жизнь первых островков классового общества среди моря первобытнообщинного варварства, то и дело захлестывавшего эти островки»⁶.

И в самом деле, ни в одном другом районе земного шара внутренняя структура первоначальных раннеклассовых государственных образо-

ваний и городов не документирована так хорошо, как в Мексике и Перу. Если древнейшие цивилизации Ближнего Востока, Египта, Индии и другие удалены от нас во времени на целые тысячелетия и представлены разрозненными и немногочисленными историческими текстами и обильным, но не слишком «информативным» археологическим материалом, то в Новом Свете индейские культуры ацтеков, майя, инков сохранили почти до наших дней те самые архаические институты и порядки, над исследованием которых в Старом Свете бьются сейчас ученые многих стран. В XVI в. н. э. конкистадоры безжалостно уничтожили чуждый им мир индейских цивилизаций. Но прежде чем это случилось, многие европейцы — очевидцы драматических событий конкисты или их современники — солдаты, монахи, путешественники, королевские чиновники, официальные летописцы и т. д. — успели оставить для потомков немало ценных документов, достаточно полно раскрывающих общий характер раннеклассовых государств доколумбовой Америки.

За последние годы работами советских (Ю. В. Кнорозов, Р. В. Кинжалов, В. Н. Никифоров, М. А. Коростовцев, В. М. Массон, И. К. Самаркина и др.) и зарубежных (Р. Мак-Адамс и др.) ученых была убедительно показана принципиальная, *формационная* близость древних цивилизаций Америки и раннеклассовых государств Месопотамии, Египта и ряда других областей Старого Света. Из этого вытекают два важных обстоятельства: во-первых, мы получаем возможность широко использовать сравнительный метод исследований для анализа социально-экономиче-

ческих институтов в обоих регионах; а во-вторых, и это особенно ценно, теоретические положения классиков марксизма-ленинизма о природе древневосточного общества и государства вполне могут быть использованы и для доколумбовой Америки.

Для сравнений и выводов в данной работе берутся *только первичные очаги* раннеклассовых государственных образований, первичные очаги городской цивилизации: в Старом Свете — это Месопотамия, в Новом — Мезоамерика. В названных областях процесс возникновения и развития городов протекал в «чистом» виде, без каких-либо влияний извне, со стороны более высоких культур. Вместе с тем это и наиболее ранние и архаичные формы городской организации. Учитывая степень изученности и опубликованности соответствующих археологических материалов, автор выбрал из всех городских цивилизаций Мезоамерики только культуру майя. Дело в том, что если для большинства других классических (I тысячелетие н. э.) мезоамериканских государств мы обычно располагаем надежными сведениями по одному-двум городским центрам, то для территории майя это количество возрастает минимум до двух десятков — т. е. налицо материал для сопоставлений. Первые города возникли на территории майя в самом конце I тысячелетия до н. э. Их самостоятельное развитие было насильственно прервано испанским завоеванием в XVI в. Таким образом, история майяской цивилизации насчитывает свыше 1,5 тыс. лет. В пределах этого продолжительного отрезка времени исследователи выделяют обычно два хронологических периода: *классический* (I тысячелетие н. э.) и *пост-*

классический (X—XVI вв. н. э.). Письменными источниками (испанские и индейские хроники) освещен более или менее лишь последний из них. *Классический период*, отражающий начальные и наиболее интересные этапы существования раннеклассовых городов-государств майя, известен пока исключительно по археологическим данным.

Однако одного археологического материала при всем его обилии и значимости явно недостаточно (учитывая его специфику и ограниченность) для того, чтобы сколько-нибудь полно судить о характере социально-политических институтов майя в городах I тысячелетия н. э. Поэтому в работе использован *ретроспективный метод* исследований, чтобы, идя от более известных, изученных явлений к менее понятным, спроецировать свет исторической традиции кануна конкисты на темные века «бесписьменной» майяской истории.

Правда, многие зарубежные исследователи не признают правомерности применения сведений письменных источников постклассического (X—XVI вв.) и колониального (после конкисты) периодов к эпохе I тысячелетия н. э. на том основании, что это позднее общество майя отстоит по времени от классических городов, погибших в IX—X вв. н. э., на целых шесть веков и поэтому претерпело значительные изменения во всех сферах жизни.

Кроме того, в X в. н. э. государства майя на полуострове Юкатан были завоеваны отрядами тольтеков-нахуа, пришедших, по-видимому, из Центральной Мексики и с побережья Мексиканского залива и принесших с собой чуждые местным индейцам традиции культуры.

Положение усугубляется еще и тем, что в I тысячелетии н. э. ведущую роль в развитии цивилизации майя играли города южной части низменных лесных областей, погибшие в IX—X вв. н. э. (они и дают основную часть археологического материала I тысячелетия н. э.), а письменные источники и этнографические данные освещают в основном жизнь тех групп майя, которые обосновались на полуострове Юкатан и в Горной Гватемале, т. е. областей, подвергшихся в X в. н. э. опустошительному нашествию со стороны воинственных индейцев-нахуа и испытывших на себе известное воздействие иноземной культуры. Бесспорно, в практической работе приходится учитывать и хронологическую удаленность сопоставляемых обществ, и разрушительное воздействие на некоторые институты майя центрально-мексиканского влияния. Но вместе с тем необходимо напомнить, что к моменту испанского завоевания все высокоразвитые государства доколумбовой Мезоамерики находились примерно на одинаковом уровне развития, который в общем и целом не очень отличался от уровня предшествующего классического периода¹. Завоевание же Юкатана тольтеками могло в лучшем случае изменить лишь фасад старого общества майя, но не его сущность. Однако и эти несомненные изменения на практике носили довольно ограниченный характер, коснувшись только некоторых проявлений культа и замены части местной знати пришлой. Уже через 2—3 столетия завоеватели бесследно растворились в майяской среде, утратив свой язык и культуру. И только воспоминания о тольтекском происхождении бережно храни-

лись ими как обоснование их знатности и притязаний на высокое общественное положение. На мой взгляд, сколько-нибудь успешная реконструкция социально-политических институтов майя в I тысячелетии н. э. возможна только на основе комплексного подхода, ретроспективного применения данных хропик и этнографических отчетов к археологическим находкам классического периода².

К моменту появления европейских завоевателей (XVI в.) майя занимали обширную территорию, включавшую в себя Южную Мексику (штаты Табаско, Чиapas, Кампече, Юкатан, территория Кинтана-Роо), Гватемалу, Белиз, западные районы Сальвадора и Гондураса. В этих пределах ученые-американисты выделяют три большие культурно-географические области: *Северную* (полуостров Юкатан), *Центральную* (Северная Гватемала, Табаско, Кампече, Белиз, Западный Гондурас) и *Южную* (горные районы и Тихоокеанское побережье Южной Мексики и Гватемалы)³.

Северная область включает в себя весь полуостров Юкатан — плоскую известняковую равнину с кустарниковой растительностью, пересеченную кое-где цепями невысоких каменистых холмов. Бедные и тонкие почвы полуострова, особенно вдоль побережья, не слишком благоприятны для маисового земледелия. К тому же здесь нет рек, озер и ручьев; единственным источником воды (если не считать дождей) служат естественные карстовые колодцы-сеноты. Юкатан лишен многих минеральных ресурсов, столь необходимых для жизни и хозяйственной деятельности индейцев доколумбовой эпохи: обсидиана, базальта, диорита и т. д., а также метал-

лов, древесины, какао, каучука и др. Зато прибрежные районы полуострова, омываемые водами Мексиканского залива и Карибского моря, славятся своими богатыми соляными разработками, обилем рыбы и других морских продуктов. В ряде мест здесь имелись значительные залежи кремня. На Юкатане издавна выращивали крупные урожаи хлопка, шедшего на изготовление хлопчатобумажных тканей, одежды и плащей, которые пользовались известностью и спросом по всей Мезоамерике¹⁰.

К Южной области относятся горные районы и Тихоокеанское побережье Гватемалы, мексиканский штат Чианас (горная его часть), отдельные районы Сальвадора. Эта территория отличается необычайной пестротой этнического состава, разнообразием природно-климатических условий и значительной культурной спецификой, заметно выделяющей ее на фоне других областей майя¹¹.

Основу Центральной области составляет обширная территория департамента Петен (Северная Гватемала) и прилегающих к нему с запада и востока районов (низменная часть мексиканского штата Чианас, штаты Табаско и Кампече в бассейне р. Усумасинты; Белиз (Британский Гондурас) с реками Белиз, Асуль, Сарстун, Ондо и другими, текущими на восток, к Карибскому морю; и, наконец, западный район Гондураса с реками Мотагуа и Чамелекон. По своим природным условиям — это известняковая низменность, лежащая на высоте 90 — 200 м над уровнем моря¹².

Однако она не производит впечатления монотонной равнины. В ряде мест ее пересекают цепи каменистых холмов. Большая часть территории

области покрыта влажными тропическими лесами, которые чередуются временами с травянистыми саваннами, болотистыми низинами («бахос»), естественными водосами («агуадас»), и озерами. Плодородные почвы встречаются здесь чаще, чем на Юкатане, и имеют большую толщину. Климат теплый, тропический, со среднегодовой температурой 25° выше нуля, по Цельсию. Год делится на два сезона: *сухой* (он длится с конца января до конца мая) и *дождливый* (с конца мая до конца января). Всего здесь выпадает от 100 до 300 см осадков в год¹³. В сухой сезон количества дождей явно недостаточно для земледелия и для бытовых нужд местного населения. Для удовлетворения последних часто приходится прибегать к строительству искусственных водоемов и резервуаров, где собирается вода во влажное время года. На большей части Центральной области можно получить один-два урожая маниса в год.

Но в некоторых местах, таких, как предгорные районы Гватемалы, район Паленке у подножья горных хребтов Центрального Чианаса, в районе «Гор Майя» в Белизе, дождей выпадает значительно больше средней нормы, что позволяет собирать там за год по два-три полновесных урожая¹⁴.

Естественная растительность на большей части территории Центральной области — влажный тропический лес, с богатым выбором съедобных плодов и растений, ценными породами древесины и обильной фауной. Лесные ресурсы области издавна широко использовались местными индейцами, хорошо знавшими все секреты сельвы. Кроме того, здесь были широко представлены такие виды

**Города-столицы Центральной области
милл в I тысячелетии н. э.**

1 — границы Центральной области культуры
мая, 2 — города-столицы, 3 — прочие памят-
ники

сырья, как известняк (для строительства) и кремнь (для выделки орудий труда и оружия)¹⁵.

Учитывая состояние имеющихся археологических источников, автор выбрал в качестве главного объекта исследования только памятники *Центральной области*, как наиболее представительной и хорошо изученной части территории культуры майя I тысячелетия н. э. На протяжении классического периода (I — IX вв. н. э.) там, по самым скромным подсчетам, имелось до 100 так называемых ритуальных центров (поселений с каменной архитектурой и иероглифическими календарными надписями по эре майя) разной величины. Наличие столь значительного материала для сравнений и выводов, а также тот факт, что именно в Центральной области находилось большинство наиболее крупных центров классической цивилизации майя, и заставили автора обратиться именно к этой части майяской территории. Из 100 известных здесь на сегодняшний день памятников классического периода самые общие сведения имеются лишь о половине. Систематические исследования и раскопки велись примерно на 15 городищах. Остальные обследованы довольно поверхностно. Обычно наносились на план и описывались только центральные комплексы каменных построек (храмы и дворцы), а также сопутствующие им эпиграфика и скульптура. Жилые постройки основной массы населения городов почти не исследовались.

Все вышесказанное заставило автора уделить основное внимание характеристике политико-административного и культового аспектов майяского города (и соответственно характеристике верхушки майяского об-

щества). По той же причине при классификации городищ майя I тысячелетия н. э. им были выделены только города-столицы, вероятные центры небольших, «номовых» государств.

При выделении этих центров из общего числа других синхронных памятников Центральной области майя автор исходил из того общепринятого тезиса, что столица древнего государства одновременно была и местопребыванием правителя и его двора, а также важным культовым центром. В чисто археологическом плане это выражается в поисках таких критериев, как наличие в данном населенном пункте: а) резиденции правителя (дворца); б) царских погребений; в) мотивов искусства, связанных с прославлением личности правителя и его власти. В результате удалось в предварительном плане выделить для Центральной области майя в I тысячелетии н. э. 18 вероятных столиц городов-государств.

Наиболее полно и четко раскрыл природу города-государства в раннеклассовых обществах И. М. Дьяконов. «В Передней Азии периода ранней древности,— отмечает он,— пределом общинно-государственной интеграции являлось то, что я, по египетскому образцу, в 1950 г. предложил называть «номом»; это территория, которая включала один, реже — два-три города... с их округой, ограничена определенными естественными условиями сравнительно небольшого масштаба — горной долиной и т. д. Более крупные объединения возможны только в порядке принуждения вполне автономных «номов» к уплате дани более сильному «ному»...»¹⁶.

Материалы письменных источников из Центральной Мексики и полу-

острова Юкатан X — XVI вв. н. э. демонстрируют полное соответствие изложенной выше характеристики древневосточного «нома» с типичным городом-государством Мезоамерики кануна испанского завоевания. Город-государство (город с прилегающей округой) — наименьшая стабильная территориально-политическая единица мезоамериканской классической древности. В исторических документах майя позднего периода отмечено появление и более крупных государственных образований (большие «провинции» и майя-тольтекские царства Юкатана), которые и по своей территории, и по числу жителей значительно превосходили размеры среднего города-государства.

Однако как только мы обращаемся к эпохе «археологических» городов-государств I тысячелетия н. э., какая-либо определенность в отношении территориально-политических структур того времени исчезает. И в самом деле, исходная единица всех этих построений — город-государство — в ряде случаев, хотя и с большими трудностями, выделяется археологами (У. Буллард, У. Сандерс, У. Хевиленд, Р. Рэндс и др.). Но без письменных источников, только на основе распространения региональных стилей архитектуры, скульптуры и керамики, нельзя судить о политико-административных границах государственных образований того времени. Вполне возможно, что такой гигантский город, как Тикаль, помимо своей земельной территории, контролировал и владения нескольких соседних городов-государств, уступавших ему по силе и могуществу¹⁷.

Но для подобных предположений мы не располагаем пока сколько-нибудь надежными фактами. Совершенно

очевидно, что без прочтения некалендарных иероглифических текстов I тысячелетия н. э. судить о взаимоотношениях городов-государств того периода явно преждевременно¹⁸. Поэтому основное содержание данной работы — выделение из общей массы классических «центров» майя вероятных столиц городов-государств и общая их характеристика.

Однако «древние города, — пишет В. М. Массон, — это не просто выполнители определенных функций, а сложные социальные организмы, образующие составную часть всей социально-экономической системы, конкретное воплощение ее характерных особенностей, причем, как правило, в наиболее ярких и репрезентативных формах»¹⁹.

Вот почему рассмотрение социально-экономической структуры майяского общества, особенно его господствующих классов (что диктуется общим характером имеющихся источников), составляет другую важную задачу этой работы.

Наибольший эффект при всякого рода социально-экономических реконструкциях древних обществ дает обычно комплексный метод исследования — сочетание данных разных наук: археологии (материальные находки), этнографии (описание культуры и быта ныне существующих племен и народов) и истории (письменные источники).

Именно такой комплексный подход и возможен как раз при анализе общества древних майя: мы располагаем довольно значительным по объему археологическим материалом I тысячелетия н. э.; поздний этап развития местной культуры был зафиксирован в документах и хрониках европейских и индейских авто-

ров XVI—XVII вв.; и, наконец, прямые потомки строителей древних городов майя — на полуострове Юкатан, в джунглях Чиасапа и горах Гватемалы — подробно описаны в XIX—XX вв. различными этнографическими экспедициями.

Но несмотря на такое обилие разнообразных источников, пожалуй, ни одна другая проблема не вызывает столько разногласий и споров, как характер общества майя классического периода. Древнейшие города Старого Света появились в строго определенных экологических зонах — в аллювиальных долинах крупных рек (Нила, Тигра, Евфрата, Инда и др.), где земледелие основывалось преимущественно на ирригации. Отсюда часто делается вывод о том, что без аналогичного природного фона и без ирригации для эпохи древности невозможны ни городская жизнь, ни цивилизация²⁰.

Но в доколумбовой Мезоамерике ирригация отнюдь не была преобладающей системой земледелия, а у майя низменных лесных областей она вообще применялась в крайне редких случаях. Можно добавить, что в классический период цивилизованные народы доиспанской Мезоамерики (и в их числе майя) не знали также таких выдающихся изобретений древности, как плуг, колесо, выючные и тягловые животные, обработка металлов и т. д.

Все это создает вокруг майя ореол какой-то уникальности и таинственности, чему в немалой степени способствовали и труды ряда известных зарубежных майянистов — С. Морли, Г. Спиндена, Э. Томпсона и др. Эти авторы всячески подчеркивали исключительный, неповторимый характер культуры, созданной индей-

цами майя и не имеющей ничего похожего в древних культурах Старого и Нового Света²¹. Однако вряд ли с этим можно согласиться. Совершенно прав Р. В. Кинжалов, который считает, что древних майя необходимо рассматривать и изучать только в тесном единстве и сравнении с другими индейскими обществами доколумбовой Мезоамерики²². Больше того, полезны и более широкие сопоставления.

Именно поэтому одна из важнейших задач данной работы состоит в том, чтобы, объективно оценив общий уровень развития раннеклассового общества майя, сопоставить его с очагами древнейших городских цивилизаций Старого Света (Месопотамия), что, в свою очередь, позволит вписать весьма своеобразные по облику индейские культуры доколумбовой эпохи (в том числе и майя) в рамки единого общеисторического процесса развития человечества. При анализе основных проблем древнемайяского города особое, можно сказать, решающее значение имеет определение самого понятия «город».

По этой причине автор счел необходимым вынести обсуждение данного вопроса в начало работы.

Определение понятия «город»

«В разных странах и в разные времена, — говорится в одном из недавних французских изданий по проблемам урбанистики, — представление о том, что считать городом, менялось. Если город всегда противопоставлялся сельской местности, то само противопоставление в разные эпохи приобретало разный смысл. Каждой форме цивилизации соответствует свое понятие города... Некоторые даже самые прославленные города древности, населенные в основном

земледельцами, мы, несомненно, не могли бы причислить к разряду городских поселений, если бы подошли к ним с меркой XX века...»²³

И с этим высказыванием известных французских урбанистов Ж. Боже-Гарнье и Ж. Шабо трудно не согласиться. Поэтому, учитывая хронологические рамки настоящей работы, обратимся прежде всего к проблеме *древнего города*. Совершенно очевидно, что предварительное определение понятия «город» для любой социально-экономической формации — это первый шаг в каждом научном исследовании. «Вопрос о самом определении города (какие из населенных пунктов считать городами), — подчеркивает Б. С. Хорев, — относится к одному из двух главных общих вопросов (второй — типология городов), которые возникают при изучении городов»²⁴. Однако дело это совсем нелегкое, о чем убедительно свидетельствует краткий обзор мнений различных авторов о природе и функциях городских поселений древнего мира.

Один из наиболее спорных вопросов состоит в том, что считать главным в определении понятия «город» — его величину, структуру или характер выполняемых функций.

В современной историографии, как советской, так и зарубежной, получила широкое распространение точка зрения о том, что докапиталистический ранний город был *прежде всего* центром ремесла и торговли и что большинство его жителей не участвовало в непосредственном производстве нищи, т. е. не занималось земледелием и скотоводством.

Известный специалист по проблемам древнего города Г. Сьюберг (США) считает, например, что город — «это община значительного

размера и с большой численностью населения, которая дает приют ряду неземледельческих специалистов, включая грамотную элиту»²⁵.

М. Вебер утверждает в свою очередь, что «с точки зрения чисто экономического определения городом можно назвать такое населенное место, обитатели которого в своем большинстве живут не земледельческим трудом, а торговлей и промышленностью»²⁶.

У. Майер-Оакс (США) считает даже, что в городе (имеются в виду города доколумбовой Америки. — В. Г.) независимо от его значения и величины 75% населения не должно быть связано с сельским хозяйством (в данном случае — с земледелием)²⁷.

Гордон Чайлд в своей известной статье «Городская революция» приводит длинный перечень определяющих признаков города.

1) «С точки зрения размеров первые города должны быть более обширными и густо населенными, чем любое поселение предшествующей поры» (шумерские города имеют от 7000 до 20 000 жителей)²⁸.

2) «По составу и функциям городское население отличается от жителей любой деревни. Вполне вероятно, что в действительности большинство горожан все еще оставалось земледельцами, снимающими урожай и орошающими земли, прилегающие к городу. Но все города имеют уже в дополнение к этому классы, которые не обеспечивают сами себя нищей с помощью земледелия, скотоводства, рыболовства или собирательства, — профессиональные ремесленники, торговцы, должностные лица и жрецы. Все они жили, конечно, за счет излишка продуктов, создаваемого зем-

ледельцами, живущими в городе и зависимых от него деревнях»²⁹.

3) «...Монументальные общественные здания не только отличают каждый известный город от любого селения, но и символизируют концентрацию общественного прибавочного продукта» (храмы, дворцы)³⁰.

4) Изобретение письменности и календаря.

5) Новое сложное искусство.

6) Регулярная внешняя торговля на большие расстояния.

7) Государственная организация³¹.

Урбанист М. Хаммонд (Англия) дает следующее определение города: «Город в предварительном плане может быть определен как община, члены которой живут в непосредственной близости друг от друга, под единым управлением и в объединенном комплексе зданий, часто окруженных стенами... Город, далее может быть описан как община, в которой значительная часть населения занята внутри города неземледельческой деятельностью... Третий признак состоит в том, что город — это община, которая распространяет свой контроль на область более широкую, чем необходимо для ее простого самообеспечения»³².

Наконец, приведем высказывание известного специалиста по раннему городу в доиспанской Мексике — У. Сандерса (США). По его словам, «урбанизм — это процесс, при котором возникают общины с многочисленным населением, сконцентрированные на небольшой сплошной площади и отличающиеся интенсивной внутренней дифференциацией, основанной на различиях в богатстве, экономической специализации и власти»³³. Сходные критерии демографического порядка приводит и Б. Прайс (США): «...городская община являет-

ся по сути своей общиной со значительным, густым и социально поляризованным населением...»³⁴.

Часто для обоснования существенных отличий города от деревни пытаются использовать разного рода количественные показатели: определенный уровень численности населения (в 5, 8, 10 тыс. человек и т. д.) в данном поселении, размеры территории, количество построек и т. д.³⁵

Что касается той группы определенных городов, которые основаны на экономических факторах (неземледельческий характер занятий большинства жителей), то с ними вряд ли можно согласиться. Справедливый сам по себе для современности и, видимо, для периода развитого феодализма в Европе и Азии, этот тезис вызывает большие сомнения в применении к городам более раннего времени — особенно на начальных этапах цивилизации и государственности. Я имею в виду прежде всего первичные очаги высоких культур, названные выше: Месопотамия в Старом Свете, Мезоамерика — в Новом. Многие авторитетные исследователи на основе глубокого анализа фактического материала из самых разных регионов земного шара — тропической Африки, Азии, доколумбовой Америки — отмечают, что ранний город, несмотря на все его новые функции и новый облик, по сравнению с деревней, был тысячами нитей связан с землей, а большая часть его жителей непосредственно занималась земледелием. «Произвольные определения, основанные на размерах населения или его плотности, — подчеркивает Б. Триггер (США), — получили всеобщего признания, как не могут быть приняты и те взгляды, согласно которым только общины, значительное боль-

шинство обитателей которых было занято неземледельческими делами, следует считать городами... Большинство жителей даже основных общин йоруба в Западной Африке является земледельцами, как и многие обитатели крупнейших общин в древнем Шумере и доиспанской Мексике»³⁶.

Количественные показатели безусловно играют важную роль при изучении типологии древних городов и как вспомогательные признаки в определении города. Однако гораздо важнее для определения понятия «город» *функциональный подход*. На мой взгляд, прав английский исследователь Д. Гроув, писавший, что город отличался от деревни прежде всего по своему назначению (функции). «Исторически происхождение городов связано с необходимостью сконцентрировать в одном месте функции, имеющие отношение к более широкой территории, нежели деревня, — такие, как рынки, администрация или оборона»³⁷. Сходное определение высказал и Б. Триггер. «Город, — пишет он, — является единицей поселения, которая осуществляет специализированные функции по отношению к более широкой округе»³⁸.

Эта проблема, прежде всего в применении к древневосточному городу, нашла свое отражение и в советской историографии. В. М. Массон в целом ряде своих работ разбирает вопрос о критериях раннего города на Востоке. «В рассматриваемое время, — пишет он, — это крупное укрепленное поселение, центр сельскохозяйственной округи, но также центр ремесленного производства и торговли, как внутренней, так и внешней...»³⁹ В другом месте тот же автор определяет город как крупный населенный (не менее 5 тыс. человек)

пункт с развитой системой укреплений, бывший центром сельскохозяйственной округи и вместе с тем место сосредоточения ремесла и торговли⁴⁰. На недавней Всесоюзной конференции по проблемам раннего и средневекового города в Ленинграде (октябрь 1976 г.) В. М. Массон вновь возвращается к понятию «город»: «Древние города, — подчеркивает он, — с точки зрения понятий, используемых при социально-экономическом анализе, могут быть определены как крупные пункты, места концентрации населения, орудий производства, культурного потенциала, выполняющие особые регулятивные *ремесленные и торговые функции* (курсив мой. — В. Г.). Роль города как пункта концентрации, выполняющего специфические функции, находит прямое отражение в морфологических особенностях, характеризующих прежде всего компактной застройкой и развитием высотной архитектуры»⁴¹.

Как можно видеть из приведенных выше высказываний, В. М. Массон четко проводит в своих определениях тезис о преобладании торгово-ремесленной деятельности в функциях древнего города.

Мне представляется, что в данном случае роль ремесла и торговли в возникновении и развитии *древнейших* городов, будь то на Ближнем Востоке или в Мезоамерике и Перу, несколько преувеличена. Видимо, вначале, когда города образовались на базе еще сравнительно слабо развитой техники и экономики раннеклассовых обществ эпохи неолита и бронзового века, основным конституирующим элементом их населения в большинстве случаев были, вероятно, концентрировавшиеся в них представители слагавшихся господствующим

щих классов и государственной власти, жившие за счет эксплуатации зависимого земледельческого населения. Наибольших размеров достигали обычно города, бывшие крупными административно-политическими и религиозными центрами⁴².

Ремесло и обмен начинают играть все большую роль в этих древнейших городах лишь на последующих, более поздних этапах развития. Главными же функциями раннего города были политико-административная и культовая⁴³. Однако политико-административная функция древнейшего города часто недооценивается, и поэтому вольно или невольно в его определения вкладываются элементы модернизации и европоцентризма (античная и средневековая модели европейского города). О природе древнейшего города, его характерных чертах можно судить прежде всего на основе ряда высказываний К. Маркса. «Концентрация в городе, — пишет он, — территория которого включает в себя окружающую сельскую местность; мелкое сельское хозяйство, производящее для непосредственного потребления; промышленность как домашнее побочное занятие жен и дочерей (пряжение и ткачество) или как получившая самостоятельное развитие только в отдельных отраслях производства...»⁴⁴. При этом особое внимание К. Маркс уделяет коренному отличию раннего города, бывшего всем своим существованием тесно связанным с землей и с земледелием, от города современного.

«... Эта... форма, — указывает он, — предполагает в качестве своего базиса не земельную площадь как таковую, а город как уже созданное место поселения (центр) земледельцев (зе-

мельных собственников). Пашня является здесь территорией города, тогда как в первом случае село выступало как простой придаток к земле»⁴⁵. И далее: «История классической древности — это история городов, но городов, основанных на земельной собственности и на земледелии...»⁴⁶.

Что касается общего определения понятия «город» для эпохи раннеклассовых государств, то наиболее удачной представляется точка зрения И. М. Дьяконова относительно вавилонского города II тысячелетия до н. э.: «Город в рассматриваемое время является центром тяготеющей к нему населенной округи: город — центр округи в хозяйственном отношении...; город — центр округи в политическом отношении, как средоточие иерархии общинных органов самоуправления и как резиденция государственной администрации; наконец, город — ее центр в идеологическом отношении»⁴⁷. Разделяя в целом это определение, я тем не менее считаю, что в нем необходимо несколько сместить акценты. Да, древнейший город действительно был хозяйственным центром округи. Но главное и определяющее состоит в другом. Крупные города первичных очагов цивилизации в Мезоамерике и на Ближнем Востоке в значительной мере обязаны своим процветанием размещению в них правительственных резиденций. Город был средоточием господствующего класса, центром, в который стекались богатства общества. Здесь же пахотился обычно и храм верховного божества. Это целиком согласуется с высказыванием К. Маркса по поводу древневосточного государства в целом и города в частности. «Города в собственном смысле слова, — писал К. Маркс, — образуются здесь паряду

с... селами только там, где место особенно благоприятно для внешней торговли, или там, где глава государства и его сатрапы, выменивая свой доход (прибавочный продукт) на труд, расходуют этот доход как рабочий фонд»⁴⁸ И далее: «...крупные города могут рассматриваться здесь просто как государевы станы, как нарост на экономическом строе в собственном смысле...»⁴⁹

Близкое по смыслу определение древневосточного города дает и крупнейший американский ориенталист Г. Фрэнкфорт. «Необходимо лучше понять природу древнейших городов,— подчеркивает он.— Каковы бы ни были другие их функции, они были, прежде всего, местопребыванием религиозной и светской власти (курсив мой.— В. Г.); город был центральным ядром власти, находившейся во дворце и храме... Главная функция древнего города состояла в удержании в одном месте и контролировании значительного населения — вероятно 10—12 тысяч человек — для непосредственных выгод правящего класса... Рынок сам является порождением концентрации людей и прибавочного продукта в городе...»⁵⁰

Таким образом, можно сформулировать общее определение понятия «город» для раннеклассовых обществ Старого и Нового Света в следующем виде:

город в рассматриваемую эпоху — это крупный населенный пункт, служивший политико-административным, культовым и хозяйственным центром определенной, тяготеющей к нему окружи.

Из всего вышесказанного вытекает, что при определении города наиболее плодотворные результаты дает функ-

циональный метод, сочетающийся с методом количественным. В целом же марксистско-ленинская историческая наука рассматривает город как историческую категорию, обусловленную в первую очередь социально-экономической структурой общества⁵¹.

Древнейшие города Ближнего Востока (Двуречье, Египет), возникшие в конце IV—III тысячелетия до н. э., были первоначально лишь политико-административными и религиозными центрами сельских общин. В дальнейшем, по мере развития обмена и ремесла, древневосточный город становится местом концентрации торговцев и ремесленников, в значительной мере обслуживавших нужды правителей, культа и знати. «Однако поскольку отделение ремесла и торговли от земледелия находилось в зачаточном состоянии, древневосточный город на всем протяжении своей истории продолжал оставаться в первую очередь религиозным центром, крепостью и резиденцией царя»⁵².

Еще большие трудности вызывают среди специалистов поиски «археологических» критериев древнего города.

Такие попытки неоднократно предпринимались как в нашей стране (В. М. Масон⁵³), так и за рубежом (Г. Чайлд⁵⁴, Г. Уилли⁵⁵ и др.). В целом все они сводятся к повторению длинного списка признаков города, разработанного в свое время Г. Чайлдом: специализация ремесел, торговля на дальние расстояния, классовая структура, наличие государства, письменность и календарь. Однако в определении английского ученого явно смешаны во многом близкие, по отнюдь не совпадающие понятия «город» и «цивилизация»; а кроме того, некоторые из его кри-

териев трудно уловимы на археологических материалах.

Макс Вебер одним из важнейших признаков города считал наличие стен или укреплений⁵⁶. Однако уместно напомнить, что в раннединастическом Египте и доколумбовой Мезоамерике классического периода города, за редким исключением, стенами не обносились.

Значительное распространение получило также определение города, основанное на триаде признаков, извлеченных опять-таки из чайлдовских работ: 1) поселение с числом жителей свыше 5000, 2) наличие монументальной архитектуры и 3) письменность⁵⁷. Правда, В. М. Массон заменяет этот третий из признаков своим — наличием мощных ремесленных производственных центров в данном пункте⁵⁸.

Надо ли говорить, что определение точного числа жителей того или иного древнего города или же поиски доводов в пользу существования там мощного ремесленного центра — одни из самых сложных и на практике трудно осуществимых вопросов полевой археологии.

Мне представляется, что в археологическом материале можно найти более наглядные и четкие критерии города. Так, например, известный урбанист Л. Мэмфорд справедливо указывает, что ядром древнего города была цитадель, «обнесенная стенами убежище для храма и дворца»⁵⁹.

Ниже приводится краткий список археологических признаков городских поселений, выделенных мной по материалам Древнего Востока и доколумбовой Америки.

1. Появление дворцовых комплексов — мест пребывания правителя и его двора.

2. Появление монументальных храмов и святилищ.

3. Выделение тем или иным способом (стена, ров, «акрополь» и т. д.) важнейших дворцово-храмовых сооружений из общей массы жилых построек и размещение их в «престижной зоне» — в центральной части поселения (аналогичные функции имели «теменосы» городов древней Месопотамии).

4. Резкое отличие этих «священных кварталов» — политико-административного и культового ядра любого раннего города — по внешнему виду и общему составу находок (предметы роскоши, монументальная скульптура, живопись и т. д.) от жилых кварталов.

5. Наличие пышных царских гробниц и захоронений.

6. Монументальное искусство.

7. Письменность (эпиграфика).

8. Количественные показатели: большая площадь, значительное число жилых и общественных построек, сравнительно густое население и т. д.

Однако при всем этом следует помнить, что появление города — результат сложных исторических процессов, протекавших внутри древнего общества, в социально-политической, экономической и идеологической сферах его жизни и далеко не всегда находивших прямое отражение в археологических находках.

*

Вопрос о наличии подлинного урбанизма в низменных лесных областях майя в I тысячелетии н. э. — один из наиболее спорных вопросов мезоамериканской археологии.

Пионером в области изучения общих проблем древнемайяского города

по праву считается С. Г. Морли. Ссылаясь на сведения Диего де Ланды — испанского автора XVI в., он утверждал, что у майя уже в классический период существовали настоящие города, имевшие, правда, ряд специфических внешних черт.

«Можно выдвинуть некоторые возражения против того, чтобы называть древние ритуальные и административные центры майя городами, — пишет С. Г. Морли, — поскольку они не были местом концентрации населения на сравнительно ограниченной площади, как в наших современных городах. Однако сообщение Ланды о характере поселений у майя имеет столь определенный смысл, что не оставляет сомнения в том, что речь идет именно о небольшом городке даже в современном смысле слова»⁶⁰. Вслед за О. Г. Рикетсоном он считал, что подсечно-огневое земледелие майя вполне могло обеспечить значительное население городов, и приписывал Вапактуну с округой 50 тыс. жителей, а соседнему Тикалю и вовсе фантастическую цифру в 200 тыс. человек.

Таким образом, С. Морли, оговорив специфику процесса урбанизации в области майя, все же признавал наличие в ней городов. Аналогичные взгляды высказывали в 50-х годах и американские исследователи Т. Проскуракова и Э. Шук⁶¹.

Однако большинство ученых занимало в то время совершенно иную позицию. Эрик Томпсон — один из крупнейших специалистов по культуре майя — отмечает, что понятие «город» не применимо к руинам древних памятников майя, поскольку они никогда не были густо населенными городами, а всего лишь — нолунустыми «ритуальными центрами». Земле-

дельческое население, жившее в небольших деревушках вокруг такого центра, снабжало его всем необходимым и приходило туда для религиозных церемоний, на рынок или для судебных дел⁶².

Этнограф И. Фогт, со своей стороны, используя материалы полевых исследований среди современных индейцев, попытался показать, что упомянутая выше точка зрения находится в известном соответствии со структурой поселений майя-цоциль в Синакантане (Чиapas, Мексика). Он утверждал также, что городская жизнь, там где она встречается на территории майя, — явление сравнительно позднее и есть результат культурных влияний из Центральной Мексики⁶³. Аналогичное мнение — т. е. что у майя не было городов вплоть до вторжения тольтеков на полуостров Юкатан в X в. н. э. — высказал и Дж. Брейнерд⁶⁴. Он основывался на том, что население в 30 человек на одну квадратную милю, которое могла прокормить местная система земледелия на Юкатане, — слишком мало для статуса города.

С близких позиций определяет природу крупных майяских поселений и Т. П. Калберт. «Город, — подчеркивает он, — характернейший продукт цивилизации. Его определяют две черты: размеры и плотность населения. Население должно исчисляться тысячами (наиболее часто называют минимум в 10 000 человек) и быть тесно сконцентрированным в пределах поселения, так чтобы средняя плотность его превышала 400 человек на 1 кв. км. Большинство памятников майя не соответствует указанным критериям...»⁶⁵.

Используя параллели со средневековой Камбоджей (Ангкор),

М. Д. Ко считал, что в классическую эпоху у майя существовали лишь ритуальные центры, поддерживаемые всем необходимым со стороны обширной земледельческой округи⁶⁶.

Впоследствии этот исследователь несколько изменил свою точку зрения. Отметив факты довольно часто го нахождения в субструкциях храмов и под ними пышных (вероятно, царских) гробниц, он предположил, что «центры древних майя в значительной мере могли быть некрополями для правителя и знати и местом пребывания администрации»⁶⁷.

На протяжении многих лет настойчиво проводит идею об отсутствии у древних майя настоящих городов и Г. Уилли (США). Ссылаясь на сравнительно редкий и «рассеянный» характер застройки классических центров майя в Центральной области, он считает их только ритуальными по назначению. «Это, — подчеркивает Г. Уилли, — комплекс из храмов, дворцов и общественных зданий, окруженный на известном расстоянии широко разбросанными домовладениями и деревушками, протянувшимися на многие километры. Наверняка подобный характер поселения связан с земледельческим образом жизни общества, состоявшего главным образом из земледельцев, которые жили сравнительно близко от своих полей»⁶⁸.

Тем не менее Г. Уилли признавал первоначально наличие цивилизации у майя классического периода, хотя и называл ее, по египетскому образцу, «цивилизацией без городов»⁶⁹.

Справедливо отмечая несколько меньшую степень развития внешних признаков урбанизма у майя I тысячелетия н. э. по сравнению с Теоти-

хуаканом и Теночтитланом в долине Мехико, этот автор считает, что настоящий город появился на территории майя (Юкатан) только в постклассическое время, возможно, не без влияния со стороны тольтекских завоевателей⁷⁰.

Однако под влиянием последних археологических открытий в Тикале (Северная Гватемала) Г. Уилли выдвинул предположение о том, что в конце I тысячелетия н. э. в обществе майя происходили важные изменения и одно из них состояло в появлении *тенденции* к урбанизму. В качестве доказательства этого тезиса Г. Уилли ссылается на то, что средняя плотность застройки в Тикале составляет 275 построек на 1 кв. км (включая храмы и дворцы) — в 2 раза выше, чем в небольшом селении Бартон Рамье (Белиз), но почти в 2 раза меньше, чем в явно городском центре кануна конкисты — Майяпане (Юкатан)⁷¹.

За последние годы взгляды Г. Уилли на природу классических поселений майя несколько изменились. Развивая свой же тезис об отсутствии у майя черт подлинного урбанизма в I тысячелетии н. э., он пришел, по логике вещей, к заключению, что там не было и цивилизации, а наблюдается лишь «процесс перехода» (курсив мой. — В. Г.) от военной демократии (chiefdom stage) к государственности⁷².

Одним из главных представителей так называемого «экономического» (или «аграрного») подхода к проблеме мезоамериканского города является У. Сандерс (США). Исходя из совершенно правильной посылки, что экономической основой всех доколумбовых цивилизаций Мезоамерики служило земледелие, У. Сан-

дерс выделяет две основные системы мезоамериканского земледелия, хорошо сопоставимые с природно-географическими делениями.

1) Тропические равнинные районы с подсечно-огневым земледелием, преобладавшим в Мезоамерике. «Особенности этой системы вели к сравнительно низкой плотности населения на единицу площади, и, поскольку по всей Мезоамерике транспорт и системы сообщения оставались крайне примитивными, развитие рынков и милитаризма в низменных тропических районах также носило ограниченный характер. Большие государства и империи, а также настоящие города здесь так и не появились. Напротив, поселения были представлены в этих районах, с одной стороны, ритуальными центрами или местом обитания элиты, а с другой — разбросанными сельскими деревушками, где жила основная масса населения».

2) Засушливые горные районы с интенсивным ирригационным земледелием, напротив, обеспечивали довольно густое население. Соответственно здесь получили значительное развитие рынки и местная ремесленная специализация, более сложная социальная стратификация и т. д., в итоге чего и возникли настоящие города⁷³.

Поскольку У. Сандерс — признанный специалист по проблемам древнего урбанизма в Центральной Мексике (Теотихуакан и др.), он исходит в своих оценках майяских классических центров из сопоставления их с синхронными центральноамериканскими памятниками. «Что касается Тикаля, — подчеркивает этот исследователь, — то мое главное возражение по поводу приложения тер-

мина «город» к такому центру — это низкая плотность населения, которая, как я полагаю, связана, в свою очередь, с меньшей степенью социально-экономической дифференциации этого центра, чем принято приписывать городу»⁷⁴.

Мы видим, таким образом, что наиболее детально разработана проблема майяского города в работах Г. Уилли и У. Сандерса. Оба исследователя рассматривают данную проблему в тесной связи с окружающей природной средой и системой хозяйства древних майя. Ссылаясь на то, что экономика майя основывалась на низкопродуктивном подсечно-огневом земледелии, и на отсутствие в классический период развитого транспорта и путей сообщения между центрами и земледельческой округой, Г. Уилли и У. Сандерс заключают, что в низменных районах майя не могло быть настоящих городов с большим населением, поскольку их содержание было просто не под силу окружающим земледельцам⁷⁵. У майя существовали лишь полупустые «ритуальные центры», где постоянно жили только жрецы, их слуги и небольшие группы ремесленников, обслуживающих нужды религиозного центра. Окрестные земледельцы снабжали их всем необходимым и принимали участие в строительстве храмов и монументов⁷⁶.

Однако сейчас эти концепции встречают все более решительные возражения со стороны значительной группы ученых-майянистов. Последние справедливо указывают на то, что для всестороннего решения проблемы характера поселений майя в I тысячелетии н. э. необходимо рассказывать и изучать не только центральные участки с храмами и двор-

цами, но и периферийные жилые районы. Особенно важное значение в этом плане имели недавние полевые работы в двух классических центрах майя — Цибильчальтуне (Юкатан) и Тикале (Петен). Благодаря им удалось доказать, что крупные майяские поселения служили не только местом концентрации ритуальных и политико-административных зданий, но и имели значительное количество постоянных жителей. «Прежние концепции о том, что ритуальные центры майя, — пишет Дж. Эндрюс, — были по существу местом сборищ для разбросанного сельского населения и что урбанизация не была свойственна культуре майя вплоть до постклассического времени, должны быть серьезно пересмотрены»⁷⁷.

К такому же выводу, на материале жилых построек Тикаля, пришел У. Хевиленд⁷⁸.

Называет Тикаль подлинно городским центром и М. Уивер (США)⁷⁹.

Аргентинский урбанист Хорхе Ардой, не считая прямо классические центры майя городами, признает за ними такие чисто городские функции, как политико-административная, культовая, торговая⁸⁰.

Дж. Эндрюс подчеркивает, что торговая функция была одной из важнейших сторон деятельности в населенных пунктах местных индейцев⁸¹. Этот тезис получил еще большее развитие в трудах другого американского археолога — У. Раджи. По его мнению, майяский город появился прежде всего в результате интенсивной торговой деятельности, организованной могущественной правящей элитой, дабы возместить отсутствие многих жизненно необходимых природных ресурсов в зоне наибольшей

концентрации древнейших городских поселений майя, т. е. в Петене⁸². Признает наличие подлинно городских поселений на территории майя в классическое время и ряд других исследователей⁸³.

Р. В. Кинжалов критически оценивает господствующие в зарубежной американистике концепции относительно природы майяских городов. «...Большинство зарубежных исследователей, — подчеркивает он, — утверждает, что города являлись культовыми центрами, где обитали только жрецы. А правители, знать и рядовые земледельцы жили в легких деревянных постройках вдали и стекались в эти центры лишь в дни больших религиозных церемоний. Несколько иная точка зрения у... М. Д. Ко, считающего все древние города гигантскими архитектурными комплексами, предназначенными для заупокойного культа правителей. В этих огромных некрополях, как он полагает, никто не жил. Нет сомнений, что обе гипотезы страдают известными преувеличениями. Бесспорно, что в любом центре были и заупокойные храмы правителей и священные участки, где совершались другие ритуалы. Однако это не исключает существования рядом с ними жилых построек в едином комплексе»⁸⁴.

В работах Ю. В. Кнорозова нет специальных разделов, посвященных древнемайяскому городу, однако из общего их контекста можно понять, что он признает наличие городов-государств в низменных лесных областях майя с первых веков н. э.⁸⁵

Несколько лет назад автор настоящего исследования, анализируя характер древнемайяского города, выразил вслед за Г. Чайлдом, У. Сандерсом и У. Майер-Оаксом убеждение

в том, что урбанизованные центры майя классического периода отличались от любого селения тем, что большинство их населения не было связано с производством пищи⁸⁶. Как можно увидеть из дальнейшего изложения, эта концепция оказалась ошибочной. Интересную характеристику индейского города доколумбовой эпохи дали недавно В. А. Башилов и С. Я. Серов. Они отметили, что в инкскую эпоху для перуанских индейцев характерна «подчиненность сельских общин городу, который был политическим и ритуальным центром округа; при этом мелкие, зависимые поселения выглядели как бы уменьшенными его копиями: такие же храмы, административные здания (но местного значения), одинаковая планировка; жители города (центра) также в большинстве своем были земледельцами...»⁸⁷

На мой взгляд, утверждение зарубежных майянистов о том, что в I тысячелетии н. э. на Юкатане и в

Петене не существовало «подлинных городов», а были лишь малолюдные «ритуальные центры», носит ошибочный характер. Оно во многом происходит из прошлых методических и теоретических просчетов западной археологии: до сих пор на территории майя изучались преимущественно храмовые и дворцовые здания, а многочисленные остатки жилищ основной массы населения практически всецело игнорировались. Многие трудности связаны, безусловно, и с тем, что до сих пор отсутствует четкое определение самого понятия «город» в применении к древним майя.

Поскольку дискуссия о природе древнемайяского города вращается вокруг нескольких основных проблем — определение и типология города, продуктивность хозяйства местных индейцев, численность и плотность постоянного городского населения и т. д., то в соответствии с этим построено и все дальнейшее изложение в данной работе.

¹ Дьяконов И. М., 1973, с. 30.

² Пиотровский Б. Б., 1970, с. 17.

³ Sjöberg G., 1965a, p. 26.

⁴ Гуляев В. И., 1968.

⁵ Childe V. G., 1950, p. 9, 15.

⁶ Нукифоров В. Н., 1975, с. 249.

⁷ Кинжалов Р. В., 1971, с. 6—7.

⁸ Гуляев В. И., 1969, с. 86—88.

⁹ Thompson J. E., 1954, p. 20.

¹⁰ Coe M. D., 1966, p. 26, 27.

¹¹ Ibidem.

¹² Culbert T. P., 1974, p. 3, 4.

¹³ Ibid., p. 6.

¹⁴ Culbert T. P. (ed.), 1973, p. 11.

¹⁵ Culbert T. P., 1974, p. 10.

¹⁶ Дьяконов И. М., 1973, с. 31, 32.

¹⁷ Culbert T. P., 1974, p. 74.

¹⁸ Marcus J., 1976; Berlin H., 1961, p. 14—20.

¹⁹ Массон В. М., 1976, с. 2.

²⁰ Wittfogel K., 1972, p. 59—80.

²¹ Кинжалов Р. В., 1971, с. 4.

²² Там же, с. 6, 7.

²³ Божс-Гарнье Ж. и Шабо Ж., 1967, с. 36.

²⁴ Хорев Б. С., 1975, с. 39.

²⁵ Sjöberg G., 1965, p. 56.

²⁶ Вебер М., 1923, с. 7.

²⁷ Mayer-Oakes W. I., 1968, p. 36.

²⁸ Childe V. G., 1950, p. 9.

²⁹ Ibid., p. 11.

³⁰ Ibid., p. 12.

³¹ Ibid., p. 12—16.

³² Hammond M., 1972, p. 7—9.

³³ Sanders W. T., 1968, p. 95.

³⁴ Price B. I., 1972, p. 257.

³⁵ Kraeling C. H. and McAdams R. (eds.), 1960.

³⁶ Trigger B., 1972, p. 577.

³⁷ Grove D., 1972, p. 560.

³⁸ Trigger B., 1972, p. 577.

³⁹ Массон В. М., 1966, с. 164.

⁴⁰ Массон В. М., 1967, с. 187.

⁴¹ Массон В. М., 1977, с. 6.

⁴² БСЭ, т. 7, 3-е изд., 1972, с. 114.

- ⁴³ Башилов В. А. и Серов С. Я., 1975, с. 186.
- ⁴⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 46, ч. I, с. 466.
- ⁴⁵ Там же, с. 465.
- ⁴⁶ Там же, с. 470.
- ⁴⁷ Дьяконов И. М., 1973, с. 31.
- ⁴⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 46, ч. I, с. 464.
- ⁴⁹ Там же, с. 470.
- ⁵⁰ Kraeling C. H. and McAdams R. (eds.), 1960, p. 234—238.
- ⁵¹ СИЭ, т. 4, 1963, с. 545.
- ⁵² СИЭ, т. 4, 1963, с. 546.
- ⁵³ Массон В. М., 1974, с. 7.
- ⁵⁴ Childe V. G., 1950, p. 11—16.
- ⁵⁵ Willey G. R., 1962, p. 96.
- ⁵⁶ Вебер М., 1923, с. 12.
- ⁵⁷ Kraeling C. H. and McAdams R. (eds.), 1960.
- ⁵⁸ Массон В. М., 1974, с. 7, 8.
- ⁵⁹ Kraeling C. H. and McAdams R. (eds.), 1960, p. 234.
- ⁶⁰ Morley S. G., 1947, p. 312.
- ⁶¹ Shook E. M. and Proskouriakoff T., 1956, p. 93—100.
- ⁶² Thompson I. E., 1954, p. 57.
- ⁶³ Vogt E., 1964, p. 307—319.
- ⁶⁴ Morley S. G., 1956, p. 261.
- ⁶⁵ Culbert T. P., 1974, p. 60.
- ⁶⁶ Coe M. D., 1961, p. 76.
- ⁶⁷ Coe M. D., 1971, p. 294.
- ⁶⁸ Willey G. R. and Bullard W. R., 1965, p. 376.
- ⁶⁹ Ibidem.
- ⁷⁰ Ibid., p. 377.
- ⁷¹ Willey G., Bullard W., Glass I., Gifford I., 1965, p. 580, 581.
- ⁷² Willey G. R., 1974a, p. 141.
- ⁷³ Sanders W. T. and Price B. I., 1968, p. 10.
- ⁷⁴ Sanders W. T., 1973, p. 354.
- ⁷⁵ Willey G. R., 1962, p. 21.
- ⁷⁶ Sanders W. T., 1963, p. 237.
- ⁷⁷ Andrews G. F., 1975, p. 17.
- ⁷⁸ Haviland W. A., 1970, p. 193.
- ⁷⁹ Weaver M. P., 1972, p. 154.
- ⁸⁰ Hardoy J., 1973, p. 248.
- ⁸¹ Andrews G. F., 1975, p. 34.
- ⁸² Rathje W. L., 1974, p. 82—92.
- ⁸³ Hammond M., 1972, p. 90.
- ⁸⁴ Кинжалов Р. В., 1968, с. 38.
- ⁸⁵ Кнорозов Ю. В., 1975, с. 230.
- ⁸⁶ Гуляев В. И., 1972, с. 178—180.
- ⁸⁷ Башилов В. А. и Серов С. Я., 1975, с. 186.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Мне представляется, что в данном случае традиционная форма изложения историографии — в виде длинного перечня основной литературы по проблеме и критического разбора концепций своих предшественников — не совсем уместна, поскольку работа основана главным образом на публикациях и лучше излагать точки зрения других авторов по конкретным вопросам в соответствующих частях монографии. В противном случае, этот раздел вырастает до непомерно больших размеров.

Поэтому ниже речь пойдет только об истории археологического изучения древних памятников майя; приведен здесь и краткий обзор источников, использованных в работе.

История археологического изучения городов майя.

Первым цивилизованным народом Америки, с которым столкнулись испанцы в ходе завоевания земель западного полушария, были майя. В 1517 г. на каменистом берегу мыса Катош (полуостров Юкатан) произошла первая проба сил двух враждующих миров, отделенных друг от друга не только необозримыми просторами океана, но и целыми эпохами исторического развития. Закованные в стальные доспехи конкистадоры во всеоружии европейской военной техники и тактики тех лет сошлись в решающей схватке с многочисленными армиями индейцев майя, вооруженных копьями и стрелами с каменными наконечниками.

Исход этой неравной борьбы был предreshен самой историей. Но майя в течение многих лет яростно отстаивали свою независимость от посягательств чужеземных завоевателей. Даже в 1540 г., т. е. 20 лет спустя после гибели могущественного государства ацтеков, большая часть Юкатана все еще находилась в руках индейцев.

Когда первый европеец ступил на мексиканскую землю, ацтекское царство находилось в зените своего могущества, в то время как полтора десятка карликовых государств майя переживали явный упадок: непрерывные междоусобные войны, неурожаи, эпидемии опустошали некогда цветущие провинции Юкатана. Стоит ли после этого удивляться, что испанские хронисты основное свое внимание уделили не майя, а ацтекам. Разрозненные свидетельства самих конкистадоров (Кортес, Берналь Диас, Алонсо Давила и др.), фундаментальный труд епископа Диего де Ланды (1566 г.) и отдельные сообщения более поздних авторов — вот практически все, чем мы располагаем для изучения истории древних майя. Да и эти немногочисленные свидетельства очевидцев касаются лишь наиболее поздних этапов развития местной культуры. Города классического периода (I тысячелетие н. э.) превратились в руины и были поглощены джунглями задолго до прихода кон-

кистадоров. К XVI в. о них забыли даже ближайшие потомки людей, некогда живших там, не говоря уже об испанцах. А затем по земле майя прокатился всеокрушающий вал конкисты со всеми ее насилиями и ужасами. Именно это завоевание, равно как и фанатичная испанская инквизиция, почти полностью уничтожили тысячелетние традиции высокой индейской культуры, последний этап развития которой могли видеть на Юкатане еще участники экспедиций Кордовы (1517 г.), Грихальвы (1518 г.), Кортеса (1519 г.) и Монтехо (1527 г.).

Конкистадоры наблюдали и донесли до нас в своих восторженных описаниях впечатляющую картину многолюдных каменных городов юкатанских майя — Чампотона, Кампече, Потончана, Четумалья, Сама и т. д. Но в какой мере можно полагаться на их свидетельства? Ведь все величие самобытной индейской цивилизации было вскоре сметено и уничтожено руками тех же самых людей. Ни о каких научных исследованиях далекого прошлого майя в тот период говорить не приходится. Завоевателей и духовенство, занятых грабежом колоссальных богатств вновь открытого материка, вряд ли могли увлечь поиски памятников древних языческих культур. Не удивительно, что уже через 100—200 лет после конкисты сам факт существования в древности высокоразвитой цивилизации на территории майя был полностью забыт.

Отдельные случайные открытия вроде описания древнего города Копана (Гондурас) испанским чиновником Диего Гарсиа Паласио (1576 г.)¹ или экспедиция капитана Антонио дель Рио к руинам городища Паленке

(Чиapas, Мексика) в XVIII в.² мало что меняли в картине полного забвения некогда блестящей цивилизации.

В 1839 г. в глубину тропических лесов Центральной Америки отправился американский путешественник и дипломат Джон Ллойд Стефенс. Преодолев на своем пути многочисленные трудности, он заново открыл и описал не только уже упоминавшиеся прежде Копан и Паленке, но и ряд других древнемайяских городищ: Ушмаль, Чичен-Ица и т. д. Позднее он изложил результаты своих путешествий в увлекательной и яркой книге, а документально точные рисунки английского художника Ф. Казервуда — постоянного спутника Стефенса во всех его странствиях — придали ей дополнительную достоверность³. Учитывая тот огромный резонанс, который вызвала в Европе и США книга Стефенса, можно с полным основанием говорить о том, что именно он положил начало подлинно научному изучению майяских памятников.

Во второй половине XIX — начале XX в. низменные лесные области майя, безлюдные и труднопроходимые, систематически посещались различными путешественниками и исследователями из многих стран Европы и Америки. Особенно большое значение имели результаты работ экспедиций англичанина А. П. Моудсли и австрийца (который с 1867 г. жил в Мексике и работал на деньги, полученные от ряда научных учреждений США) Т. Малера. Первый из них, побывав на таких крупных городищах майя классического периода, как Копан, Киригуа, Тикаль, Паленке и другие, составил довольно точные планы их центральных участков, зарисовал и сфотографировал основные архитектурные сооружения, ка-

менные скульптуры и эпиграфику⁴. Второй — обнаружил и исследовал свыше 30 новых городищ, включая такие важные, как Пьедрас Неграс, Наранхо, Алтар де Сакрифисьюс и др.⁵

Вслед за открытием древних городищ майя начались их археологические раскопки. Большинство всех полевых работ на территории майя, как прежде, так и сейчас, ведут археологи США. Начиная с конца XIX в. большинство всех археологических экспедиций приходится на четыре научных учреждения США: Музей Пибоди при Гарвардском университете, Институт Карнеги в Вашингтоне, Институт Центральноамериканских исследований при Тулзйском университете (Нью-Орлеан) и Университетский музей в Филадельфии.

В результате осуществления многолетних археологических работ к концу 30-х годов был частично раскопан и исследован ряд городищ майя классического периода: Копан, Киригуа, Вашактун, Пьедрас Неграс. Специалисты получили в свои руки обширный материал, освещающий различные аспекты древнемаяйской цивилизации.

Однако все эти работы носили крайне односторонний характер, так как были направлены исключительно на изучение эпиграфики, скульптуры и монументальной архитектуры в центральных зонах городищ. Многие ведущие исследователи того времени занимались только сбором и анализом календарных надписей, высеченных на рельефах, стелах и алтарях, встречающихся внутри или около дворцово-храмовых комплексов. Наиболее типичной в этой связи представляется мне фигура известного археолога из США Сильвануса Грисвольда Мор-

ли. Еще в начале века, тщательно собрав и изучив всю доступную эпиграфическую информацию о районе Копана (Гондурас), он выпустил фундаментальную монографию «Надписи Копана»⁶, в которой стремился на основе резных каменных stel с календарными датами воссоздать историю этого крупнейшего центра культуры майя на юго-востоке Центральной области. Еще более впечатляющим выглядит другая, многотомная работа того же автора — «Надписи Петена»⁷. С. Г. Морли, проявив незаурядную энергию и выносливость, объездил верхом на мулах десятки неизвестных и малоизвестных тогда майяских памятников, надежно спрятанных в лесных массивах Северной Гватемалы. В монографии дается краткая характеристика нескольких десятков больших и малых городищ (в основном только их центральных участков) и подробное описание всех резных монументов, имеющих календарные надписи. Значение этого труда полностью сохранилось и в наши дни — перед нами своего рода «Корпус майяской эпиграфики». Но в своем непомерном увлечении календарем майя исследователь допустил явные крайности. Так, например, с подавляющего большинства резных каменистых stel С. Морли копировал и впоследствии издавал только календарные тексты, а изображения и некалендарные надписи, как правило, оставлял без внимания. Можно себе представить, насколько возросло бы значение его монографии в наши дни, когда значительная часть описанных им монументов и скульптур уже безвозвратно утрачена, будь в ней представлены все надписи и изображения.

Таким образом, несмотря на пе-

сколько десятилетий интенсивных раскопок майяских городищ, общие представления о характере древних поселений оставались крайне ограниченными. Исследованию подвергались преимущественно храмовые каменные постройки, а жилища рядовых горожан (*house mounds*) оставались почти в полном забвении. Отдельные спорадические случаи раскопок таких жилищ приведены У. Хевилендом⁸.

В конце 20-х — 30-е годы экспедиция Института Карнеги осуществила широкие археологические работы в Вашактуне, на севере Гватемалы (Петен). И это, по сути дела, был первый случай, когда исследователи (О. Рикетсон и О. Л. Смит) продемонстрировали интерес к анализу древнемайяского поселения в целом, к его структуре и планировке. Была составлена карта центрального района городища, куда попали не только крупные ритуально-административные здания, но и рядовые жилища⁹. Пять таких жилищ подвергались детальному изучению, в результате чего появилась на свет первая достоверная публикация о характере домостроительства основной массы населения древнемайяского города¹⁰.

По внешнему виду эти жилища представляли собой небольшие овальные холмики, более или менее видимые на поверхности земли. Внутри при раскопках были обнаружены опорные прямоугольные платформы-субструкции в виде каменных стен с забутовкой внутреннего пространства землей, глиной и щебнем. Платформы барьеровали по величине от 6 до 21 м в длину, от 4 до 9 м в ширину и от 1 до 3 м в высоту. Только на одной из них удалось обнаружить остатки каменной постройки. Остальные, по-видимому, когда-то служили основани-

ями для легких, быстро разрушавшихся зданий из дерева и листьев, весьма похожих внешне на хижины современных индейцев-мая¹¹.

Исследователи Вашактуна впервые разработали оригинальный метод для приблизительного определения численности древнего населения. Суть его состоит в том, что все небольшие оплывшие холмики, выявленные на территории городища, априори считаются руинами жилых домов. Каждый такой холм — остатки одного дома, где проживала одна малая семья, состоявшая у маяя, судя по этнографическим параллелям, в среднем из 5—6 человек. Следовательно, для окончательных расчетов необходимо знать лишь общее количество холмиков (жилищ) на данном памятнике. Правда, дело это — отнюдь не легкое: руины древних поселений маяя покрыты густыми зарослями вечнозеленых джунглей, сквозь плотную завесу которых трудно что-либо рассмотреть. Для решения этой сложной задачи О. Г. Рикетсон использовал систему «просек» — в виде двух пересекающихся под прямым углом осей, центр которых находился на главной площади Вашактуна. Каждая «просека» имела 1600 м в длину и 365 м в ширину. Все видимые на поверхности постройки в пределах «просек» тщательно фиксировались на карте. В результате этого эксперимента, на площади 953 040 кв. м (или около 1 кв. км) удалось выявить 78 малых холмов, т. е. 78 предполагаемых жилых зданий. Но здесь возник вопрос: сколько из названных жилищ сосуществовало в каждый данный отрезок времени? О. Г. Рикетсон (без раскопок и шурфовки, чисто умозрительно) решил, что одновременно здесь функционировало

не более 25% всех найденных им жилищ. Умножив полученную цифру на 5 (средний размер малой семьи у современных индейцев-мая), он получил для Вашактуна I тысячелетия н. э. плотность населения около 97 человек на 1 кв. км обитаемой земли (исключая овраги и болота¹², составлявшие до 43% всей площади городища). Эта цифра — 0,97 человека на 1 га — бесспорно очень мала и не может считаться характерной для города, на что справедливо указывают многие противники наличия городов у древних майя (У. Сандерс и др.). Однако повторные исследования южной «просеки» О. Г. Рикетсона в 70-х годах показали, что на его карте пропущено свыше 60% всех видимых там построек, а это значительно меняет всю картину¹³.

Не имея точных представлений о границах Вашактуна, О. Г. Рикетсон совершенно произвольно предложил считать, что город с сельскохозяйственной округой занимал в среднем территорию, отстоящую на 10 миль (16 км) от центра, и имел население приблизительно в 50 000 человек¹⁴.

Таким образом, вплоть до 40-х годов XX в. археологи, работавшие на Американском континенте, почти не уделяли внимания общему анализу древних поселений, ограничившись исследованием отдельных, чаще всего центральных (ритуально-административных и общественных) зданий, которые давали наиболее эффектные материалы по эпиграфике, монументальной архитектуре, скульптуре и живописи древнего населения Нового Света.

Положение заметно изменилось лишь в послевоенный период. В 1946 г. Г. Уилли, под влиянием идей американского этнографа Дж. Стюарда,

осуществил свой известный проект по изучению древних поселений в долине Виру, на северном побережье Перу. Впервые в практике американской археологии памятники целого замкнутого района подверглись сплошному исследованию. Для всей территории долины были составлены подробные карты, для чего широко использовалась аэрофотосъемка. Хронологические рамки существования памятников определялись как путем их раскопок, так и на основании зондажей и анализа подъемного материала (керамика). В результате своих исследований Г. Уилли установил изменения в характере и распространении поселений в небольшой перуанской долине на протяжении около 1,5 тыс. лет (от рубежа н. э. до конкисты) и «увязал» эти изменения с социально-экономическими процессами и историческими событиями¹⁵.

Именно тогда и родились основные концепции так называемой поселенческой археологии (*settlement pattern's archaeology*), которая занимает сейчас столь важное место в работах археологов Нового Света. Суть этих взглядов состоит в признании огромной роли древних поселений для изучения социально-экономических институтов оставившего их общества. «Поселения, — подчеркивает Г. Уилли, — представляют собой более прямое отражение социальной и экономической деятельности древнего человека, чем большинство других аспектов культуры, доступных археологу»¹⁶. Методически этот новый подход к анализу древних поселений выражается в следующем:

а) в исследовании отдельных построек в пределах данного поселения с тем, чтобы понять их функциональ-

ное назначение и выяснить время бытования;

- б) в изучении пространственного размещения этих построек на территории поселения, их взаимосвязи между собой и с другими сооружениями (очагами, ямами-хранилищами, колодцами, свалками и т. д.);
- в) в установлении взаимосвязей синхронных поселений в пределах определенного географического района¹⁷.

Монография Г. Уилли «Проект долины Виру» оказала заметное влияние на все последующие работы американских археологов в зонах высоких цивилизаций Нового Света. Проблемы общего характера древних поселений (включая и города), их взаимосвязь между собой, социологическая интерпретация отдельных построек и целых памятников получили теперь практическую разработку в исследованиях ряда крупных археологических экспедиций¹⁸. Особенно заметно продвинулось за эти годы изучение древнемаяйских поселений.

В 50-е годы широкие исследования классических памятников майя в долине р. Болиз (Белиз) были осуществлены экспедицией Музея Пибоди Гарвардского университета. Остатки древних поселений в долине приурочены обычно к аллювиальным (не заливаемым паводками) террасам и простираются вдоль речного русла примерно на 60 км. Здесь выявлено несколько крупных «ритуальных центров» — Бенке Вьехо, Кахаль Печ, Бейкинг Пот и другие, расположенных на расстоянии 10—15 км друг от друга, а также значительное число малых «ритуальных центров» и земледельческих селений. Одно из таких селений — Бартон Рамье — подверглось интенсивным раскоп-

кам. На площади в 2,5 кв. км здесь было выявлено 265 небольших холмов, т. е. предполагаемых остатков жилищ, что дает среднюю плотность до 106 домовых построек на 1 кв. км¹⁹.

В 1953 г. аналогичные по характеру исследования провел в районе Чонтальпа (штат Табаско, Мексика) археолог У. Сандерс (США)²⁰.

В начале 50-х годов археологическая экспедиция Института Карнеги осуществила интенсивное обследование городища Майяпан на полуострове Юкатан — постклассического центра XIII—XV вв. н. э., хорошо известного по письменным источникам кануна конкисты²¹. Эти работы явились своего рода «полигоном» для проверки многих теоретических и методических вопросов археологии, связанной с изучением древних поселений майя.

Много внимания было уделено способам идентификации различных типов построек, и прежде всего жилищ. Жилые дома Майяпана имели прямоугольную форму и стояли на низких каменных платформах. Эти двухкомнатные здания поразительно похожи на дома индейцев-майя, описанные в XVI в. Диего де Ландой. Кроме того, группа построек, сосредоточенных вокруг внутреннего двора и окруженных, как правило, низкой каменной оградой, очень напоминает домохозяйства современных юкатанских индейцев. Близ некоторых построек обнаружены бытовые отбросы с большим количеством золы, костей животных и обломков глиняной посуды. Изредка в зданиях отмечены очаги из трех камней. Под полами этих жилых комплексов обнаружено множество погребений.

Майяпанский проект представляет собой, кроме того, один из лучших

примеров удачного применения этнографических и исторических данных для интерпретации археологического материала.

То, что город был населен большим числом жителей, доказываются и письменными источниками, и археологическими данными. На карте Майяпана отмечено около 4000 различных видимых на поверхности построек. Они занимают площадь в 4,2 кв. км, обнесенную каменными стенами, что дает четкие внешние границы города. Не менее половины этих построек (с помощью раскопок, шурфов и сбора подъемного материала) определены как жилые. Значительная часть оставшихся 2000 зданий относится к подсобным и служебным постройкам, непосредственно связанным с жилищами (святые места, кухни, бани, кладовые и др.). Гражданские и ритуальные здания составляли не более 3,5% от общего числа построек.

Наиболее густо застроенная зона находилась вокруг ритуально-административного центра города, обнесенного еще одной, низкой каменной стеной. Самые пышные и крупные здания Майяпана были сконцентрированы близ центра, самые бедные хижины — близ окраин, подтверждая тем самым сообщения письменных источников XVI—XVII вв. о территориальном разделении различных общественных групп и сословий в пределах города. О. Л. Смит подсчитал, исходя из явно заниженного числа жилых построек (около 2000) и средней численности семьи индейцев-мая по этнографическим данным (5—6 человек), что в момент наивысшего расцвета Майяпана население его составляло примерно 10—12 тыс. человек²².

Планировка и внутренняя структу-

ра Майяпана демонстрируют значительное сходство с памятниками майя I тысячелетия н. э.: компактный ритуально-административный центр и окружающие его жилые кварталы, где нет улиц и магистралей, а все постройки сгруппированы по 2—4 вокруг прямоугольных дворов и площадок и часто обнесены общей низкой оградой из камня. Число жилых построек увеличивается по мере приближения к ритуально-административному центру.

В 1960 г. У. Р. Буллард провел обширные разведочные работы в Северо-Восточном Петене (Гватемала), между границей Белиза (бывший Британский Гондурас) на востоке и окрестностями двух известных городищ древних майя (Тикаль и Вашактун) на западе. Это — холмистая, густо поросшая влажным тропическим лесом равнина, почти без рек, ручьев и озер. Тем не менее, судя по числу руин, в I тысячелетии н. э. здесь существовало густое оседлое население, причем отмечены не только крупные ритуальные центры типа Йашха, Хольмуль, Наранхо и Накум, но и множество деревушек и селений, разбросанных на сухих, высоких участках земли, вблизи естественных водоемов («агуадас») и влажных болотистых низин («бахос»)²³.

Интересные данные принесли раскопки еще одного юкатанского городища — Цибильчальтун. Город существовал с I тысячелетия до н. э. до испанского завоевания, переживая на протяжении этих долгих веков периоды расцвета и упадка. Он состоит из ритуально-административного центра и окружающих его районов жилой застройки. У. Эндрюс, возглавлявший раскопки в Цибильчальтуне, утверждает, что этот памятник в поздне-

классическое время имел площадь до 50 кв. км и необычайно большую концентрацию построек: до 1000 зданий на 1 кв. км.

Это утверждение основано на том, что около половины жилых построек, по-видимому, не имело опорных каменных платформ и, следовательно, не оставило на поверхности никаких осязаемых следов. Жилища обычно концентрируются в большие компактные группы, каждая из которых содержит также каменные здания общественного назначения, связанные иногда дорогами-дамбами (майяск.—сакбе) с ритуально-административным центром²⁴.

Учитывая общее количество домов в Цибильчалтуне (до 50 000), У. Эндриус предполагает, что население города могло достигать до 100 000 человек²⁵.

Особо важную роль в исследовании характера древних поселений майя сыграли раскопки археологов из Музея Пенсильванского университета (США) на городище Тикаль (Петен, Гватемала) в 1956—1967 гг. Этот гигантский городской центр — видимо, крупнейший на всей территории низменных лесных областей майя в I тысячелетии н. э. — был подвергнут самому тщательному изучению. Прежде всего была составлена подробная карта центральной части Тикаля и прилегающих к ней участков общей площадью в 16 кв. км²⁶. Все видимые на поверхности постройки, находившиеся в этой зоне, оказались таким образом зафиксированными. Помимо работ в центральной части городища, много внимания было уделено и раскопкам малых холмов с остатками рядовых жилищ. Всего на площади в 16 кв. км удалось выявить до 3000 различных построек; только 10% из

них относились к крупным общественно-ритуальным зданиям. Из оставшихся 2700 небольших построек, которые по предположению служили домами, подверглись раскопкам свыше 100 в разных частях Тикаля. Большинство из них действительно оказалось жилищами²⁷.

Постройки расположены обычно вокруг небольших прямоугольных дворов группами по 2—5 зданий в каждой. В позднеклассическое время (600—900 гг. н. э.) архитектурные сооружения в Тикале варьируют от простых одноступенчатых платформ для легких хижин из дерева и листьев до небольших каменных зданий «дворцового типа», со ступенчатым сводом или без него. Последние, вероятно, служили местом обитания для более высоких социальных групп, нежели простые горожане.

В ходе раскопок выявилась и еще одна интересная деталь: отнюдь не все жилые постройки в Тикале имели в прошлом опорные каменные платформы. За 5 лет работ удалось обнаружить остатки 12 домов, не имевших на поверхности никаких видимых признаков и соответственно не попавших поэтому на карту города. В общей планировке Тикаля четко выделяются ритуально-административный центр, где находится большинство крупных каменных сооружений — дворцов, храмов, святилищ и т. д., резных стел и алтарей с рельефами и надписями, пышных гробниц и т. д., и жилые районы, беспорядочно разбросанные вокруг центра и иногда имевшие свои, второстепенные ритуально-административные центры.

Подсчет общего числа небольших построек, их раскопки и зондажи позволили американским археологам (У. Хевиленд, У. Ко и др.) сделать

вывод о том, что в позднеклассический период в Тикале (на площади 16 кв. км) проживало постоянное население около 10—11 тыс. человек²⁸.

В 60-е годы интенсивные раскопки и исследования велись археологами США еще на ряде крупных городищ древних майя: в Алтар де Сакрифисос²⁹ и Сейбале³⁰ — в долине р. Усумасинты (Северная Гватемала), а также в южных районах Юкатана.

Весьма плодотворные результаты принесла и археологическая разведка английского исследователя Яна Грэхема на севере Гватемалы (Петен), когда были открыты и научно описаны новые интересные городища I тысячелетия н. э. — Агуатека, Киналь, Мирадор, Накбе, Мачакила и др.³¹

Таким образом, благодаря полевым работам идет непрерывное накопление нового археологического материала по различным аспектам древнемайяской культуры, открываются новые поселения и города, углубляются прежние представления о социально-экономической структуре майяского общества. В настоящее время в мезоамериканской археологии наблюдается растущий интерес к изучению общих проблем древних поселений майя, в том числе и городов. Это выражается как в методических, так и в теоретических поисках³².

Однако при более внимательном знакомстве с литературой выясняется, что эти новые тенденции далеко не всегда находят свое практическое выражение в повседневной деятельности исследователей. Поэтому абсолютно прав У. Хевиленд, писавший в одной из своих работ, что «в мезоамериканской археологии сейчас опубликовано достаточно много теоретических высказываний, но слишком мало

делается для того, чтобы проверить эти теоретические положения на практике»³³.

КРАТКИЙ ОБЗОР ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Источники, использованные при написании данной работы, многочисленны и разнообразны. В целом их можно разделить на три группы: *письменные* (индейские и испанские документы, тексты и хроники), *этнографические* и *археологические*. Последние составляют по объему наиболее значительную группу материалов и, кроме того, имеют тенденцию к постоянному численному увеличению по мере расширения раскопок новых памятников культуры майя.

Подробная библиография и характеристика всех видов источников о древних майя содержится в обстоятельной монографии Р. В. Кинжалова³⁴ и в ряде работ Ю. В. Кнорозова³⁵, что позволяет мне лишь в самой краткой форме рассмотреть основные труды и публикации, непосредственно касающиеся проблем древнемайяского города.

Археологические источники

В настоящее время территория культуры майя — наиболее изученная в археологическом отношении область Мезоамерики: и по числу раскопанных памятников, и по общему размаху работ (многолетние работы на городищах Вашактун, Тикаль, Паленке, Чичен-Ица, Майяпан, Цибильчальтун, Копан и др.), и особенно по методическому уровню исследований (комплексный характер экспедиций, постановка общеисторических проб-

лем на археологических источниках — Тикаль и др.), а также по количеству и качеству опубликованного материала.

К сожалению, несмотря на довольно значительное число исследованных городских поселений I тысячелетия н. э., наши представления о характере майяского раннего города остаются пока неполными и односторонними. Раскопки и исследования в таких городах ведутся, как правило, только в центральной их части — местонахождении дворцово-храмовых комплексов. Периферийные жилые районы с ремесленными мастерскими подвергаются изучению в редких случаях.

Какие же именно археологические источники можно использовать для реконструкции социально-экономической структуры раннеклассовых государств майя I тысячелетия н. э.? Интерпретация разных видов археологических находок — одна из сложнейших составных частей исследовательской работы. Археологи хорошо знают, как трудно подчас бывает «выжать» соответствующую *историческую* информацию из груды мертвого археологического материала. Это объясняется как известной ограниченностью информации, содержащейся в археологическом предмете (до нас доходят лишь остатки неорганических изделий и материалов, выдержавших разрушительное воздействие времени, — керамика, орудия из камня, фундаменты глинобитных и каменных домов и т. д.), так и ее *спецификой* (она отражает обычно лишь некоторые аспекты материальной и, значительно реже, духовной культуры исчезнувшего народа). Для того чтобы сделать какие-либо выводы исторического порядка, археологу приходится прибегать к сложным и

трудоемким процедурам, и часто без заметного успеха.

В данной работе широко использованы следующие виды археологических источников: планы древних городов; их монументальная архитектура (остатки каменных построек, прежде всего дворцов и храмов); каменные стелы и алтари с изображениями и надписями (часто и с датой по эре майя); мотивы искусства, связанные с личностью правителя (царя), — на рельефах, фресках и росписях керамики и т. д.; погребальный обряд (главным образом царский).

Как уже отмечалось выше, сколько-нибудь подробные планы *всей* площади городища составлены в Центральной области майя только для двух-трех памятников (Тикаль, Алтар де Сакрифисьос, Сейбаль). Хорошие планы центральных участков имеются еще для полутора десятков крупных городищ I тысячелетия н. э. При этом следует помнить, что указанные карты и планы всегда отражают лишь самый поздний период существования данного памятника и что на них зафиксированы лишь видимые на поверхности руины построек.

Общие монографические исследования майяского города доколумбовой эпохи и в советской, и в зарубежной историографии сейчас практически отсутствуют. Исключение составляет лишь монография Дж. Ф. Эндрюса «Города майя»³⁶. Собрав и обработав значительный археологический материал по древнемайяским городам, автор, однако, не дает четкого определения самого понятия «город» для памятников майя и не предлагает сколько-нибудь обоснованной типологии майяских поселений. Больше того, ограничившись описанием чисто внешних, материальных черт двух

десятков крупнейших майяских городищ (архитектура, планировка и т. д.), Дж. Ф. Эндрюс полностью отказался от рассмотрения социально-экономической структуры городов-государств майя I тысячелетия н. э.

Настоящая работа в какой-то мере является попыткой восполнить отсутствие обобщающих исследований по основным проблемам древнемайяского города. Главное внимание в ней уделено именно социально-экономическим аспектам цивилизации майя классического периода. Некоторые материалы и обобщения по данной проблеме можно найти в работах, посвященных культуре майя: труды Г. Спиндена³⁷, С. Морли³⁸, Эрика Томпсона³⁹, А. Руса Луилье⁴⁰, М. Ко⁴¹ и др. Однако все указанные работы были написаны несколько десятилетий назад. Из современных обобщающих публикаций по культуре древних майя можно отметить исследования Р. В. Кинжалова⁴² и Т. П. Калберта (США)⁴³.

Проблемы древнего города в Новом Свете в целом п майяского города в частности рассматриваются и в ряде других сводных работ и публикаций.

Отдельные аспекты интересующей нас темы затрагиваются в статьях и публикациях Г. Уилли⁴⁴, У. Булларда⁴⁵, У. Сандерса⁴⁶, У. Хевилена⁴⁷ и др.

Почти исчерпывающая библиография с краткой характеристикой всех основных проблем древнемайяской цивилизации содержится во 2, 3, 7, 13—15-м томах «Справочника по центральноамериканским индейцам»⁴⁸. Обширная библиография по юкатанским майя приводится в «Юкатанской энциклопедии»⁴⁹. Полезные и сравнительно новые библиографические сводки по древнемайя-

скому городу можно найти в уже упоминавшихся монографиях Х. Ардоа⁵⁰ и Дж. Ф. Эндрюса⁵¹. Общие проблемы доколумбовых городов Нового Света освещены в сборнике «Cities: their origin, growth, and human impact» (San Francisco, 1973), библиогр., с. 289—293.

Отдельного упоминания заслуживает и фундаментальная монография известного археолога-востоковеда из США — Роберта Мак-Адамса⁵². Используя в полном объеме сравнительно-исторический метод, он рассмотрел в своей работе древние городские цивилизации Месопотамии и Мезоамерики, как наиболее хорошо документированные примеры древнейших государств нашей планеты. Однако если для Месопотамии Р. Мак-Адамс исследовал города-государства раннединастического Шумера, то для Мезоамерики он ограничился только культурами Центральной Мексики постклассического времени (X—XVI вв. н. э.) — тольтекской и ацтекской. Бесспорно, что именно этот период истории в доколумбовой Мезоамерике лучше всего освещен в письменных источниках. Не вызывает особых возражений и выбор тольтеко-ацтекской цивилизации для сравнений с первыми очагами городской культуры в Старом Свете вообще. Но следует признать крайне неудачным сопоставление нолутора десятков мелких государств-«номов» Шумера с обширными территориально-политическими образованиями нанмезоамериканского охвата, каковыми и были экзанионистские и воинственные государства тольтеков и ацтеков. Мне представляется, что для шумерских городов-государств наиболее близкой моделью в доколумбовой Мезоамерике будут города-государства майя.

Не могут быть приняты и некоторые общеоисторические концепции Р. Мак-Адамса, и прежде всего тезис о господстве теократической формы правления в Месопотамии на первых этапах развития местной цивилизации⁵³. Вместе с тем появление монографии подобного рода нельзя не расценивать как новый крупный шаг в развитии исторической науки, как новое достижение в изучении раннеклассовых обществ.

Главным источником фактического материала при написании данной работы послужили археологические публикации, содержавшие сведения о раскопках и исследованиях 18 крупнейших городищ классического периода в Центральной области майя. Это преимущественно периодические издания трудов археологических экспедиций различных научных учреждений США.

Начиная с конца XIX в. эти учреждения осуществляли обширную программу исследований на территории майя, в результате чего были частично раскопаны крупные городища I тысячелетия н. э. — Вашактун, Копан, Киригуа и т. д. За последние десятилетия детальному изучению подверглись новые памятники — Тикаль, Актар де Сакрифисьюс, Сейбаль, Паленке, Тонина и др.

Результаты их работ уже в значительной мере опубликованы либо в специальных периодических изданиях, таких, как *Carnegie Institute of Washington Publication, Memoirs (Papers) of the Peabody Museum, Middle American Research Institute Publication* и т. д., либо в виде монографий, статей и обзоров в археологических журналах и ежегодниках: «*American Antiquity*», «*Expedition*», «*Archaeology*» (в США), «*Boletin del Instituto*

Nacional de Antropologia» и «*Anales del INAH*» (в Мексике) и «*Anthropologia e Historia de Guatemala*» (в Гватемале).

Письменные источники

Несмотря на то что в ходе исследований городищ классической эпохи в Центральной области майя было обнаружено множество иероглифических надписей, высеченных на камне, вырезанных по дереву или нанесенных краской на стены зданий и керамические сосуды, — мы пока должны констатировать почти полную неприменимость этого важного вида источников для освещения исторических событий I тысячелетия н. э. До сих пор удалось расшифровать и сопоставить с европейским летоисчислением только календарные тексты того времени. Некалендарные надписи полностью еще не прочитаны, хотя некоторые шаги сделаны и в данном направлении⁵⁴. Наличие значительного числа стандартных надписей на погребальной керамике из царских гробниц классического периода также открывает здесь самые блестящие возможности⁵⁵.

Что касается четырех уцелевших до наших дней иероглифических рукописей майя XII—XV вв. н. э., которые названы по именам европейских городов, где они сейчас находятся, Дрезденской, Парижской, Мадридской и Гролье, то они недавно были прочитаны и переведены на русский язык Ю. В. Кнорозовым⁵⁶. В научный оборот введен совершенно новый, полновесный, исторический источник, способный во многом восполнить и изменить наши пока еще скудные представления о характере общества индейцев-майя накануне испанского завоевания в XVI в.

Правда, источник этот по своему содержанию — весьма сложен и своеобразен. Все иероглифические рукописи являются жреческими требниками. «Они содержат подробный перечень обрядов, жертвоприношений и предсказаний, связанных со всеми отраслями хозяйства (земледелие, охота, рыбная ловля, пчеловодство) и касающихся всех слоев населения (жрецы, воины, купцы, ремесленники, земледельцы), кроме рабов. Соответствующие указания даны в виде краткого описания занятий богов. Эти сведения давали основание жрецу совершать обряды, требовать надлежащие жертвы, определять благоприятное время и предсказывать будущее (в основном, конечно, бедствия) всем, от правителей до новорожденных, используя исторические прецеденты и астрологические данные... В жреческих требниках дела богов (примеру которых должны были следовать соответствующие группы жителей) описаны в строгих календарных рамках, с точностью до одного дня»⁵⁷.

Таким образом, это первые подлинные письменные документы доиспанской эпохи, дошедшие до наших дней, прочитанные и переведенные на один из европейских языков. До сих пор мы располагали для характеристики общества майя X—XVI вв. н. э. на Юкатане только испанскими источниками, в которых многие стороны повседневной жизни индейцев либо искажались, будучи непонятными, либо вообще умалчивались. Индейские источники, наподобие известных книг «Чилам Балам»⁵⁸, написанных латинскими буквами, но на языке майя, хотя и включали в себя значительные пласты информации по доиспанской эпохе, были соз-

даны уже в колониальный период и не могли не нести на себе заметного влияния христианства и европейской культуры. Следовательно, майянистика вместе с прочтением этих четырех рукописей XII—XV вв. н. э. впервые получила аутентичные исторические документы для периода, на несколько столетий предшествовавшего приходу в Новый Свет испанских конкистадоров. В этих документах, созданных самими майя и для своих внутренних потребностей, объективно отражены многие стороны их повседневной жизни, экономики, социально-политической структуры и верований. Но особенно обильный и ценный материал дают рукописи для изучения религии древних майя.

К иероглифическим рукописям тесно примыкает группа текстов на языке майя, написанных после испанского завоевания, — книги «Чилам Балам», имеющие историческое, мифологическое, календарное и астрологическое содержание⁵⁹. Они написаны испанскими буквами и несут на себе известный отпечаток влияний со стороны европейской культуры и христианской религии. Однако значительные разделы их восходят, вероятно, к древним доиспанским текстам тина Дрезенской и других рукописей. «Книги Чилам Балам, — пишет Ю. В. Кнорозов, — представляют собой довольно хаотичную смесь текстов и отрывков различного содержания, стиля и происхождения. Некоторые тексты относятся к доиспанскому времени, но подверглись в той или иной мере переработке. Есть тексты, написанные уже в колониальное время, и тексты, переведенные с испанского языка... Исторические тексты, восходящие к доиспанскому

периоду, представлены в книгах Чилам Балам тремя хрониками (из Мани, Тисимины и Чумайеля), тремя текстами о событиях времен Хунак Кееля и текстом о странствиях племени ица. Хроники представляют собой перечень «двадцатилетий» (катунов) с краткими указаниями, какие исторические события происходили в то или иное «двадцатилетие»... Таким образом, хроники напоминают летописи...»⁶⁰

Довольно подробный анализ индейских исторических документов с территории Юкатана и Горной Гватемалы содержится в работах видных мексиканских ученых М. Леона-Портильи⁶¹ и А. Барреры-Васкеса⁶². Среди этих исторических свидетельств особо следует отметить юкатанскую «Хронику из Калькини»⁶³ и документы майя-чонталь из провинции Акалан-Тишчель⁶⁴, а также широко известные произведения гватемальских индейцев майя-киче «Пополь-Вух», «Анналы Какчикелей», «Родословная владык Тотоникапана» и др.⁶⁵ Все они содержат ценнейший исторический материал по экономике, культуре и социальным институтам различных групп майязычного населения накануне испанского завоевания.

Сведения о культуре и быте индейцев-майя незадолго до конкисты и в первые десятилетия после нее содержат многие испанские хроники и сообщения XVI—XVII вв. Наиболее ценной работой этого рода безусловно является рукопись францисканского священника Диего де Ланды «Сообщение о делах в Юкатане» — своего рода «энциклопедия по истории и этнографии юкатанских майя». К сожалению, этот труд дошел до нас в сокращенной и не вполне точной копии⁶⁶. Основным источником ин-

формации для Ланды служили собственные наблюдения и свидетельства потомков старой индейской знати: например, правителя Сотуты Начи-Кокома и др. Однако наибольшую помощь оказал ему придворный переводчик Гаспар Антонио Чи (1531—1610), происходивший из знатной династии Шивов, правивших в Мани. Полное издание работы Диего де Ланды в переводе на английский язык с пространными комментариями сделано А. М. Тоззером⁶⁷; русский перевод осуществил Ю. В. Кнорозов⁶⁸.

Гаспар Антонио Чи во многом способствовал появлению и еще одного важного исторического источника по юкатанским майя — «Relaciones de Yucatan»⁶⁹, представлявших собой опросник из 15 пунктов, направленный в 1580 г. королем Филиппом II испанским помещиком, обосновавшимся с XVI в. на Северном Юкатане. Все разделы опросника, связанные с доиспанским прошлым местных индейцев, конкистадоры писали на основе информации, полученной от Антонио Чи⁷⁰.

Ряд ценных сведений по истории майя содержится также в общих работах испанских хронистов Б. Лисаны⁷¹, Л. Когольюдо⁷², Санчеса де Агиляра⁷³, Алонсо Понсе⁷⁴, Лопеса Меделя⁷⁵, Антонио Эрреры⁷⁶, Г. Фернандеса де Овьедо и Вальдеса⁷⁷, Бартоломе де Лас Касаса⁷⁸, Андреса Авенданьо и Лойолы⁷⁹, Франсиско Фуэнтеса и Гусмана⁸⁰, Хуана Вильягутьерре Сото-Майора⁸¹, Франсиско де Элорса и Рады⁸² и многих других.

За исключением фундаментального труда Диего де Ланды, остальные испанские источники носят весьма ограниченный характер, освещая лишь

отдельные стороны социального устройства, экономики и религии древних майя. К тому же некоторые из этих хронистов в силу разных причин искажали истинную картину жизни майяского общества. Например, Гаспар Антонио Чи, давая испанским авторам обширные сведения по истории майя накануне конкисты, умышленно преувеличивал роль династии Шивов из Мани (выходцем из которой был он сам) и всячески принижал и чернил своих соперников из династии Кокомов (Сотута).

Для настоящего исследования особую ценность представляют различные демографические сведения европейских хронистов о майяских государствах кануна конкисты, а также внешнем виде и застройке юкатанских городов, системе землевладения, государственном устройстве, структуре семьи и т. д.⁸³ Наиболее достоверные данные по демографии индейского населения Юкатана в XVI в. содержатся в налоговых переписях (цензах) испанских чиновников⁸⁴. В целом письменные источники (испанские и индейские) позволяют в общих чертах воссоздать вполне достоверную картину жизни общества юкатанских майя на протяжении нескольких веков до прихода европейских завоевателей, что в свою очередь дает надежное орудие для исторической интерпретации более ранних, уже чисто археологических материалов I тысячелетия н. э.

Этнографические источники

Конечная цель археологии — реконструировать, насколько это возможно по сохранившимся остаткам материальной культуры, жизнь древних человеческих обществ в разных

регионах земного шара. Однако в силу ограниченной информативности археологических источников мы вынуждены, особенно при изучении социальной структуры древнего общества, обращаться к данным этнографии. Эта задача — поиски этнографических параллелей для археологической культуры — в одних случаях решается довольно легко, в других — с огромными трудностями. На территории майя сложнее всего найти этнографический эталон именно для памятников I тысячелетия н. э. Центральной области, где находился основной очаг классической майяской цивилизации. Это связано прежде всего с тем, что после гибели местных городских центров в IX в. н. э. территория низменных лесных областей майя пришла в запустение. Испанцы застали здесь в XVI—XVII вв. лишь отдельные немногочисленные группы майяязычных племен — государство ицев в районе озера Петен-Ица, воинственных лакандонов, чоль, кекчи и т. д. Редкие островки индейского населения зафиксированы там и современными этнографами. Поэтому возникает весьма сложная проблема: какая из современных этнографических групп майя ближе всего связана с блестящей цивилизацией I тысячелетия н. э.? Наиболее крупные и жизнеспособные группы индейцев-майя, во многом сохранившие еще традиционные формы культуры и социальной организации, живут в настоящее время в трех больших районах: полуостров Юкатан (Мексика) — майя-юкатеки; горный Чиapas (Мексика) — цодиль и чельталь; Горная Гватемала — киче́, какчикели, цутухпли, покомам, покончи, мам и чортй.

Из названных трех групп майя особое значение имеют для всякого рода интерпретаций археологических материалов I тысячелетия н. э. из Центральной области данные по этнографии Юкатана. Это связано с тем, что сообщения и хроника эпохи конкисты и раннего колониального периода, в которых содержится информация относительно общества майя накануне испанского завоевания, могут быть сопоставлены и увязаны с детально исследованными археологическими памятниками того же периода (Майяпан, Чичен-Ица). В итоге мы получаем сравнительно полную картину культуры юкатанских майя, по крайней мере начиная с XIII в. н. э. и до 40-х годов XVI в., т. е. до завершения конкисты. В тот период местные индейцы говорили на юкатекском диалекте майяского языка, который, судя по всем признакам, ближе всего стоит к языку, которым пользовались майя Центральной области в классический период⁸⁵. Это лингвистическое родство предполагает и наличие родства культурного. Следует заметить, что современное распространение майяских языков на географической карте таково, что есть все основания говорить об отсутствии сколько-нибудь крупных передвижений групп населения в течение последних полутора-двух тысячелетий⁸⁶. Кроме того, область современного распространения юкатанского диалекта охватывает большую часть территории, где существовали когда-то основные центры классической цивилизации майя.

Следовательно, несмотря на значительный временной разрыв (в несколько столетий) между населением классических городов Центральной области и юкатанскими майя, не-

смотря на тольтекское завоевание Юкатана в X—XII вв. н. э., принесшее с собой сильные центрально-мексиканские влияния на местную культуру, можно, хотя и с известной осторожностью, использовать этнографические материалы юкатанских майя для реконструкции социальной структуры майя классического времени, что и показал недавно на конкретных примерах У. А. Хевиленд⁸⁷.

В данной работе широко использованы результаты полевых этнографических исследований мексиканских и североамериканских ученых в индейских общинах Юкатана в 20—30-е годы нашего века. При этом особое внимание уделялось публикациям, содержащим сведения об экономике (земледелии), социальной структуре, религии и характере поселений местных индейцев, во многом сохраняющих еще свою традиционную форму, увязываемую так или иначе с доиспанским периодом.

Среди наиболее ценных изданий подобного рода можно назвать работы А. Тоззера⁸⁸, Р. Редфильда⁸⁹, М. Стеггерды⁹⁰, Р. Ройса⁹¹, А. Вилья Рохаса⁹², Р. Уокопа⁹³, Ф. Шоульса⁹⁴ и др.

Для соседней с Юкатаном территории Белиза имеется этнографическая публикация Эрика Томпсона⁹⁵.

Начиная с 1957 г., обширные этнографические исследования в горных районах Чиapas (Мексика) среди индейцев поциль и чельталь ведут ученые США. Согласно мнению этих специалистов, местные индейцы в очень малой степени подверглись аккультурации и влияниям извне, и поэтому отмеченные среди них обычаи и институты можно прямо сопоставлять с обществом майя I тысячелетия н. э. В результате таких сопостав-

лений некоторые американские этнографы пришли к выводу о том, что у майя классического периода не было антагонистических классов, а все политико-административные и религиозные должности занимались общинниками поочередно, на короткий срок⁹⁶. В равной же мере считалось, что характер поселений современных индейцев цоциль и целталь (ритуально-административный малонаселенный центр и снабжающие его всем необходимым мелкие земледельческие селения) целиком совпадает с картиной, восстанавливаемой по данным археологических раскопок на памятниках I тысячелетия н. э.⁹⁷

Однако столь прямолинейное отождествление институтов двух обществ, разделенных во времени более чем 10 веками, вряд ли можно считать правомерным. И не случайно, что концепция Э. Фогта и его сторонников была подвергнута справедливой критике другими специалистами⁹⁸. Именно по этой причине мне представляются более предпочтительными в качестве эталона юкатанские этнографические материалы, где зияющая хронологическая лакуна в 1000 лет между культурой современных индейцев и культурой древних майя I тысячелетия н. э. частично закрыта

историческими данными XIII—XVI вв. н. э.

Что касается этнографии Горной Гватемалы, то я использовал в своей работе главным образом те исследования, которые посвящены индейцам чортí, поскольку существует вполне обоснованное мнение, что именно они являются прямыми потомками строителей некоторых южных городов майя классического периода (Копан и др.)⁹⁹. В числе наиболее полезных сводок по культуре и экономике чортí можно назвать монографию Чарльза Уисдома «Гватемальские индейцы-чорти»¹⁰⁰, а также исследования Р. Жирара¹⁰¹ и Ф. Мак-Брайда¹⁰².

В заключение следует подчеркнуть, что автор не ставил здесь своей целью подробную характеристику всех этнографических источников майя, да в этом и нет особой необходимости. Краткую, но весьма насыщенную библиографическую сводку по данной теме можно найти в работе Ю. В. Кнорозова¹⁰³. Исчерпывающий обзор этнографических публикаций по территории майя содержится в томах 7 и 8 «Справочника по центрально-американским индейцам»¹⁰⁴.

¹ Stromsvik G., 1952, p. 7—9.

² Del Rio A., 1822.

³ Stephens J. L., 1842.

⁴ Maudslay A. P., 1898—1902.

⁵ Maler T., 1901.

⁶ Morley S. G., 1920.

⁷ Morley S. G., 1937—1938.

⁸ Haviland W. A., 1970, p. 24—27.

⁹ Ricketson O. G. and Ricketson E. B., 1937.

¹⁰ Wauchope R., 1934.

¹¹ Willey G. R. and Bullard W. R., 1965, p. 361.

¹² Ricketson O. G. and Ricketson E. B., 1937, p. 15, 16.

¹³ Puleston D. E., 1974, p. 305.

¹⁴ Morley S. G., 1947, p. 314.

¹⁵ Willey G. R., 1953.

¹⁶ Willey G. R. (ed.), 1956, p. 1.

¹⁷ Green E. L. (ed.), 1973, p. 311.

¹⁸ Справедливости ради следует сказать, что идеи лидеров «носеленческой археологии» были отнюдь не новы. Еще в 20—30-е годы советские археологи всячески подчеркивали необходимость изучения поселений для социально-экономической реконструкции структуры древних обществ и успешно их исследовали (См., например: Брюсов А., 1926;

- Киселев С. В., 1929; Массон В. М., 1976, с. 125).
- ¹⁹ Willey G., Bullard W., Glass J., Gifford J., 1965, p. 15, 364—366.
 - ²⁰ Sanders W. T., 1963, p. 203—241.
 - ²¹ Pollock H., Roys R., Proskouriakoff T., Smith A., 1962.
 - ²² Ibid., 1962, p. 211.
 - ²³ Bullard W. R., 1960, p. 355—372.
 - ²⁴ Andrews E. W., 1960, p. 254—265.
 - ²⁵ Andrews E. W., 1964.
 - ²⁶ Carr R. F., Hazard I. E., 1961.
 - ²⁷ Haviland W. A., 1970, p. 31.
 - ²⁸ Ibid., p. 32.
 - ²⁹ Willey G. R. and Smith A. L., 1969.
 - ³⁰ Smith A. L. and Willey G. R., 1969.
 - ³¹ Graham, I., 1967.
 - ³² См. материалы симпозиумов по изучению древних поселений: Willey G. R. (ed.), 1956; Kraeling C. H. and Mc Adams R., (eds.) 1960; Ucko P. and others (eds.), 1972.
 - ³³ Haviland W. A., 1970, p. 42.
 - ³⁴ Кинжалов П. В., 1971, с. 14—73.
 - ³⁵ Кнорозов Ю. В., 1955, с. 249—269; Он же, 1963, с. 638—653.
 - ³⁶ Andrews G. F., 1975.
 - ³⁷ Spinden H., 1957.
 - ³⁸ Morley S. G., 1956.
 - ³⁹ Thompson J. E. S., 1954.
 - ⁴⁰ Ruz Lhuillier A., 1957.
 - ⁴¹ Coe M. D., 1966.
 - ⁴² Кинжалов П. В., 1971.
 - ⁴³ Culbert T. P., 1974.
 - ⁴⁴ Willey G. R., 1974a, p. 134—144.
 - ⁴⁵ Bullard W. R., 1960, p. 355—372; *Idem*, 1962.
 - ⁴⁶ Sanders W. T., 1962; *Idem*, 1963; *Idem*, 1973.
 - ⁴⁷ Haviland W. A., 1970, p. 189—197; *Idem*, 1975.
 - ⁴⁸ HMAI, vol. 2, 1965; vol. 3, 1965; vol. 7, 1969; vol. 13, 1973; vol. 14, 1975, vol. 15, 1975.
 - ⁴⁹ Enciclopedia Yucatanense, t. VIII, 1944.
 - ⁵⁰ Hardoy J., 1973, p. 537—572.
 - ⁵¹ Andrews G. F., 1975.
 - ⁵² McAdams R., 1966.
 - ⁵³ Дьяконов И. М., 1959, с. 21, 22.
 - ⁵⁴ Proskouriakoff T., 1960, p. 454—475; Berlin H., 1958, p. 111—119.
 - ⁵⁵ Coe M. D., 1973.
 - ⁵⁶ Кнорозов Ю. В., 1975.
 - ⁵⁷ Там же, с. 228.
 - ⁵⁸ Кнорозов Ю. В., 1963, с. 47—101.
 - ⁵⁹ Roys R. L., 1967.
 - ⁶⁰ Кнорозов Ю. В., 1963, с. 47.
 - ⁶¹ Leon-Portilla M., 1964, p. 17—23.
 - ⁶² Barrera-Vasquez A., 1964, p. 46—49.
 - ⁶³ Barrera-Vasquez A., 1957.
 - ⁶⁴ Scholes F. and Roys R., 1948.
 - ⁶⁵ Пополь-Вух, 1959; Recinos A., 1960.
 - ⁶⁶ Кинжалов П. В., 1971, с. 55.
 - ⁶⁷ Tozzer A. M., 1941.
 - ⁶⁸ Ланда Диего де, 1955.
 - ⁶⁹ Relaciones de Yucatan.—CDU, 1900, t. 11, 13.
 - ⁷⁰ The historical recollection of Gaspar A. Chi, 1952.
 - ⁷¹ Lizana Bernardo de, 1893.
 - ⁷² Cogolludo Lopez D., t. 1—5, 1892—1895.
 - ⁷³ Aguilar Sanchez P. de, 1937.
 - ⁷⁴ Ponce A., t. I—III, 1873.
 - ⁷⁵ Tozzer A. M., 1941.
 - ⁷⁶ Herrera A. de, t. I—IX, 1726—1730.
 - ⁷⁷ Oviedo y Valdes F. G. de, t. I—IV, 1851—1855.
 - ⁷⁸ Las Casas B. de, t. 1—2, 1967.
 - ⁷⁹ Means P. A., 1917.
 - ⁸⁰ Fuentes y Guzman F. A., t. I—II, 1882.
 - ⁸¹ Villagutierre Soto-Mayor J. de, 1933.
 - ⁸² Elorza y Rada F. de, 1930.
 - ⁸³ Roys R. L., 1943; *Idem*, 1939; *Idem*, 1957; Villa Rojas A., 1961.
 - ⁸⁴ Roys R., Scholes F. and Adams E., 1940.
 - ⁸⁵ Thompson J. E. S., 1960, p. 16; *Idem*, 1965, p. 335, 336.
 - ⁸⁶ Thompson J. E. S., 1970, p. 72, 73.
 - ⁸⁷ Haviland W. A., 1968, p. 96—99.
 - ⁸⁸ Tozzer A. M., 1907.
 - ⁸⁹ Redfield R., 1933; *Idem*, 1961.
 - ⁹⁰ Steggerda M., 1941.
 - ⁹¹ Roys R. L., 1943.
 - ⁹² Villa Rojas A., 1945; Villa Rojas A. and Redfield R., 1962.
 - ⁹³ Wauchope R., 1938.
 - ⁹⁴ Scholes F. and Roys R., 1948.
 - ⁹⁵ Thompson J. E. S., 1930.
 - ⁹⁶ Vogt E., 1969; *Idem*, 1970; Cancian F., 1965.
 - ⁹⁷ Vogt E., 1961, p. 131—145.
 - ⁹⁸ Haviland W. A., 1968, p. 95—114.
 - ⁹⁹ Ibid., 1968, p. 114.
 - ¹⁰⁰ Wisdom C., 1940.
 - ¹⁰¹ Girard R., 1962; *Idem*, 1966.
 - ¹⁰² Mac Bryde F. W., 1947.
 - ¹⁰³ Ланда Диего де, 1955, с. 262, 263.
 - ¹⁰⁴ HMAI, vol. 7—8, 1969.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БАЗА ЦИВИЛИЗАЦИИ МАЙЯ

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

При анализе исторического процесса исследователи-марксисты исходят из того, что постоянное производство и воспроизводство материальных благ является неперенным условием и основой существования любого человеческого общества.

На ранних этапах истории экономической основой всех древнейших классовых обществ и государств служило сельскохозяйственное производство, и прежде всего земледелие¹. Особенно велика была роль земледелия в Новом Свете, где до прихода европейцев почти отсутствовало скотоводство.

Еще с 30-х годов нашего века, после исследований С. Г. Морли² и О. Ф. Кука³, принято считать, что у индейцев-майя в древности, как и в недавнее время, безраздельно господствовало экстенсивное подсечно-огневое земледелие (система «мильпа») с самым примитивным набором орудий — топор, палка-копалка и т. д. В пользу этого свидетельствовали этнографические наблюдения на Юкатане, в Петене и Горной Гватемале. Об этом же писали испанские хронисты XVI в.: Диего де Ланда⁴ и Алонсо Понсе⁵.

Однако на значительной территории Южной Мезоамерики того времени при наличии всех внешних признаков цивилизации (календарь, иероглифическое письмо, монументаль-

ная архитектура) земледелие носило экстенсивный характер. Пытаясь объяснить это противоречие, некоторые ученые выдвинули тезис о том, что цивилизация майя зародилась в более благоприятной природной среде, где-нибудь в горной или предгорной зоне, а затем, переместившись во влажные тропические джунгли, медленно там деградировала и угасала⁶. Другие исследователи, ссылаясь на решающую роль интенсивного ирригационного земледелия в сложении древнейших цивилизаций Старого Света, вообще считают, что цивилизация может существовать лишь благодаря орошаемому земледелию. Там же, где его нет, где господствует примитивное подсечно-огневое земледелие, население очень редко и разбросанно, отсутствуют настоящие города, а следовательно, и цивилизация (А. Палерм, Э. Вольф, Р. Миллон, У. Сандерс).

В то же время многие ученые стараются найти доводы в пользу высокого земледельческого потенциала древних майя (Б. Бронсон⁷, Д. Дамонд⁸ и др.).

На мой взгляд, изложенные выше негативные оценки возможностей майяского земледелия страдают известной односторонностью. Дело в том, что долгие годы общие выводы об особенностях системы мильпы у майя и ее продуктивности делались главным образом на основе данных (этнографических и исторических), собранных на полуострове Юкатан.

Специфика местных явлений возводилась, таким образом, в абсолют и распространялась на всю территорию майя. Так, например, в юкатанских условиях выжигаемый участок леса эксплуатировался 2—3 года и затем забрасывался на 10—12 лет. Эти данные считались общепризнанным эталоном и для других областей майя. На основе этнографических данных излишне категорично объявлялось, что кукуруза в древности составляла 80—85% ежедневного рациона индейца-майя и что это единственно важная культура местного земледелия⁹. На мой взгляд, необходимо избегать чрезмерного преувеличения значения кукурузы, что вольно или невольно ведет к принижению роли других ценных сельскохозяйственных культур, игравших в разные периоды и в разных областях Мезоамерики не менее важную роль чем кукуруза (корнеплоды, тыква, бобы, фасоль, перец, томаты, амарант).

Остается пока необъяснимой и суть экономического (а затем и культурного) скачка от архаического (доклассического) периода к эпохе цивилизации. Признавая ценность тезиса Р. В. Кинжалова о роли селекции ведущих растений (и прежде всего кукурузы) в развитии доиспанского земледелия¹⁰, я никак не могу согласиться с тем, что все успехи древних селекционеров по странному стечению обстоятельств падают именно на этот переходный период от варварства к цивилизации. Для подобного вывода требуются доказательства хронологического порядка. А они-то как раз говорят совсем об ином: к примеру, серьезные успехи в селекции кукурузы отмечены впервые в долине Техуакана (Пуэбла, Мексика)

в конце II—начале I тысячелетия до н. э.¹¹, т. е. задолго до рубежа н. э.

Территория майя отличается необычайным разнообразием природных и климатических условий. Стоит ли после этого удивляться, что схемы, выработанные на юкатанском материале и годные для юкатанских условий, не всегда дают нужный эффект в других областях территории майя?

В Петене, где находились важнейшие майяские города классического периода, как показали последние агробиологические исследования, и почвы были более мощными и плодородными, чем на Юкатане, и влаги там в целом больше, и период восстановления плодородия заброшенного участка короче¹². «Эта зона,— пишет Уорвик Брэй о низменных лесных областях,— экономически не едина. Количество осадков, растительный покров, толщина почв и период восстановления их плодородия значительно варьируют от одного района к другому, поэтому любое исследование в области экономики должно принимать во внимание наличие таких экономических микрорайонов, как берега озер, возвышенные участки речных долин, ежегодно затопляемые поймы рек, травянистые саванны и болотистые низины, точно так же как и разницу в самом характере леса»¹³.

Это разнообразие природных микрорайонов обусловило, в свою очередь, разнообразие способов их эксплуатации, приемов и методов земледелия¹⁴. Есть все основания утверждать, что у майя, помимо подсечно-огневого земледелия, с глубокой древности существовали и другие его виды: земледельческие террасы¹⁵ и ирригационные системы в виде «возвышающихся полей» (ridged fields)¹⁶.

Следует напомнить высказывания Н. И. Вавилова об общем характере индейского земледелия. «Поля на Юкатане, как и в Чиапасе, на юге Мексики, в Гватемале около Антигуа,— пишет он,— нередко представляют собой как бы сообщество различных культурных растений: фасоль обвивает кукурузу, а между ними растут различного рода тыквы. *Смешанная культура* (курсив мой.— В. Г.) является господствующей в древней Мексике». И далее: «Естественно, что ручная культура майя, так же как ацтеков и сапотеков, должна была быть *интенсивной* (курсив мой.— В. Г.). Отсутствие сельскохозяйственных животных заставило человека ограничить площадь посева небольшими участками, обрабатывать тщательно небольшие площадки, вырабатывать своеобразные навыки ухода за растениями, как например, надлом початков у кукурузы перед созревaniem... Возделывание растений мелкими делянками заставило уделять внимание самому растению... Многие сорта кукурузы, папайи, фасоли, плодовых и хлопчатника достигли здесь большого совершенства...»¹⁷. Не следует также, на мой взгляд, без каких-либо оговорок и корректив прямо переносить сведения о земледелии индейцев сегодняшнего дня на доиспанский и даже классический период (I тысячелетие н. э.), игнорируя воздействие времени и европейской культуры. На словах некоторые ученые признают замену каменного топора стальным длинным ножом — мачете и допускают, что все остальные навыки и приемы древних земледельцев без всяких изменений сохраняются и поныне¹⁸.

В действительности такие великие социальные потрясения периода кон-

кисты (с ее жестокостями, насилием и коренной ломкой всего привычного образа жизни), наконец, вкусы и привычки новых господ не могли не повлиять самым непосредственным образом и на сферу майяской экономики. Известно, что успехи древнего земледелия майя были во многом связаны с созданием к началу классического периода (I тысячелетие н. э.) четкого и стройного агрокалендаря, строго регламентирующего сроки и очередность всех сельскохозяйственных работ. Его создателями и хранителями были жрецы, ставшие в годы конкисты первыми жертвами гонений со стороны ревностных носителей христианской веры. Какие богатейшие знания в этой области безвозвратно исчезли после погромов и гонений «язычников»-майя со стороны испанской инквизиции, трудно сейчас и представить.

Этнографические данные

Система «мильпа»
(swidden, shift agriculture; roza
у quema)

Индийский термин «мильпа» (milpa) означает «кукурузное поле», или расчищенный участок в лесу, вырубленный и сожженный перед посевом маиса. «Ми́льпа» — ацтекское слово и производится, согласно словарю Робело, от «ми́льи» — «сажать, сеять» и «па» — «в». Этот термин применяется в настоящее время только для посевов маиса¹⁹. У юкатанских майя для обозначения маисового поля есть и свой специальный термин — «коль» (col).

Не приходится сомневаться в том, что в древности система «мильпа»

имела широкое распространение в ряде областей майя, составляя основу экономики раннеклассовых городов-государств. Нельзя возражать и против того, что подсечно-огневое земледелие — в том виде, как его практикуют современные индейцы-майя, — во многом сохраняет еще традиции и навыки доиспанских времен. Суть мильпового земледелия состоит в вырубке, сжигании и засевании участка тропического леса. Из-за быстрого истощения почвы через 2—3 года участок надо бросать и искать новый. Таким образом, это типично экстенсивная система земледелия, традиционно считающаяся низкопродуктивной и вредной для природного окружения (уничтожение лесов и кустарников, разрушение плодородного слоя почвы и т. д.)²⁰.

Ниже приводятся сведения о мильповом земледелии для двух крупных областей майя — полуострова Юкатан и Петена. Юкатанские данные основаны на наблюдениях этнографа из США Мориса Стеггерды в 30-х годах в индейском селении Писте, расположенном близ трех карстовых колодцев-сенотов, всего в 2,5 км от знаменитого города древних майя — Чичен-Ицы. В селении имелось 94 жилых дома с 397 обитателями (т. е. число жителей на 1 дом составляло 4,22 человека)²¹.

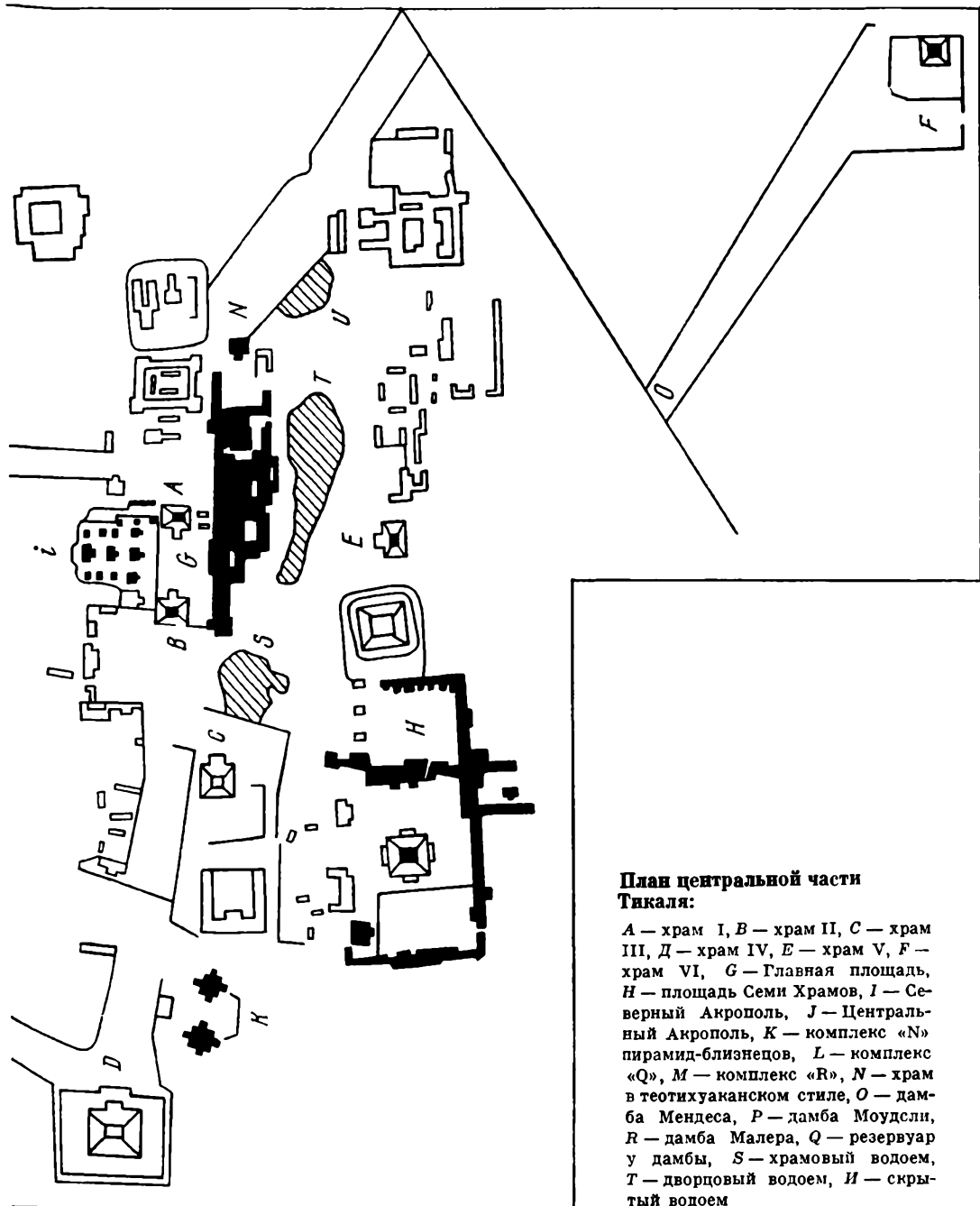
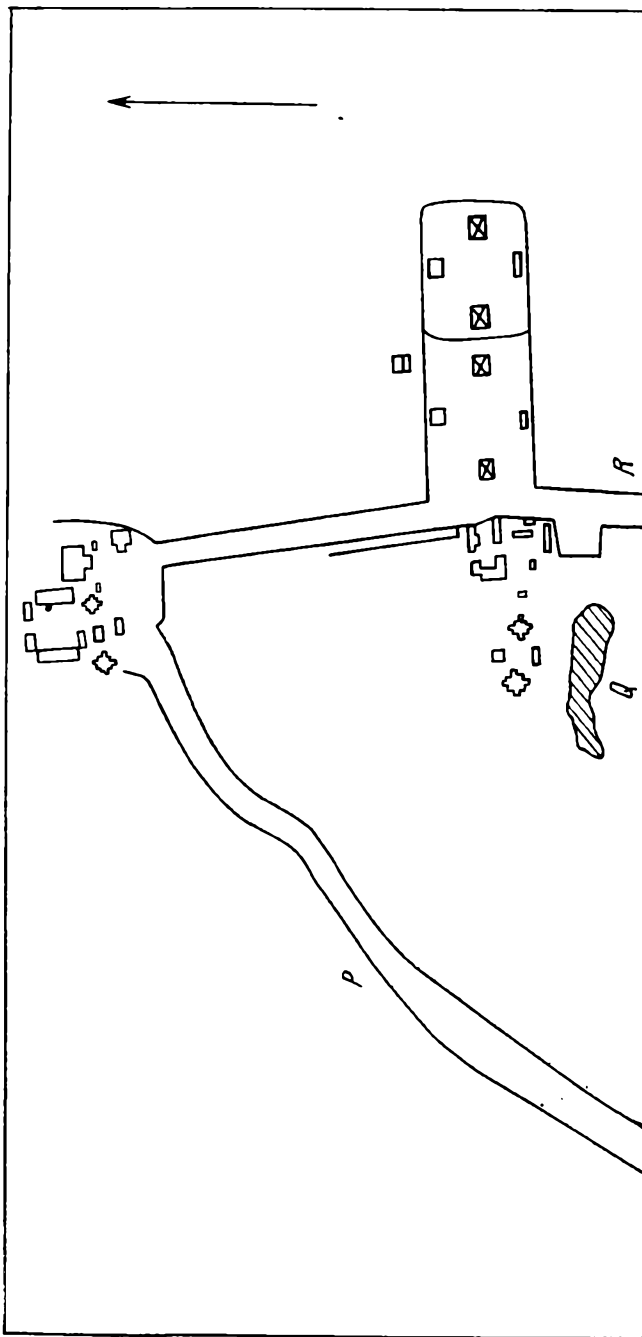
Первый шаг в обработке мильпы — поиски подходящего участка для будущего поля. Земледелец, работавший в одиночку, тратил на это не менее целого дня, тщательно изучив характер почвы и величину кустарника. Высокий кустарник свидетельствует о хорошей, плодородной почве, низкий — о плохой. Важное значение в выборе участка играла также близость к источникам воды, т. е. к при-

родным карстовым колодцам (сенотам). Выбрав место, «милперо» делит все поле на отдельные прямоугольные участки — «мекатес» (20×20 м), обозначая их по углам кучами камней.

После измерения и разметки поля вырубали кустарник с помощью мачете и топоров. За день обычно удавалось срубить растительность на участке в 2 «мекатес» (800 кв. м). Высокий кустарник и деревья вырубались обычно в разгар сезона дождей, когда их легче рубить и они имели густую листву, которая после высыхания хорошо горела. Первоначально земледелец вырубал все низкие деревца, кустарник и лианы, затем высокие деревья. В среднем для расчистки обычного участка в 50 «мекатес» (2 га) требовалось около 25 человеко-дней. В течение марта и апреля (сухой сезон) производилось выжигание участков с тем, чтобы очистить их от сухой растительности, травы, древесных корней и удобрить землю золой и пеплом. Для этого каждый земледелец выбирал шест в 1,5—2 м длиной, сделанный из дерева catzim (*Acacia gaumeri*), поджигал его конец, и шест горел медленно и долго. Поджоги производились обычно во многих местах, но, как правило, с подветренной стороны.

Ограду вокруг участка иногда делали, а иногда и нет. Близ селений, где скот и домашняя птица могли нанести вред посевам, вокруг полей возводилась ограда из тех же деревьев и колючих кустарников.

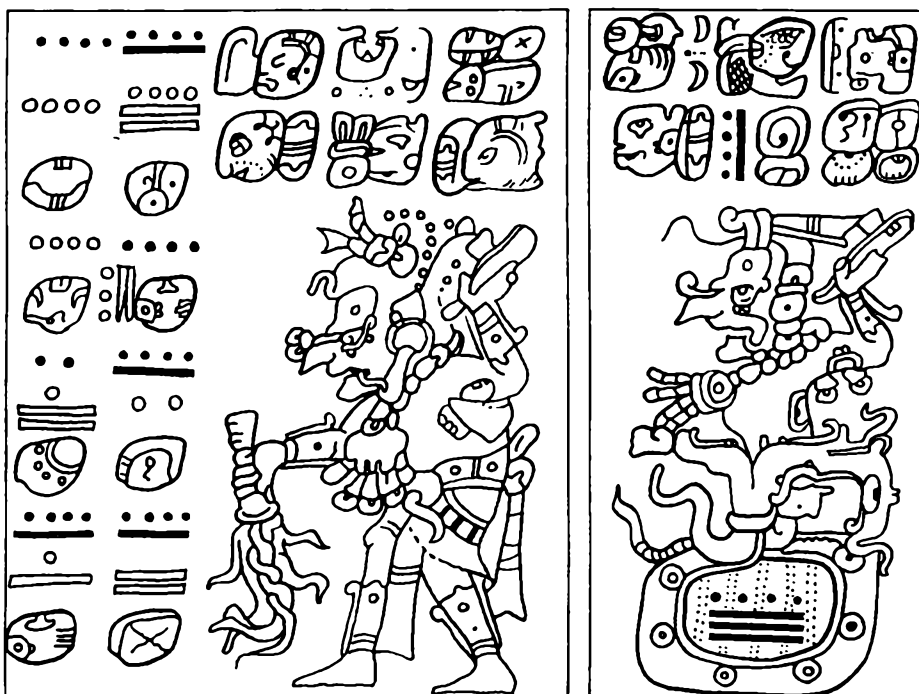
С началом сезона дождей, в мае, производился сев (paakalcol). Участок в 50 мекатес (2 га) засевали обычно за 5—6 дней. Обычное количество семян 560 кг на 1 га. Маис сажали в ямки, сделанные заостренным

**План центральной части
Тикаля:**

А — храм I, В — храм II, С — храм III, Д — храм IV, Е — храм V, F — храм VI, G — Главная площадь, Н — площадь Семи Храмов, I — Северный Акрополь, J — Центральный Акрополь, K — комплекс «N» пирамид-близнецов, L — комплекс «Q», M — комплекс «R», N — храм в теотихуанканском стиле, O — дамба Мендеса, P — дамба Моудсли, R — дамба Малера, Q — резервуар у дамбы, S — храмовый водоем, T — дворцовый водоем, И — скрытый водоем

«Хозяйственные мотивы» в искусстве майя:
изображения сельскохозяйственных работ
и ремесел в иероглифических рукописях
XII—XV вв. н. э.

шестом (с металлическим или обожженным концом). В каждую ямку, примерно 10 см глубиной, бросали от 3 до 6 зерен, а затем засыпали землей, сдвигая ее ногой.

В первые недели после посева земледельцы производили 1—2 прополки (*раас*) участка. Незадолго до жатвы, в период созревания початков, надламывали и сгибали верхнюю часть стебля растения для ускорения созревания и защиты от насекомых и птиц. Срок уборки урожая зависел от сорта кукурузы (скороспелые сорта созревали через 2,5 месяца после посева, другие — через 4—6 месяцев). Индейцы собирали початки в корзины, очищая их от шелухи деревянной или костяной шпилькой²².

Средние размеры земельных участков в районе Чичен-Ицы составляли около 100 мекатес (4 га). Обычно урожай кукурузы с 1 мекате (400 кв. м) — 30—40 кг. Значит, в целом ежегодный урожай с одного участка (4 га) составлял 3—4 т зерна²³. В течение 5 лет (с 1933 по 1937 г.) селение Писте располагало 5039 мекатес (201, 56 га) обрабатываемой земли. Если с каждого мекате получали обычно 30—40 кг зерна, то в год это давало 5039 «вьюков» (*сагас*) (до 201 560 кг). Это составляло в среднем 13, 12 вьюка (*сагас*) кукурузы на душу населения (т. е. 524,8 кг зерна)²⁴.

*Общее время, необходимое для всего цикла полевых работ на кукурузном поле в 50 мекатес, равнялось 102 восьмичасовым рабочим дням*²⁵. Оно исчислено на основе данных, полученных от пяти надежных информаторов из числа жителей Писте. Подсчеты, сделанные М. Стеггердой для селений майя в районе Чичен-Ицы, показывают, что при еже-

годном производстве зерна в 168 «бушелей» (примерно 100 вьюков, или около 4 т) каждое домохозяйство (с семьей в среднем из пяти человек) тратило в год лишь 64 бушеля (1513,2 кг) зерна, что давало довольно значительные излишки продукции²⁶.

Современный юкатанский земледелец получает это количество зерна примерно за 102 дня, оставляя две трети года для других дел — охоты, строительства, досуга и т. д.²⁷

Исходя из количества майса, производимого и потребляемого ежедневно одним индивидуумом, М. Стеггерда установил, что в древности имевшиеся на Юкатане возделываемые земли позволяли обеспечить пищей население, которое в 8 раз превышало современное²⁸, т. е. более 2 млн. человек (сейчас на Юкатане — около 300 тыс. жителей).

По современным этнографическим данным средняя плотность населения Юкатана, основным занятием которого служит до сих пор мельничное земледелие, составляет 23—25 человек на 1 кв. км²⁹.

В 1959 г. полевые агроботанические исследования в Петене (Северная Гватемала), в районе озера Петен-Ица, осуществила американский агроном У. М. Каугилл. Она побывала в 8 пунктах и осмотрела поля 40 местных крестьян, которые применяют до сих пор подсечно-огневую систему земледелия. Техника и методы его такие же, как и на Юкатане. Главное отличие состоит в гораздо более коротком периоде восстановления плодородия почвы на выжженном участке: в Петене для этого требуется 2—4 года (после снятия одного урожая) или 6—8 лет (после двух урожаев)³⁰.

Все орошенные крестьяне заявили, что первый урожай с участка дает здесь в среднем 1425 кг зерна майса с 1 га, второй — 1010 кг, а третий — 415 кг³¹. Ежедневное потребление майса для одного местного жителя в среднем составляет 700—800 г. Таким образом, за год один человек потребляет в среднем чистого зерна майса 256—292 кг.

Для обеспечения одного человека продуктами питания в течение года в Петене требуется 1,2—1,6 га. Однако обычно каждый земледелец обрабатывает сейчас с помощью жены и детей участок в 5,2 га. Этого достаточно, чтобы прокормить (только майсом) в течение года 12,6 человека, и, поскольку в среднем семья одного домовладения состоит здесь из 5,78 человека, полученный урожай вдвое превышает непосредственные ее потребности.

Исходя из этих данных, У. Каугилл предположила, что в древности подсечно-огневое земледелие могло в условиях Петена обеспечить население в 40—80 человек на 1 кв. км³².

Сведения письменных источников XVI—XVII вв.

К их числу относятся разного рода испанские и индейские хроники. Для Юкатана — это прежде всего ценная работа Диего де Ланды, где можно найти предельно точную характеристику milhoвого земледелия юкатанских майя XVI в. «Главной пищей, — подчеркивает он, — является кукуруза, из которой они делают различные кушанья и напитки... Прежде всего они (майя. — В. Г.) были земледельцами и занимались сбором кукурузы и остальных посевов. Они их сохраняли в очень удобных подвалах и амбарах, чтобы продать в свое время.

Мулов и быков у них заменяли люди. На каждого мужчину с женой они имели обычай засевать участок в 400 квадратных ступней, который они называли хун-виник, измеряемый шестом в 20 ступней в ширину и 20 в длину. Эти индейцы имеют хороший обычай помогать друг другу взаимно во всех своих работах...

Они сеют во многих местах, чтобы в случае недорода с одного участка возместить с другого. Обрабатывая землю, они только собирают сорную траву и сжигают ее перед посевом. Они работают с половины января до апреля и сеют с началом дождей. При посеве они носят маленький мешок за плечами, делают отверстия в земле заостренной палкой и кладут туда 6—7 зерен, зарывая их затем той же палкой. Во время дождей посевы всходят изумительно»³³.

Нетрудно заметить, что сведения Ланды до мельчайших деталей совпадают с наблюдениями этнографов (того же М. Стеггерды). О господстве у юкатанских майя весьма эффективного подсечно-огневого земледелия к моменту конкисты сообщает и другой известный испанский хронист — Лопес де Когольдо (XVII в.)³⁴. Аналогичные сведения содержатся в работе монаха Алонсо Понсе (XVI в.)³⁵.

В индейских книгах «Чилам Балам», в которых причудливо переплелись данные колониального периода (XVI—XVII вв.) с пластами информации, восходящей к доиспанскому (постклассическому — X—XVI вв.) и даже к еще более древнему времени (I тысячелетию н. э.), есть ряд упоминаний об основных сельскохозяйственных растениях, возделываемых земледельцами майя: фасоли, кукурузе, батате и т. д.³⁶ Можно найти там и ссылки на подсечно-огневое

земледелие³⁷ и даже на селекционный отбор семян наиболее урожайных сортов тыквы, фасоли и кукурузы³⁸.

Аналогичную картину паблидаем мы и у горных майя. В многоплановом эпосе «Анналы какчикелей», основная часть которого восходит безусловно к доиспанским временам, мы встречаем упоминание о начальном периоде земледелия, пришедшего на смену собирательству, охоте и рыболовству: «Это было тогда, когда мы начали делать свои посевы манса, рубить деревья, сжигать их и сеять хлеб. Таким образом приобрели мы некоторую пищу...»³⁹. Интересно отметить, что уже это древнейшее воспоминание о маисовом земледелии ассоциируется в памяти какчикелей именно с системой мильпа (подсечно-огневое земледелие).

В разделе, где описываются похождения двух божественных близнецов Хун-Ахпу и Шбаланке, эпос майя-киче «Пополь-Вух» (также имеющий в значительной своей части доколумбово происхождение) рисует детальную картину повседневной работы древнего земледельца на мильпе:

«Тогда (Хун-Ахпу и Шбаланке) начали работать, чтобы их бабушка и их мать думали бы о них хорошо. Первое дело, которое они сделали, было кукурузное поле.

— Мы идем засеять поле, о наша бабушка и мама, — сказали они... Без промедления они взяли свои топоры, свои мотыги и свои большие деревянные копательные палки и отправились в путь...

Скоро они пришли туда, где хотели устроить кукурузное поле.

И тогда они просто воткнули мотыгу в землю, она начала обрабатывать землю; она совершала всю большую работу одна.

Таким же образом (братья) вонзали топор в стволы деревьев и ветви, и мгновенно они падали, и все деревья и лианы оказывались лежащими на земле. Деревья падали быстро, от одного удара топора, и образовалась большая поляна.

И мотыга также сделала большое дело. Нельзя было сосчитать, сколько сорных трав и колючих растений было уничтожено одним ударом мотыги. Невозможно пересчитать, что было вырыто и расчищено, сколько было срезано всех больших и малых деревьев»⁴⁰.

Об огромной роли маисового земледелия в жизни индейцев-майя достаточно красноречиво говорит и миф о сотворении богами первого человека из зерен белой и желтой кукурузы⁴¹.

Как бы связующим звеном между материалами колониального периода и кануном конкисты, с одной стороны, и археологическими данными — с другой, служат уцелевшие иероглифические рукописи майя. На многочисленных цветных рисунках, сопровождающих иероглифические тексты религиозно-календарного содержания, там с исключительной достоверностью отражены все основные моменты земледельческого цикла: вырубка и выжигание участка в лесу, сев и т. д. Причем действующими лицами во всех этих актах являются божеества — покровители земледелия.

«Наиболее часто в рукописях майя изображен персонаж с „глазом бога“ (табл. XII, 1), с длинным крючковатым носом и длинными кривыми клыками, торчащими из рта... Он изображается с топором (Д 67 с3, 70 в3), горящим факелом (Д 65а 3) и налкой-копалкой (Д 71 в3), т. е. с орудиями подсечно-огневого земле-

делия, а также на фоне дождя (Д 63 с4, 64 с3, 65 с2)»⁴². Это — бог ветра и дождя, К'аш-еш (К'аш-ал — «приходить», «нести» дождь)⁴³. Он же — бог «Б», бог 10, Чак (Чаак) и т. д.

В рукописях часто можно найти и изображения основных земледельческих орудий майя: *палка-копалка* (ст. «шул», Д 44в3, 67в2, 68б2, 71б3), *топор* («баат», Д 59 аbc, 60с1, 61, 62, 63), *факел* (ст. «бат», Д61б2, 63б2, 65а, 66б1, 68а1, 69б2). В древности покровитель земледельцев носил имя Ч'ак — «топор». Топор в данном случае главное орудие земледельца, а не оружие.

В сниске из 13 небесных богов Ч'ак назван владыкой 6 неба. Иероглиф лицевого варианта цифры 6 представляет собой «портрет» этого божества с горбатым, коротким носом и оскаленными верхними резцами. Наиболее характерным отличительным признаком его является стилизованный *знак топора*, вписанный в глаз⁴⁴.

Таким образом, в условиях господства подсечно-огневой системы земледелия (мильпы) топор стал главным орудием земледельцев майя и важнейшим атрибутом их бога-покровителя.

Еще более полная информация о земледелии юкатанских майя накауне конкисты содержится в иероглифических текстах трех упомянутых рукописей.

«В древности, — пишет Ю. В. Кнорозов, — вся жизнь населения была строго регламентирована, особенно для земледельцев. Распорядок всех дел был предусмотрен с точностью до дней. В дальнейшем многие из них в реальной жизни отпали или изменились, но сохранились в священной традиции как занятия богов. Кален-

дарные сроки, утратившие реальный смысл, превратились в некие мистические периоды, о наступлении которых могли знать по указанию рукописей только жрецы. Таким образом, в текстах отражена не только жизнь майя того времени, к которому относятся рукописи, т. е. незадолго до испанского завоевания. Некоторые разделы были составлены, вероятно, еще до пашей эры и перенисывались из века в век, подвергаясь, конечно, известной переработке.

Свои предписания древние жрецы облекали в весьма внушительную форму. Они описывали, чем занимается тот или иной бог в определенное время. Многие божества действуют как представители сословных, половозрастных и профессиональных групп населения, т. е. ведут такую же жизнь, как и древние майя. Жителям оставалось только следовать примеру своего бога. Любое нарушение священного распорядка расценивалось как кощунство, и нарушитель вполне мог угодить прямо на жертвенный алтарь. Древние майя занимались прежде всего подсечно-огневым земледелием. Поэтому значительная часть рукописей отведена описанию дел земледельческих божеств, особенно богов дождя»⁴⁵. Таким образом, перед нами священный агрокалендарь древних майя, наподобие аналогичных календарей в Шумере и Египте, что лишний раз подтверждает глубокое внутреннее родство всех этих древнейших цивилизаций.

Данные археологии

В Горной Гватемале следы жизни древнего человека представлены уже с конца палеолитической эпохи (IX—VIII тысячелетия до н. э.). До-

керамические памятники (7000—3500 гг. до н. э.) известны в Эль-Чайяль (близ г. Гватемала) и в Интибуке (горный Гондурас)⁴⁶. По мнению ботаников, одна из рас примитивного мезоамериканского майса — *наль-тель* происходит из горных районов Гватемалы, где его и сейчас еще можно найти в Чимальтенанго, Кецальтенанго и Уеуетенанго. Он растет на высоте до 1800 м и имеет небольшой початок — 9 см длиной.

Для архаического периода — времени существования сложившихся раннеземледельческих культур (II—I тысячелетия до н. э.) — мы располагаем прямыми данными о земледелии для двух памятников: Салинас ла Бланка на Тихоокеанском побережье Гватемалы и Алтар де Сакрифисьос в департаменте Петен (бассейн р. Усумасинты).

В *Салинас ла Бланка*, благодаря благоприятному стечению обстоятельств (напластования глинобитных полов как бы «запечатали» часть бытовых отходов и мусора из жилищ, плюс высокое содержание карбоната кальция в местной глине) ряд органических остатков (в том числе и растений) был «законсервирован» (минерализован) самой природой. Правда, эти материалы относятся лишь к сравнительно короткому периоду существования памятника — этапу Куадрос по местной периодизации (1000—850 гг. до н. э.).

В руки специалистов в *Салинас ла Бланка* попало до 50 отпечатков на глине и обуглившихся кочерыжек кукурузы. Анализ показал, что это все та же примитивная раса *наль-тель* без следов гибридизации. Найдены также семена от плодов фруктовых деревьев — авокадо, желтого сапота и хокоте. Костей птиц и жи-

вотных в слое почти не встречено (немного костей белохвостого оленя и т. д.), что свидетельствует о небольшой роли охоты. Главным источником «мясной» пищи служило здесь морское собирательство (крабы и моллюски) и рыболовство (сетями ловили преимущественно крупных рыб, до 1 м длиной). Таким образом, экономика местных племен имела двойственный характер: земледелие и морское собирательство вместе с рыболовством.

Что касается земледелия, то даже примитивный майс *наль-тель*, с его небольшими початками в условиях Тихоокеанского побережья Гватемалы давал, по-видимому, значительный экономический эффект. Современные крестьяне этого района собирают с одного участка по 3 урожая майса в год.

Учитывая наличие мощных и плодородных почв — аллювиальных и вулканических — и обилие осадков на Тихоокеанском побережье Гватемалы, можно предполагать, что древние обитатели *Салинас ла Бланка* вполне могли собирать до двух урожаев майса в год. А этого, даже с учетом примитивного характера майса *наль-тель*, вполне хватало для оседлого образа жизни. Действовал здесь и такой мощный стимулятор оседлости, как неисчерпаемые и легко доступные морские ресурсы побережья⁴⁷.

В *Алтар де Сакрифисьос* (Петен, Гватемала) растительные остатки представлены в более ограниченном числе и имеют худшую сохранность. Это обугленные зерна майса все той же разновидности *наль-тель*, а также семена бобов. Майс относится к 600 г. до н. э. — рубежу н. э., а бобы — к 1100—600 гг. до н. э.⁴⁸

В Бартон Рамье — древнем поселении майя в долине р. Белиз (Белиз) — археологи обнаружили обуглившиеся початки майса *наль-тель* и *чапалоте*, относящиеся к позднеклассическому времени (600—900 гг. н. э.)⁴⁹. К тому же периоду относятся и находки круглых семян, напоминающих тыквенные семечки (в сосуде из погребения № 36, в постройке «В» — 123)⁵⁰.

В Петене, на севере Гватемалы, в районе озера Петеншиль, ботаники нашли пыльцу культивируемого майса в слоях 850 г. до н. э., причем его содержание в почве резко возросло здесь после 650 г. н. э. В районе Тикаля майс и некоторые виды бобов выращивали, по меньшей мере, со 150 г. н. э.⁵¹

Один раз в ходе раскопок удалось обнаружить каменный наконечник мотыги: в Алтар де Сакрифис-ос. Наконечник сделан из красноватого кремня и имеет подтреугольную форму и длинный выступ-черешок для скрепления с рукоятью. Общая длина орудия — 15,5 см, толщина — 1,8 см, ширина — 10 см. Поверхность ретуширована. Следов сработанности по рабочему краю не обнаружено⁵².

Среди разнообразных мотивов богатого классического искусства майя (I тысячелетия н. э.) можно отметить немало мотивов, так или иначе связанных с земледелием. Сложное мотыгообразное орудие представлено на одном из каменных рельефов Тикаля. Правитель (или жрец) в пышном костюме, с изображением лягушки (или ящерицы) на груди (земноводные у американских индейцев всегда ассоциируются с водой, дождем, плодородием), левой рукой опирается на мотыгу или усовершенствованную палку-копалку, а

правую поднял ладонью вверх (жест адорации?)⁵³.

Другая группа каменных скульптур запечатлела сцену «ритуального сева», совершаемого, по-видимому, лично правителем города-государства: стела 21 из Тикаля⁵⁴, стела 13 из Окосинго, стела 40 из Пьедрас Неграс и др.

На первых двух монументах персонаж в пышном костюме и вычурном головном уборе правой рукой бросает вниз горсть зерен (майса?), а в левой — держит длинную и узкую сумку (для семян?), богато украшенную орнаментом. На стеле 40 из Пьедрас Неграс правитель, облаченный в головной убор из листьев майса, стоя на коленях на платформе или троне, бросает вниз горсть зерен, взятых, видимо, из длинной и узкой сумки, которую он держит в левой руке. Внизу изображено божество земли. Вся сцена обрамлена с боков длинными стеблями майса.

Довольно значительную группу в искусстве древних майя составляют также изображения божеств-покровителей земледелия: бог майса (рельеф из «Храма Лиственного Креста» в Паленке, скульптура из Копана, терракотовая статуэтка из Альта Верапас⁵⁵ и др.).

В заключение необходимо еще раз остановиться на вопросе о продуктивности подсечно-огневого майсового земледелия (система *мильпа*) на территории майя.

Прежде всего следует подчеркнуть, что майя далеко не всегда должны были часто менять выжигаемый участок в связи с быстрым истощением его почвы. Наблюдения М. Стеггерды на Юкатане показали, что одно и то же поле с должным эффектом засеивали по 6 и более лет подряд⁵⁶.

Американский специалист по тропическому земледелию Д. Харрис подчеркивал, что в отличие от *монокультурного* сельского хозяйства наших дней многие древние народы имели *сложную* систему, т. е. выращивали на одном участке разные растения, а это, в свою очередь, приводит к их структурной и функциональной взаимосвязи. В качестве примера он ссылается на наличие на одной и той же мильпе смешанного набора различных полезных растений: фруктовых деревьев, кустарников, травянистых (маиса), ползучих (бобы, тыква) и корнеплодов. Наиболее поразительный итог этого содружества растений состоит в том, что почва на таком участке не истощается значительно дольше, чем при возделывании одних только злаковых культур⁵⁷. Аналогичную мысль высказал еще в 30-х годах и Н. И. Вавилов⁵⁸.

На севере Юкатана при возделывании 38 500 кв. км земли (из общей площади в 140 000 кв. км) можно было при системе «мильпа» обеспечить пищей свыше 8 млн. человек. В среднем плотность населения достигала здесь 25—30 человек на 1 кв. км⁵⁹. Южнее, в тропических лесах Петена (Северная Гватемала), плотность современного населения, занимающегося подсечно-огневым земледелием, составляет уже 60—80 человек на 1 кв. км⁶⁰. И на весь цикл земледельческих работ тратится меньше половины всего рабочего времени.

В противовес широко распространенному мнению о низкой продуктивности и разрушительном воздействии на окружающую среду подсечно-огневого майсового земледелия (а это связывается обычно с разбросан-

ностью и редкостью населения, отсутствием городов и т. д.) можно сослаться на данные некоторых агро-исторических исследований в Мезоамерике.

Мексиканский этнограф А. Вилья-Рохас подсчитал, что в 1935—1936 гг. майя из района Ш-Какаль (в Кинтана-Роо) собирали урожай маиса, в три раза превосходившие их ежегодные потребности⁶¹.

В свое время О. Рикетсон высчитал, что в районе Вашактуна, семья индейцев-майя потребляла примерно 1200 кг маиса в год помимо других продуктов⁶².

Х. Ардой считает, что в современном Петене, как это, видимо, было и в древности, в I тысячелетии н. э., средний урожай маиса составлял 1328 кг зерна на 1 га (первый урожай). Для обеспечения своей семьи и уплаты налогов и дани земледельцам-майя нуждался в земельном участке в 5,4—6,7 га, возделывая ежегодно 1/5 этой площади. Две недели уходит у него на подготовку участка, 1—2 дня — на очистку зерна, две недели — на сев и 10 дней — на жатву. К этим 40 дням следует добавить то время, которое идет на уход за полем в период созревания урожая, на уборку урожая в кладовые и другие мелкие заботы. Таким образом, за два месяца работ земледельца-майя классического периода производил такое количество пищи, которое покрывало все потребности его семьи на год, а также налоги и дани, уплачиваемые общиной правящей касте. Оставшееся время он тратил на всякого рода домашние занятия и ремесла, охоту и отбывал трудовую повинность на строительстве храмов, дворцов и других общественных зданий⁶³.

У современных майя-цочиль в Си-

накантане (Чнапас) с участка в 4 га земледelec получает обычно 4320 метрических литров зерна майса при ежегодной потребности одной семьи в 900 метрических литров майса⁶⁴. Для сравнения укажем, что в Центральной Мексике накануне конкисы средняя урожайность майса составляла около 1 т сухого майсового зерна на 1 га, при потребности средней семьи из 4,5 человека в 1,14 т зерна в год⁶⁵.

Таким образом, подсечно-огневое земледелие майя, несмотря на свой внешне примитивный характер и скудный набор инвентаря, было достаточно продуктивным, чтобы создать экономическую базу для появления в первых веках н. э. раннеклассовых городов-государств. Переход к высокопродуктивному (дающему прибавочный продукт) земледелию был связан с достижениями в двух областях — в области селекции растений (выведение гибридных, высокоурожайных сортов майса и других полезных культур) и в области четкой регламентации всего сельскохозяйственного цикла в рамках точнейшего солнечного календаря⁶⁶.

Объем урожая (а следовательно, и плотность населения) резко возрастает, если мильповое земледелие сочетается с возделыванием садов, огородов и приусадебных участков вокруг жилища. Они удобряются хозяйственными отбросами, растительным перегноем и возделываются более интенсивно (ручная, «грядковая» культура), нежели лесные «мильпы». Это позволяет индейскому земледельцу снимать по два урожая в год, и практически без какого-либо перерыва из-за истощения почвы⁶⁷. Урожайность здесь была к тому же в 2 раза выше, чем на миль-

пе. Сочетание мильпы с огородами и плодовыми садами вокруг жилищ требует возделываемой земли в 3—4 раза меньше, чем при наличии одной мильпы, да и плотность населения возрастает почти в 2 раза⁶⁸.

Огороды и приусадебные участки с интенсивно возделываемыми культурами отмечены у современных индейцев Горной Гватемалы, Петена, Кампече, Юкатана, Белиза и т. д.⁶⁹

Видимо, аналогичная практика имела место и в доиспанский период. Во всяком случае, наличие четко выделенных каменными стенами приусадебных участков отмечено в Майяпане (XIII—XV вв. н. э.)⁷⁰.

Еще более очевиден факт широкого использования древними майя различных древних плодовых растений — в виде рощ и садов вокруг своих жилищ. Об этом свидетельствует обилие деревьев сапота (*Achras zapota*) и рамона (*Brosimum alicastrum*) вокруг всех руин майя классического и постклассического времени на Юкатане и в Петене⁷¹. Особенно важное место в пищевом рационе майя принадлежит плодам дерева рамона, которые в сухом виде, будучи перемолотыми, дают неплохую муку для выпечки лепешек-тортильяс. Роль рамона особо велика в сухое время года, до созревания урожая майса⁷². Не требуя особых затрат труда, рамоновые деревья дают с 1 га урожай плодов, который в несколько раз превосходит урожай майса с той же площади⁷³. Другие важные плодовые деревья, широко распространенные у майя, — папайя, авокадо, сапоте, саподилья, анона, гуайо, хлебное дерево и др.

При рассмотрении хозяйства древних майя не следует искусственно выпячивать роль одних возделываемых

мых растений или способов добывания пищи в ущерб другим. Испанское завоевание, безусловно, наложило определенный отпечаток на соотношение разных видов продуктов в рационе индейского населения: одни сильно сократились количественно, другие, напротив, увеличились (в соответствии с привычками и вкусами новых хозяев) ⁷⁴.

Испанские хроники единодушно утверждают, что к моменту конкисты в питании майя большую роль играли корнеплоды, орехи и фрукты, овощи и морские продукты: рыба, моллюски, черепахи и т. д. Что касается корнеплодов, то роль их в жизни древних майя сейчас явно недооценивается. Между тем, согласно данным Б. Бронсона, у майя до прихода испанцев было распространено четыре вида корнеплодов: сладкий картофель, или «камоте» (*Ipomoea batatas*); ямс, или «хикама» (*Casipourea gerosus*); маниок, кассава, или юкка (*Manihot esculenta*); и маланга (*Xanthosoma spp.*). Все названные растения выращиваются индейцами горных и низменных районов майя до сих пор. Все они были введены в культуру задолго до открытия Америки европейцами. Термины, по крайней мере двух из них, «маниок» и «сладкий картофель», появились в словарях майя еще до начала н. э. К тому же данные растения, кроме маниока, представлены в Петене в диком виде с доколумбовых времен. Следует напомнить, что по питательности названные корнеплоды не уступают маису, а по урожайности превосходят его ⁷⁵.

По данным американской службы земледелия (*Foreign Agricultural Service*) от 1959 г., в Гватемале на площади 1280 га было собрано 3700 т

маниока, или же 2,1 т с 1 га. В том же году урожай сладкого картофеля составил там в среднем по 2,9 т с 1 га ⁷⁶. В целом, учитывая все приемы и методы подсечно-огневого земледелия современных гватемальских крестьян, один земледельец может прокормить со среднего участка в 5 га до 12,6 человека (если выращивается маис) или 16 человек (если выращивается маниок) ⁷⁷.

Не приходится сбрасывать со счетов и другие виды добывания пищи, помимо миловидного земледелия: огородничество, садоводство, сбор диких плодов и растений, охота, рыболовство, всесторонняя эксплуатация морских, речных и озерных пищевых ресурсов, разведение индеек и съедобных собак, пчеловодство. Каждый из этих способов (в зависимости от конкретных природных условий) играл большую или меньшую роль, но суть вопроса в том и состоит, что всегда необходимо иметь в виду комплексный и разносторонний характер экономики древних майя, направленной на максимально полное использование местных природных ресурсов. В этой связи мне кажутся абсолютно неуместными споры о том, что важнее в жизни индейцев: майсовое земледелие, корнеплоды или морской промысел? Получают достаточно обоснованное решение и недоуменные вопросы о том, как могли при подсечно-огневом и экстенсивном земледелии существовать у майя города и поселки с высокой концентрацией населения. Согласно данным У. Сандерса, на Юкатане при господстве системы миловидья максимальная плотность населения составляла 16 человек на 1 кв. км ⁷⁸; по подсчетам У. Каугилл, в Петене эта цифра возрастает до 60—80 человек на 1 кв. км.

В действительности же, судя по свидетельствам испанских авторов и характеру археологических памятников, и в Петене, и на Юкатане в доиспанское время имелось гораздо более многочисленное население, чем позволяли возможности мильпового земледелия: одни ученые называют для Юкатана XV в. цифру 2285 тыс. жителей, другие — 1340 тыс., третьи — 500—300 тыс.⁷⁹

В Цибильчальтуне, на побережье Юкатана, судя по характеру архитектурных остатков, население составляло уже в I тысячелетии н. э. много десятков тысяч человек⁸⁰.

Ф. Лэйндрж в этой связи пытается опровергнуть тезис о преобладании подсечно-огневого *маисового* земледелия в экономике майя классического периода и противопоставить этому большое значение для жителей Юкатана эксплуатации неисчерпаемых морских ресурсов⁸¹.

Выводы этого автора, хотя и излишне категоричные, имеют известное значение для некоторых районов майя (побережье и острова Юкатана, Белиз, Гондурас, Тихоокеанское побережье Гватемалы, долины крупных рек — Усумасинты, Грихальвы, Улуа и т. д., побережье больших озер — Амамтитлан, Петен-Ица и др.). Очевидно, экономика древних майя никогда не была односторонней (т. е. основанной преимущественно на одном продукте или способе добычи пищи), а, напротив, — хорошо сбалансированной и комплексной. Вместе с тем нельзя столь категорично отрицать важную роль маиса и маисового земледелия в жизни майя. Маис благодаря своим высоким пищевым показателям, приспособляемости к любым климатическим условиям и, что особенно важно, благодаря

своей способности к длительному хранению (что было наиболее удобной формой для накопления прибавочного продукта) являлся, по меньшей мере, *первым среди равных* на фоне других полезных возделываемых растений. «*Маис*, — подчеркивал К. Маркс, — вследствие его способности *расти в гористых местах*, что благоприятствовало его непосредственному возделыванию, вследствие его *пригодности к употреблению как в зеленом, так и в спелом виде*, вследствие его *высокой урожайности и питательных качеств*, был на ранних ступенях человеческого развития более богатым даром, способствовавшим прогрессу больше, чем все другие хлебные злаки взятые вместе...»⁸²

Многие исследователи, отмечая минусы мильпового земледелия, приходят к самым крайним оценкам по поводу общего характера культуры майя в I тысячелетии н. э.

«Наличие в тропических равнинных районах Мезоамерики цивилизации, основанной на подсечно-огневом земледелии, — пишет У. Сандерс, — представляет собой совершенно уникальное явление и требует дальнейшего объяснения. На основе опубликованных исследований о характере поселений в Петене и моих собственных работ в северных районах Юкатана, Табаско, Центрального Вера Круса и Хуастека можно сказать, что *урбанизм не был определяющей чертой цивилизации* (курсив мой. — В. Г.) в этих областях. Плотность руин домов в таких центрах, как Тикаль, Вашактун, Чичен-Ица и Пуук, не превышает рамок, свойственных сельским или пригородным поселениям»⁸³.

«Вопреки этим утверждениям, — пишет Д. Э. Дамонд, — доиспанский

город Майяпан на Юкатане остается примером поселения с концентрированным густым населением, обеспечиваемым в течение 250 лет на территории, где никто и никогда не знал никакой другой системы земледелия, кроме «милпового», и где не было другой системы транспорта, кроме мускульной силы человека»⁸⁴.

Единственное объяснение появления древних городских цивилизаций в горных районах Мезоамерики многие исследователи видели в создании ирригационных систем. Однако для территории майя наличие ирригации начисто отрицалось⁸⁵. Этот вывод считался настолько очевидным, что никто и не пытался искать следы более интенсивных систем земледелия в Петене и на Юкатане. И это при том, что большинство американистов хорошо знало о наличии сложных земледельческих террас в ряде областей территории майя: Оксинго⁸⁶, Комитан⁸⁷ (Чиापас), на востоке Гватемалы⁸⁸ и т. д.

Однако в 1968 г. удалось выявить бесспорные следы древних ирригационных сооружений, относящихся ко времени не позднее I тысячелетия н. э.⁸⁹ Так называемые «возвышающиеся (приподнятые) поля» («ridged fields») и каналы были обнаружены с воздуха по изменению цвета растительности и с помощью аэрофото съемки в районе р. Канделария (штат Кампече, Мексика) неподалеку от упоминавшегося в испанских хрониках важного культурного и торгового центра майя — Акалана. В 1970 г. совместно с археологами и географами были произведены и наземные исследования в этом районе.

«Возвышающиеся поля» расположены обычно на более высоких и сухих безлесных участках речной доли-

ны, на некотором удалении от главного русла. Общая их площадь в районе Ицамканака (Акалан) — 1,5—2 кв. км. И хотя эта цифра не так уж велика по сравнению со 100 кв. км чинамп в долине Мехико⁹⁰ и обширными системами «возвышающихся полей» в некоторых областях Южной Америки⁹¹, важен уже сам факт открытия интенсивного земледелия на территории низменных районов майя.

Согласно полученным данным, эти поля в районе р. Канделария ежегодно частично затопляются водой во время сезона дождей так, что из воды выступает только их верхняя часть. Правда, есть и высокие и низкие виды «полей»: одни полностью затопляются водой, а другие нет. Видимо, это было связано с разными условиями, необходимыми для выращивания разных видов возделываемых культур.

В местности Эль-Тигре на одном из таких «возвышающихся полей» были заложены проверочные шурфы. В первом случае археологи определили структуру почвы, но никаких вещей или керамики не нашли. В другом шурфе, близ реки, удалось обнаружить два больших куса твердого дерева. Согласно данным по C₁₄, возраст дерева составляет 1721±50 лет, т. е. — 229 г. н. э.⁹² «Это может доказывать, — пишут авторы исследований, — что упомянутые «поля» были сооружены где-то от конца доклассического до конца постклассического периодов»⁹³.

Еще более впечатляющую картину представляют собой оросительные каналы, отходящие от главного русла р. Канделарии. Они служили не только источником воды для орошения, но и как удобное средство сообщения

(на лодках) между городом, мелкими селениями и мильпами.

Через один из наиболее крупных каналов в районе севернее Эль-Тигре была заложена стратиграфическая 13-метровая траншея. Удалось выявить слой погребенной почвы по краям канала, засыпанной в древности в ходе его строительства. В центре канала находилась трех-четырёхметровая линза из раковин улиток, указывая на то, что именно здесь было когда-то его первоначальное дно.

Интересно отметить, что в районе Эль-Тигре были обнаружены и исследованы руины древнего города, существовавшего в конце классического и начале постклассического периода (800—1200 г. н. э.). Найдены отдельные фрагменты керамики и доклассического периода. Картографирование выявило здесь наличие 200—300 построек на 1 кв. км⁹⁴.

В заключение можно сделать следующие общие выводы о характере земледелия древних майя.

Система «мильпа» в том виде, в каком мы знаем ее на основе различных источников, была достаточно эффективной и устойчивой экономической базой древнемайяской цивилизации.

Этому во многом способствовали селекция важнейших сельскохозяйственных растений и гибридизация их на протяжении архаического периода (II—I тысячелетия до н. э.), а также создание к рубежу н. э. четкого и детально разработанного агрокалендаря, строго регламентирующего порядок и сроки всего цикла земледельческих работ.

Сложный, многоцелевой характер сельскохозяйственной культуры у древних майя (сочетание на одном

участке различных растений и деревьев) позволял им долгое время сохранять плодородие почвы даже в условиях интенсивной ее эксплуатации.

На обширной территории майя, особенно в долинах рек и по берегам пресноводных озер, имелось немало земель, плодородие которых сохранялось постоянно (ежегодные паводки, наличие подпочвенных вод, вулканические почвы и т. д.).

Концентрация населения и его большая плотность в значительной мере объяснялись фактом сочетания почти во всех областях, занятых майя, полей-мильп с огородами, рощами деревьев рамон, садами и приусадебными участками вблизи жилища, где за счет минеральных и органических удобрений, растительного перегноя и мусора почва постоянно сохраняла плодородие. Интенсивность обработки этих малых, околodomовых участков была велика: здесь уделялось внимание буквально каждому растению («грядковая», ручная культура). Не удивительно, что урожайность их вдвое превышала урожай с «мильпы». Это несколько «разреживало» общий характер застройки в данном селении, но зато значительно увеличивало плотность населения всего района (почти в 2 раза). Важную роль в концентрации населения на единицу площади играли также высокоурожайные культуры корнеплодов (манioca, батата и др.)

В доиспанский период майя горных и равнинных областей овладели и различными видами интенсивного земледелия: террасы, «возвышающиеся поля» и т. д.

Хотя земледелие играло главную роль в хозяйстве древних майя, последнее имело комплексный и слож-

ный характер. В зависимости от особенностей местных природных условий различные виды хозяйственной деятельности получали большее или меньшее развитие: на побережье Юкатана — добыча соли и морских продуктов, рыболовство; в тропических лесах Петена — маисовое земледелие и эксплуатация лесной кладовой: охота, сбор диких фруктов, плодов и растений; и т. д. Заметное место в сельскохозяйственном производстве занимали пчеловодство и разведение индеек.

Подсечно-огневое (мильповое) земледелие майя давало в древности устойчивый прибавочный продукт, достаточный для содержания господствующей верхушки общества, государственного аппарата и других групп населения.

РЕМЕСЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО У ДРЕВНИХ МАЙЯ

В настоящий момент наши сведения о ремесле древних майя еще слишком незначительны для того, чтобы детально судить об его особенностях, но их достаточно для общих выводов о примерном уровне его развития.

Здесь, как и при решении многих других проблем исторической науки, большую роль играют оценки и высказывания классиков марксизма-ленинизма по существу предмета, т. е. о древнем ремесле в целом и восточном в частности. Так, К. Маркс отмечает, что в условиях древневосточного деспотизма имело место сочетание «промышленности и сельского хозяйства в рамках мелкой общины...»⁹⁵. Ему же принадлежит и еще одно ценное наблюдение о характере ремесла в древневосточном горо-

де: «Города в собственном смысле слова образуются здесь... только там, где место особенно благоприятно для внешней торговли, или там, где глава государства и его сатрапы, вымывая свой доход (прибавочный продукт) на труд, расходуют этот доход как рабочий фонд»⁹⁶. Из этого вытекают два важных вывода: 1) внутри сельских общин ремесло еще не полностью отделилось от земледелия; 2) профессиональное ремесло существовало лишь там, где этого требовали нужды правящего класса.

О наличии у майя накануне конкисты профессиональных ремесленников говорят почти все испанские и индейские авторы XVI—XVII вв. Диего де Ланда перечисляет некоторые профессии юкатанских майя: «Ремесленниками у индейцев были *гончары и плотники*, которые много зарабатывали, делая идолов из глины и дерева, с соблюдением многочисленных постов и обрядов... и также были все остальные ремесла»⁹⁷.

«В настоящее время, — свидетельствует Лопес де Когольюдо, — существуют великие мастера во всех видах ручных работ... и их имеется множество в своих селениях, кроме тех, что помогают в городе и больших поселениях, — ...сапожники, *плотники, резчики по дереву*, камню, *скульпторы*, мебельщики, мастера, которые могли делать очень *любопытные вещи из раковин*, каменщики, *портные, художники* и все остальные»⁹⁸ (курсив мой. — В. Г.)

В «Словаре из Мотуля», составленном в XVI в. католическими миссионерами, упоминается о *красильщиках, гончарах, портных, кожевниках, каменщиках, скульпторах, плотниках*⁹⁹.

Бартоломе де Лас Касас приводит

аналогичные сведения для майя из горной Гватемалы. «Все индейские ремесленники, — пишет он, — *художники, мастера по изготовлению предметов из перьев, резчики по дереву и камню, ювелиры* и тому подобные, поклонялись и приносили жертвы упомянутым младшим сыновьям (богов. — В. Г.) творцов по имени Хунчевен (Huncheven) и Хунахан (Hunahan)»¹⁰⁰.

Американская исследовательница С. Майлз на основе анализа нескольких словарей горных майя XVI—XVII вв. выделила большую группу ремесленников в Горной Гватемале кануна конкисты:

ah noah — мастер-архитектор;
ah xom — каменщик;
ah xit, ah ruac — ювелир;
ah koht — скульптор;
tzacol, bitol — гончар;
ah tzim — тот, кто расписывает фигурки и маски;
ah p'ix — мастер по изделиям из перьев;
banal por — мастер по циновкам;
balare xibal — мастер по сандалиям¹⁰¹.

Таким образом, сам факт наличия профессионалов-ремесленников в обществе юкатанских и горных майя за несколько веков до прихода испанцев вряд ли может быть оспорен. Какую же роль играли они в экономике майя?

Учитывая общий натуральный характер хозяйства майяского земледельца в рамках сельской общины, пока трудно говорить о какой-либо его зависимости от рынка и ремесла. И в самом деле, дома майяских крестьян из дерева и глины строились их же руками, с помощью родственников и друзей. Главные сельскохозяйственные орудия — палка-копалка, плетеная

сумка для семян и другие — изготовлялись без особого труда самими земледельцами. То же самое можно сказать и о многих других бытовых и хозяйственных предметах: кухонная глиняная посуда, полые тыквы, зернотерки, простейший ткацкий станок, копье, лук и стрелы, ловушки, силки, рыболовные сети и крючки (из кости и раковин), грубые ткани из хлопка и растительных волокон и т. д.

Единственным исключением можно считать каменные топоры-кельты и ножевидные пластины из обсидиана. Не исключено, что они действительно изготовлялись в специальных ремесленных мастерских, хотя их производство вполне могло быть освоено и на месте, в рамках большой семьи. Таким образом, рядовой майяский земледelec имел у себя под рукой почти все необходимое для независимого ведения хозяйства.

На кого же в таком случае работали профессиональные ремесленники майя?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть различные категории ремесленников, о которых говорят письменные источники и данные археологии: ювелиры, мастера по изделиям из перьев, скульпторы, каменщики, художники и т. д.

Ювелиры. У майя классического и постклассического периодов к их числу относились прежде всего резчики по драгоценным и полудрагоценным камням, особенно — нефриту и жадеиту. Обилие изящных нефритовых статуэток, украшений и предметов культа во всех исследованных городах майя п несомненно майяский облик этих изделий (в частности, антропоморфные статуэтки с майяским типом лица) доказывают их местное производство, хотя нефрит и жадеит приво-

зили на Юкатан и в Петен либо из Оахаки, либо из горных районов Гватемалы. При знакомстве с мотивами классического искусства майя (фрески Бонампака, рельефы Йашчила, резные деревянные балки Тикаля) отчетливо видно, что нефритовые вещи и украшения были монополией правящей верхушки общества — царя, знати и жрецов. Об этом же недвусмысленно говорят и данные по погребальному обряду: подавляющее большинство нефритовых предметов содержится в погребениях и гробницах, которые можно связывать с царскими¹⁰². Придворные ювелиры и резчики по драгоценному камню (граверы) при особе правителя в Горной Гватемале XV в. упомянуты в «Анналах какчикелей»¹⁰³. Таким образом, не подлежит сомнению, что ювелиры майя работали прежде всего для правителя и его окружения.

Мастера по изделиям из перьев. Эти ремесленники неоднократно упоминаются как в ацтекских (Саагун), так и майяских источниках (словари горных майя) кануна конкисты. Однако достаточно обратиться к мотивам богатого классического искусства майя, чтобы признать наличие этой категории ремесленников уже в I тысячелетии н. э. На многих стелах и рельефах Тикаля, например, изображены персонажи высокого ранга в пышных костюмах и головных уборах из длинных перьев. Часто перьями украшены и края щитов, копья, копьеметалки и пояса этих персонажей. Видимо, речь идет здесь об изображениях правителей городов-государств. Об этом лишний раз свидетельствует изображение на полихромной керамической вазе, найденной в царском погребении (№ 116) в Тикале. На вазе изображен правитель в

пышном головном уборе из зеленых перьев (птицы кецаль), сидящий на троне, покрытом шкурой ягуара¹⁰⁴. При желании число таких примеров можно значительно умножить.

Скульпторы и каменщики. Они тоже обслуживали прежде всего царский двор и храмы, ибо только храмы и дворцы возводились целиком из камня и только с храмами и дворцами была связана вся известная нам монументальная каменная скульптура. Обилие каменных изваяний разного типа и их сложный характер, требовавший незаурядного мастерства от исполнителя, — веское доказательство в пользу существования у майя профессиональных скульпторов. Они изготовляли статуи богов (после сложных специальных церемоний и обрядов)¹⁰⁵, символические изваяния правителей на стелах, алтарях и рельефах, орнаментальные растительные и геометрические узоры на стенах и крышах каменных построек.

В ходе археологических исследований в городе Пьедрас Неграс американские ученые обнаружили несколько каменных блоков с любопытными резными изображениями. По предположению Л. Саттертуэйта, они представляют собой испорченные скульптурные работы учеников или начинающих скульпторов, забракованные и выброшенные впоследствии опытным мастером¹⁰⁶.

Видимо, все эти специалисты занимали достаточно привилегированное положение в обществе, находясь на ступеньку выше других ремесленников и рядовых земледельцев-общинников. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что названия ремесленников некоторых категорий, обслуживающих двор правителей майя-ките кануна конкисты, со временем пре-

вратились в придворные должности достаточно высокого ранга. Во время злополучной битвы киче с какчикелями вместе с правителем Уатлана пали на поле боя или были взяты в плен его сановники и родственники: ахшит (ahxit) — «ювелир», ахпувак (ahpuvak) — серебряных дел мастер, ахкот (ahqot) — резчик (гравер) и т. д.¹⁰⁷. О том же говорят и туманные пророчества юкатанских жрецов. Например, пророчество ко дню «Кан»:

5. также богат, знающий ремесла;
6. дрозд его знамение, желтые певцы — его птицы;
7. красное дерево — его дерево; искусный.

Или же пророчество ко дню «Чуэн»:

35. работающий с деревом, ткач — его знамение;
36. знающий ремесла, очень богатый
37. всю свою жизнь; очень хороши
38. все вещи, которые он сделает;
39. рассудительный также¹⁰⁸.

Хотя в последних примерах и не говорится о том, к какой конкретно профессии принадлежали богатые ремесленники, можно предполагать, что прежде всего имеются в виду люди, обслуживающие непосредственно царя и его приближенных.

В пользу этого говорит хотя бы тот факт, что сырье, необходимое для работы этих категорий ремесленников (драгоценные камни и минералы, перья диковинных птиц и т. д.), привозилось издалека торговыми экспедициями, организованными при содействии самого правителя, или же его получали в виде дани и подарков с подвластных земель.

Теперь необходимо остановиться на тех категориях ремесла, которые не были непосредственно связаны с двор-

цовым хозяйством, но которые тоже можно считать профессиональными.

Гончарство. По традиции считается, что подавляющая часть керамики у майя в классический период изготавливалась в рамках семьи руками женщин. И что касается грубой бытовой посуды, то этот вывод, видимо, вполне оправдан. Но как быть с многочисленной категорией парадной с полихромной росписью керамики, входящей в любой керамический комплекс исследованных городов майя I тысячелетия н. э.? Вычурные и изящные формы этой посуды, сложная техника покрытия ее поверхности тонким слоем штукатурки, точчайшие и многокрасочные росписи изощренного культового характера, иероглифические надписи — все это служит доказательством наличия у майя в I тысячелетии н. э. профессионалов-гончаров. Для кого же предназначалась прежде всего их продукция? Недавние работы американского исследователя Майкла Ко позволили установить, что значительная часть такой «парадной» посуды предназначалась для заупокойного культа правителя¹⁰⁹. Если это так, то мы опять имеем здесь дело с категорией ремесленников, обслуживающих нужды царского двора.

Но вряд ли деятельность подобных профессиональных гончаров высокого класса ограничивалась связями только с одним дворцом. Видимо, они изготавливали культовую и парадную посуду для больших и малых храмов, различных сановников, родовой знати, для богатых торговцев (на экспорт) и т. д. Так, по наблюдениям Т. П. Калберта, в Тикале в конце I тысячелетия н. э. до 1/3 всей глиняной посуды из жилищ горожан была изготовлена профессиональными ре-

месленниками и, видимо, была куплена на рынке ¹¹⁰.

То же самое относится и к гончарам, изготавливавшим терракотовые культовые статуэтки в формах и от руки. Наличие таких мастерских зафиксировано археологически в районе Чонтальпа, штат Табаско (Мексика), среди руин древнего городка Тьерра Нуэва ¹¹¹ и на острове Хайна, близ побережья Юкатана ¹¹². Статуэтки-свистульки подобного рода были распространены у майя, особенно в поздноклассическое время (600—900 гг. н. э.), необычайно широко и притом в самых разных слоях общества: их находят как в бедных, так и в богатых могилах (см. некрополь острова Хайна) ¹¹³.

Мастера по обработке кремня. Их наличие доказывается обилием изделий разных типов и назначения, встречающихся на древних памятниках майя: ножевидные пластины, ножи, наконечники копий, стрел и дротиков, фигурные кремни культового назначения и т. д. Здесь опять-таки наличие профессионалов-ремесленников можно доказать (да и то косвенным образом, ссылаясь на сложный характер самих изделий) только для части всей продукции: для наиболее сложных по выделке (отжимная ретушь) культовых (фигурные кремни) и военных предметов (кинжалы и наконечники копий). Правда, в Тикале, расположенном вблизи богатых залежей кремня, американским археологам удалось раскопать древнюю постройку (позднеклассического времени), которую они считают мастерской по выработке изделий из кремня. Основанием для подобного вывода послужило обилие готовых кремневых предметов и масса отщепов и ядрищ в этом доме ¹¹⁴,

явно превышающих по количеству потребности его обитателей. В то же время можно предполагать, что при наличии местных залежей кремня простейшие орудия и изделия из минерала изготавливались и в рамках семьи.

Мастера по обработке раковин

Как уже отмечалось, их существование подтверждается письменными источниками (Когольодо) ¹¹⁵. Не менее красноречивы и археологические данные. Например, при раскопках в Тикале найдено множество раковин, как целых (особенно «спондилус») — свыше 30 шт., так и в виде готовых изделий (сотни предметов): бусы, привески, нашивные пластинки, погремушки, фигурки людей, богов и животных, мозаичная работа и т. д. ¹¹⁶ Это служит весомым доказательством в пользу наличия в городе особой категории ремесленников, занятых обработкой раковин. Изготовление великолепных и сложных мозаичных масок с инкрустациями из раковин, предназначенных для культовых целей, было по плечу только профессионалу ¹¹⁷. Нужды культа и знати (украшения для парадного костюма) обслуживало, по-видимому, и большинство других ремесленников — мастеров по обработке раковин. Следует также учесть, что высоко ценимые майя раковины «спондилус» и другие крупные виды раковин происходят либо с Тихоокеанского, либо с Атлантического побережья, т. е. за сотни километров от Тикаля и других городов Петена. Следовательно, это было очень дорогое сырье. Для его добывания нужно было либо снаряжать дальние торговые экспедиции, либо платить хорошую цену приезжим торговцам.

Несколько иная ситуация существовала в прибрежных районах и на островах, где раковины были всем доступным и широко распространенным сырьем. Здесь можно предполагать и наличие мастеров, работающих на рынок, и обработку раковин даже в пределах семей: простые бусы, подвески, сосуды, ложки-черпаки, свистульки и т. д. Подтверждением этому могут служить археологические материалы с острова Хайна, расположенного у побережья Юкатана¹¹⁸. Таким образом, из всего вышесказанного следует: у майя бесспорно существовала категория ремесленников-профессионалов, выпускавших продукцию на обмен; их работа заключалась в основном в изготовлении предметов роскоши и культа, предназначенных для удовлетворения потребностей правящего класса майяских городов-государств; развитие товарного производства и обмена внутри основной массы населения было весьма ограниченным.

К сожалению, об организации ремесла у нас почти нет никаких сведений. Хроники, посвященные майя, сравнительно редко говорят об этом. Согласно Лас Касасу, художники, мастера по изделиям из перьев, резчики по дереву и камню, ювелиры и т. д. «поклонялись и приносили жертвы младшим сыновьям (богов-творцов Ицамны и Иш Чель. — В. Г.) — Хунчевену и Ханахану»¹¹⁹, т. е. имели богов-покровителей своих профессий. «С возникновением государства, — пишет Ю. В. Кнорозов, — появились божества-покровители сословий и профессий. Праздники в честь богов-покровителей земледелия были всеобщими. Особо справлялись праздники богов-покровителей охоты, рыбной ловли, пчеловодства и плантаций

какао. Жрецы, врачи, колдуны, воины, купцы и ремесленники имели своих богов-покровителей и свои праздники»¹²⁰. К этому списку следует, очевидно, добавить и некоторые категории ремесла. Наличие богов-покровителей профессий — это, в свою очередь, несомненный признак существования специалистов-ремесленников у древних майя. Интересно отметить, что у ацтеков, по сообщению Саагуна, к числу профессионалов-ремесленников, живших в отдельном квартале и имевших своих богов-покровителей, отнесены: золотых и серебряных дел мастера, мастера по изделиям из перьев («амантеки») и мастера по обработке драгоценных камней¹²¹.

Таким образом, наблюдается почти полное совпадение списка ремесленников-профессионалов у майя (по Лас Касасу) и ацтеков (по Саагуну): это ремесленники-ювелиры и изготовители предметов роскоши. Были ли даже эти ремесленники абсолютно свободными от занятия земледелием — мы точно не знаем. Можно только предполагать, что они жили доходами от своей профессии. Судя по параллелям с ацтеками, где аналогичная ситуация освещена источниками несколько лучше, та часть ремесленников майя, которая работала на нужды двора и правящей верхушки, существовала за счет своей продукции. Богатство и власть царя и знати были весьма значительными. Их потребности в предметах роскоши росли с каждым днем. Поэтому часть прибавочного продукта попадала, видимо, в руки работавших на привилегированные слои общества ремесленников¹²².

На каких условиях они работали? Были ли они работниками, служивших при особе правителя или знат-

ного лица, или же работали по договору? Для майя у нас нет никаких сведений на этот счет. Что касается ацтеков, то многие ремесленники были независимыми и ждали, когда их наймут. Кортес сообщает, что «на всех рынках и площадях Теночтитлана встречались ежедневно работники всякого рода в ожидании того, кто наймет их на этот день»¹²³. Хронист Диего Дуран упоминает такой факт. Правитель ацтеков Моктесума приказал сделать для него большую каменную статую и для этой цели созвал скульпторов со всей Мексики. После окончания работы «он распорядился выдать им плату за их работу, и им дали много нош майса и фасоли, перца, плащей и рубашек для их жен и детей; дали некоторое число нош какао... и каждому дали одного раба...»¹²⁴.

Таким образом, ремесленники у ацтеков нанимались правителем для какой-либо срочной, но временной работы. Однако были, видимо, и постоянно жившие при дворце ремесленники. Во всяком случае, так считает, со ссылкой на данные Саагуна, австрийский исследователь Фридрих Катц¹²⁵. Этот же автор на основе некоторых письменных источников приходит к выводу о довольно высоком социальном статусе ряда категорий ремесленников в ацтекском обществе (наличие некоторых привилегий, освобождение от личных повинностей и т. д.)¹²⁶.

Относительно майя у нас нет пока никаких данных на этот счет. Остается предполагать, учитывая большое сходство коренных социально-экономических институтов у всех доколумбовых народов Мезоамерики, что близкая ситуация имела место и в майяском ремесле.

О ХАРАКТЕРЕ ТОРГОВЛИ У ДРЕВНИХ МАЙЯ

Для определения уровня социально-экономического развития того или иного древнего общества огромную роль играют данные о характере его обмена и торговли. В этом плане не представляют исключения и древнейшие цивилизации доколумбовой Мезоамерики, хотя окончательный вывод относительно степени развития торговли в данном регионе Нового Света сильно затруднен малочисленностью и спецификой имеющихся источников.

Известно, какое значительное внимание уделяли в своих работах товарности производства и торговле в целом классики марксизма-ленинизма¹²⁷. Весомым вкладом в изучение древних культур Американского континента явилось и новое теоретическое положение советских исследователей о стадийной близости и большом общем сходстве социально-экономических структур ранних цивилизаций Старого и Нового Света¹²⁸. В этой связи особый интерес представляют взгляды К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина относительно торговли и обмена на Древнем Востоке. Касаясь данной темы, они прежде всего четко проводят мысль о том, что первичный обмен возникает повсюду как межобщинное, а не внутриобщинное явление¹²⁹.

Однако постепенно межобщинный товарный обмен начинает проникать и во внутреннюю жизнь каждой общины, оказывая влияние на ее основы и способствуя дальнейшему росту товарности производства. «И все-таки обмену, как бы велико ни было его цивилизующее воздействие, не удалось на Востоке задеть целост-

ность народной жизни»¹³⁰. Суть состояла в том, подчеркивал В. И. Лепин, что «азиатские деревни замкнутые, самодовлеющие (натуральное хозяйство) — база азиатских порядков + public works центрального правительства»¹³¹.

Вместе с тем К. Маркс неоднократно отмечал, что в древности на Востоке большое развитие получила именно внешняя торговля, так или иначе связанная с государством, с правящей верхушкой общества¹³². Основываясь на этих теоретических разработках классиков марксизма-ленинизма и на анализе конкретного исторического материала (данные археологии и письменные источники), советские исследователи пришли к выводу о том, что в ранних древневосточных государствах торговля носила преимущественно внешний и государственный характер.

Данные о внутренней торговле малочисленны и противоречивы. С одной стороны, она безусловно существовала и развивалась, оказывая определенное воздействие на самодовлеющие азиатские общины (иногда посетителями и покровителями частной торговли выступали на Востоке храмы)¹³³; но, с другой стороны, как уже отмечалось, она лишь частично смогла поколебать прочные устои замкнутых восточных общин.

Остается решить, в какой мере эти выводы и указания применимы к конкретным материалам доколумбовой Мезоамерики¹³⁴.

Для изучения обмена и торговли в доиспанскую эпоху мы располагаем здесь двумя видами источников: археологические находки и сведения европейских и индейских авторов. Однако первые несут на себе печать известной однозначности, поскольку

речь может идти только о некоторых видах неорганических предметов, выдержавших разрушительное воздействие времени в условиях влажного тропического климата. Вторые же — далеко не полны и освещают лишь события самого кануна конкисты, т. е. относятся только к постклассическому периоду (X—XVI вв. н. э.). В этой связи следует прибегнуть к поэтапному рассмотрению имеющихся в нашем распоряжении данных: сначала — по обмену и торговле у майя накануне испанского завоевания (на основе письменных источников), а затем — торговые связи классического периода (по данным археологии).

Прежде всего следует подчеркнуть, что система торговых путей и основных торговых центров на протяжении I—II тысячелетий н. э. претерпела существенные изменения. В классический период ведущую роль в развитии культуры майя играли городо-государства Центральной (равнинной) области во главе с Тикалем. В соответствии с этим и прокладывались торговые пути для связи с внешним миром: сухопутные и речные маршруты вели из Петена на восток, к Атлантическому побережью (упомянутый путь по р. Белиз); на север — вдоль берега моря, к Юкатану и его соляным разработкам; на юго-запад — в Горную Гватемалу (и через Каминальую — связь с Теотихуаканом); на запад — в бассейн р. Усумасинты и т. д. и т. п.

В IX—X вв. нашествие центрально-мексиканских племен нахуа вызвало упадок и запустение большинства городов Петена. Они так и не возродились вновь, а центр культурного развития майя переместился на север, к жителям полуострова Юкатан. В этом

и состоит, на мой взгляд, главная причина создания в постклассическое время длинного и сложного морского пути вокруг всего Юкатана к богатым землям Гондураса (Улуа) и Гватемалы (бассейн р. Мотагуа) в обход обезлюдивших и труднопроходимых джунглей Петена. Кроме того, в XV в. у западных границ майя (в портовых городах Табаско) появились посланцы могущественной ацтекской державы в лице вездесущих торговцев-«почтека», весьма заинтересованные в получении экзотических товаров юга.

Однако такая переориентация системы торговых связей майя в постклассический период и замена одних торговых центров другими не меняет общего характера майяской торговли на протяжении всех 1,5 тыс. лет, которые отделяют время появления первых городов-государств майя от испанского завоевания.

Профессиональными торговцами у майя были лишь те, кто занимался внешней и дальней торговлей. Только они имели свою особую организацию, своих богов-покровителей (бог какао, Эк Чуах — «черный бог» и т. д.), свои ритуалы и празднества, внешние символы и атрибуты (веер, посох с острым концом и т. д.).

Внутренняя торговля не носила профессионального характера: кто производил данный продукт, тот и обменивал его.

Внешняя и дальняя торговля носили у майя государственный, централизованный характер. Правитель и его ближайшее окружение, владея плантациями какао, соляными разра-

ботками и иными материальными ценностями (полученными с подвластного населения либо в виде налогов, либо в виде дани), имели все необходимое для ведения такой торговли, сопряженной со многими трудностями и риском.

Преобладающую часть товаров внешнего торгового обмена составляли предметы роскоши и различные экзотические продукты, шедшие прежде всего на нужды царского двора и культа.

К числу товаров чисто хозяйственного назначения, торговля которыми достигла значительного размаха, можно лишь отнести соль, обсидиан и некоторые породы твердого камня. Но и они доставлялись в джунгли Петена издалека.

В торговых операциях преобладал прямой обмен (товар на товар), хотя появились уже и определенные денежные эквиваленты: хлопчатобумажные плащи, нефритовые украшения, медные топоры, золотой песок, низки красных раковин и, наконец, самый распространенный — бобы какао.

Рынки и их организация достигли довольно высокого уровня развития. Наблюдается известная связь рынков с храмами и религиозными праздниками.

В целом общий характер торговли у майя и других народов доколумбовой Мезоамерики очень похож на аналогичные явления, существовавшие в цивилизациях Древнего Востока (особенно Шумер) на ранних этапах их развития.

- ¹ Возникновение и развитие земледелия, 1967, с. 33.
- ² Morley S. G., 1947, p. 141—155.
- ³ Cook O. F., 1921, p. 308—323.
- ⁴ Ланда Д. де, 1955, с. 144.
- ⁵ Ponce A., 1947, p. 64.
- ⁶ Meggers B., 1954.
- ⁷ Bronson B., 1966, p. 251—268.
- ⁸ Dumond D. E., 1961, p. 301—312.
- ⁹ Morley S. G., 1947, p. 441, 442.
- ¹⁰ Кинжалов П. В., 1971, с. 75.
- ¹¹ Mac Neish R. S. (ed.), vol. 1, 1965.
- ¹² Cowgill U. M., 1962, p. 283.
- ¹³ Bray W., 1972, p. 909.
- ¹⁴ Lange F. M., 1971, p. 619.
- ¹⁵ Cook O. F., 1921, p. 317.
- ¹⁶ Siemens A. H. and Puleston D. E., 1972, p. 229.
- ¹⁷ Вавилов Н. И., т. II, 1960, с. 166, 167.
- ¹⁸ Morley S. G., 1947, p. 141, 142.
- ¹⁹ Cook O. F., 1921, p. 308.
- ²⁰ Childe V. G., 1956, p. 64.
- ²¹ Steggerda M., 1941, p. 21, table 1.
- ²² Ibid., p. 93—108.
- ²³ Ibid., p. 113.
- ²⁴ Ibid., p. 124.
- ²⁵ Ibid., p. 126.
- ²⁶ Ibid., p. 127—130.
- ²⁷ Ibid., p. 149.
- ²⁸ Ibid., p. 149.
- ²⁹ Cowgill U. M., 1962, p. 276, 277.
- ³⁰ Cowgill U. M., 1966, p. 107, 108.
- ³¹ Ibid., p. 108, 109.
- ³² Ibid., p. 109.
- ³³ Ланда Д. де, 1955, с. 141, 144, 145.
- ³⁴ Cogolludo L. de, T. 1, 1954, p. 323.
- ³⁵ Ponce A., 1947, p. 64.
- ³⁶ Кнорозов Ю. В., 1963, с. 71.
- ³⁷ Там же, с. 72.
- ³⁸ Там же, с. 97.
- ³⁹ Recinos A. (ed.), 1950, p. 54.
- ⁴⁰ Пополь-Вух, 1959, с. 50, 51.
- ⁴¹ Там же, с. 80, 81.
- ⁴² Кнорозов Ю. В., 1963, с. 242.
- ⁴³ Там же, с. 247.
- ⁴⁴ Гуляев В. И., 1972, с. 128, 129.
- ⁴⁵ Кнорозов Ю. В., 1975, с. 229.
- ⁴⁶ Bullen R. and Plowden W., 1963.
- ⁴⁷ Coe M. D. and Flannery K. V., 1967, p. 71—104.
- ⁴⁸ Willey G. R., 1972, p. 247.
- ⁴⁹ Willey G., Bullard W., Glass I., Gifford I., 1965, p. 529.
- ⁵⁰ Ibid., p. 529.
- ⁵¹ Haviland W. A., 1975, p. 6, 7.
- ⁵² Willey G. R., 1972, p. 178, 179.
- ⁵³ Shaeffer E., 1951, p. 59, lam. IV.
- ⁵⁴ Berlin H., 1951, fig. 9.
- ⁵⁵ Anton F., 1968, p. 85.
- ⁵⁶ Steggerda M., 1941, p. 126.
- ⁵⁷ Harris D. R., 1972, p. 182, 183, 188.
- ⁵⁸ Вавилов Н. И., т. II, 1960, с. 166.
- ⁵⁹ Wagner H. O., 1969, p. 185.
- ⁶⁰ Cowgill U. M., 1962, p. 276, 277.
- ⁶¹ Villa Rojas A., 1945, p. 60, 65.
- ⁶² Ricketson O. G. and Ricketson E. B., 1937.
- ⁶³ Hardoy J., 1973, p. 226, 227.
- ⁶⁴ Vogt E., 1970, p. 52.
- ⁶⁵ Borah W. and Cook S. F., 1963, p. 91, 92.
- ⁶⁶ Кнорозов Ю. В., 1975, с. 230.
- ⁶⁷ Bray W., 1972, p. 910, 911.
- ⁶⁸ Ibidem.
- ⁶⁹ Wilken G. C., 1971, p. 441.
- ⁷⁰ Bullard W. R., 1954.
- ⁷¹ Lundell C. L., 1933, p. 71, 72.
- ⁷² Enciclopedia Yucatanense, T. I, 1945, p. 325.
- ⁷³ Culbert T. P., 1974, p. 48.
- ⁷⁴ Hellmuth N. M., 1970.
- ⁷⁵ Bronson B., 1966, p. 267.
- ⁷⁶ Cowgill U. M., 1971, p. 51, 52.
- ⁷⁷ Ibid., p. 55, 56.
- ⁷⁸ Sanders W. T., 1963, p. 95.
- ⁷⁹ Lange F. W., 1971, p. 619.
- ⁸⁰ Andrews E. W.-IV, 1965, p. 58.
- ⁸¹ Lange F. W., 1971, p. 625—636.
- ⁸² Маркс К.—Архив Маркса и Энгельса, т. IX, с. 7.
- ⁸³ Sanders W. T., 1966, p. 83.
- ⁸⁴ Dumond D. E., 1966, p. 95.
- ⁸⁵ Millon R., 1959, p. 1012.
- ⁸⁶ Cook O. F., 1921, p. 317.
- ⁸⁷ La Farge O. and Blom F., t. II, 1927, p. 429.
- ⁸⁸ Cook O. F., 1921, p. 317.
- ⁸⁹ Siemens A. H. and Puleston D. E., 1972, p. 229.
- ⁹⁰ Armillas P., 1968, p. 417.
- ⁹¹ Parsons I. and Denevan W., 1969, p. 93—100.
- ⁹² Siemens A. H. and Puleston D. E., 1972, p. 234.
- ⁹³ Ibid., p. 234.
- ⁹⁴ Ibid., p. 238.
- ⁹⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 46, ч. I, с. 464.
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ Ланда Д. де, 1955, с. 144.
- ⁹⁸ Cogolludo L. de, т. 1, 1954, p. 339.
- ⁹⁹ Кинжалов П. В., 1971, с. 85.
- ¹⁰⁰ Las Casas B. de, т. 1, 1967, p. 506.
- ¹⁰¹ Miles S. W., 1957, p. 767, t. 12.
- ¹⁰² Гуляев В. И., 1969.

- ¹⁰³ Recinos A. (ed.), 1950, p. 107.
- ¹⁰⁴ Coe W. R., 1965, p. 32, 42.
- ¹⁰⁵ Ланда Д. де, 1955, с. 144.
- ¹⁰⁶ Satterthwaite L., 1965, p. 9—18.
- ¹⁰⁷ Recinos A. (ed.), 1950, p. 107.
- ¹⁰⁸ Кнорозов Ю. В., 1963, с. 102, 103.
- ¹⁰⁹ Coe M. D., 1972, p. 79—88.
- ¹¹⁰ Culbert T. P., 1974.
- ¹¹¹ Sanders W. T., 1963, p. 217.
- ¹¹² Piña Chan R., 1968, p. 65.
- ¹¹³ Ibidem, p. 65.
- ¹¹⁴ Becker I. M., 1973, p. 398, 399.
- ¹¹⁵ Cogolludo L. de, T. 1, 1954, p. 339.
- ¹¹⁶ Moholy-Nagy H., 1963, p. 66—70.
- ¹¹⁷ Coe W. R., 1965, p. 30.
- ¹¹⁸ Piña Chan R., 1968, p. 71.
- ¹¹⁹ Las Casas B. de, T. 1, 1967, p. 506.
- ¹²⁰ Кнорозов Ю. В., 1975, с. 230.
- ¹²¹ Sahagun B. de, 1969, p. 56—58, 60—65.
- ¹²² Katz F., 1969, p. 51, 52.
- ¹²³ Cortes H., 1963.
- ¹²⁴ Duran D. de, T. 1, 1867—1880, p. 514.
- ¹²⁵ Katz F., 1969, p. 53.
- ¹²⁶ Ibid., p. 54.
- ¹²⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 21, с. 23—178.
- ¹²⁸ Ланда Д. де, 1955, с. 37, 38.
- ¹²⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 23, с. 364; т. 25, ч. II, с. 475.
- ¹³⁰ Виткин М. А., 1972, с. 58.
- ¹³¹ Ленин В. И., 1968, с. 282.
- ¹³² Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 46, ч. I, 1968, с. 464.
- ¹³³ Брюсов А. Я., 1957, с. 20, 21; Мас-сон В. М., 1973, с. 90, 91; Янков-ская Н. Б., 1972, с. 17—20.
- ¹³⁴ Подробное изложение взглядов автора на характер торговли у древних майя см. в работе: Гуляев В. И. О характере торговли у древних майя.— СЭ, 1976, № 1, с. 58—71.

ГЕНЕЗИС ГОРОДА МАЙЯ

Проблема происхождения древнего города, как и проблема происхождения раннеклассовых цивилизаций,— одна из сложнейших в исторической науке. Это связано как с большими теоретическими трудностями при объяснении переходного этапа от одной общественно-экономической формации к другой, так и с крайней скудостью источников, освещающих его. Не удивительно, что проблема генезиса города не только в Новом, но и в Старом Свете, даже в такой хорошо изученной археологически области, как Месопотамия, остается до сих пор почти не разработанной.

Однако для древних майя эти трудности усугубляются еще и рядом специфических причин. Города классического периода в Южной Мексике и Северной Гватемале в IX—X вв. н. э. пришли в упадок и погибли в силу не совсем ясных пока причин. Их руины, отражающие, естественно, последний, поздний этап развития, быстро поглотили тропические джунгли. К моменту испанского завоевания (XVI в.) здесь жили лишь редкие и слабые индейские племена, уступавшие по всем культурным показателям своим далеким предкам. Вплоть до недавнего времени различные трудности и преграды естественного характера и почти полное отсутствие постоянных селений и дорог в этой части Мезоамерики сильно затрудняли их археологическое исследование.

Все древние руины, за исключением наиболее высоких храмовых пирамид, за прошедшие столетия были укрыты густой зеленью тропического леса, и теперь их почти невозможно обнаружить ни с воздуха, ни с земли. Кроме того, более ранние памятники часто оказываются погребенными под толщей позднейших культурных напластований. На полуострове Юкатан, где нет рек, ручьев и озер, вся жизнь, как в древности, так и в колониальный период, была сосредоточена вокруг «сенотов» — естественных карстовых воронок-колодцев с водой. В Петене — аналогичная картина: привязанность древних поселений к берегам рек и озер. В результате подавляющее большинство памятников архаического периода (2000—100 гг. до н. э.), предшествующего появлению городов и цивилизации, оказались перекрытыми поселениями последующих эпох.

Следует указать и еще на одну деталь. Многие архитектурные и скульптурные сооружения майя конца архаики и начала классического периода были безвозвратно утрачены в силу особенностей идеологии местных индейцев. Они уничтожали через определенный отрезок времени старый храм и связанные с ним каменные изваяния (стелы, алтари) и строили на том же месте новый. Правда, прежняя храмовая пирамида (стилобат), как правило, включалась в виде составной части и в новую,

более крупную субструкцию, предохраняя ее тем самым от естественного разрушения. Именно по этой причине многие пирамиды больших майяских храмов конца I тысячелетия н. э. напоминают собой по структуре луковцу, где под внешней оболочкой почти всегда содержится несколько более древних сооружений. Не следует забывать и того, что в процессе естественного роста длительно существовавших городов более ранние их памятники неоднократно перестраивались и разрушались.

В силу вышесказанного, мы располагаем в настоящее время крайне малочисленными и ограниченными археологическими материалами, освещающими генезис города древних майя.

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Проблема происхождения древнего города, несмотря на всю ее сложность и относительную малочисленность доступных источников, постоянно находится в центре внимания исследователей.

В настоящее время большинство урбанистов согласно с тем, что для появления ранних городов были необходимы определенные условия, и прежде всего благоприятная природная среда. Не случайно все древнейшие города и в Старом, и в Новом Свете возникли в тропических и субтропических широтах с сухим и теплым климатом, на аллювиальных плодородных равнинах, вблизи крупных речных или озерных систем (долины Тигра и Евфрата — в Месопотамии, долина Нила — в Египте, долина Инда — в Индии, долина Мекси-

ко с сетью озер — в Мексике, речные долины на засушливом побережье Перу и т. д.)¹. Другой важной предпосылкой явилось формирование производящих форм хозяйства — земледелия и скотоводства. «„Городская революция“, — подчеркивает, используя терминологию Г. Чайлда, английский урбанист Э. Джонс, — произошла прежде всего там, где перед этим имела место «неолитическая революция», заключавшаяся в появлении обществ с производящей экономикой»².

Новые формы хозяйственной деятельности человека, возникшие на основе «неолитической» технологии, стали давать устойчивый и значительный прибавочный продукт³. Особенно быстрое развитие земледельческо-скотоводческих обществ наблюдается как раз в перечисленных выше тропических и субтропических зонах с засушливым и теплым климатом, богатыми аллювиальными почвами и постоянными источниками воды — для жизненных нужд человека и для орошения⁴.

Исходя из этого, К. Витфогель создал свою пресловутую «гидравлическую» гипотезу о происхождении города и государства в древнем мире. Суть ее состоит в следующем. Во многих областях, где успех земледелия зависел от создания крупных ирригационных систем, рано появилась необходимость в выделении группы людей с организаторско-управленческими функциями. Именно эти люди, располагая контролем над водой — решающим условием для местного сельскохозяйственного производства, превратились со временем в господствующий класс. Конечный продукт этой эволюции — появление «восточного деспотизма»⁵.

Принципиальную критику основных положений «гидравлической» гипотезы К. Витфогеля можно найти в работе Б. В. Андрианова⁶. Здесь же достаточно сказать, что «иригационный» подход к проблеме происхождения городской цивилизации совершенно неприемлем в случае с древними майя, у которых, как известно, иригационное земледелие в сколько-нибудь широких масштабах не применялось. Однако ни благоприятное экологическое окружение, ни производящая экономика сами по себе еще недостаточны для того, чтобы дать жизнь городу. Для этого, по словам К. Дэвиса (США), необходимо «оторвать» прибавочный продукт от непосредственного производителя-земледельца и использовать его для содержания людей, не занятых непосредственно в сфере производства пищи: религиозных и светских должностных лиц, торговцев, ремесленников, воинов и т. д., т. е. речь идет здесь о необходимости сложения известных *социальных* предпосылок⁷.

Итак, для возникновения древнего города требовались следующие условия: благоприятная природная среда, развитая экономическая база и технология, сложная социальная организация⁸.

В какой же мере были представлены эти предпосылки в культуре древних майя и каковы основные точки зрения на происхождение майяских городов?

Выше уже говорилось о том, что многие зарубежные исследователи вслед за У. Т. Сандерсом, Г. Уилли, Э. Томпсоном и другими считают, что равнинная область влажных тропических лесов, где возникла и развивалась классическая культура майя, не слишком благоприятствова-

ла рождению цивилизации. Столь же скептическое отношение наблюдается среди ряда специалистов и к потенциальным возможностям майяской экономики, и прежде всего подсечно-огневого земледелия⁹.

Именно этим, видимо, и объясняется явное преобладание в современной майянистике взглядов, отрицающих наличие настоящих городов у майя в I тысячелетии н. э. и постулирующих там только «ритуальные центры». Однако это не снимает вопроса о происхождении и характере тех же самых «ритуальных центров».

Г. Уилли еще два десятилетия назад выдвинул предположение о существовании в истории доиспанской Мезоамерики нескольких типов поселений, в том числе для доклассического (архаического) периода: а) земледельческие поселения (*village-farming societies*), б) храмовые центры, окруженные земледельческими поселениями (*temple center-and-village societies*)¹⁰.

В более или менее отчетливой форме такие «центры» появились здесь только со среднего этапа доклассического периода, т. е. после 900 г. до н. э. (ольмекские памятники типа Ла Венты, Каминальхуйю в Горной Гватемале, Монте Альбан — I в Оахаке и т. д.). «Ритуальные центры, — пишет Г. Уилли, — представляли собой места, где аккумулировались такие элементы цивилизации, как монументальное искусство, организованное жречество, правящая элита, дальняя торговля, ремесленная специализация и, особенно для Мезоамерики, астрономические знания и письменность...»¹¹ Внешне эти «центры» отличались от прежних земледельческих селений наличием участков с ритуальными и другими обще-

ственными зданиями. Но если отличие «ритуального центра» от простых оседлых поселений раннеземледельческой эпохи вполне понятно, то характерные признаки, отделяющие его от города эпохи цивилизации, в определении Г. Уилли почти не улавливаются.

Судя по некоторым работам данного исследователя, для «ритуального центра», помимо всего прочего, характерно очень *незначительное постоянное население* и «*рассеянный*» (dispersed) характер застройки, тогда как «город», напротив, отличается *большой концентрацией и плотностью размещения жителей*¹². Столь густое население, естественно, легче было обеспечить с помощью интенсивных систем земледелия, практиковавшихся в горных районах Мезоамерики. Именно тогда и родилась знаменитая гипотеза Г. Уилли о наличии у майя в I тысячелетии н. э. «цивилизации без городов». Позднее он несколько изменил свою точку зрения, сказав, что у майя в классический период не было не только городов, но и цивилизации и что они только стояли на пороге великих свершений¹³.

Таким образом, по мнению упомянутого выше исследователя, на территории древних майя, начиная со среднеархаического времени (около 500 г. до н. э.) и вплоть до конца I тысячелетия н. э., существовал лишь один вид крупных поселений — «ритуальные центры», окруженные мелкими земледельческими деревушками. В чем состоит отличие доклассического «центра» от классического, остается в работах Г. Уилли неясным.

Более четко освещены вопросы генезиса мезоамериканского города в исследованиях У. Сандерса. Он считает, что в эпоху, предшествующую

появлению цивилизации и называемую им «Chiefdom Stage» (эквивалентом этому термину может служить «эпоха военной демократии» или «эпоха племенных союзов»), в Мезоамерике возникают «ритуальные центры» (ceremonial centers) с очень небольшим числом постоянных жителей в лице представителей правящего рода и их слуг. Подобные центры представлены со среднеархаического времени памятниками ольмеков, долины Мехико, Оахаки и Горной Гватемалы¹⁴. В I тысячелетии н. э. (классический период) в Мезоамерике появляются и настоящие города — «cities», но это произошло далеко не везде: в горных засушливых районах с ирригационным земледелием города были, а в низменных лесных районах с подсечно-огневым земледелием существовали только «ритуальные центры» и «негородская цивилизация». Для истинного города, по У. Сандерсу, характерны прежде всего значительная концентрация населения, его резко выраженная социальная дифференциация и отчетливое разделение труда (экономическая специализация)¹⁵.

Всего этого в лесных низменных районах майя якобы нет или же есть, но в недостаточной мере, поэтому У. Сандерс и отрицает городской характер классической культуры майя. Единственное, чего добились майя на протяжении многих веков после появления в среднеархаическое время (около 500 г. до н. э. и позже) «ритуальных центров», — это чисто количественного изменения последних в «макроритуальные центры» (macroritual centers)¹⁶. Следовательно, и здесь мы не находим никаких качественных сдвигов в структуре майяских «ритуальных центров» в те-

чение почти 1500 лет их существования.

Многие исследователи, признавая наличие у майя в I тысячелетии н.э. настоящих городов, вместе с тем считают, что в доклассический период, особенно во второй половине I тысячелетия до н.э., в Мезоамерике существовали только *ритуальные центры*. «Прото- и доклассические майяские поселения,— пишет Дж. Эндрюс,— представляли собой, вероятно, не что иное, как небольшой ритуальный центр, окруженный разбросанными группами домов»¹⁷. По словам Х. Ардоа, «Куикуилько, Серро дель Тепелькате и другие памятники в центральной части долины Мехико могли быть земледельческими и полужемледельческими селениями, но они имели еще и храмы и поэтому, видимо, играли роль гражданско-ритуальных центров регионального значения»¹⁸. Таким образом, здесь подчеркивается уже и политико-административное значение этих городов — центров определенных, сравнительно узких районов и областей.

Весьма ценное наблюдение о локализации доклассических поселений майя содержится в работе Э. Шука и Т. Проскуряковой: выяснилось, что все эти памятники возникли только в местах, пригодных для ведения земледельческого хозяйства,— на открытых, равнинных участках¹⁹. Эти же авторы считают, что в протогородской период (в конце I тысячелетия до н.э.) у майя были не только ритуальные центры, а и городки (towns) — крупные селения, выполнявшие, помимо ритуальных, и различные гражданские функции²⁰.

Интересные высказывания о природе протогородских центров Нового Света принадлежат М. Фаулеру

(США). Он выделяет среди различных доиспанских памятников поселения, «которые демонстрируют функционально различные участки в пределах своих границ и имеют большую округу, над которой они доминируют, и связанные с ними более мелкие общины-сателлиты. Одна из черт, которая отличает эти крупные общины от их сателлитов, состоит в наличии центрального участка, предназначенного для ритуальных и политических целей и воплощенного в специализированной архитектуре. Среди других характерных их черт можно назвать ремесленную специализацию в общине и наличие социального механизма для перераспределения товаров и услуг как для самой общины, так и для ее округи»²¹. М. Фаулер предпочитает называть такие поселения термином «городок» (town), или «храмовый городок» (temple town). В качестве наиболее характерных примеров поселений такого рода он ссылается на памятники юго-восточных районов США (долина Миссисипи) I—II тысячелетий н.э. и на доклассические центры среднего и позднего этапов Мезоамерики I тысячелетия до н.э.²²

Наконец, в заключение нашего историографического обзора необходимо сослаться на гипотезу археолога из США У. Радже, непосредственно касающуюся генезиса майяского города. Сущность ее такова: город, согласно У. Радже, появился в низменных лесных областях майя в результате интенсивной торговой деятельности могущественной правящей элиты, стремившейся снабдить всем необходимым (соль, обсидиан, твердые породы камня) население зоны, лишенной многих важных природных ресурсов²³. Таким образом, решающую роль в происхождении и разви-

тии городов и цивилизации майя отводится здесь торговле с другими, преимущественно дальними областями.

Из всего вышесказанного следует, что в зарубежной майянистике преобладают две точки зрения на генезис майяского города (или «центра»): во-первых, что это преимущественно *культовый* центр; во-вторых, преимущественно *торговый* центр. Лишь в некоторых случаях политико-административные функции, да и то в качестве второстепенных, прилагаются к протогородским и городским майяским поселениям. Нет пока и четкого представления о различиях между «ритуальным центром» доклассического и классического периодов.

Ряд важных положений относительно генезиса древнего города можно найти в трудах классиков марксизма-ленинизма.

Одним из важнейших условий появления города является разделение труда: «Разделение труда в пределах той или иной нации приводит прежде всего к отделению промышленного и торгового труда от труда земледельческого и, тем самым, к отделению *города от деревни* и к противоположности их интересов»²⁴. По мысли К. Маркса и Ф. Энгельса, города на Древнем Востоке возникают лишь там, «где место особенно благоприятно для внешней торговли, или там, где глава государства и его сатрапы, выменивая свой доход (прибавочный продукт) на труд, расходуют этот доход как рабочий фонд»²⁵. Следовательно, происхождение и первоначальное развитие древневосточного города было связано с тем, что, будучи центральным поселением определенного района или области и местом со-

средоточения государственных учреждений во главе с правителем, он привлекал к себе ремесленников и торговцев, обменивавших свои изделия и свой труд на часть прибавочного продукта, сосредоточенного в руках правящей элиты. Стремясь еще более подчеркнуть это положение, К. Маркс в своей известной работе «Формы, предшествующие капиталистическому производству» пишет: «...история Азии — это своего рода нерасчлененное единство города и деревни (подлинно крупные города могут рассматриваться здесь просто как государевы станы, как нарост на экономическом строе в собственном смысле)»²⁶. Таким образом, наличие в данном населенном пункте царской резиденции, царского двора, а также влияние внешней торговли — вот два важнейших фактора, формирующих древний город.

Каков же был наиболее распространенный путь образования городов классической древности?

К. Маркс и Ф. Энгельс считали, что во времена античности город образуется путем объединения (добровольного или принудительного) нескольких общин²⁷. «При объединении в город, — подчеркивает К. Маркс, — община как таковая обладает экономическим существованием; само *существование* города как такового отличается от простой множественности независимых домов. Здесь целое не просто сумма своих частей. Это своего рода самостоятельный организм»²⁸. По мнению К. Маркса, в государственной системе сельских общин город является производным элементом, а его исходные элементы — это община и государственная власть²⁹. Наконец, весьма важным представляется указание классиков

марксизма на ту историческую эпоху и те исторические условия, когда впервые наблюдается формирование городских поселений: «Наибольшее разделение материального и духовного труда, это — отделение города от деревни. Противоположность между городом и деревней начинается вместе с переходом от варварства к цивилизации, от племенного строя к государству...

Вместе с городом появляется и необходимость администрации, полиции, налогов и т. д. — словом общинного политического устройства, а значит и политики вообще»³⁰.

Еще более четко определил хронологические рамки данного процесса, связав его с эпохой военной демократии, т. е. с переходом от первобытно-общинного строя к раннеклассовому, Ф. Энгельс. «Недаром, — подчеркивает он, — высаты грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни достигают уже цивилизации»³¹. Ф. Энгельс перечислил и основные элементы социально-политической структуры этого важного переходного периода: военачальник (царь, басилевс), совет старейшин и народное собрание.

Обобщив многочисленные материалы по археологии, истории и этнографии из самых разных регионов земного шара, советские ученые убедительно показали, что основные теоретические положения классиков марксизма-ленинизма о природе древнего города полностью сохраняют свое значение и в наши дни. «Типичный гомеровский полис, будь то Троя, Итака, город феаков..., — пишет Ю. В. Андреев, — обычно бывает наделен всеми признаками самоуправления общины. В нем обязатель-

но имеются в наличии агора, место для судебных тяжб и народных собраний, и царский дворец, в котором пируют и совещаются о «государственных делах» «старцы народные». Сами понятия общины и города в их эпическом употреблении тесно между собой связаны»³². Важную роль сельской общины в происхождении раннего города подчеркивает и востоковед И. Ш. Шифман. «Город, — указывает он, — возникает и развивается из соседской общины; его отличие от последней заключается в том, что он наряду с характерными чертами общины приобретает функции, свойственные государству»³³. Не менее интересно и высказывание Ю. В. Андреева о путях образования раннегреческого полиса. «Обычным путем, по которому шло становление раннего полиса, была интеграция мелких первичных общин в более крупные политические образования. Чаще всего этот процесс происходил в форме... «синойкизма», т. е. слияния нескольких... расположенных по соседству родовых поселков... в единый жилой массив с общим религиозно-политическим центром в виде священного участка (темена) и места для народных собраний и судопроизводства (агоры)...»³⁴ Причиной подобного объединения, как правило, служили какие-либо внешние обстоятельства. Далее, справедливо отметив, что города-государства, во многом похожие на раннегреческий полис, существовали в разное время и в других регионах земного шара, Ю. В. Андреев пишет, что «восточные полисы... не проявили достаточной жизнеспособности и довольно быстро сошли с исторической сцены, уступив свое место обширным территориальным государствам, объединенным под

властью обожествленного деспота»³⁵. Не берусь судить, насколько это заявление справедливо для городов древней Месопотамии (хотя и там, по самым минимальным подсчетам, города-государства полисного типа существовали, если признать первым крупным территориальным государством державу Саргона Аккадского, XXIV в. до н. э., не менее 600—700 лет)³⁶, однако в доколумбовой Мезоамерике (особенно на территории цивилизации майя) города-государства просуществовали почти 1500 лет, с рубежа н. э. и вплоть до испанского завоевания.

В советской американистике вопросы генезиса майяского города до сих пор почти не освещались, если не считать отдельных высказываний Ю. В. Кнорозова в связи с исследованиями календаря древних майя³⁷.

•

Какие именно факторы обусловили размещение городов в тех местах, где они паходились? Соображения стратегического порядка — защищенное от нападений врагов естественное убежище? Выгоды нахождения на перекрестке удобных путей сообщения (рек, озер, морей, дорог и т. д.)? Торговые соображения? Наличие минеральных ресурсов? Любая общая работа о древнем городе изобилует пространными рассуждениями на этот счет с подробным разбором «за» и «против» всех вышеназванных факторов.

Однако, поскольку существует мнение о происхождении ряда черт городской планировки и архитектуры майя в культуре предшествующего, архаического периода, будет небесполезно обратиться и к локализации самих архаических поселений. На

территории низменных тропических районов майя не удавалось найти и раскопать какого-либо целого архаического памятника, поэтому речь пойдет просто о наличии археологических материалов (керамики, глиняных статуэток) этого периода в тех или иных пунктах территории майя.

На полуострове Юкатан и в Петене до сих пор не найдено ни одного фрагмента раннеархаической керамики (2000—1000 гг. до н. э.). Это, по-видимому, доказывает, что племена майя пришли в низменные лесные районы лишь в начале среднеархаического времени (от 1000 г. до н. э. и позднее) из горных областей Чиапаса, Гватемалы, Сальвадора и Гондураса и т. д.³⁸

Наиболее ранние материалы, найденные в низменных лесных областях майя, относятся к 1100—900 гг. до н. э. в Алтар де Сакрифисос³⁹ (этап «Ше»), в Цибильчальтуне («Формативный — I»: 965±340 г. до н. э.)⁴⁰, в Тикале (этап «Эб»: 588±53 г. до н. э.)⁴¹, в Вапактуне (этап «Мамом»: 900—600 гг. до н. э.)⁴². Есть среднеархаические слои и в ряде других пунктов территории майя: Сан Хосе, Нохоч Эк, Бартон Рамье, Бенке Вьехо — в Белизе; Сейбаль, Тирадеро — в бассейне р. Усумасинты; Мани (сенот), Санта Роса Штампак, Цибильнокак, Санта Крус, Майяпан, Шпухиль, Йашуна — на Юкатане; Копан — в Западном Гондурасе.

В это время отмечено и появление первых ритуальных построек на пирамидальных основаниях, а также планировка зданий вокруг прямоугольных площадей⁴³.

Позднеархаический период (500—100 гг. до н. э.) представлен в Петене

и на Юкатане гораздо большим числом памятников. Помимо перечисленных выше, сюда можно добавить Лубаантун, Кашаль Куниль, Маунтин Кау — в Белизе, Хольмуль, Йашха — в Петене; Чичен-Ица, Акансех, Лольтун, Танках и др. — на Юкатане; Паленке — в Чиापасае и др. Помимо значительного роста числа поселений, наблюдается появление зачатков монументальной каменной архитектуры — храмов, дворцов, «акрополей».

Обратимся к карте, показывающей размещение городов классического периода на территории Центральной области майя. В нашем распоряжении почти для каждого города есть определенные серии дат из календарных надписей на стелах, рельефах, алтарях, фресках и керамике⁴⁴. И хотя эти серии не совсем точно отражают полный хронологический диапазон существования данного памятника, известное представление о периодах его расцвета и гибели они дают.

Ранее всего появляется, судя по эпиграфическим данным, группа городов в Центральном Петене: Тикаль (292—869 гг. н. э.), Вапактун (327—889 г. н. э.), Волатун (406 г. н. э.), Йашха (465 г. н. э., но есть стела в стиле Исапы, I—III вв. н. э.). Затем возникают центры к северу, югу и западу от этой первоначальной группы: Балакбаль (401—406 гг.), Копан (460—805 гг.), Алтар де Сакрифисьос (465—731 гг.), Тонина (490—810 гг.).

K VI в. н. э. относятся первые монументы с датированными надписями в городах: Йашчилан (509—771 гг.), Пьедрас Неграс (502—810 гг.) — на р. Усумасинте, Шультун (509—889 гг.), Наачтун (519—790 гг.) — в Петене, Пусильха (551—731 гг.) — в

Белизе. В VII в. н. э. появляются На-ранхо, Паленке, Калакмуль, Цепдалес, Коба, Ушуль, Эль-Энканто, Чинкультик, Эль-Тортугеро, Тила, Кешиль, Цибанче.

Если посмотреть на местонахождение ранней группы майяских городов и сопоставить ее с размещением архаических памятников на той же территории, то получится следующая картина: и памятники I тысячелетия до н. э., и ранние города встречаются весьма неравномерно. Наблюдается полное совпадение районов концентрации архаических и классических поселений. Один из таких густо населенных районов находился в позднеархаическое время в центральной и северной частях Петена. Здесь и появляются впоследствии наиболее ранние майяские города. Второй район — бассейн р. Усумасинты; третий — в центральной части Юкатана; четвертый — в Белизе и пятый — в районе Копана (Гондурас). Остановимся прежде всего на области Петен. Древнейшие майяские города Тикаль и Вапактун возникли здесь в районе значительной концентрации поселений предшествующего периода. Если учесть, что жители этих поселений были главным образом земледельцами, то можно сделать вывод о появлении первых городов майя в густонаселенных и процветающих земледельческих областях.

Что же предопределяло локализацию архаических памятников? Видимо, как и повсюду, это были, прежде всего, природные факторы:

- 1) наличие источников воды,
- 2) наличие годных для обработки земель вокруг поселка,
- 3) наличие пищевых и сырьевых ресурсов.

В этом смысле Петен — весьма благоприятный район. Здесь в достаточном количестве имеется питьевая вода из рек и больших озер (Петен-Ица, Йашха), плодородные почвы, залежи кремнистого сланца и известняка, древесина, дичь, фрукты и плоды из лесной кладовой. Однако Тикаль — крупнейший и наиболее древний центр классической культуры майя — был лишен постоянных источников воды, а жители его пользовались в сухое время года запасами дождевой воды, собранной в искусственные бассейны и резервуары. Что же заставило майяского земледельца обосноваться в самой глубине влажного тропического леса, вдали от рек, ручьев и озер? Ответ может быть только один — наличие значительного массива плодородных земель в этом районе. В качестве подтверждения этого тезиса можно сослаться на сводку типов почв в окрестностях Тикаля (с оценкой их земледельческого потенциала), приведенную в работе У. Сандерса⁴⁵. Из нее видно, что до 46% всех земель на территории 1000 кв. км вокруг Тикаля обладало необычайно высоким плодородием.

То, что этот фактор предопределил не только локализацию архаических поселений, но и местоположение первых майяских городов, весьма показательно. Древнейшие города появились здесь, таким образом, в наиболее процветающих и густонаселенных земледельческих районах.

ИСТОКИ МАТЕРИАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ ГОРОДА

В начале работы было изложено общее определение понятия «город» в применении к древним майя и при-

ведены некоторые археологические признаки городских поселений майя: наличие монументальных храмов и дворцов, выделение их из общей городской застройки с помощью различных искусственных приемов и средств («акрополи», стены, рвы), планировка зданий вокруг прямоугольных дворики и площадей и т. д. Поэтому вполне естественно, что при рассмотрении проблемы генезиса майяского города необходимо обратиться прежде всего к поискам корней и истоков перечисленных выше материальных признаков городской жизни.

Благодаря многолетним раскопкам городов майя исследователи собрали к настоящему времени множество важных сведений о каменной архитектуре классического периода. Несмотря на ряд локальных отличий, почти для всех архитектурных стилей области майя свойственно несколько общих признаков: а) употребление ступенчатого свода (за исключением части Горной Гватемалы); б) планировка архитектурных сооружений в виде комплексов, расположенных вокруг прямоугольных дворики или площадей; в) повсеместное использование стилобатов — фундаментов в виде высоких усеченных пирамид или низких платформ; г) концентрация важнейших религиозных и административных зданий города на естественных или искусственно созданных возвышенностях — «акрополях» и т. д.

Хотя монументальная архитектура майя I тысячелетия н. э. изучена довольно хорошо, многие важнейшие вопросы, связанные с ней, по-прежнему остаются нерешенными. Особенно много споров вызывает вопрос о времени и месте происхождения

построек со ступенчатым сводом — наиболее специфической черты архитектуры классической эпохи. Ряд исследователей, в их числе С. Морли и А. Смит, пришли к выводу о местном происхождении этой черты где-то около IV в. н. э.⁴⁶ При этом они неоднократно подчеркивали, что наиболее ранние образцы каменных зданий со ступенчатым сводом на территории майя появляются прежде всего в Петене и Белизе.

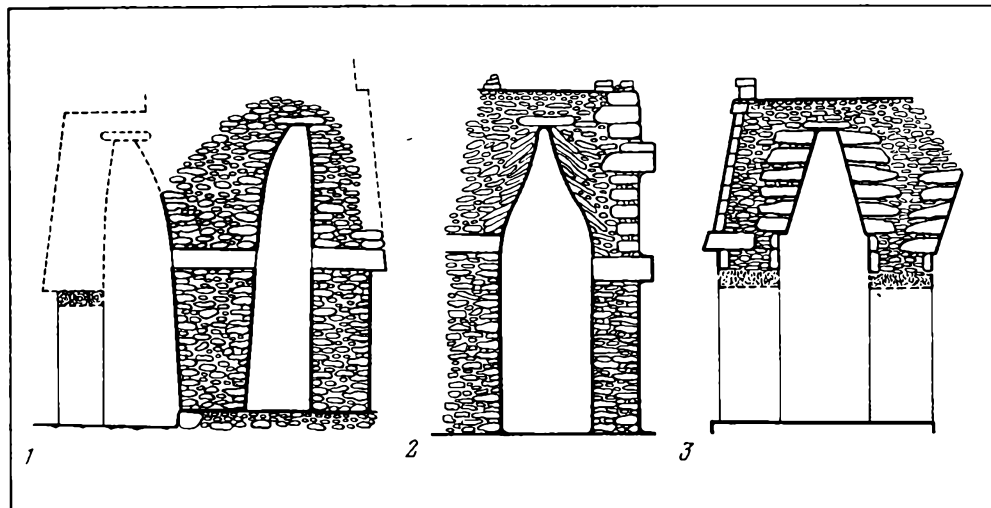
Археологические работы последних лет позволили значительно изменить прежнюю точку зрения. В 1962 г. в Алтар де Сакрифисьос (на северо-западе Петена) внутри пирамиды позднеархаического времени была обнаружена гробница, сложенная из тесаных блоков красного песчаника. Ее перекрытие было сделано с использованием ступенчатого свода. Обломки керамики, найденной внутри пирамиды, относятся по местной периодизации к этапу Планча, что

соответствует примерно 300—100 гг. до н. э.⁴⁷

Точно такие же каменные гробницы со ступенчатым сводом (Burials 166, 167, 85) были найдены при раскопках Северного Акрополя в Тикале. Все они датированы серией радиоуглеродных дат и керамикой типа «Кавак» 50 г. до н. э. — рубежом н. э.⁴⁸

Следовательно, в Петене первые каменные постройки со ступенчатым сводом появляются еще на заключительном этапе архаического или доклассического периода. Правда, в техническом отношении это были еще довольно простые сооружения — каменные гробницы с низкими стенами. Но сам принцип сводчатых перекрытий был уже изобретен. В дальнейшем, по мере развития своего технического мастерства, майяские архитекторы стали применять ступенчатый свод и при сооружении более крупных зданий — храмов и дворцов. О том, что это произошло где-то около рубежа н. э., говорит обнаруженный при раскопках в Ти-

Типы ступенчатого свода из Вашактуна

кале монументальный каменный храм (Str. 5D-Sub. I—Ist), пирамидальное основание которого имело размеры $13 \times 11,4$ м и около 4,4 м в высоту. Стоявшее на вершине пирамиды здание имело сводчатое перекрытие и состояло из двух комнат, расположенных одна за другой.

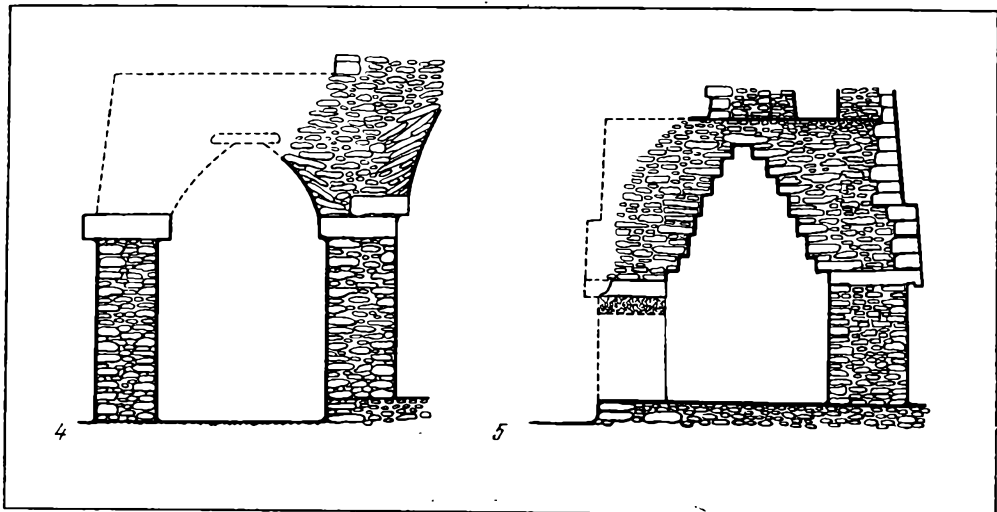
По своему внешнему оформлению этот храм почти ничем не отличался от своих собратьев классической эпохи (планировка, «аргон moulds», маски ягуара из штукатурки и т. д.). Судя по стратиграфии и данным C_{14} , вновь найденное здание со сводом относится к самому рубежу н. э.⁴⁹

Другая характерная черта классической архитектуры майя — планировка зданий вокруг прямоугольных двориков и площадей. По мнению Г. Уилли, первые признаки подобной планировки появляются в Горной Гватемале еще в 1000—500 гг. до н. э.⁵⁰ Но широкое ее распространение приходится на позднеархаический этап культуры майя, т. е. 500—100 гг. до н. э. Подобная планировка

свойственна почти всем крупным майяским памятникам, которые имеют слои этого времени: постройки группы «Е» в Вашактуне, в том числе знаменитая пирамида E-VII-суб⁵¹; архитектурные комплексы Тикаля, Алтар де Сакрифисьюс и др.⁵²

С позднеархаического времени начинается также широкое использование в строительстве тесаных каменных блоков и известкового раствора, облицовка храмов слоем белого штукатурки и т. д. Примечательно и то, что ряд памятников майя эпохи цивилизации демонстрирует полное совпадение планировки с позднеархаическими архитектурными ансамблями. Во многих местах расположение архаических построек предопределило планировку и размещение на местности всех последующих комплексов. Строители эпохи цивилизации попросту расширяли старые холмы-фундаменты, включив их в новые более крупные сооружения.⁵³

Примерно в то же время, т. е. в конце архаического периода, в круп-

ных селениях майя возникает своеобразный архитектурный комплекс, получивший условное название «акрополя». «Акрополь» — это естественное или искусственное возвышение, на котором были сосредоточены важнейшие ритуальные и административные здания города. Часто вся поверхность площадки на вершине такого холма покрывалась каменной вымосткой или слоем прочного как цемент известкового раствора. Следует напомнить, что, помимо чисто архитектурного аспекта, появление «акрополя» отражает важные социально-политические сдвиги внутри общества майя, демонстрируя уже такую степень зрелости общественных отношений, которая знаменует собой сложение раннеклассовых государственных образований.

«Акрополи» подобного типа были обнаружены в позднеархаических слоях (400—300 гг. до н. э.) Цибильчальтуна (Юкатан)⁵⁴ и в Тикале (200—100 гг. до н. э.)⁵⁵.

Таким образом, подавляющее большинство черт архитектуры, характерной для классического периода, зародилось еще в недрах архаики и было вполне отчетливо представлено в Петене, по меньшей мере, с 200—100 гг. до н. э. (каменные здания со сводом, планировка вокруг прямоугольных дворов и площадей, «акрополи», и т. д.).

У истоков развитой каменной архитектуры майя стоит, вероятно, типичная хижина майяского земледельца, которая в почти неизменном виде сохранилась до сих пор у индейского населения Юкатана. Стены ее построены из вертикально врытых в землю столбов или жердей и покрыты слоем глины и белого штукатурки. Высокая островерхая крыша с

крутыми скатами изготавливалась из листьев или из снопов тростника. Крутые и высокие крыши делались для того, чтобы облегчить сток воды и не допустить ее проникновения внутрь дома во время сильных ливней в период сезона дождей. По мнению С. Морли, именно высокая и островерхая крыша майяской хижины послужила прототипом для создания ступенчатого свода каменных зданий⁵⁶. Это сходство еще более усиливается благодаря наличию внутри каменных зданий со ступенчатым перекрытием деревянных поперечных балок, служивших дополнительным креплением для крыши-свода. Первоначально многие каменные постройки майя копировали хижины из дерева и глины не только по внешнему виду, но и по планировке. Обычно это удлиненное прямоугольное здание с одним внутренним помещением. Дверь — единственный источник воздуха и света — делали посередине длинной фасадной стены. На узорчатых верхушках таких каменных зданий часто видна имитация продольной балки, характерной для тростниковых и лиственных крыш (например, фасад южного крыла «Четырехугольника женского монастыря» в Ушмале). В позднеклассическое время имитация вертикальных деревянных столбов или жердей, образующих стены хижины, — одна из характернейших черт каменной архитектуры Юкатана (фасады дворцов в Сайиле и Лабна). Фризы ранних каменных построек Петена также отражают влияния деревянного зодчества. Аналогичные взаимосвязи прослеживаются также между ранними постройками из адобов и классической каменной архитектурой⁵⁷.

Первоначальное ядро любого клас-

сического города майя состоит из прямоугольной мощенной камнем площади, окруженной со всех сторон храмами, общественно-административными зданиями и стелами⁵⁸. Зарождение этого вида планировки относится, как отмечалось выше, к позднеархаическому времени (500—100 гг. до н. э.) и лучше всего прослежено на материалах архитектурной группы «Е» в Вашактуне⁵⁹.

Судя по этноисторическим источникам, в центре многих древнеземледельческих поселений Мезоамерики находилась прямоугольная площадь со священным деревом (у майя — это сейба) — местом общеплеменных собраний, религиозных обрядов и выборов очередного вождя. Вокруг такой площади стояли обычно и главные «святости» племени: хижина вождя (а после его смерти могила вождя) и святилище с фетишем племенного бога. Позднее священное дерево заменяют каменные стелы, а скромные деревянные хижины главы племени и божества племени — «каменные колоссы эпохи цивилизации»⁶⁰.

Дж. Эндрюс считает, что в основе комплекса «прямоугольная площадь — храм» лежит столь естественное у земледельческих народов представление «расчищенный участок земли (поле) — хижина»⁶¹. Признавая в целом правомерность подобного сопоставления, мне хотелось бы вместе с тем обратить внимание на более широкую, общефилософскую сторону дела. Древние майя представляли себе землю в виде квадратного или прямоугольного участка с «мировыми» деревьями по углам и в центре, служившими опорными столбами для небесного свода⁶². И видимо, далеко не случайно форма земли у этого земледельческого наро-

да полностью совпадала с формой обычной, расчищенной в лесу «милпы» — прямоугольного возделываемого участка, или поля.

Первоначальное ядро любого крупного классического центра майя — это прямоугольная мощенная камнем площадь, окруженная монументальными храмами и дворцами, стелами и т. д.

Как было показано выше, все составные элементы данного комплекса, зародившись еще в недрах архаического (доклассического) периода, т. е. в I тысячелетии до н. э., отчетливо проявили себя к рубежу н. э.

«РИТУАЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ» И «ПРОТОГОРОДА»

В силу изложенных выше причин (разрушение и перекрывание более ранних архитектурных остатков позднейшим строительством) наши сведения о характере «догородских» поселений древних майя весьма невелики. Речь идет прежде всего о материалах по архитектуре архаического (доклассического) периода, найденных в ходе раскопок таких памятников, как Алтар де Сакрифисьос, Вашактун, Тикаль и Цибильчальтун. Все имеющиеся сейчас данные говорят о том, что крупные поселения с зачатками формальной планировки и монументальной архитектуры (преимущественно культового характера) появляются на территории Центральной области майя лишь во второй половине I тысячелетия до н. э.

В Алтар де Сакрифисьос в позднеархаическое время уже существовал формальный центр (ядро будущего города) в виде прямоугольной площади, окруженной платформами, служившими основаниями для храмов.

Первоначально эти платформы имели облицовку из адобов и окаменевших раковин моллюсков, а позднее — из тесаного камня⁶³.

Аналогичное явление наблюдалось в 350—150 гг. до н. э. (этап Чиканель) в Вашактуне, где в Группе «Е» была сооружена прямоугольная, вымощенная камнем площадь, окруженная тремя храмовыми пирамидами-основаниями, также с облицовкой из каменных грубо отесанных плит. Столбовые ямки на вершине пирамиды E-VII-суб указывают на то, что здесь стояло когда-то легкое храмовое здание из дерева, глины и листьев, наподобие современных индейских хижин. Точно такое же сооружение обнаружено и в Группе «А» (пирамида «А» в комплексе «А-I»)⁶⁴.

Несколько больше сведений о характере «догородских», крупных поселений майя конца I тысячелетия до н. э. дает нам Тикаль. Прежде всего в ходе многолетних раскопок здесь удалось получить некоторое представление о динамике развития этого памятника. Согласно данным Д. Пьюлстона (США), в среднеархаическое время (этап «Цек», 600—300 гг. до н. э.) на территории Тикаля существовал земледельческий поселок площадью от $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{4}$ кв. км без каких-либо признаков монументальной архитектуры⁶⁵.

В позднеархаическое время (конец I тысячелетия до н. э.) площадь поселения увеличилась до 3,8 кв. км. Тогда же впервые появляются монументальные культовые сооружения и первый (каменный) вариант будущего Северного Акрополя⁶⁶. Интересно, что наиболее ранний комплекс архитектурных сооружений Северного Акрополя очень похож на группу из трех храмовых пирамид, разбитых

вокруг прямоугольного двора в Вашактуне (Str. A-V)⁶⁷.

В Цибильчальтуне У. Эндрюс выделил в доклассической истории города три больших этапа. *Древнейший* из них (соответствующий этапу «Мамом» в Вашактуне и Чиапа III в Чиапа де Корсо: 1000—500 гг. до н. э.) имеет одну дату C¹⁴ — 965 г. до н. э. В это время керамика тонким слоем рассеяна по всей археологической зоне Цибильчальтуна. Единственный, обнаруженный до сих пор архитектурный комплекс состоит из низкой платформы, облицованной слоем глины и штукатурки и имеющей опорную стену из грубого камня. Вокруг платформы — группы простых жилищ из дерева и глины. Крыши, видимо, делались из пальмовых листьев. Форма жилищ круглая или овальная. Следов развитой культовой архитектуры не обнаружено.

Следующий этап (соответствует «Чиканелю» в Вашактуне и Чиапа IV—V в Чиапа де Корсо: 500—300 гг. до н. э.) отмечен появлением в зоне Цибильчальтуна крупного населенного центра. Возникают монументальные культовые сооружения в виде ступенчатых высоких пирамид, разбитых вокруг четко спланированных прямоугольных площадей⁶⁸. Одна из раскопанных крупных построек (Str. 450) к концу этапа состояла из высокого пирамидального основания, несущего на себе храм. К нему вела от уровня прямоугольной мощенной камнем площади длинная каменная лестница. Размеры площади: 38×28 м. С трех сторон площадь была обнесена каменной стеной в 1—2 м высотой. Четвертую сторону замыкали три низкие прямоугольные платформы. Следовательно, еще за несколько веков до н. э.

майя Юкатана строили свои ритуально-административные комплексы в центре селений, окружали эти комплексы стенами, искусственно выделяя их таким образом из общей жилой застройки⁶⁹. Перед нами — несомненный прообраз будущих классических «акрополей».

Крупный населенный центр с зачатками монументальной культовой архитектуры (Пирамида Е-3-1) и планировкой основных зданий вокруг прямоугольных площадей существовал в конце I тысячелетия до н. э. и на крайнем юго-востоке майяской территории (в *Чальчуана*, Сальвадор). Этот быстро развивающийся центр, достигший к рубежу н. э. всех формальных признаков городской жизни (включая стелы с иероглифическими надписями), внезапно погиб (в 1—200 гг. н. э.) в результате катастрофического извержения вулкана Илопанго, засыпавшего толстым слоем пепла все окрестные районы⁷⁰.

Таким образом, археологические материалы с территории культуры майя позволяют говорить о том, что во второй половине I тысячелетия до н. э. там появляются крупные населенные пункты с зачатками монументальной общественной архитектуры (культовой и гражданской), которые с известным основанием можно считать «протогородами». Однако о природе и функциях этих майяских «протогородов» пока говорить рано за неимением соответствующих фактов.

Между тем Новый Свет в отличие от Старого дает нам хорошие археологические и этнографические модели «протогородских» центров, позволяющие более полно судить о подобного рода памятниках. К числу

археологических параллелей «протогородских» центров относятся памятники культуры ольмеков в Мексике (I тысячелетие до н. э.) и североамериканских индейцев (долина р. Миссисипи; IX—XIII вв. н. э.); этноисторическая модель представлена материалами чибча-мунсков из Колумбии.

Ольмекская культура — во многом еще загадочная и малопонятная для современных исследователей — будет представлена здесь наиболее известным своим памятником — Ла Вента (штат Табаско, Мексика), существовавшим, судя по серии дат C₁₄, с 800 до 400 г. до н. э. Ла Вента расположена на небольшом песчаном острове площадью 5—6 кв. км, окруженном обширными мангровыми болотами долины р. Тонала⁷¹. Архитектурный комплекс поселения состоит всего лишь из нескольких монументальных построек, среди которых выделяется высокая коническая пирамида с плоской вершиной (33 м высоты, 72 × 126 м в основании), сложенная из глиняных блоков. Севернее ее расположены строго по линии север-юг два параллельных низких холма, образующих прямоугольную площадь; далее идет двор или площадь, окруженная вертикально поставленными столбами из базальта и т. д. К югу от пирамиды также выявлено несколько холмов, содержавших остатки древних построек. Вокруг этого центрального комплекса найдено несколько крупных каменных изваяний, в том числе стелы, адтары и гигантские антропоморфные головы весом до 40 т⁷². Никаких видимых следов жилых построек обнаружить здесь не удалось. Не найдено в Ла Венте и ни одной иероглифической надписи. Все авто-

ры, писавшие когда-либо об этом памятнике, подчеркивают его сугубо ритуальный характер: изолированность и небольшие размеры острова, наличие там только культовых сооружений и т. д.⁷³

Агробιологические исследования в этом районе показали, что при методах подсечно-огневого земледелия, практикуемого современными индейцами Веракруса и Табаско, в Ла Венте могли жить и обеспечивать себя пищей не более 150 человек. Понятно, что столь малое население было просто не в состоянии построить гигантские архитектурные памятники и изваяния этого центра. Только для возведения большой пирамиды объемом в 4 700 000 куб. футов потребовалось 800 000 человеко-дней. Следовательно, он строился и снабжался за счет окрестных земледельцев, деревушки которых были разбросаны на площади приблизительно в 900 кв. км⁷⁴. Однако в Ла Венте явно жили не только жрецы, но и вожди и их слуги. Косвенным подтверждением этого могут служить гигантские каменные головы в шлемах, которые некоторые исследователи называют «портретами» вождей из правящего рода⁷⁵ — праобраз будущих династических «портретов» классического периода.

Таким образом, в середине I тысячелетия до н. э. Ла-Вента представляла собой политико-административный и культовый центр довольно большой области, но население самого памятника оставалось немногочисленным и вряд ли превышало несколько сот человек.

Североамериканские памятники «догородского» типа представлены здесь поселением Кахокья (Cahokia), близ современного города Сент-Луис,

Иллинойс (США), в бассейне р. Миссисипи. Поселение существовало с 800 по 1500 г. н. э., но наивысший расцвет его приходится на 900—1200 гг. н. э.

Наиболее заметным составным элементом памятника является высокий ступенчатый холм, вздымающийся на 30 м над окружающей равниной и занимающий площадь 6,5 га. Вокруг него сгруппированы в отдельные комплексы вдоль улиц и площадей свыше 80 других искусственных холмов разной формы и величины. Границы Кахокьи прослеживаются по линии рва и палисада, окружавших когда-то всю площадь поселения. В пределах очерченной территории можно выделить несколько участков, имеющих явно различные функции.

Главный ступенчатый холм и соседние с ним сооружения были окружены деревянной стеной и тем самым искусственно отделены от остальной части поселения. Внушительные размеры пирамидального холма свидетельствуют о больших трудовых затратах на его строительство, что косвенно указывает на особое значение данной постройки не только для самого поселения, но и для жителей прилегающих районов. Это особенно вероятно в свете этнографических данных об индейцах натчезах, живших в тех же самых местах в момент прихода европейцев. Главный вождь натчезов (с титулом «Солнце») должен был каждое утро подниматься на коническое возвышение близ своего дома и приветствовать восходящее светило. Такое же коническое возвышение было видно когда-то и на третьей террасе большого пирамидального холма. Вполне возможно, что этот холм и обнесенный вокруг

него стеной участок представляли собой жилище и святилище главного вождя не только Кахокьи, но и всей окружающей области⁷⁶.

М. Фаулер выделяет на территории Кахокьи участки с погребальными холмами, участки с жилищами, участок с примитивной астрономической обсерваторией и участок с мастерской по производству бус из раковин⁷⁷. Есть данные о дальнем обмене и торговле экзотическими товарами (морские раковины и т. д.).

Вокруг Кахокьи обнаружено несколько синхронных, но более мелких поселений-сателлитов, удаленных от «метрополии» на 12—16 км⁷⁸.

Наконец, завершают описание «протогородских» центров Нового Света памятники чибча-муисков (Колумбия), которые увидели и описали в своих трудах испанские завоеватели и монахи. «Муиски,— пишет С. А. Созина,— пользовались двумя типами поселений — концентрированным и рассеянным, что зависело от экономических или военных надобностей. Компактный тип поселения представлял собой крупные, укрепленные селения («города» испанских хроник), служившие административным, религиозным центром, местопребыванием племенной знати, а также убежищем, крепостью для земледельцев, дома которых были рассеяны на полях, окружавших такой «город». Основная же часть муисков была распылена по небольшим селениям по 10, 20, 30 и 50 домов в каждом...»⁷⁹

В эпоху конкисты основным элементом социально-экономической структуры общества муисков была соседская община-«сибин», несущая еще на себе груз пережитков общины родовой. Как правило, «сибин» всегда составляла часть более крупных социаль-

ных организмов, например, «округ» (*comarca*), «каси́кство» (*cacicazgo*) и «город» (*pueblo*). Все три термина — синонимы, обозначающие одну территориально-политическую единицу во главе с правителем-каси́ком, которая объединяла группу соседских общин (3—6), живших обычно в пределах одной горной долины. «Резиденции правителей (каси́ков) племенного значения, за которыми закрепилось испанское название «город» (*pueblo*), — подчеркивает С. А. Созина, — были средоточием жизни всех объединяемых ими общин»⁸⁰.

Термин «каси́к» всегда связан с «городом» (*pueblo*), а «капитан» — с одной сельской общиной (*parte, parcialidad*). Капитаны обычно подчинялись каси́ку.

Но «каси́кства» (это явно прообраз будущих городов-государств) не были вершиной территориально-политических объединений муисков. В XVI в. на горном плато Боготы имелось пять крупных племенных союзов местных индейцев, названных в испанских источниках «царствами». Каждое из них состояло из 10—18 «каси́кств», или «княжеств»⁸¹.

В чем же состоит основное отличие ритуального центра (протогорода) доклассических времен от «ритуального центра» (города) эпохи цивилизации (I тысячелетие н. э.) на территории майя? Как мы уже убедились, в работах крупнейших зарубежных специалистов по данному вопросу (Г. Уилли, У. Сандерс и др.) нет четкого разделения тех и других по каким-либо общетеоретическим или конкретным признакам, если не считать чисто количественных изменений. Больше того, складывается впечатление, что их авторы вообще не видят особой разницы между харак-

тером доклассических и классических майяских «центров»! Действительно, практическое разделение крупных протогородских «центров» конца доклассического времени (конец I тысячелетия до н. э.) и ранних городских «центров» классического времени (I тысячелетие н. э.) дело весьма затруднительное, поскольку между теми и другими наблюдается *прямая преемственность* в развитии основных *материальных* признаков городской культуры⁸². Однако еще со времени Г. Чайлда есть один довольно надежный критерий для подобного членения — наличие или отсутствие *письменности*. Что же касается общетеоретических различий, то главное из них состоит в том, что классические «центры» майя существовали и развивались почти тысячу лет (I—IX вв. н. э.) при наличии раннеклассового государства и цивилизации, тогда как доклассические памятники, какими бы крупными и внушительными они не казались внешне, относятся еще к догосударственной доцивилизованной стадии развития. Город потому и стал городом, что его зарождение и развитие протекало одновременно с зарождением и развитием государства.

*

Город в наиболее яркой и прямой форме отражает особенности социально-экономической структуры породившего его общества. Таким образом, происхождение города, его внутреннего устройства и т. д. непосредственно связаны с эволюцией социально-экономических институтов данного народа. В структурном плане древние мезоамериканские города представляют собой конгломерат нескольких соседских общин, объединенных в рамках единой городской

организации центральной властью и верховным божеством, но сохраняющих при этом известную автономию и прежнюю организационную структуру (см. Теотихуакан, Теночтитлан, Ицамканак, Тайясаль и др.). У ацтеков в их столице городской квартал-«баррио» (тлашил-лакалли) был эквивалентен сельской общине-«кальпулли», имел собственное название, своего бога-покровителя, свой храм, свою школу, своего начальника, свои обряды и празднества и выставлял отдельный отряд воинов. Центром всей общественной жизни каждого квартала служила центральная площадь, где находились дом главы квартала, храм, школа, арсенал и другие общественные постройки, как и в сельских общинах⁸³.

Эти кварталы-общины (тлашиллакалли) входили, в свою очередь, в качестве составных частей в более крупные городские объединения — четыре «больших квартала», или «района» (*parcialidad, altepexheloliz*) Теночтитлана, образованных двумя пересекавшимися под прямым углом улицами-проспектами, ориентированными точно по странам света и, видимо, связанными с символикой цветов и частей света. Каждый из четырех «больших кварталов» также имел свой храм или целый храмовый комплекс в честь своего бога-покровителя и просторный дом (дворец) — «huehuescallis», принадлежащий главе или правителю этого городского подразделения. Все упомянутые постройки были сосредоточены в районе центральной площади «большого квартала» и, таким образом, были точной копией структуры меньших кварталов (вчерашних сельских общин). И наконец, основной центр

Теночтитлана, его ритуально-административное ядро, составляли культовый участок с храмами важнейших ацтекских богов, обнесённый стеной и примыкающий к нему район царских дворцов (*тесрап*)⁸⁴. Следовательно, «великий Теночтитлан» — столица могущественного государства ацтеков — представлял собой в структурном отношении гигантскую «супер-общину», копирующую по своей структуре простую сельскую общину-«кальпулли». Согласно некоторым источникам, таких общин-«кальпулли» первоначально было у ацтеков 20, но в XVI в. их было явно больше — 48—60. Как уже отмечалось, в городских условиях вчерашняя сельская община превращалась в *квартал* (*barrio, tlaxillacalli*), во многом сохраняющий свою автономию и структуру. По мере роста Теночтитлана росло и число его кварталов, так что нет ничего удивительного в том, что к моменту конкисты их могло быть 48 или даже 60 (если судить по количеству школ — «домов юношей», «*telpochcalli*», имевшихся в каждом квартале)⁸⁵.

Из письменных источников XVI—XVII вв. известно, что в канун испанского завоевания многие города юкатанских майя имели четырехчленное внутреннее деление. Так было в Чичен-Ице, Майяпане, Ицамканаке, Потончане и Тайясале⁸⁶. Эти четырехчленные подразделения юкатанских городов названы испанскими хронистами термином «*parcialidad*» (букв. «часть», «деление», «группа людей»), а самими майя — терминами «*cuch teel*», «*tzuc cul*». Как показал М. Д. Ко, указанные четыре городских деления связаны с определенными частями света и определенной цветовой символикой и в целом служат пол-

ным эквивалентом ацтекским «*altepexeheloliz*» — четырем «большим кварталам» Теночтитлана⁸⁷. Каждый из них имел своего главу (*prinçipal, ah such sab*), своего бога-покровителя и соответственно его храм, свои празднества и т. д.⁸⁸ Эти крупные подразделения имели в свою очередь более мелкие деления — кварталы (*barrio, such teel, tzucul*). В городе Тайясале (Петен) — столице государства майя-ицев — к моменту завоевания его испанцами в конце XVII в., помимо четырех крупных делений, было еще 22 «района» (*distritos* — исп.), каждый из которых имел своего вождя, свой храм (с богом-покровителем) и свое особое название⁸⁹, совпадающее с именем главы квартала.

Аналогичная ситуация наблюдалась в XVI в. в Ицамканаке — столице майяского государства Акалан⁹⁰. На наш взгляд, четырехчленное деление ацтекского Теночтитлана и ряда юкатанских городов — несомненное отражение следов прежней племенной организации: 4 подфратрии, или 4 группы родов, из которых состояло типичное индейское племя в Мезоамерике. В пользу этого говорит и ассоциация этих «больших кварталов», скорее, «районов» в нашем понимании этого слова, с определенной частью света и определенным цветом. «По старинной, восходящей, по-видимому, к «ольмекам» традиции, — пишет Ю. В. Кнорозов, — племя должно было состоять из четырех подразделений (связанных в религиозной символике со странами света и соответствующими божествами) и 20 родов, божества которых были одновременно покровителями дней 20-дневного месяца. В племени ица

было четыре подразделения, но родов фактически было 16 или 15...»⁹¹ В Теночтитлане же было первоначально 20 общин-кальпулли, а в Тайясале — 22. Однако, видимо, уже в классический период это были лишь пережитки давно распавшейся племенной организации, приспособленные к условиям нового раннеклассового общества. Здесь уместно напомнить слова выдающегося советского этнографа А. М. Золотарева, писавшего о роли фратрии в период ее упадка и исчезновения: «...чем больше фратрия утрачивала значение брачной и гражданской единицы, тем сильнее возрастала ее церемониально-символическая роль»⁹². И далее, указывая на символизм сезонов года, стран света и цветов, этот исследователь отмечает: «Все эти символические черты, встречающиеся только в зародыше у тех племен, где дуально-родовая организация доминирует в области экономики и брачных отношений, развиваются по мере того, как дуальная организация теряет свое экономическое и брачное содержание и превращается в обрядовый институт. Вместе с тем возрастает ее влияние на мировоззрение и внешние формы быта (например, организация власти и церемоний), насквозь пропитывающиеся дуальностью. Этим и объясняется сохранность дуально-родовой организации в столь высоко развитых обществах, как Древнее Перу или Мексика. Здесь фратрии уже существовали не как брачно-экономические, а лишь как ритуальные и религиозные организации»⁹³.

И действительно, накануне конкисы мы встречаем у юкатанских майя лишь смутные следы былой родо-племенной организации, пере-

осмысленной и приспособленной к нуждам классового общества. Из налоговой переписи 1584 г., составленной на Юкатане испанской колониальной администрацией, можно заключить, что одни и те же группы родовых имен были представлены в различных кварталах города⁹⁴. И в городах, и в селениях господствующей формой общины была территориальная (соседская), хотя и несшая на себе пережитки общины родовой⁹⁵.

Весьма ценную информацию о внутреннем делении древней общины юкатанских майя можно найти в описании новогоднего праздника *Вайгеяб*, которое содержится в работе Диего де Ланды. Суть его состоит в том, что в конце года, в течение «пяти смутных дней», в каждом селении майя происходили сопровождаемые пышными ритуалами и празднествами выборы нового главы селения («князя», «принципала») с полномочиями на 1 год. Кандидат при этом всегда избирался из четверки местных сановников — видимо, глав каких-то четырех крупных делений внутри общины или селения. Одновременно происходила смена власти и у четверки богов⁹⁶. Перед нами — несомненное реминисцентное отражение древнего обычая ежегодной смены власти среди представителей четырех подфратрий, групп родов, общин (и «кварталов»).

Согласно Ланде, в каждом юкатанском селении в XVI в. имелись (в идеальном варианте) четыре дороги, ориентированные строго по страпам света и ведущие от окраин селения к его центру, к главной площади, где находились, видимо, жилища четырех «князей» («принципалов»), поочередно правивших

по одному году общиной⁹⁷. «В целом, — пишет М. Д. Ко, — имеется информация о каком-то четырехчленном разделении древнемайяской общины, причем каждое из этих делений связано с определенной частью света и определенным цветом; известно также, что происходила передача ритуальной власти среди этих делений... в течение цикла из 4-х лет; и что эту власть каждый «принципал» получал на один год»⁹⁸.

Накануне эпохи испанского завоевания главы внутренних подразделений («кварталов») майяских селений назывались «*ах куч кабами*» (*ah cuxh cab*); они образовывали совещательный совет при правителе города — «*батабе*». Испано-майяский Венский словарь определяет «*ах куч каба*» как «знатного человека, подобного советнику, который ведает подразделением (*parcialidad*) города». В словаре Мотуль, он считается «индейским князем», управляющим подразделением (*parcialidad*) города в целях «сбора дани в пользу правителя и ведения общинных дел». В разных источниках «*ах куч кабы*» («принципалы») названы людьми богатыми и знатными⁹⁹.

Ю. В. Кнорозов переводит этот термин просто как «начальник». Однако буквальный перевод слова «*ах куч каб*» выглядит следующим образом: «ах куч» — «носильщик», «несущий тяжесть»; «каб» — «страна», «земля», «селение». Выражение «носильщик», «несущий тяжесть» (исп. *cargo*, *cargador*) часто использовалось у майя для обозначения разного рода должностных лиц среди людей и богов: например, бог такой-то, несущий на себе бремя очередного двадцатилетия, т. е. правящий в течение 20 лет. Таким об-

разом, общий смысл термина «ах куч каб» можно перевести как «тот, кто правит селением (землей)». Однако мы знаем, что во главе крупных селений и городов Юкатана в XVI в. стояли «батабы» — чиновники, назначаемые правителем государства. Таким образом, речь здесь может идти об управлении какими-то более мелкими делениями внутри городской общины — «кварталами». «Ах куч кабы» собирали людей своих кварталов для обрядов и празднеств и в случае военных действий¹⁰⁰.

Известно также, что к моменту конкисты возделываемые земли на Юкатане находились в собственности городов и крупных селений (исп. *pueblo*)¹⁰¹ и соответственно в собственности их внутренних делений. Исходя из вышесказанного, есть все основания полагать, что города юкатанских майя в X—XVI вв. н. э. по своей внутренней структуре состояли из четырех крупных делений-кварталов, которые и в новых городских условиях обладали всеми функциями сельской общины: имели своего богатопокровителя, свой храм, свои ритуалы и празднества, своего главу, свое ополчение воинов и свои земельные участки.

По всей вероятности, способ слияния вчерашних сельских общин в рамках единого города («синойкизм») — слияние вольного или невольного — был основным способом возникновения древнемайяских городов.

Об этом, хотя и косвенно, свидетельствуют следующие факты. В городе Уман кварталы Цибикаль и Килакан в прошлом были отдельными селениями¹⁰². У индейцев майя-кехаче, живших в южной части Центрального Юкатана, не только весь город Тиак

был обнесен рвом и палисадом, но и его кварталы имели собственные укрепления, направленные как бы друг против друга¹⁰³.

В 50-х годах XVI в. испанская администрация настойчиво проводила политику укрупнения индейских поселений на Юкатане (реформы Лопеса Меделя). И весьма показательно, что для подобной реформы был успешно использован древний механизм «синойкизма» местных сельских общин, превращаемых в рамках города в отдельный квартал. В 1543 г. существовало крупное селение Нумкини. Но после упомянутых реформ в документе от 1572 г. Нумкини назван уже *кварталом* города Калкини. Затем, где-то между 1582—1656 гг. Нумкини вновь возрождается на старом месте в качестве самостоятельного селения¹⁰⁴. Здесь интересен сам факт превращения бывшего самостоятельного селения (т. е. сельской общины) в особый квартал. Аналогичные процессы были отмечены и в Теночтитлане, когда значительные группы пришлого населения образовывали там новые отдельные кварталы со своей профессиональной специализацией (например, ювелиры из Шочимилько), своим богом-покровителем, храмом и празднествами (например, выходцы из Кольхуакана)¹⁰⁵. В новых городских условиях вчерашние сельские общины-кварталы во многом сохраняли свою изолированность и автономность и зачастую выражали недоверие и антагонизм к жителям других кварталов. Так, на Юкатане в 1549 г. существовало крупное селение Килакан с числом жителей около 1350 человек. В 50-х годах XVI в. в связи с политикой испанских властей по укрупнению индейских деревень и селений Кила-

кан был переведен в город Калкини, став его отдельным кварталом. Но жители этого квартала не считали себя горожанами. «Они имели свой собственный праздник и своего «святого» («Хуана»). До недавнего времени они бросали камни в людей из «центра» (города.— В. Г.), случайно зашедших в их квартал»¹⁰⁶.

В городе Кикиль один из кварталов — Чочола был когда-то самостоятельным селением, а три другие квартала (*barrios*) — Ичтунич, Хольтунчен и Канкаба — составляли, видимо, первоначальные деления города. Кстати, в документах по истории Кикиля прямо говорится, что кварталы (*barrios*) владели земельными участками¹⁰⁷.

Таким образом, из всего вышесказанного вытекает, что ранний город в доиспанской Мезоамерике, по-видимому, возникает и развивается из соседской общины, вернее, из объединения («синойкизма») нескольких соседских общин в качестве центрального поселения (урбанизированного ядра) определенной, ограниченной, территории, населенной группой родственных общин (горная долина, бассейн реки, оазис и т. д.). В чем же тогда состоит отличие собственно города от соседской общины? Его отличие от последней заключается в том, что он является местонахождением органов государственной власти. И видимо, далеко не случайно почти все древнейшие города, возникшие в первичных очагах цивилизации (Ближний Восток, Мезоамерика, Перу), имели первоначально форму городов-государств. Город на заре своего существования — это бывший племенной центр (с резиденцией вождя и святилищем верховного божества племени), превратив-

пийся на качественно новом, государственном уровне в политико-административный, культовый и хозяйственный центр определенной замкнутой области или района.

Следы бывшей племенной организации в городской структуре (принцип дуальной организации) были выделены Ю. В. Кнорозовым при анализе иероглифических рукописей майя¹⁰⁸.

«Есть все основания считать, — подчеркивает он, — что древнейшим циклом у майя был 4-летний. Об этом свидетельствуют связанные с ним многочисленные обряды и мифологические персонажи. По представлениям майя, было четыре главных бога (Хобниль, Кан Цик Наль, Сак-Кими, Хосан-Эк'), каждый из которых правил миром в течение года, а затем уступал власть преемнику. В связи с праздниками 4-летнего цикла жители селений выбирали себе «князя», обязанностью которого было выполнение новогоднего ритуала. Кроме того, с 4-летним циклом связаны выборы «военачальника» — накона... Эти обычаи — пережитки родового строя, когда вождь и военачальник действительно были выборными. Представление о богах, сменяющих друг друга у власти, нельзя понять иначе, как отражение в мифологии древнего реального социального института. Речь идет о смене правления по родам, характерной для перехода от родо-племенной организации к государству, и известной у многих народов Азии и Африки. На следующем этапе обычно наблюдается тенденция удлинить срок правления. Выделяются династические роды, узурпирующие власть, хотя при этом обычно сохраняется традиция периодической передачи власти, но уже не от одного

рода к другому, а внутри одного правящего рода. Таким образом, циклическое летосчисление возникает как естественный результат смены правления по родам, а количество лет в цикле определяется не прихотью жрецов, а количеством родов племени (или во фратрии, если должности дублируются)...»¹⁰⁹

Ю. В. Кнорозов на основе блестящего анализа майяского календаря хорошо показал эти самые ранние страницы бурной и драматической истории городов, постепенное упрочение царской власти и окончательную победу единоначалия над сепаратистскими тенденциями родовой аристократии: смена верховных должностных лиц в городе совершалась сначала через 1 год, затем через 4 и, наконец, фиктивная смена власти через 20 лет и продление полномочий того же самого правителя от лица богов на следующий двадцатилетний цикл¹¹⁰.

«Реальной смены власти у земных правителей уже не происходило. Такая смена власти осталась только у богов. Правитель получал от очередного бога официальное право на власть в течение следующего периода. На многочисленных стелах в честь „пятилетий“ и „двадцатилетий“ проводится идея о том, что земной владыка получил от соответствующего бога право на очередной срок правления...»¹¹¹

В заключение следует отметить, что совершенно аналогичный процесс образования раннего города наблюдается и в Месопотамии. «*Будучи объединением сельских общин* (курсив мой. — В. Г.), — пишет Дж. Томпсон, — город имел внутри себя несколько храмов, каждый со своим богом, причем один из них считался

первым в качестве бога-покровителя города»¹¹².

Таким образом, хотя у нас почти нет прямых археологических данных о генезисе города майя, мы можем на основе этноисторических материалов и немногих скудных фактов об эволюции местной культуры на последних этапах архаического периода и в начале классического сделать некоторые, во многом пока гипотетические, выводы на этот счет.

Древнейшие города майя возникают первоначально в наиболее цветущих и плотно населенных земледельческих областях, на плодородных землях, на удобных путях сообщения, вблизи источников воды и разного рода сырьевых ресурсов (Петен, Юкатан, бассейн р. Усумасинты и т. д.).

Ранний майяский город по прямой линии происходит, вероятно, от бывшего племенного центра — места обитания вождя и местонахождения святилища главного божества племени. Такие крупные племенные центры, судя по некоторым находкам в Цибильчальтуне, Тикале, Вашактуне и других пунктах, появляются у майя в позднеархаическое время (500—100 гг. до н. э.). Учитывая известные

археологические (бассейн р. Миссисипи, Кахокья — в США; ольмекские центры — Ла Вента, Трес Сантес, Сан Лоренсо — в Мексике) и этнографические (культура чибча-муисков в Колумбии) параллели, можно судить как о внутренней структуре, так и общем характере таких центров.

Все археологические признаки города майя (каменные храмы и дворцы со ступенчатым сводом, планировка вокруг прямоугольных дворов и площадей, «акрополи») представлены в комплексе где-то к рубежу н. э.

Города классического периода выступают прежде всего как продукт объединения (добровольного или насильственного) нескольких соседских общин, что хорошо отражено и во внутренней городской структуре.

В I тысячелетии н. э. мы видим прежде всего города-государства, своеобразный вариант раннего античного «полиса»: столица и подвластная ей округа из сельских общин.

Город выступает в данном случае как политико-административный, культовый и хозяйственный центр своей округи.

¹ *Cities*, 1973, p. 11—13.

² *Jones E.*, 1966, p. 18.

³ *McAdams R.*, 1960, p. 154.

⁴ *Davis K.*, 1955, p. 430, 431.

⁵ *Wittfogel K.*, 1957.

⁶ *Андрюанов Б. В.*, 1976, с. 153—176.

⁷ *Davis K.*, 1955, p. 430—431.

⁸ *Sjoberg G.*, 1965a, p. 27.

⁹ *Sanders W. T. and Price B. I.*, 1968, p. 10.

¹⁰ *Willey G. R.*, 1974b, p. 162.

¹¹ *Braidwood R. I. (ed.)*, 1962, p. 350.

¹² *Braidwood R. I. (ed.)*, 1962, p. 97, 98.

¹³ *Willey G. R.*, 1974a.

¹⁴ *Sanders W. T. and Price B. I.*, 1968, p. 116.

¹⁵ *Ibid.*, p. 140.

¹⁶ *Ibid.*, p. 170.

¹⁷ *Andrews G. F.*, 1975, p. 14.

¹⁸ *Hardoy J.*, 1973, p. 14.

¹⁹ *Shook E. M. and Proskouriakoff T.*, 1956, p. 96.

²⁰ *Shook E. M. and Proskouriakoff T.*, 1956, p. 94.

²¹ *Fowler M. L.*, 1974, p. 210.

²² *Ibid.*, p. 210, 211.

²³ *Rathje W. L.*, 1974, p. 84—92.

²⁴ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 3, с. 20.

²⁵ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 46, ч. I, с. 464.

²⁶ Там же, с. 470.

- ²⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 3, с. 21.
- ²⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 46, ч. I, с. 470.
- ²⁹ Виткин М. Н., 1972, с. 69.
- ³⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 3, с. 49—50.
- ³¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 21, с. 164.
- ³² Андреев Ю. В., 1976, с. 55—56.
- ³³ Шифман И. Ш., 1977, с. 32.
- ³⁴ Андреев Ю. В., 1976, с. 113, 114.
- ³⁵ Там же, с. 114, 115.
- ³⁶ Ллойд С., 1972, с. 19.
- ³⁷ Кнорозов Ю. В., 1971, с. 82, 84.
- ³⁸ Гуляев В. И. 1966, с. 20, 21:
Совсем недавно в Куэлько (Белиз) археологи нашли остатки легких жилищ и керамику, относящихся, судя по данным С¹⁴, к 2500—1250 гг. до н. э.
- ³⁹ Willey G. R. and Smith A. L., 1963, p. 85.
- ⁴⁰ Andrews E. W., 1962, p. 161.
- ⁴¹ Coe W. R., 1965a, p. 11.
- ⁴² Smith R. E., 1955, vol. 1, p. 21.
- ⁴³ Гуляев В. И., 1972, с. 164.
- ⁴⁴ Morley S. G., 1956, p. 64, 66.
- ⁴⁵ Sanders W. T., 1973.
- ⁴⁶ Morley S. G., 1947, p. 42; Smith A. L., 1940, p. 203.
- ⁴⁷ Willey G. R. and Smith A. L., 1963, p. 88.
- ⁴⁸ Coe W. R., 1965a, p. 15—21.
- ⁴⁹ Coe W. R., 1965b, p. 1411—1412.
- ⁵⁰ Willey G. R., 1964, p. 143, 146.
- ⁵¹ Гуляев В. И., 1972, с. 164.
- ⁵² Там же, с. 164.
- ⁵³ Marquina I., 1964, p. 519—522, 527—532.
- ⁵⁴ Andrews E. W., 1962, p. 161.
- ⁵⁵ Coe W. R., 1963, p. 35.
- ⁵⁶ Morley S. G., 1947, p. 342—343.
- ⁵⁷ Spinden H., 1957, p. 132.
- ⁵⁸ Гуляев В. И., 1966, с. 20, 21.
- ⁵⁹ Ricketson O. G. and Ricketson E. B., 1937.
- ⁶⁰ Кнорозов Ю. В., 1973, с. 87.
- ⁶¹ Andrews G. F., 1975, p. 10.
- ⁶² Кнорозов Ю. В., 1966, с. 116.
- ⁶³ Proskouriakoff T., 1971, p. 143.
- ⁶⁴ Ibid., p. 143.
- ⁶⁵ Haviland W. A., 1975, p. 8—9, 20.
- ⁶⁶ Ibidem.
- ⁶⁷ Proskouriakoff T., 1971, p. 144.
- ⁶⁸ Andrews E. W., 1965, p. 50.
- ⁶⁹ Hardoy J., 1973, p. 208, 209.
- ⁷⁰ Sharer R. I., 1974, p. 165—172.
- ⁷¹ Heizer R., Drucker Ph. and Squier R., 1955.
- ⁷² Heizer R., 1966, p. 122.
- ⁷³ Hardoy J., 1968, p. 18—22.
- ⁷⁴ Heizer R., 1966, p. 122—123.
- ⁷⁵ Sanders W. T. and Price B. J., 1968, p. 127.
- ⁷⁶ Fowler M. L., 1972, p. 212.
- ⁷⁷ Ibid., p. 213.
- ⁷⁸ Ibidem.
- ⁷⁹ Созина С. А., 1969, с. 50.
- ⁸⁰ Там же, с. 113, 114.
- ⁸¹ Созина С. А., 1969, с. 115.
- ⁸² Гуляев В. И., 1966.
- ⁸³ Sanders W. T., 1971.
- ⁸⁴ Calneck E. E., 1972, p. 350—354.
- ⁸⁵ Sanders W. T., 1971.
- ⁸⁶ Roys R. L., 1943.
- ⁸⁷ Coe M. D., 1965, p. 103—109.
- ⁸⁸ Ibid., p. 109.
- ⁸⁹ Means P., 1917.
- ⁹⁰ Scholes F. and Roys R., 1948.
- ⁹¹ Кнорозов Ю. В., 1966, с. 123.
- ⁹² Золотарев А. М., 1964, с. 149.
- ⁹³ Там же, с. 150.
- ⁹⁴ Roys R. L., 1957, p. 7.
- ⁹⁵ Ibid.
- ⁹⁶ Ланда Д. де, 1955, с. 169—175.
- ⁹⁷ Coe M. D., 1965, p. 102.
- ⁹⁸ Ibid., p. 103.
- ⁹⁹ Ibid., p. 104.
- ¹⁰⁰ Relaciones de Yucatán, T. I.—СДУ, 1900, p. 137, 138.
- ¹⁰¹ Roys R. L., 1957, p. 8.
- ¹⁰² Ibid., p. 7—8.
- ¹⁰³ Ibid., p. 8.
- ¹⁰⁴ Ibid., p. 21.
- ¹⁰⁵ Calneck E. E., 1972, p. 348, 349.
- ¹⁰⁶ Roys R. L., 1957, p. 22.
- ¹⁰⁷ Ibid., p. 119.
- ¹⁰⁸ Кнорозов Ю. В., 1975, с. 253—255.
- ¹⁰⁹ Ланда Д. де, 1955, с. 72—73.
- ¹¹⁰ Кнорозов Ю. В., 1971, ч. I, с. 81—86, ч. II, с. 35—38.
- ¹¹¹ Там же, 1971, ч. II, с. 37.
- ¹¹² Томпсон Дж., т. I, 1958, с. 76.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ГОРОДА МАЙЯ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

АРХИТЕКТУРА И ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ПОСТРОЕК

Монументальная архитектура майя — одна из важнейших и специфических черт их культуры. Несмотря на существование ряда локальных стилей, майяская архитектура отличается в целом большей однородностью, чем другие виды искусства. Это объясняется прежде всего господством на всей территории цивилизации майя единых строительных принципов. Все майяские постройки, независимо от их назначения и размеров, воздвигались на специальных платформах или фундаментах пирамидальной формы. Последние представляют собой насыпи из земли, глины и щебня, облицованные сверху каменными плитами или слоем штукатурки. Жилые здания и «дворцы» имеют платформы в 1—3 м высотой, зато размеры пирамид у некоторых храмов (например, у храма IV в Тикале) достигают 60-метровой высоты.

Наиболее характерной чертой каменной архитектуры майя в классический период является широкое использование ступенчатого (или ложного) свода. Основные типы зданий: а) храм на высоком пирамидальном основании с усеченной плоской вершиной; б) дворец — длинное многокомнатное здание на низком фундаменте; в) рядовые жилища — небольшие постройки на низких каменных платформах; г) «стадионы»

для ритуальной игры в мяч (ball courts), получающие распространение в позднеклассическую эпоху.

Эти типы сооружений оставались господствующими на протяжении всего классического периода. Изменения в них сводились в сущности лишь к изменениям пропорций между отдельными частями построек, к варьированию планов или к различиям в орнаментике фасадов. Отмечена практика периодического разрушения и перестройки старых храмов и святилищ, с включением прежней пирамиды-субструктуры в новую, более крупную постройку¹. Дворцы и храмы составляют, бесспорно, центральное ядро любого майяского города. Но самая многочисленная группа майяских построек — рядовые жилища, и именно их исследование играет решающую роль при характеристике любого города древности.

Несмотря на то, что большое значение данного типа архитектурных сооружений майя для всякого рода социально-экономических реконструкций признавалось американскими археологами давно, более или менее целенаправленные и интенсивные раскопки остатков жилищ классического периода были осуществлены только в 30-е годы (работы Р. Уокера в Вашактуне)². Этот же автор впервые сопоставил археологические материалы по жилищам майя со сведениями письменных источников XVI—XVII вв. и этнографическими наблю-

дениями наших дней среди индейского населения — потомков обитателей древних городов Петена и Юкатана³. При раскопках небольших овальных холмиков, в изобилии встречающихся во всех крупных центрах древних майя, археологи находят обычно плоские прямоугольные каменные платформы сравнительно небольшой высоты — 0,5—1 м. Остатки нижней части стен из камня, столбовые ямки, куски штукатурки, глины и т. д. заставляют предполагать, что эти платформы служили основаниями для легких жилых зданий, сделанных из дерева и частично из камня, под листовыми крышами. Их идентификация в качестве жилищ основной массы населения осуществляется по следующим признакам: а) многочисленность их по сравнению с другими типами построек; б) присутствие хозяйственного и бытового инвентаря (зернотерки, кремневые и обсидиановые орудия и т. д.); в) наличие отбросов и мусора (зола, угли, кости животных, черепки грубой кухонной посуды и т. д.); г) сходство с этнографически известными жилищами современных индейцев-майя; д) изображения аналогичных жилищ на фресках и граффити доиспанского периода⁴.

В Вашактуне, в непосредственной близости от центра города, было исследовано пять небольших холмов, содержащих остатки жилищ⁵.

Платформы общим числом от 2 до 5 обычно группировались вокруг прямоугольного дворика или площадки. Остатки каменной постройки со ступенчатым сводом, встреченные на одной из таких платформ, составляют явное исключение. Во всех других случаях предполагаются дома из дерева под лиственной крышей⁶.

О. Л. Смит, описывая рядовые жи-

лища обитателей Майяпана — столичного города юкатанских майя (XIII—XV вв. н. э.), подчеркивает, что в крайне редких случаях эти дома имели больше двух комнат, разделенных продольной стеной посередине. Все дома стояли на низких платформах. Во внутреннем помещении иногда встречаются скамьи-лежанки из камня. Многие здания стоят на ступенчатых платформах, образующих удобные площадки для бытовых занятий и приготовления пищи⁷. Из 2100 жилищ Майяпана только 50 имели более двух комнат. Их внешний вид и устройство почти полностью соответствуют описанию типичного дома юкатанских майя в XVI в., сделанному Диего де Ландой⁸.

За последние годы наиболее значительные исследования древних жилищ на памятниках майя I тысячелетия н. э. проводились в Бартон Рамье (долина р. Белиз), где были обнаружены платформы — основания для построек из дерева и листьев, со столбовыми ямками, каменными скамейками-лежанками и обильными хозяйственно-бытовыми остатками⁹, а также в Тикале (Петен, Гватемала)¹⁰ и Цибильчальтуне (Юкатан)¹¹.

Благодаря этим работам удалось окончательно установить, что отдельно стоящая постройка (имеется в виду дом, жилище) — явление крайне редкое, а подавляющее большинство жилых построек встречается группами по 2, 3, 4 и более зданий, сконцентрированных, как правило, вокруг прямоугольного дворика или площадки.

Некоторые исследователи рассматривают каждую отдельно стоящую постройку в таких группах в качестве отдельного дома. Другие склоняются к тому, что надо считать домом весь данный комплекс зданий (будь

то одна постройка, платформа, холм и т. д. в группе или несколько). Эти комплексы удивительно похожи и по общей планировке, и по числу составных компонентов-построек на домовладения (house-holds) современных юкатанских майя. Последние могут состоять из одного или более жилищ, но они часто включают также и отдельные здания для кухонь и кладовых, которые в архитектурном отношении похожи на жилые дома¹².

Иногда семейные алтари и святилища, расположенные обычно внутри дома, вынесены в отдельную постройку в пределах того же домовладения¹³.

Стены домов в древности, как и у современных индейцев Юкатана, делали из прочных стволов или жердей пальмового дерева, поставленных вертикально или горизонтально на каменной плоской платформе. Снаружи такие стены часто обмазывались глиной и покрывались штукатуркой. Высокая двускатная крыша изготовлялась из листьев пальмы «ак», травы и кукурузной соломой. Полы внутри жилищ были глинобитные или же покрывались слоем прочного и твердого известкового раствора¹⁴. В настоящее время дома на территории майя имеют в плане овальную, прямоугольную, квадратную или круглую форму. Судя по данным раскопок поселений классического периода, аналогичная пестрота в планировке жилищ наблюдалась и в древности¹⁵.

Индейцы Юкатана и Горной Гватемалы имеют сейчас вокруг домов приусадебные участки — с огородами, фруктовыми деревьями и цветниками. Наличие таких же участков в XVI в. подтверждают письменные источники¹⁶. Прослежены они в виде низких каменных стен, обрамляющих неболь-

шую территорию вокруг руин домов, и археологически: в Вашактуне и Майяпане¹⁷.

Судя по сообщениям испанских и индейских хронистов, среди майя в момент конкисы наблюдалась резкая социальная дифференциация, что нашло прямое отражение и в жилищах того времени. «Дома низших классов, — писал М. Ларраинсар, — не требовали больших архитектурных познаний: они были сделаны из стволов дерева и глины и имели цилиндрическую форму, с отверстием для двери, и крышу из листьев пальмы, называемой „ак“. Жилища знати и богатых людей более сложные и вычурные: они были прямоугольными в плане, часто сложены из камня, с двумя и более помещениями внутри»¹⁸. Примерно ту же картину наблюдали археологи при раскопках постклассического города Майяпана¹⁹ и в классическом центре — Тикале²⁰. В XVI в., как и в доиспанскую эпоху, у местных индейцев существовал обычай хоронить покойников под полами жилищ или во дворе, рядом с домом. Диего де Ланда говорит, что после подобного захоронения семья немедленно покидала свой дом, оставляя его духам мертвых²¹.

Однако на поселениях I тысячелетия н. э. остатки жилищ содержат по несколько погребений под платформами и полами, без каких-либо признаков прекращения жизни в доме²².

Р. Уокер путем длительных наблюдений за жилищами современных индейцев установил, что средний период существования каждого дома майя составлял 25—30 лет. В археологическом контексте это соответствует одному строительному горизонту в истории данного холма. Однако в классическую эпоху дом покидал в сред-

нем только после трех и более захоронений в нем²³.

Из этого следует, что для выделения синхронно существовавших на поселении жилищ необходима тщательная разработка сложной системы датировки по керамике (с точностью до 20—30 лет); практически же мы располагаем пока для культуры майя в 1 тысячелетии н. э. только самой приблизительной и общей керамической периодизацией, где один этап (например, Цаколь) охватывает свыше сотни лет даже в своих самых дробных делениях (Цаколь 1, 2 и 3).

ПЛАНИРОВКА И ВНУТРЕННЯЯ СТРУКТУРА

При ознакомлении с планами майяских городов I тысячелетия н. э. сразу же бросается в глаза несколько постоянно повторяющихся моментов:

1. Наличие четко выраженного ритуально-административного ядра («теменоса») с ансамблями важнейших архитектурных построек — храмами, дворцами и т. д., сгруппированными вокруг прямоугольных дворов и площадей, которые ориентированы, как правило, по странам света. «Теменос» плотным кольцом окружают жилые кварталы, и чем дальше от центра, тем беднее дома и реже застройка.

2. Отсутствие четко выраженных внешних границ, поскольку во многих случаях наружной линии укреплений (стен, рвов, валов, палисадов) в городах майя не найдено.

3. Деление города (как его центрального ядра, так и периферийных районов) на несколько крупных архитектурных комплексов, или групп, состоящих из монументальных сооружений — храмов, святилищ, дворцов и

других общественных построек. Назначение этих групп, их временное и пространственное соотношение пока остаются неясными. Больше того, до сих пор не сделано ни одной серьезной попытки дать какую-либо общую их интерпретацию.

4. Часто эти архитектурные ансамбли и группы соединены между собой системой широких и вымощенных камнем дорог-дамб, заметно возвышающихся над землей.

5. В Центральной области майя важнейшие ритуально-административные здания часто сосредоточены на вершинах искусственных или естественных холмов — «акрополей», которые господствуют над городом и в прямом и в переносном смысле. Иногда в наиболее крупных городах встречается сразу несколько таких «акрополей» (Тикаль, Пьедрас Неграс, Накум...) ²⁴.

6. Что касается жилых построек, то они на первый взгляд образовывали беспорядочную массу, хаотичное скопление без видимых попыток какой-то организации и намеченной планировки. Жилища обычно концентрируются небольшими группами по 2—5 зданий, размещенных вокруг внутреннего прямоугольного двора. Последний, как и большие площади в центре города, почти всегда точно ориентирован по странам света.

7. Дома обычно стоят только на высоких местах — грядках холмов, буграх, выходах скалистых пород — словом, везде, где облегчен естественный дренаж. В болотистых низинах («бахос») построек не обнаружено.

8. Другие природные факторы — наличие источников воды (колодцы, реки, озера и т. д.), рельеф местности, количество и размещение различных

природных ресурсов — также заметно влияли на общую планировку города.

9. Намеренную и тщательную организацию и планировку (по точным астрономическим расчетам) демонстрируют главным образом крупные ритуально-административные комплексы в центре города²⁵. Иногда весь центр спланирован вокруг главного городского храма (Чичен-Ица и Майяпан — постклассические города X—XV вв. н. э.).

10. Типичный крупный майяский «центр» классического периода состоял обычно из трех частей: а) сравнительно компактного ритуально-административного ядра с важнейшими каменными постройками — храмами, резиденцией правителя, дворцами знати и жрецов; б) довольно плотно застроенных жилых районов, непосредственно примыкающих к «теменосу»; в) периферийных районов — аморфных с более редкой застройкой.²⁶

Гораздо сложнее решить вопрос о степени и формах влияния социально-экономической структуры общества майя на городскую планировку.

Х. Ардой считает, например, что «характер планировки мог соответствовать древним формам племенной организации»²⁷.

На мой взгляд, пережитки родоплеменного деления действительно оказали некоторое влияние на структуру майяского города I тысячелетия н. э. Достаточно напомнить дуальный принцип планировки многих юкатанских городов кануна конкисты (4-членное деление города — «большие кварталы», являвшиеся отделенным напоминанием о делении племени на 4 подфратрии, 4 группы родов)²⁸. Но род к тому времени уже

распался. Повсеместно существовала соседская община. Согласно Р. Ройсу, одни и те же родовые имена встречались по всему Юкатану и среди бедных, и среди богатых.

В то же время только что появившееся раннеклассовое государство (в лице его правителей и жрецов) самым непосредственным образом влияло на структуру и планировку городских центров. Именно господствующая элита, и прежде всего сам правитель, определяла, что именно строить и где²⁹.

Не случайно все наиболее внушительные постройки города в виде храмов и дворцов возводились именно в центре, в районе ритуально-административного городского ядра. Центр поселения считался у майя, как и у многих других народов древности, «зоной престижа», местом обитания правителя, знати и жрецов. «Видимо, в доиндустриальных городах, — пишет У. Сандерс, — наблюдается тенденция к концентрическому размещению различных социальных групп: правящие слои обитают близ центра... а нижние слои — на периферии...»³⁰

«Фокусом городской пространственно-планировочной среды, — подчеркивают В. М. Долгий и А. Г. Левинсон, — является центр, храмово-дворцовый комплекс, ядро города. Святая святых... — главный городской храм, доминирующий в силуэте города, организующий городское пространство вокруг себя»³¹. Аналогичное мнение высказывает и Р. В. Кинжалов: «Наиболее ярко достижения древнего зодчества майя прослеживаются в монументальных сооружениях из городов. К ним относятся дворцы, храмы, стадионы для культовой игры в мяч. Комплекс этих строений, окружающих площадь, со-

ставлял сердцевину любого города майя (курсив мой. — В. Г.). Большой город... мог включать и несколько таких комплексов, располагавшихся иногда на значительном расстоянии друг от друга»³².

Таким образом, совершенно очевидно, что группы монументальных построек, сконцентрированных вокруг прямоугольных площадей, во многом определяют общую структуру и планировку майяских городов I тысячелетия н. э. Что же представляли собой в действительности эти группы? Каковы их функции и взаимосвязи друг с другом?

Начнем с главных составных элементов этих групп — дворцов и храмов. В крупных классических городах таких построек встречается немало. Если исходить из той картины майяского общества, которую рисует нам для эпохи конкисты (XVI в.) Диего де Ланда, то можно в применении к памятникам I тысячелетия н. э. сделать следующие гипотетические предположения.

1. Каждый столичный город должен иметь дворец правителя государства — «халач виника».

2. В столице же должен был обособиться и второй по рангу человек после царя — верховный жрец (следовательно там находилась и его резиденция дворцового типа).

3. Кроме того, в столице существовали и другие крупные жилые строения, принадлежавшие главному военачальнику («накону»), представителям высшей знати и вассальным царькам и правителям, которых часто насильно заставляли жить длительное время в городе в качестве заложников (как, например, это было в Майяпане).

4. Число храмов также было доста-

точно велико: храм верховного божества города-государства, храмы квартальных делений, храмы богов-покровителей различных профессий, храмы, связанные с царским культом.

Археологические признаки дворцовых и храмовых построек в классических городах майя установлены сейчас достаточно надежно. Резные каменные стелы с календарными датами по эре майя (точно коррелирующимися с европейским летосчислением), обычно стоящие возле важнейших храмовых построек, облегчают датировку больших архитектурных групп. Одновременно число и качество таких стел косвенно свидетельствуют и о ритуально-политическом значении данной группы в определенный отрезок времени.

В некоторых городах майя (например, в Тикале) одна из архитектурных групп в центральной части памятника (в Тикале — это Группа «А»: Главная Площадь, «Северный Акрополь» и прилегающие к ним участки), начиная с глубокой древности (от середины I тысячелетия до н. э.) и до конца существования города (конец IX в. н. э.), постоянно оставалась его главным политико-административным и культовым ядром. В Тикале остальные архитектурные группы (около пяти) уступают основной группе по своим размерам, количеству и качеству монументальных каменных построек и стел, не имеют пышных царских захоронений в гробницах под пирамидами храмов.

А в городах Вашактун и Алтар де Сакрифисьос археологические находки убедительно свидетельствуют о поочередном «возвышении» тех или иных крупных архитектурных групп (или районов) в пределах данного города. Так, в Вашактуне в позднеар-

хаическое время (этап Чиканель: вторая половина I тысячелетия до н. э.) отмечено присутствие керамических материалов в группах «Е» и «В». Причем в первой из них, кроме того, обнаружены и остатки древнейшей храмовой архитектуры в зоне майя — пирамида Е-VII-суб. К концу IV в. н. э. всякое монументальное строительство и возведение резных стел в Группе «Е» прекращается, и в то же время наблюдается резкое усиление строительной активности в Группе «В», удаленной на расстояние примерно в 1,3—1,4 км к западу. Здесь не только найдены стелы с датами от второй половины IV до VIII вв. н. э., но и подавляющее большинство каменных зданий возведено именно в раннеклассический период (300—600 гг. н. э.). Около VI—VII вв. н. э. Группа «В» (хотя какая-то ритуальная деятельность в ней и продолжалась), видимо, уступает лидерство более южной группе — «А», которая и становится последним политико-административным и культовым ядром Вашактуна в VII—IX вв. н. э.

Аналогичная ситуация прослеживается и в другом древнемайяском городе — Алтар де Сакрифисьос (в бассейне р. Пасьон), где среди трех основных архитектурных групп («А», «В», «С») пальма первенства в качестве центрального ядра города поочередно переходила сначала к Группе «В» (поздняя архаика — раннеклассическое время), а с конца раннеклассического этапа, к Группе «А»³³.

Постепенное перемещение политико-административного и ритуального центра из южных районов города в северные отмечено и в Пьедрас Неграс (бассейн р. Усумасинты)³⁴. Нечто похожее происходило, видимо, и в Йашчилане³⁵.

В свое время Р. В. Кинжалов высказал в самой общей форме догадку о «кочующем центре». «Возможно также, — писал он, — что при долговременном существовании города его функциональный центр перемещался из одного комплекса в другой...»³⁶

Теперь эта догадка превратилась в довольно обоснованную гипотезу. Но если факт перемещения ритуально-административного ядра в пределах одного города можно считать установленным, то причины столь необычного явления во многом остаются непонятными.

В этой связи уместно привести одну аналогию. «Существует обоснованная гипотеза, — пишет А. В. Бунин, — о путях развития столичных городов Египта: в каждое новое царствование фараоны создавали новые резиденции... Если допустить, что каждый фараон, следуя традициям, покидал резиденцию своего предшественника и создавал свою собственную, то Мемфис и Фивы можно считать городами с несколькими центрами, ибо новые дворцы, за редким исключением, строились вблизи старых. Со временем новый дворец окружали со всех сторон жилые кварталы, и этот вновь возникший городской организм срастался с остальным городом. Весьма вероятно, что колоссальные размеры Мемфиса и Фив объясняются многократными перемещениями царских резиденций. Однако существенно и то, что вместе с тем происходило запустение и отмирание наиболее старых и удаленных районов столицы»³⁷.

Нечто похожее, вероятно, наблюдалось и у древних майя. Не исключено, что поочередное возвышение тех или иных административно-религиозных комплексов в пределах города и запустение, упадок других связаны со

сменой правящих династий, отражавшей борьбу за власть внутри аристократических родов и групп городской общины.

То, что это явление (и связанная с ним смена царских резиденций) не было чуждым образу мышления древних индейцев, доказывается целым рядом фактов: смена или перестройка дворца со смертью правителя его преемником у майя-киче в Утатлане³⁸; строительство новой резиденции для каждого правителя-«тлатоани» у ацтеков³⁹; обычай умышленного разбивания и порчи скульптурных стел с изображением правителя и его бога-покровителя и практика разрушения старых храмов (часто непосредственно связанных с царским культом) в классических городах-государствах майя I тысячелетия н.э.⁴⁰

В тех случаях, когда перемещения функционального центра в пределах города не наблюдалось, а среди имеющихся архитектурных групп заметно определенное иерархическое деление — одна главная группа (ритуально-административное ядро города на всем протяжении его существования) и несколько периферийных, меньшего значения и масштаба, это, возможно, отражало какие-то территориальные и социально-административные городские деления типа «районов» или «кварталов». Последние, судя по данным письменных источников кануна конкисты, служили у майя весьма важной экономической, административной, военной и культовой единицей⁴¹.

Это предположение выглядит вполне убедительным после рассмотрения данных из Тикаля о внутренней структуре жилых групп этого города. Ценные сведения на этот счет приведены У. Хевилендом. Ему удалось

доказать, что в Тикале обычное домовладение было резиденцией большой патрилокальной семьи. Жилые и вспомогательные постройки в этом городе встречаются обычно группами по 2—5, расположенными вокруг прямоугольных внутренних двориков и малых площадей. Тем самым подтверждается наличие определенного рода сложных семейных групп. Каждое домохозяйство в своей конечной стадии содержит обычно больше построек, чем в начальной⁴², что свидетельствует о существовании больших семей (extended families).

Почти во всех домохозяйствах некоторые постройки архитектурно выделялись среди остальных из той же группы и именно в этих постройках древние майя предпочитали хоронить умерших. Вполне возможно, что в них жили наиболее почитаемые, первичные семьи каждой группы — самые старшие в своих большесемейных коллективах⁴³.

Крохотные группки из 2—5 построек, образующих одно домохозяйство, имеют отчетливую тенденцию концентрироваться в более крупные скопления. У. Хевиленд ссылается на три таких скопления, содержавших от 17 до 33 индивидуальных построек каждое. В двух случаях эти скопления имели, помимо жилищ, по одному небольшому зданию «дворцового» типа с ритуальными тайниками и приношениями внутри — под полами и лестницами, что нехарактерно для чисто жилых комплексов. В третьем скоплении вместо «дворцов» был представлен средних размеров храм⁴⁴. У. Хевиленд считает эти большие группы, или скопление домов, сконцентрированных вокруг какой-то общественно-административной («дворец») или ритуальной (храм) пост-

ройки, территориальной общиной⁴⁵. На мой взгляд, перед нами — наглядное археологическое отражение квартальных (общинных, типа ацтекской «кальпулли») делений внутри городского города майя I тысячелетия н. э.

В заключение следует подчеркнуть, что в ряде случаев уже в пределах главного ритуально-административного центра города наблюдается функциональное разделение архитектурных комплексов *ритуального* и *политико-административного* характера. В Тикале вся культовая жизнь была сосредоточена на Главной площади и примыкающих к ней храмовых ансамблях (Северный Акрополь, Храмы I и II), а все дворцовые здания выделены в отдельную группу (Центральный Акрополь)⁴⁶. Сходная картина отмечена археологами в городе Рио Асуль (Северо-Восточный Петен), где в центре, в Группе «А», преобладают пирамидальные храмы, а Группа «В» состоит исключительно из дворцовых построек, спланированных в виде четырехугольников, разбитых вокруг внутренних дворов⁴⁷.

РАЗМЕРЫ ТЕРРИТОРИИ И ГРАНИЦЫ

Определение точных границ любого древнего города из низменных лесных районов Центральной области майя всегда представляет для исследователя весьма трудную задачу. Во-первых, у городов майя в I тысячелетии н. э., как правило, отсутствовала внешняя линия укреплений в виде стен, рвов, валов, палисадов и т. д. Во-вторых, разного рода жилые и общественные постройки, сконцентрированные группами вокруг прямоугольных дворов и площадей, тя-

нутся обычно на многие километры от главного городского ядра, незаметно сливаясь с окрестными селениями и городами. И, в-третьих, вся площадь города обычно покрыта сейчас густыми зарослями леса.

Однако в целом положение далеко не безнадежно. Прежде всего рассмотрим вопрос о внешних укреплениях.

Действительно, подобно древнеегипетским, города майя в I тысячелетии н. э. обычно не имели внешних укреплений, которые столь характерны для ранних городских центров Месопотамии и феодальной Европы. Л. Мэмфорд предложил следующее объяснение этому явлению: «В условиях жесткой централизации и крепкой верховной власти город, естественно, приобрел другую форму — более открытую и более разбросанную. Добрых 4000 лет и соответствующее число миль отделяет майяские города от раннединастического Египта. Только одна существенная связь может быть установлена между ними. И те и другие возникли при твердой политической власти, при которой *отсутствовали или почти отсутствовали войны* (курсив мой. — В. Г.), где насилие было сведено к минимуму, и монополия священной власти и священной мудрости правящего класса — аристократов и жрецов, обладающих всеми привилегиями, была принята без серьезного возражения на долгое время. При таких условиях меньшинство из цитадели не нуждалось в защите от соседних деревень — многолюдных, потенциально более сильных, но находившихся в подчинении. Если бы эти условия были повсеместными, открытый город мог бы всегда быть доминирующим типом поселения»⁴⁸.

Ближих взглядов на причину отсутствия внешних укреплений в городах древних майя придерживаются и многие ученые-американисты: Э. Томпсон, Г. Уилли, А. Киддер. По их словам, сам этот факт — доказательство мирного, чисто религиозного воздействия правящей верхушки на массы земледельцев, доказательство почти полного отсутствия войн и военных столкновений в практике взаимоотношений классических городов-государств майя. Как прямая противоположность этой картине, приводится «эра милитаризма» постклассических времен, когда, по мнению названных исследователей, возникшая военная угроза сразу же повлияла на расположение и внешний вид майяских городов: появление укреплений, местонахождение поселений на вершинах крутых гор, холмов и т. д.⁴⁹ В действительности же дело обстоит не совсем так.

Многочисленные доказательства ожесточенных военных столкновений между городами-государствами I тысячелетия н. э. дает богатое изображение искусство майя классического периода: знаменитые фресковые росписи Бонампака, «победные» рельефы и стелы в большинстве крупных центров майя и т. д. Это свидетельствует о том, что отнюдь не отсутствие военной угрозы и не особая прочность местной политической иерархии вызывали своеобразный характер планировки и оформление внешнего вида майяских городов.

Как выяснилось, отнюдь не все классические центры майя не имели внешних укреплений: крупный город Бекан, расположенный на границе Центральной и Северной областей майя, был окружен (в центральной своей части) глубоким рвом и ва-

лом⁵⁰; выявлена многокилометровая система внешних укреплений из валов и рвов, упиравшихся концами в болота, в Тикале⁵¹.

Бекан и Тикаль отстоят друг от друга на 150 км. Но характер их укреплений внешне очень похож (валы и рвы), хотя есть и существенные различия: в Бекане огорожено только политико-административное и ритуальное ядро города, а в Тикале — вся площадь города вместе с округой (120—160 кв. км). Учитывая прежний интерес археологов исключительно к центральной части исследуемого города и особую трудность находки малозаметных внешне валов и рвов в густых зарослях тропического леса, можно предполагать, что подобные укрепления существовали в других классических государствах майя. Не исключено, что вокруг ядра города или всей его площади укрепления возводились из дерева (в виде стен и палисадов, ныне исчезнувших).

Но дело даже не в этом, хотя наличие внешних укреплений очень помогает при определении границ города. Суть проблемы — в особенностях социально-политической структуры общества майя в I тысячелетии н. э. Если обратиться к фактам, то абсолютно во всех случаях основные виды построек в центре любого города майя (т. е. храмы и дворцы) так или иначе *выделены* из общей городской застройки либо благодаря своим высоким искусственным стилобатам (пирамиды, платформы, террасы и т. д.), либо своим размещением на плоской вершине высокого «акрополя» — искусственного или естественного возвышения с крутыми склонами. Таким образом, основное ядро города (его важнейшие политико-административные и культовые здания)

отнюдь не было беззащитным перед набегом неприятеля. Это были настоящие труднодоступные «крепости», на что справедливо указал Р. В. Кинжалов⁵². Кроме того, чтобы попасть в район «теменоса», врагам нужно было пройти через скопление городских кварталов, окружавших центр со всех сторон.

Согласно представлениям многих древних народов, в том числе и мезоамериканских, именно захват и уничтожение главного храма города или его правителя (вождя, царя) символизирует полную победу над врагом. Это парализовывало всякое дальнейшее сопротивление. Однако мы видим, что в классическую эпоху именно эти ключевые точки городского комплекса и были как раз наиболее надежно укреплены и защищены.

Примерные границы города можно установить и на основе плотности застройки. Еще в 30-е годы археолог О. Рикетсон (США) применил при раскопках в Вашактуне весьма оригинальный способ определения плотности застройки на единицу площади — с помощью крестообразных «просек», разбитых точно по сторонам света, начиная от центра города⁵³. Полученные материалы были использованы для подсчета примерного количества жилищ и соответственно жителей в зоне города. Общая площадь, охваченная «просеками», составляла 2 273 920 кв. м. На ней 968 480 кв. м, или 43% исследованной территории, приходилось на долю необитаемых влажных низин («бахос») и болот и 1 287 440 кв. м (57%) — на районы застройки. Из 1 287 440 кв. м пригодной для обитания земли 334 000 кв. м падает на Группы «А» и «Е» — главные архитектурные комплексы Вашактуна, где простых жилищ почти

не встречается. На оставшейся территории в 953 040 кв. м обнаружено 78 холмов — остатков жилых домов и 50 хозяйственных ям-«чультунов»⁵⁴.

Предположив в то же время, что в каждом доме в среднем жила семья из 5 человек и что все выявленные в этой зоне дома одновременно существовали, О. Г. Рикетсон получил цифру в 1083,35 человека на 1 кв. милю, или 677 человек на 1 кв. км обитаемой площади. Однако автор раскопок считал, что одновременно существовало не более $\frac{1}{4}$ части всех жилищ (по данным из 78 холмов), и получил, таким образом, всего 271 человек на 1 кв. милю (169 человек на 1 кв. км), или 40 построек на 1 кв. км⁵⁵. Никаких соображений о размерах всей территории города при этом высказано не было. На основе карты Вашактуна, сделанной в 30-е годы, можно подсчитать, что в эпоху своего расцвета, в позднеклассический период (600—900 гг. н. э.), центр города занимал, судя по разбросу его основных архитектурных групп, 500×300 м, или 15 га. И поскольку для большинства майяских классических городов мы имеем планы только их центральной части, то в дальнейшем речь пойдет в основном о сравнении их «теменосов».

В Тикале после широких работ по расчистке руин от лесных зарослей удалось точно нанести на карту около 9 кв. км центральной части города и еще 7 кв. км (с меньшей точностью) периферийной. Это позволило исследователям утверждать на первых порах, что вся территория города и состоит из названных 16 кв. км⁵⁶.

В 1965 г., когда благодаря крестообразным «просекам» удалось обнаружить линию внешних оборонительных укреплений в 8 км к юго-востоку и

4,5 км к северу от центра города, У. Хевиленд предположил, что в эпоху своего расцвета (550—770 гг. н. э.) Тикаль занимал площадь до 123 кв. км (западную и восточную границу города образуют обширные болота)⁵⁷. Другие доводили размеры городской территории до 160 кв. км⁵⁸.

Мне представляется, что здесь смешаны два разных понятия — сам город, как таковой, и прилегающая к нему округа с известным числом больших и малых селений. Видимо, внешние укрепления (рвы и стены) ограждали не сам город, а все его земельные владения вместе с округой. Бесспорно, сами жители Тикаля хорошо различали, где кончался город и начинался его «хинтерланд».

При определении примерных размеров собственно города лучше всего использовать рекомендованный О. Г. Большаковым метод анализа территории «сплошной городской застройки»⁵⁹. Районы сплошной застройки вокруг ритуально-административного ядра Тикаля занимают площадь около 6—8 кв. км. Это и есть собственно город. Остальные 100—150 кв. км внутри линии укреплений приходится на сельскохозяйственную округу с целым рядом городков и селений: Чикин-Тикаль, Волантун, Бобаль, Коросаль, Канмуль и др.⁶⁰.

О других городах майя I тысячелетия н. э. мы имеем самые смутные представления. В лучшем случае для них можно представить более или менее точный план «теменоса». Исключение составляют, пожалуй, лишь два классических города, находящиеся, правда, за пределами Центральной области на Юкатане: *Эцна*, с ритуально-административным центром в 12 га и прилегающим к нему жилым районом примерно такой же площади⁶¹ и

гигант-*Цибильчальтун*, которому приписывают территорию до 50 кв. км, хотя картографировано там всего 20 кв. км⁶². На мой взгляд, во втором случае, как и в Тикале, смешаны сам город и его округа. Даже огромная метрополия долины Мехико в I тысячелетии н. э. — Теотихуакан — не превышала по площади 20 кв. км. Здесь же речь идет о городе, почти лишенном собственной земледельческой базы и снабжаемом главным образом привозными продуктами и сырьем (основное занятие жителей Цибильчальтуна, по В. Эндрюсу, — добыча соли и торговля ею)⁶³.

У майя, если не считать таких немногих городов-исполинов, как Тикаль (100 га), Миrador (375 га) и чуть меньшего Калакмуля (86 га), подавляющее большинство других городских центров I тысячелетия н. э., предположительно относимых мною к классу столиц, имеют «теменосы» в среднем от 20 до 30 га.

ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ

Что касается определения численности населения древних городов, то, хотя для этой цели используется немало различных методов⁶⁴, мы еще далеки от полной ясности в данном вопросе.

В археологии майя демографические подсчеты делаются двояко:

1) по количеству одновременно существовавших жилищ на территории города в какой-то момент его истории;

2) из расчета количества людей, которых может обеспечить данная территория при максимальных возможностях существующей системы хозяйства.

В других регионах нашей планеты широкое применение нашел метод определения числа жителей древнего поселения по размерам его общей площади и средней плотности застройки⁶⁵. Однако на территории майя, где мы, как правило, не знаем ни точных размеров поселения, ни характера его застройки, это сделать невозможно.

Для применения первого метода нужно знать несколько исходных фактов: а) точное число *одновременно* существовавших жилых построек в зоне города; б) средний размер семьи, проживавшей в одном доме.

Впервые этот метод разработали и применили на практике археологи США, исследовавшие в 50-х годах город Майяпан — столицу государства, существовавшего с XIII по XV в.⁶⁶, т. е. незадолго до конкисты. Общая площадь города, обнесенного каменной стеной, составляет 420 га, а «теменоса» (отделенного от жилых кварталов второй, внутренней стеной) — 6,4 га. Последний включал в себя около 100 крупных каменных зданий — храмов и дворцов. На остальной территории Майяпана (в периферийных группах) было обнаружено еще 40 ритуально-административных зданий. Остальные 3875 построек, выявленных внутри городских стен, относятся к разряду жилых. Из их числа на долю паровых бань, кухонь, кладовых, семейных святилищ и т. д. приходится еще примерно 400 зданий, и остается, таким образом, почти 3500 явных жилищ. Однако авторы раскопок уменьшили эту цифру еще до 2100 ввиду плохой сохранности многих построек и трудности их идентификации. Важную роль играют данные о средних размерах малой семьи майя, жившей в одном доме. Этнографы, используя

материалы Юкатана, дают самые разные цифры — 4,5; 5,6; 6,3; 7,5 человека. Но в Майяпанском проекте для вычислений использована средняя семья в 5,6 человека. Умножив число жилых построек (2100) на количество обитателей одного дома, О. Л. Смит получил население в 11—12 тыс. человек⁶⁷. Однако эта оценка явно занижена. Во-первых, не учтено население «теменоса» (жрецы, обитатели дворца правителя, резиденций знати и т. д.); а во-вторых, количество домов было значительно уменьшено по сравнению с реальным числом (3500). Если мы априори предположим, что все выделенные на карте жилища Майяпана в какой-то момент сосуществовали и что служебные постройки составляли здесь при жилищах, как и в Тикале, около 16% от общего их числа (16% от 4000 = 640), то число домов возрастает, по меньшей мере, до 3000. Сюда следует добавить обитателей аристократического квартала. И, таким образом, общая численность населения столицы Северного Юкатана составит примерно 17—18 тыс. человек.

Для классического периода мы предполагаем пока в Центральной области майя только одним памятником, по которому имеются надежные сведения о количестве обитателей, — Тикаль.

Благодаря многолетним работам экспедиции Музея Пенсильванского университета в зоне города удалось картографировать 16 кв. км в центральных районах Тикаля, где выявлено в общей сложности до 3000 построек различного назначения и величины⁶⁸. 25—30% всей картографированной территории приходится на долю необитаемых болотистых низин. 300 зданий (или 10% от общего числа) относятся к классу дворцов и храмов. А из

остальных 2700 домашних построек до 16% приходится на долю вспомогательных и хозяйственных сооружений (кухни, кладовые, бани и т. д.). Таким образом, остается 2200 жилищ на площади в 16 кв. км⁶⁹ (а практически 12 кв. км обитаемой земли). Таковы факты. Но как только дело доходит до общих рассуждений по поводу демографии Тикаля, мнения исследователей расходятся. Основная дискуссия ведется между двумя археологами из США — У. Хевилендом и У. Сандерсом. Первый из них в течение многих лет сам вел полевые исследования в Тикале, он же — автор большинства статей по демографии этого города. Второй — руководитель проекта по изучению характера доиспанских поселений в Центральной Мексике. Суть спора состоит в том, что У. Сандерс считает, будто истинный урбанизм существовал в доколумбовой Мезоамерике только в горных областях с высокопродуктивным ирригационным земледелием — Центральной Мексике, Оахаке и т. д., а в низменных лесных районах майя были «ритуальные центры» без сколько-нибудь значительного числа постоянных жителей. Доказательству последнего положения и посвящены все его недавние публикации⁷⁰. Он утверждает, что для подлинно городского поселения необходима концентрация жителей не менее 5000 человек на 1 кв. км, а в Тикале она составляет всего около 1000 человек на 1 кв. км и, следовательно, это не город, а «ритуальный центр»⁷¹.

Со своей стороны, У. Хевиленд приводит в ряде своих работ археологические данные в пользу городского характера и городских функций Тикаля⁷².

Раскопки, шурфовка и сборы подземного материала на 120 группах до-

мовых построек (из 650 нанесенных на карту) позволили У. Хевиленду предположить, что все они были обитаемы в момент наивысшего расцвета Тикаля, между 550 и 770 гг. н. э. Взяв по современным этнографическим выкладкам для юкатанских майя среднюю цифру 5,6 человека для одной малой семьи, жившей в каждом доме, этот автор получил примерную цифру населения города в размере 10—11 тыс. человек⁷³.

На мой взгляд, цифра в 5,6 человека для одной парной семьи у индейцев-майя даже несколько занижена. Один из крупнейших мексиканских этнографов — А. Вилья Рохас на основе изучения жителей селения Ш-Какаль в Кинтана Роо (Мексика) определил средние размеры одной индейской семьи в 6,3 человека⁷⁴. Есть и другие сведения на этот счет, в которых цифры колеблются от 4,5 до 7,5 человек, т. е. в среднем где-то около 6. Округлив для удобства расчетов данные А. Вилья Рохаса до 6 человек, мы получим для 16 кв. км центральной зоны Тикаля население в 13 200 человек, со средней плотностью 825 человек на 1 кв. км. Однако эти цифры не совсем точны.

Во-первых, мы знаем, что застройкой была занята далеко не вся территория города: 25—30% площади Тикаля приходится на необитаемые болота-«бахос». Значит фактически вместо 16 кв. км остается 12 кв. км обитаемой земли и средняя плотность населения в этой зоне возрастет уже до 1100 человек на 1 кв. км.

Во-вторых, плотность застройки даже в пределах картографированной зоны в 16 кв. км изменяется в весьма широких пределах (до 500 построек на 1 кв. км, или 3000 человек). Выше мне уже приходилось говорить

о том, что площадь собственно города была значительно меньше картографированной зоны и составляла всего 7—8 кв. км. Попробуем обосновать это утверждение расчетами, базирующимися на изменениях в плотности застройки. Обычно, судя по примерам из археологии Старого Света, уменьшение такой плотности минимум в 2 раза свидетельствует о наличии в данном месте каких-то определенных границ.

Если учесть все платформы жилищ, известные нам в 16-километровой зоне, то они, согласно У. Сандерсу, распределяются по мере удаления от центра следующим образом (табл. 1):

Таблица 1

Территория, кв. км	Плотность (кол-во плат- форм на 1 кв. км)	Общее кол-во платформ
Центральные 8	190	1520
Периферийные 8	90	720
Всего 16	—	2240

Совершенно очевидно, что резкое (более чем двойное) уменьшение плотности застройки за пределами центральной (в 8 кв. км) зоны Тикаля отражает наличие где-то в этом районе вполне осязаемых границ города. Ранее я на основе чисто визуального анализа подробной карты Тикаля пришел к выводу, что собственно город занимал площадь не более 7—8 кв. км, т. е. цифры, весьма близкие изложенным в таблице.

У. Сандерс приводит данные о том, что средняя плотность в 90 платформ на 1 кв. км сохраняется и в большой периферийной зоне вокруг Тикаля размером в 48 кв. км (за пределами картографированных 16 кв. км)⁷⁵.

Таким образом, по нашим представлениям, население собственно Тикаля в пределах 8 кв. км составляло свыше 9000 человек (1520 платформ × 6 человек). Те же результаты дадут и расчеты, если исходить из средней плотности населения в пределах обитаемой площади (12 кв. км) в картографированной зоне 1100 человек на 1 кв. км ($8 \times 1100 = 8800$).

Разумеется, эти цифры весьма приблизительны и дают лишь самое общее представление о действительном населении города.

Сюда же нужно добавить еще население «теменоса» — жителей дворцов, жрецов, слуг, чиновников, воинов, жившее в пределах ритуально-административного центра. О численности обитателей дворцов некоторое представление дает последняя работа Р. Адамса по Вашактуну. На основе общего метража спальных мест (каменные скамьи и лежанки) внутри дворца А—V и предположения, что на одного взрослого необходим участок в 1,75 м длины и 0,75 м ширины, он получил цифру 95 для взрослых обитателей или 114 человек для взрослых и детей (76 взрослых и 38 детей, поскольку, по данным этнографии, 33% каждой группы майя составляют дети). Всего для дворцов города этот автор предложил цифру 184, а округленно — до 200 человек, что составляло, по словам Р. Адамса, от 1 до 2% от всего городского населения и прилегающей округи⁷⁶.

Используя эти данные в качестве исходного пункта своих рассуждений, попытаемся сначала вычислить примерное число жителей округа Тикаля. По У. Хевиленду, эта цифра составляла 45 000 человек (позднее он сократил ее до 40 000 человек) на 123 кв. км города и его округи⁷⁷.

Население Тикаля (его жилых районов) составляет около 9000 человек. На площади в 56 км за пределами города средняя плотность застройки составляет 90 платформ для домов на 1 кв. км, что в целом дает 5040 жилищ, или 30 240 человек. О последующих 60 кв. км территории округа, вплоть до линии внешних укреплений, у нас нет точных данных о характере застройки.

Известно, что она здесь вновь резко уменьшается даже по сравнению с предыдущей периферийной зоной. По наблюдениям Д. Пьюлстона, плотность застройки в зоне между Тикалем и Вашактуном и в их округе сокращается по сравнению с городскими и окраинными районами в среднем в 3 раза⁷⁸, т. е. равна примерно 30 платформам на 1 кв. км, и всего их в зоне 60 кв. км было 1800. В итоге получается, что Тикаль с округой имел население около 52 тыс. человек и 1—2% от этого числа составят примерно 500—1000 человек. Если предположить, что рядовые жрецы, воины, слуги, чиновники и ремесленники, жившие в районе центра, превосходили по численности дворцово-храмовую элиту по меньшей мере в 2 раза, то мы получим еще 1000—2000 человек. Следовательно, для собственно городской черты Тикаля (8 кв. км) мы имеем в самом грубом приближении 11 000—12 000 человек

(9000+1500—3000), а для округа (123 кв. км) еще около 40—42 тыс. Надо сказать, что обе эти цифры вполне совместимы с общими показателями любого древнего города, например месопотамского: Ур, Хафадж и др.

Несколько слов о плотности населения. В Майяпане, если исходить из данных О. Л. Смита (население 11—12 тыс. человек на площади в 4,2 кв. км), было 28—30 человек на 1 га, а по моим подсчетам (17—18 тыс. человек на 4,2 кв. км) — свыше 40 человек на 1 га.

В ацтекском Теночтитлане, как предполагает аргентинский исследователь Х. Ардой, средняя плотность населения достигала 83—84 человека на 1 га. Наконец, в крупнейшем центре I тысячелетия н. э. в Центральной Мексике — Теотихуакане на площади в 2200 га по весьма приблизительным подсчетам проживало 85 000 человек, или 39 человек на 1 га⁷⁹.

Но это слишком общий и ненадежный показатель, поскольку в пределах городской территории плотность застройки (и, следовательно, плотность населения варьирует весьма значительно: в Тикале, например, от 16 до 524 жилищ на 1 кв. км в центральной зоне из 8 кв. км)⁸⁰.

Поэтому попробуем определить общую численность населения городов доколумбовой Мезоамерики (табл. 2). Для сравнения можно сослаться на то, что шумерские города Месопотамии в III тысячелетии до н. э. насчитывали от 7000 до 20 000 жителей⁸¹.

Второй метод определения численности древнего населения основан на потенциальных возможностях систе-

Таблица 2

Город	Область, государство	Время существования	Территория (в кв. км)	Численность населения (в тыс. человек)	Характер источника
Тикаль	Петен, Гватемала	I тыс. н. э.	7—8	10—12	Археология (число жилищ)
Майяпан	Юкатан, Мексика	XIII—XV вв. н. э.	4,2	От 11—12 до 17—18	Археология (число жилищ)
Теотихуакан	Долина Мехико, Мексика	I тыс. н. э.	19—22	60—85	Археология (общая территория и средняя плотность застройки)
Теночтитлан	Долина Мехико, Мексика	XIV—XVI вв. н. э.	12	60—120	Письменные документы
Такуба	Долина Мехико, Мексика	X—XVI вв. н. э.	?	13	Письменные документы
Тескоко	Долина Мехико, Мексика	X—XVI вв. н. э.	?	25	Письменные документы
Чолула	Пуэбла, Мексика	X—XVI вв. н. э.	?	35	Письменные документы

мы хозяйства, существующей в данном регионе. Общеизвестно, что экономической базой всех важнейших цивилизаций древности служило высокопродуктивное земледелие, способное давать излишки, идущие на содержание групп людей, не связанных непосредственно с производством пищи.

Для демографических подсчетов на основе этого метода необходимо знать прежде всего среднюю урожайность главных сельскохозяйственных культур, долю урожая, необходимую для обеспечения самого земледельца и его семьи, а также количество земли, требуемое для этого при данной системе земледелия.

Разумеется, все эти сведения можно получить только из этнографических и исторических источников.

Исходя из подобных расчетов, исследователи способны в весьма приблизительных пределах вычислить тот максимум населения, который можно обеспечить пищей при существующей системе земледелия. Так, в современном Петене эта плотность на 1 кв. км составит 40—80 человек, на Северном Юкатане — 24 человека⁸², в Белизе — 24 человека⁸³, в Южном Веракрусе — 20 человек⁸⁴, в районе Ла Венты, Табаско — 40 человек⁸⁵, в Центральном Веракрусе (Тотонакапан) — 52—63 человека⁸⁶.

В качестве сравнения следует привести аналогичные показатели для

тех областей Мезоамерики, где господствовало интенсивное ирригационное земледелие. Так, в Центральной Мексике накануне конквисты, по подсчетам демографов У. Бораха и Ш. Кука (США), на площади 514 000 кв. км проживало 25,2 млн. человек, т. е. средняя плотность населения составляла 49 человек на 1 кв. км⁸⁷. Правда, в отдельных местах долины Мехико эта цифра резко возрастает до 700—1000 человек на 1 кв. км⁸⁸.

В Старом Свете, в Месопотамии (Шумер), средняя плотность населения на 1 кв. км составляла 40 человек, на о. Крит — 26 человек, а в Триполье — 9—13 человек⁸⁹.

Таким образом, по средней плотности населения на единицу площади древние майя, видимо, не уступали (а иногда и превосходили) известным центрам цивилизаций Старого (Шумер) и Нового (Центральная Мексика) Света. Не уступали своим собратьям майяские классические города и по общей численности населения (если оставить в стороне таких гигантов, как Теночтитлан и Теотихуакан, остальные города доиспанской Мезоамерики, включая майя, имели в среднем 10—20 тыс. человек).

Некоторое значение имеет для демографических подсчетов различных археологических памятников и метод, основанный на вычислении общей полезной площади жилых помещений⁹⁰.

Таким образом, существующие в настоящее время демографические оценки майяских городов и селений остаются весьма приблизительными и могут служить лишь самым общим ориентиром для всякого рода исторических выводов и заключений.

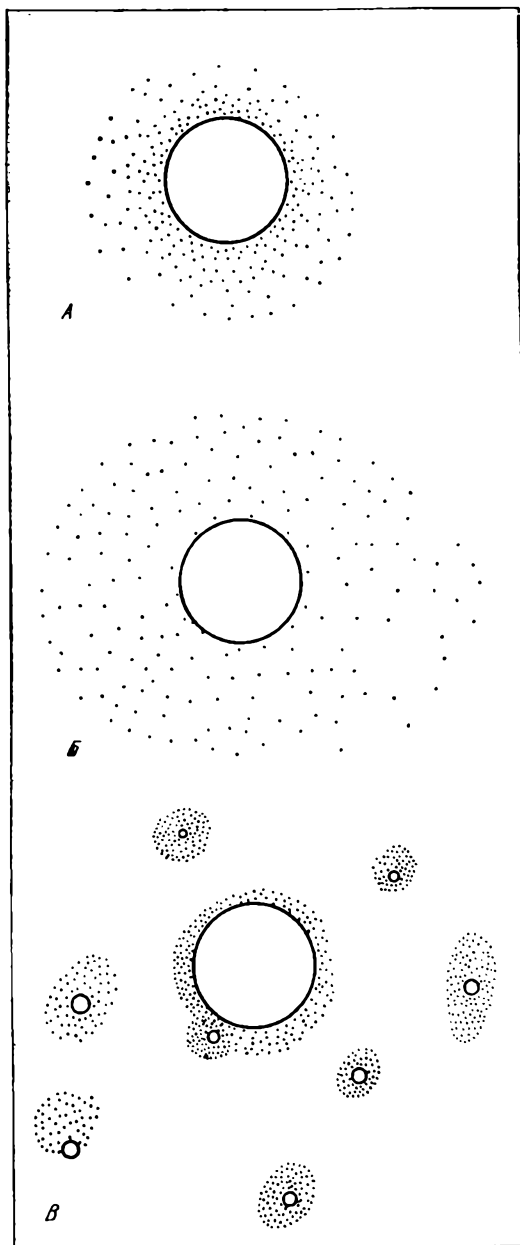
ТИПОЛОГИЯ ПОСЕЛЕНИЙ

Вопросы типологии и классификации древних поселений (в том числе и городов) всегда вызывали значительные трудности у исследователей. «Главные детерминанты города,— пишет Б. С. Хорев,— величина и функциональный профиль. Эти признаки и должны быть положены в основу научной классификации и типологии городских поселений»⁹¹.

Однако, как правило, городские поселения уже с глубокой древности многофункциональны. Какие же из функций считать определяющими и ведущими? Здесь, на мой взгляд, можно использовать опыт современных урбанистов: «Одни из городских функций имеют значение только для самого города (градообслуживающие), другие, обращенные вовне, позволяют рассматривать его как элемент системы городов и вообще населенных пунктов того или иного района и страны в целом (градообразующие функции). Именно эти градообразующие функции определяют место города в системе функциональных взаимосвязей, сложившихся в том или ином районе и стране. Они представляют собой градообразующую базу городов — основной объект их синтетического исследования»⁹².

Функции градообразующие (в разных сочетаниях) и определяют, таким образом, функциональный профиль того или иного города, причем, при анализе функционального профиля городов большое значение имеет не только *качественная* характеристика, но и *количественные показатели*⁹³. Эти общие положения современной урбанистики могут быть

Схема типов поселений майя (по Г. Уилли)

практически использованы и для характеристики раннего города.

Для памятников древних майя типологическая схема С. Г. Морли, созданная еще в 20-е годы, сейчас уже полностью устарела. К тому же она носит сугубо декларативный характер и не подкреплена какими-либо конкретными материалами. Он выделяет четыре класса городов, учитывая количество и качество архитектурных сооружений, количество резных каменных стел и т. д. Но вместе с тем в работе С. Г. Морли нет никаких объяснений относительно того, по каким же реальным показателям отличается один класс городов от другого. Взамен сразу предлагается готовый список городов, разбитых на четыре группы, и основанный, скорее, на интуиции его создателя, нежели на объективных фактах⁸⁴. Г. Уилли выделяет среди классических памятников низменных лесных областей майя три основных типа поселений.

Первый из них (тип «А») — это ритуальный центр, окруженный жилыми постройками, которые расположены так тесно, что их обитатели не могли заниматься земледелием на оставшихся свободными участках земли. Второй тип («Б») отличается тем, что перед нами — ритуальный центр, не имеющий жилищ, а дома поддерживающего его населения широко разбросаны по всей округе. Третий тип («В») похож на второй («Б») тем, что в ритуальном центре нет сколько-нибудь значительного рядового населения, а поддерживающие этот центр земледельцы сконцентрированы в деревушках и селениях, которые иногда имеют свои, второстепенные ритуальные центры малого масштаба.

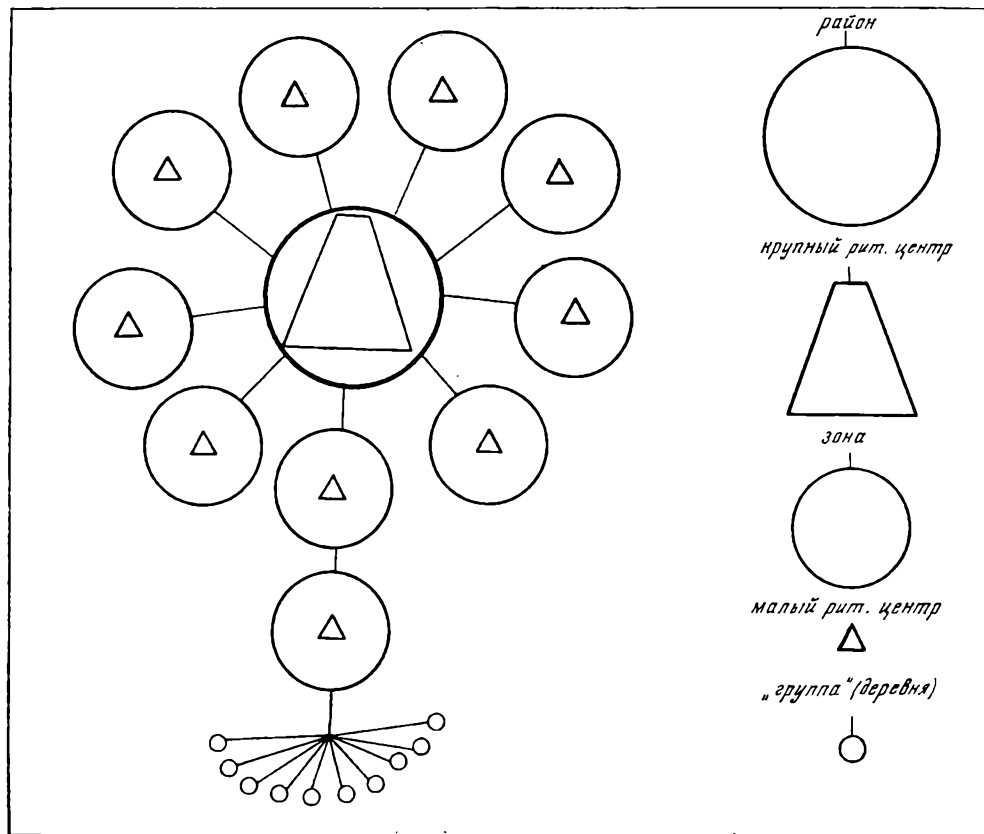
Под «ритуальными центрами» Г. Уилли имел в виду крупные поселения, в которых встречаются «большие храмовые пирамиды, платформы и прочие внушительные архитектурные сооружения»⁹⁵.

Однако другой известный специалист по доколумбовым городам Мезоамерики — У. Майер-Оакс (США) считает, что эти весьма схематические и надуманные модели майяских

поселений настолько неправдоподобны, что не заслуживают даже предварительного обсуждения⁹⁶.

В 1960 г. после разведочных работ в Северо-Восточном Петене (на площади около 2200 кв. км) археолог У. Буллард (США) предложил новую классификацию для классических памятников майя: «группа» (group), «зона» (zone) и «район» (district); причем каждое из этих делений имело в качестве своего центра соответствующий тип поселения — «деревню», «малый ритуальный центр» и «крупный ритуальный

Схема типов поселений майя (по У. Булларду)

центр». «Зона» состояла из ряда «групп», а «район» — из нескольких «зон». Он пришел к выводу, что большинство индейцев-мая, вероятно до 90%, проживало в небольших поселениях типа деревушки. По его подсчетам, каждая такая деревушка («hamlet») состояла в среднем из 5—10 групп жилищ, а каждая группа из 1—3 каменных платформ, сосредоточенных вокруг внутреннего дворика и служивших, по-видимому, местом жительства для одной большой семьи. Эти дома разбросаны обычно на площади от 4 до 9 га. Деревушки имеют тенденцию размещаться на высоких сухих местах — на водоразделах, вершинах и склонах холмов, но поблизости от естественных водоемов и влажных болотистых низин.

Далее У. Буллард выделяет более крупные единицы двух типов — «малый ритуальный центр» и «крупный ритуальный центр».

Малые центры обычно состоят из одного комплекса общественных зданий, разбитых вокруг единственной площади (это — несколько храмовых пирамид или каменных многокомнатных построек). Здесь не встречаются стелы, площадки для игры в мяч и монументальная скульптура. У. Буллард отмечает также, что малый ритуальный центр, как правило, связан в среднем с 50—100 домовыми группами, или с 10—15 деревушками, но последние не примыкают непосредственно к своему центру. Такие центры предположительно служили ядром (с административными и ритуальными функциями) по отношению к окружающим деревням.

На более высоком месте в этой схеме находятся крупные ритуальные центры, которые включали ряд архи-

тектурных комплексов, связанных дорогами-дамбами и имевших площадки для игры в мяч и резные стелы, а также длинные каменные здания (дворцы) и пирамидальные храмы.

У. Буллард подсчитал, что такие центры поддерживались усилиями от 10 до 15 малых ритуальных центров. По его данным, средние размеры территории, подчиненной крупному центру, составляли около 100 кв. км высокой земли, годной для земледелия. Если добавить сюда участки саванны, крутых склонов холмов, болота («бахос») и другие малопригодные земли, то средний размер округа одного «крупного ритуального центра» составит около 250 кв. км⁹⁷. Была высказана мысль о возможности иерархической структуры и среди крупных ритуальных центров, где такие гиганты, как Тикаль, выступали в качестве сюзеренов для ряда меньших по величине центров⁹⁸.

Наконец У. Буллард привел примерные подсчеты населения, контролируемого крупным ритуальным центром, исходя из размеров площади города, а не из экономического потенциала окружающих земель. Для средних размеров сельскохозяйственной округа, типичной для «крупного ритуального центра» (около 100 кв. км возделываемых земель), он предполагает наличие населения от 5 до 9 тыс. человек⁹⁹.

Наименьшие из «единиц», выделенных У. Буллардом, — «деревушки» (hamlet) занимали площадь от 200 до 300 кв. м и состояли из 5—12 домовладений (house-mounds — их археологическое отражение). Несколько таких деревушек образуют «зону», состоящую из 50—100 домовладений на территории до 1 кв. км.

Каждая из «зон» включала в себя и один «малый ритуальный центр», обычно лишенный стел, алтарей и площадок для игры в мяч. 10—12 «зон» образуют один «район» с «крупным ритуальным центром» во главе. Исходя из того, что одно домовладение у индейцев-мая соответствует семье из 7 человек, этот автор приводит и расчеты по численности населения в каждом из выделенных им типов памятников¹⁰⁰.

Вместе с тем У. Буллард подчеркивает, что его «районы» (практически города-государства) представляют собой территориальные единицы меньшего порядка, чем «провинции» Юкатана в XVI в.¹⁰¹

Всего на обследованной площади в 2200 кв. км им было обнаружено до 12 «крупных ритуальных центров» I тысячелетия н. э., и в их числе — Тикаль, Вашактун, Наранхо, Хольмуль, Иашха, Накум. Если эти крупные центры равномерно распределить на указанной площади в 2200 кв. км, то в среднем на каждый из них придется зона около 183,3 кв. км¹⁰².

У. Сандерс несколько уточняет качественные признаки «малого» и «крупного» ритуального центров, выделенных У. Буллардом: «малый ритуальный центр» обычно имеет один общественно-административный комплекс монументальных зданий, разбитых вокруг одной центральной площади (один пирамидальный храм или небольшая постройка «дворцового» типа). Стелы, площадки для игры в мяч и скульптурные украшения в таких центрах отсутствуют. В то же время «крупные ритуальные центры» включают в себя несколько архитектурных групп монументальных построек, стоящих вокруг площадей

и связанных обычно между собой «дорогами-дамбами» (courseways) из камня. Здесь в изобилии представлены каменные храмы и дворцы разных типов и величины, резные стелы, площадки для ритуальной игры в мяч и т. д.¹⁰³

У. Сандерс расходится с У. Буллардом только в одном пункте: он считает, что территориально-политическая организация в I тысячелетии н. э. в низменных районах мая не ограничивалась городами-государствами с округой в 100—250 км, а имела и более крупные единицы, соответствующие юкатанским «провинциям», хотя это и трудно уловимо на археологическом материале¹⁰⁴.

Весьма похожую картину дали и результаты археологических исследований в долине р. Белиз. Здесь, исходя из внешнего вида, размеров и формы остатков построек доиспанской эпохи, выделено три основных типа поселений: а) крупные ритуальные центры (их в этом районе четыре: Бенке Вьехо, Кахаль Печ, Кокос Бапк и Бейкинг Пот) с высокими храмовыми пирамидами, «дворцами» и стелами; б) малые ритуальные центры (типа Нохоч Эк, Флораль Парк и др.), имеющие не менее одного пирамидального холма храмового типа, стоящего на прямоугольной площади; в) отдельные группы небольших холмов — остатки деревушек.

Последние имеют среднюю плотность до 100 зданий на 1 кв. км (на аллювиальных почвах речной долины). Малые ритуальные центры встречаются обычно по одному на каждый квадратный километр. Крупные центры отстоят друг от друга на 10—15 км¹⁰⁵.

Интересные соображения о крите-

риях для выделения крупных ритуальных центров майя в позднеклассический период предложил в одной из своих последних работ Н. Хаммонд. К их числу он относит: площадь, занимаемую ритуальными постройками, кубический объем монументальных зданий, количество стел и т. д.¹⁰⁶

Однако когда этот автор попытался на практике применить свои признаки, то его выводы оказались несостоятельными. Для Центральной области майя приводится список из 83 (!!!) «крупных ритуальных центров»¹⁰⁷, когда всего-то в этом регионе чуть более сотни поселений I тысячелетия н. э.

Дж. Эндрюс, со своей стороны, склонен считать, что трехчленная типология У. Булларда не отражает всего разнообразия тех типов поселений, которые существовали у майя в I тысячелетии н. э. Поэтому он предлагает свою, пятичленную схему:

а) крупный городской центр (*large urban center*) — синоним «city», с населением от 8000 до 40 000 человек;

б) малый городской центр (*small urban center*) — синоним «town», с населением от 2000 до 4000 человек;

в) крупный ритуальный центр (*major ceremonial center*) — синоним «village», с населением менее 1000 человек;

г) малый ритуальный центр (*minor ceremonial cent.*) — синоним «hamlet», с населением 200—500 человек;

д) группа домов (*housing cluster*) — синоним «household», с населением 20—50 человек¹⁰⁸.

Правда, в дальнейшем Дж. Эндрюс приводит подробные основания в

пользу выделения лишь одного из пунктов своей типологии — «крупного городского центра»: значительное постоянное население (от 7500 человек и выше); обилие и разнообразие монументальных архитектурных сооружений, включающих крупные комплексы: «Группа Акрополя», «Дворцовая группа» и т. д.; плотность застройки, исключая возможность заниматься мильповым земледелием; наличие поселений-сателлитов; крупные города — центры характерных региональных стилей искусства и архитектуры, они имеют резные стелы и здания с иероглифическими текстами и существуют в течение длительного времени (от 1000 до 2500 лет) и т. д.¹⁰⁹ Малый городской центр отличается от крупного только уменьшенными количественными показателями. Крупный ритуальный центр в отличие от города имеет незначительное постоянное население¹¹⁰.

Нетрудно убедиться, что эта схема представляет собой попытку примирить на практике взгляды Г. Уилли, У. Булларда и других, допускавших у древних майя только наличие «ритуальных центров», с концепциями истинно городской природы крупных поселений майя классического периода (Г. Чайлд, С. Морли, Т. Проскурякова, У. Хевиленд и др.).

Остается совершенно непонятным, в чем же состоит функциональное отличие малых и крупных городов, малых и крупных ритуальных центров. На мой взгляд, нет никакой необходимости вводить в типологию параллельные линии памятников городского и ритуального характера. Все крупные городские поселения майя I тысячелетия н. э. (если признавать их существование) были одновременно и политико-администра-

тивными, и ритуальными, и экономическими центрами определенных районов и территорий. Я затрудняюсь назвать для классического периода хотя бы один *крупный* памятник, который можно было бы считать функционально исключительно ритуальным, без отправления каких-либо других функций.

Ряд авторов предлагает отождествить эти «крупные ритуальные центры» со столицами самостоятельных государств. «Надписи на стелах в Пьедрас Неграс, Йапчилане и других памятниках из низменных районов майя, — подчеркивает У. Брей, — относятся к политическим и династическим событиям, что предполагает, в свою очередь, что данные крупные центры функционировали также и в качестве столиц городов-государств (курсив мой. — В. Г.). Земледельческая округа крупного ритуального центра, соответствующая одному «району» У. Булларда, может быть, вероятно, приравнена к политическому государству, чья столица осуществляет над ним контроль...»¹¹¹.

Еще более четко развил мысль о важной роли столичного города во всей территориально-политической системе древних поселений Б. Триггер. «В городах-государствах, таких, как в древней Месопотамии... или доиспанской Мексике, — пишет он, — городская администрация могла также быть и правительством всего государства... Здесь находился двор правителя, значительное число воинов, ремесленников, чиновников и т. д. ...Как результат их роли в качестве центров администрации, политического контроля и придворной жизни, города, которые были столицами преуспевающих государств или подвластных им систем, часто пре-

восходили по своим размерам любой другой город в пределах сферы своего влияния»¹¹².

Очень ценные соображения о методах выделения городов из общей массы поселений путем отождествления города со столицей, а столицы с местонахождением царских резиденций на материалах Мари (Ближний Восток) II тысячелетия до н. э. приводит советский исследователь Р. А. Грибов¹¹³.

Развернутую классификацию древнеегипетских городов по их функциональному назначению дает А. В. Бунин. И опять первое и главное место в этой классификации занимают *столицы*, затем идут храмовые города, торговые центры и стратегические укрепленные пункты¹¹⁴.

Таким образом, подводя итоги вышеуказанному, можно отметить, что разработкой вопросов типологии майяского города занимались в разное время С. Г. Морли, Г. Уилли, У. Буллард, У. Сандерс, Дж. Эндрюс, Н. Хаммонд и др. Все эти исследователи единодушны в том, что уже в I тысячелетии н. э. в низменных лесных областях майя сложилась иерархия поселений, находившихся между собой в сложных взаимосвязях. Однако по вопросу о количестве самих типов поселений и особенно о критериях для их выделения пока нет единого мнения.

Три десятилетия назад С. Морли назвал для Северной (Юкатан) и Центральной областей территории майя I тысячелетия н. э. 180 известных тогда памятников — городов и селений, где были найдены иероглифические надписи. С тех пор это число постоянно росло по мере открытия и изучения новых археологических объектов. Однако ⁹/₁₀ из

них никогда не подвергались систематическим раскопкам и в лучшем случае обследованы лишь поверхностно. За прошедшие полвека более или менее широко раскопано до полутора десятков майяских «центров», но и здесь основное внимание было сосредоточено, как правило, на религиозном и политико-административном аспектах городской жизни (исследуются лишь храмы и дворцы в центре города).

Исходя из подобного состояния археологических источников, на мой взгляд, можно ограничиться анализом материалов I тысячелетия н. э. только из Центральной области майя — как наиболее представительной по числу городов, так и наиболее изученной в археологическом отношении.

Из общей массы известных сейчас на этой территории классических памятников культуры майя (свыше 100) пока можно выделить только *столицы* вероятных городов-государств, которые, видимо, и составляли тогда значительную часть всех крупных городов вообще.

Методически выделение столичных центров майя I тысячелетия н. э. производится на основе трех видов признаков.

Первый из них связан с тем очевидным фактом, что столицы города-государства («нома», по И. М. Дьякову) — это одновременно и место пребывания правителя (царя) и его двора¹¹⁵.

Таким образом, все археологические данные, доказывающие наличие в данном населенном пункте царской резиденции, являются главными для наших выводов. К числу таких данных, на мой взгляд, относятся: а) наличие дворцовых комплексов; б) на-

личие царских погребений; в) наличие сюжетов и мотивов искусства, связанных с прославлением личности правителя и его деяний; г) наличие больших серий резных каменных стел с продолжительным и непрерывным циклом времени, отраженным в календарных надписях; д) наличие стел, воздвигнутых в честь окончания 5, 10-летнего циклов¹¹⁶.

Второй вид признаков связан с присутствием в данном «центре» значительного числа монументальных храмов и святилищ, доказывающих, что перед нами — важный религиозный центр определенной территории.

Третий — это количественные показатели: для того чтобы рассматриваемый памятник мог быть отнесен к разряду столиц, он должен иметь достаточно крупные размеры (площадь города, численность населения и т. д.), значительное число монументальных архитектурных сооружений и рядовых жилищ, большую серию резных стел с непрерывным и продолжительным временным диапазоном и датами в честь окончания 5, 10-летних циклов.

Эти количественные критерии играют в классификации древних поселений особенно существенную роль. Дело в том, что, судя по этноисторическим источникам, в структурном плане любая деревня или поселок (представлявший собой соседскую общину или часть ее) по сути своей не отличались от крупного города (совокупности нескольких соседских общин). На практике разница между малым и крупным населенными пунктами будет прежде всего заметна в количественном отношении.

Правда, есть между ними и известные качественные расхождения: в малом центре, в отличие от столицы,

не встречаются царские захоронения, внушительные многокомнатные дворцы и большие группы стел с непрерывными датами по эре майя, доказывающими существование непрерывных династий правителей в данном городе¹¹⁷.

При выделении столиц необходимо учитывать весь названный комплекс признаков, а не один из них, произвольно вырванный из общего контекста (например, число резных стел на данном памятнике или количество каменных храмов). Кроме того, крайне важно рассмотреть и такие факторы, как географическое положение этой вероятной столицы и соотношение ее во времени и пространстве с соседними крупными городскими центрами.

На основе практического применения вышеперечисленных критериев можно в сугубо предварительном плане выделить для Центральной области майя I тысячелетия н. э. 18 таких городов-столиц. Не все они в равной степени убедительно обоснованы фактическим материалом, но это целиком зависит от современного состояния источников. Ряд явных столиц (Мирадор, Эль Пальмар и др.) не включен в предлагаемый ниже список только потому, что мы не располагаем пока о них сколько-нибудь подробными опубликованными сведениями:

1) Тикаль,	11) Киригуа,
2) Вашактун,	12) Сейбаль,
3) Наранхо,	13) Алтар де
4) Шультун,	Сакрифисьос,
5) Йашха,	14) Йашчилян,
6) Накум,	15) Пьедрас
7) Ла Оврадес,	Неграс,
8) Наачтун,	16) Паленке,
9) Калакмуль,	17) Тонина,
10) Копан,	18) Пусильха.

Любопытно, что словесный эквивалент понятия «столица» встречается у юкатанских майя уже в самом начале постклассического периода. Судя по сообщениям книг «Чилам Балам», в начале XI в. Ицы и Шивы завоевали северную часть полуострова Юкатан и избрали своей столицей город Ичкаансикхоо, где была помещена «циновка ягуара», т. е. трон¹¹⁸. Таким образом, в представлениях постклассических майя понятия «столица» и «трон» (т. е. царская резиденция) полностью совпадали. Отмечена в хрониках и смена столиц в пределах этой территории: так, при царствовании Почек'-иш-цой «циновку ягуара» перенесли в Чичен-Ицу¹¹⁹.

В XVI в. Ф. Овьедо приводит для обозначения столицы небольшого государства юкатанских майя термин «голова провинции» (*cabesera de una provincia*)¹²⁰.

Как уже отмечалось выше, в языке майя не было специальных терминов для обозначения города и деревни. И то и другое называлось «ках» — «селение». Правда, на практике древние майя все же различали эти понятия, прибегая к количественным показателям. Синонимом города в словарях XVI в. служило слово «нох ках» (*noh cah*) — «большое селение», а деревни — «чан-чан ках» (*chan chan cah*) — «маленькое селение»¹²¹.

Можно добавить, что выделенным мною столицам I тысячелетия н. э. археологически соответствуют «крупные ритуальные центры» У. Буллара.

1. Итак, судя по имеющимся археологическим данным, в I тыс. н. э. на территории центральной области

майя существовало не менее 18 столиц вероятных городов-государств.

2 Это отнюдь не означает, что все они функционировали одновременно и на протяжении всего классического периода, или что все они были равны по значению.

3. Учитывая всю условность определения сроков жизни древнего города по имеющимся календарным надписям, можно, тем не менее, предполагать, что время появления разных столичных центров майя на исторической арене было не одинаковым.

Прежде всего выделяется небольшая группа городов, где имеются наиболее четкие признаки функционирования их в качестве ритуально-административных центров еще в конце архаической эпохи (конец I тыс. до н. э.): Тикаль, Вашактун, Копан. В первых двух мы находим и древнейшие образцы эпиграфики майя в виде стел с календарными датами (конец III — начало IV в. н. э.).

На протяжении большей части ранне-классического времени 100—600 гг. н. э. к ним присоединяется, практически, всего один важный центр, расположенный опять-таки в Петене (Сев. Гватемала) — Йашха.

И лишь в конце раннеклассического этапа, судя по данным эпиграфики, происходит подлинный городской «взрыв» — быстрый количественный рост числа крупных городов, возводящих датированные стелы, их распространение вширь по территории майя. В конце V — начала VI в. н. э. превращаются в активно действующие политические и культовые цент-

ры Тонина, Йашчилан, Пьедрас Неграс, Наачтун, Пусильха, Шультун. Заключительный этап классического периода (600—900 гг. н. э.) отмечен дальнейшим увеличением числа столичных городов: Наранхо, Калакмуль, Паленке, Киригуа, Ла Онрадес, Накум, Сейбаль.

Безусловно, что нарисованная выше динамика роста майяских городов крайне приблизительно отражает действительное положение вещей, поскольку начало широких археологических раскопок на любом из крупных памятников этой культуры значительно меняет наши представления о хронологических рамках его существования (новые находки монументов с датами и т. д.).

Однако общая тенденция постепенного распространения и развития среди родственных майяских племен основ государственности и цивилизации на протяжении начальных этапов классического периода отмечена эпиграфическими источниками достаточно точно. Первоначальный и главный центр майяской классической цивилизации находился в Петене, на севере Гватемалы (Тикаль, Вашактун, Йашха), другой меньшей по значению, вторичный очаг — на юго-востоке, в районе Копана и третий — в бассейне р. Усумасинты (Алтар де Сакрифисьюс и др.).

4. Можно также с уверенностью сказать, что абсолютно все выделенные здесь столицы городов-государств майя сосуществовали только в конце I тыс. н. э. — в период с 600 по 900 гг. н. э.

- ¹ Mac Keever I. and Moriarity I., 1969, p. 39.
- ² Wauchope R., 1934.
- ³ Wauchope R., 1938.
- ⁴ Wauchope R., 1934, p. 113—159.
- ⁵ Ibidem.
- ⁶ Willey G. T. and Bullard W. R., 1965, p. 361.
- ⁷ Pollock H., Roys R., Proskouriakoff T., Smith A., 1962, p. 217.
- ⁸ Ланда Д. де, 1955, с. 139.
- ⁹ Willey G., Bullard W., Glass I., Gifford I., 1965.
- ¹⁰ Haviland W. A., 1970.
- ¹¹ Andrews E. W., 1962, p. 149—183.
- ¹² Willey G. R. and Bullard W. R., 1965, p. 363.
- ¹³ Wauchope R., 1938, p. 160.
- ¹⁴ Wauchope R., 1934, p. 158.
- ¹⁵ Mac Keever I. and Moriarity I., 1969, p. 45.
- ¹⁶ Wauchope R., 1938, p. 138.
- ¹⁷ Ibidem.
- ¹⁸ Ibid., p. 141, 142.
- ¹⁹ Pollock H., Roys R., Proskouriakoff T., Smith A., 1962.
- ²⁰ Haviland W. A., 1965.
- ²¹ Ланда Д. де, 1955, с. 163.
- ²² См. рядовые жилища в Бартон Рамье (Беллз): Willey G., Bullard W., Glass I., Gifford I., 1965.
- ²³ Mac Keever I. and Moriarty I., 1969, p. 46.
- ²⁴ Spinden H., 1913, p. 96.
- ²⁵ Hartung H., 1968, p. 121—124.
- ²⁶ Andrews G. F., 1975, p. 35.
- ²⁷ Hardoy J., 1968, p. 9.
- ²⁸ См. раздел «Генезис города маяя».
- ²⁹ Hardoy J., 1968, p. 12.
- ³⁰ Sanders W. T., 1968.
- ³¹ Долгий В. М., Левинсон А. Г., 1971, с. 101.
- ³² Кинжалов Р. В., 1971, с. 154, 155.
- ³³ Smith A. L., 1972, p. 5, 6.
- ³⁴ Maya Research, vol. 1, № 1, 1934, p. 31, 32.
- ³⁵ Morley S. G., 1938, vol. II, p. 604—606.
- ³⁶ Кинжалов Р. В., 1971, с. 155.
- ³⁷ Бунин А. В., 1953, т. 1, с. 20—22.
- ³⁸ Guillemain G. F., 1967, p. 34.
- ³⁹ Cortes H., 1963.
- ⁴⁰ Coe W. R., 1971, p. 39, 40.
- ⁴¹ Scholes F. and Roys R., 1948, p. 54—56.
- ⁴² Haviland W. A., 1968, p. 106.
- ⁴³ Ibid., p. 107.
- ⁴⁴ Ibid., p. 109.
- ⁴⁵ Haviland W. A., 1972, p. 5.
- ⁴⁶ Coe W. R., 1971, map.
- ⁴⁷ Adams R. E. and Gatling I. L., 1964, p. 109.
- ⁴⁸ Mamford L., 1961, p. 85—86.
- ⁴⁹ Thompson J. E. S., 1954.
- ⁵⁰ Puleston D. E. and Callender D. W., 1967, p. 48; Webster D. L., 1976, p. 88—98.
- ⁵¹ Puleston D. E. and Callender D. W., 1967, p. 40—48.
- ⁵² Кинжалов Р. В., 1971, с. 159.
- ⁵³ Ricketson O. G. and Ricketson E. B., 1937, p. 15—24.
- ⁵⁴ Ibid., p. 15—16.
- ⁵⁵ Morley S. G., 1947, p. 313, 314.
- ⁵⁶ Haviland W. A., 1965, p. 15.
- ⁵⁷ Haviland W. A., 1970, p. 190.
- ⁵⁸ Coe W. R., 1971, p. 107.
- ⁵⁹ Большаков О. Г., 1973, с. 218, 219.
- ⁶⁰ Puleston D. E. and Callender D. W., 1967, p. 41, fig. 1.
- ⁶¹ Andrews G. F., 1975, p. 246.
- ⁶² Ibid., p. 370.
- ⁶³ Andrews E. W., 1968, p. 47.
- ⁶⁴ Green E. L. (ed.), 1973, p. 339.
- ⁶⁵ Большаков О. Г., 1973, с. 163.
- ⁶⁶ Pollock H., Roys R., Proskouriakoff T., Smith A., 1962.
- ⁶⁷ Ibid., p. 211.
- ⁶⁸ Haviland W. A., 1965.
- ⁶⁹ Ibidem.
- ⁷⁰ Sanders W. T., 1973, p. 327—332, 354—359.
- ⁷¹ Ibid., p. 359.
- ⁷² Haviland W. A., 1965, p. 15—19.
- ⁷³ Ibidem.
- ⁷⁴ Villa Rojas A., 1945, table 4.
- ⁷⁵ Sanders W. T., 1973, p. 357.
- ⁷⁶ Adams R. E., 1974, p. 285—297.
- ⁷⁷ Haviland W. A., 1973, p. 345.
- ⁷⁸ Puleston D. E., 1974, p. 308.
- ⁷⁹ Hardoy J., 1973, p. 41.
- ⁸⁰ Sanders W. T., 1973, p. 354, 355.
- ⁸¹ Childe V. G., 1950.
- ⁸² Dumond D. E., 1966, p. 96.
- ⁸³ Ibid., p. 96.
- ⁸⁴ Heizer R., 1966, p. 120, 121.
- ⁸⁵ Ibidem.
- ⁸⁶ Borah W. and Cook S., 1963, p. 88, 89.
- ⁸⁷ Ibidem.
- ⁸⁸ Borah W. and Cook S., 1963, p. 90.
- ⁸⁹ Массон В. М., 1973, с. 10.
- ⁹⁰ Le Blanc S., 1971, p. 210.
- ⁹¹ Хорес Б. С., 1975, с. 44.
- ⁹² Там же, с. 152.
- ⁹³ Там же.

- ⁹⁴ *Morley S. G.*, 1947, p. 316, 317.
- ⁹⁵ *Willey G. R.*, 1956, p. 113.
- ⁹⁶ *Mayer-Oakes W.*, 1960, p. 171.
- ⁹⁷ *Bullard W. R.*, 1960, p. 357—370.
- ⁹⁸ Ibidem.
- ⁹⁹ *Bullard W. R.*, 1964, p. 280—281.
- ¹⁰⁰ Ibid., p. 281, 282.
- ¹⁰¹ Ibid., p. 280—281.
- ¹⁰² *Hardoy J.*, 1973, p. 248.
- ¹⁰³ *Sanders W. T.*, 1973, p. 327.
- ¹⁰⁴ Ibid., p. 328.
- ¹⁰⁵ *Willey G., Bullard W., Glass I., Gifford I.*, 1965, p. 561—576.
- ¹⁰⁶ *Hammond N.*, 1974, p. 318.
- ¹⁰⁷ Ibid., p. 319—322.
- ¹⁰⁸ *Andrews G. F.*, 1975, p. 19, 20.
- ¹⁰⁹ Ibid., p. 20, 21.
- ¹¹⁰ Ibid., p. 21—23.
- ¹¹¹ *Bray W.*, 1972, p. 914.
- ¹¹² *Trigger B.*, 1972, p. 587, 588.
- ¹¹³ *Грибов Р. А.*, 1973, с. 22.
- ¹¹⁴ *Бунин А. В.*, 1953, т. 1, с. 18.
- ¹¹⁵ *Грибов Р. А.*, 1973, с. 22, 23.
- ¹¹⁶ *Morley S. G.*, 1938, vol. 1, p. 457.
- ¹¹⁷ См. раздел о стелах, с. 129—138.
- ¹¹⁸ *Кнорозов Ю. В.*, 1963, с. 24, 25.
- ¹¹⁹ Там же.
- ¹²⁰ *Oviedo y Valdes F. G.*, 1853—1855, t. III, p. 227—230.
- ¹²¹ *Кнорозов Ю. В.*, 1963, с. 173, 181.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Успешное изучение раннеклассовых цивилизаций древности во многом зависит от накопления нового археологического материала. Археологические находки — «та реальная вещественная основа, которая непосредственно была связана с обществом прошлого и, естественно, сохранила информацию об этих обществах»¹. Однако не менее хорошо известно и то, что извлечение исторической (социологической) информации из вещественных источников — одна из наиболее сложных методических проблем археологической науки.

«Исходным моментом для исторических реконструкций по данным археологии, — подчеркивает В. М. Массон, — является критика источника с целью выяснения его познавательных возможностей...»²

Выше уже говорилось о том, что важнейшая задача данной работы состоит в выделении из общей массы древних поселений майя I тысячелетия н. э. крупных городов — столиц вероятных городов-государств. Отмечалось также, что основными видами археологического материала для решения этой задачи послужили каменные резные стелы, дворцовые комплексы и царские погребения. В целях выяснения познавательных возможностей этих видов источников мне представляется необходимым дать здесь их краткий критический анализ.

СТЕЛЫ МАЙЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В археологии майя вряд ли есть еще другой такой предмет или элемент культуры, который можно было бы сравнить по значимости с каменными резными стелами. Появление этих внушительных, вертикально поставленных, каменных плит отмечает, по мнению многих исследователей, рождение цивилизации на майяской земле. Большое значение для изучения искусства и социально-политических институтов майя классического периода имеют и запечатленные на стелах разнообразные культовые и светские сцены. Наконец, многие монументы с очень раннего времени сопровождалась иероглифическими надписями календарного и исторического характера (последние до сих пор еще не прочитаны), что уже само по себе служит великолепным признаком наличия цивилизации³. Взятые изолированно, эти важнейшие элементы майяской культуры — письменность, календарь, мотивы искусства — получили достаточно подробное освещение в специальной литературе. Однако общий анализ стелы, как средоточия всех упомянутых черт, как совершенно уникального и самостоятельного культурного явления — до сих пор никем не производился. Между тем такой подход открывает самые широкие перспективы в освещении

многих важных проблем истории майя.

Следует отметить, что стелы хотя и представляют собой ценный источник по майяской культуре, но источник необычайно сложный и запутанный, с трудом поддающийся общей интерпретации. Многофункциональное назначение стел, их перестановка, намеренная порча и уничтожение в древних городах, соотношение времени изготовления и установки монумента с высеченной на нем календарной датой по эре майя, наличие рядом со стелами алтарей для жертвоприношений и тайников с ритуальными дарами — вот далеко не полный перечень тех проблем, с которыми постоянно сталкивается современный исследователь.

Видимо, именно по этой причине в майянистике до сих пор не решен до конца даже основной вопрос относительно данных памятников искусства — функциональное назначение стел.

С. Г. Морли считал, например, что эти каменные монументы устанавливались майя исключительно для отсчета определенных циклов времени — как хронологические вехи «двадцатилетий-катунов»⁴. Сходного мнения придерживается и Г. Гиллемин⁵.

Более разнообразное назначение приписывал стелам крупнейший специалист в области искусства майя Г. Спинден. «Крупные каменные монументы майя... — писал он, — могут служить в некоторых случаях как погребальные (надмогильные) памятники, но если так и было, то не часто. Под несколькими из них сделаны небольшие крестообразные камеры, содержащие остатки ритуальных приношений в честь установки памятника. Однако главное назначе-

ние стел остается неизвестным. Они могли быть идолами, в том же самом смысле, в каком являются идолами изображения Будды. Вряд ли стелы изображали индивидуумов, поскольку они, во-первых, лишены индивидуальности; а во-вторых, потому, что все они имеют календарную дату... Их можно связать, таким образом, преимущественно с окончанием определенного периода времени и, возможно, с историческими событиями, имевшими место в течение этого периода времени...⁶».

Существует мнение, что на майяских стелах изображались обычно только боги и жрецы⁷. Правда, в настоящее время эта точка зрения теряет почву под ногами, подвергаясь справедливой критике со стороны многих советских и зарубежных ученых. Большая заслуга в становлении и развитии нового направления в майянистике принадлежит американской исследовательнице Т. Проскуряковой.

В подавляющем большинстве случаев резные стелы встречаются группами по несколько штук и, как правило, в той или иной связи с архитектурными сооружениями (храмами)⁸. Именно этот факт и послужил отправным моментом для исследований Проскуряковой в городе Пьедрас Неграс. Она установила, что все монументы (35 шт.) располагались отдельно стоящими группами, общее число которых составляло семь. Причем в пределах каждой такой группы отрезок времени, отраженный на всех календарных датах имеющихся там стел, никогда не превышал средней продолжительности одной человеческой жизни. Это сразу же навело исследователя на мысль, что каждая группа таких памятников служит

своеобразной каменной «летописью» жизни и деяний одного конкретного правителя. Первый монумент каждой группы сопровождался изображением юноши, сидящего в нише, на платформе, или на троне. Здесь же были высечены две важные даты. Одна из них, дополненная иероглифом, наподобие человеческой головы с подвизанной щекой, означала, по мнению Т. Проскуряковой, время прихода изображенного лица к власти, а другая — с иероглифом в виде лягушки, задравшей вверх лапки, — указывала на время рождения того же человека. Более поздние монументы той же группы посвящены таким событиям, как браки, рождение наследников, военные победы и т. д. Следовательно, фигуры, изображенные на рельефах и стелах классического периода, — не боги и не жрецы, а представители правящих династий⁹.

Глубокий анализ стел майя — как отражения важных исторических процессов и явлений — содержится в работе Ю. В. Кнорозова «Письменность индейцев майя». Описывая так называемые юбилейные стелы, которые устанавливались в честь окончания «двадцатилетия», он отмечает, что эти стелы «неразрывно связаны с культом богов, правящих поочередно в течение определенного периода. Религиозные представления о переходе власти от одного бога к другому, несомненно, являются реальным отражением существовавшего института смены правления по родам. Появление юбилейных стел, по-видимому, свидетельствует о том, что захват власти одной династией получил религиозную санкцию. Смена власти происходит уже не в реальной жизни, а у богов. Земной владыка вместо того, чтобы передавать власть, полу-

чает от очередного бога инвестиру на правление»¹⁰. Интересные соображения приводит и Р. В. Кинжалов. «С нашей точки зрения, — подчеркивает он, — воздвижение стел и их назначение были тесно связаны с зародившимся культом правителя государства... Вполне вероятно, что при этом имели место обряды, аналогичные древнеегипетскому празднику хеб-сед. Назначением их было укрепление силы правителя для предстоящего, нового двадцатилетия его царствования»¹¹.

Однако следует несколько дополнить и развить тезис о назначении стел в классический период. Особенно это касается утверждения о том, что стелы непосредственно связаны с культом правителя.

Прежде всего напомним твердо установленные общие факты о майяских стелах.

1. Стелы стоят, как правило, у основания монументальных каменных построек — чаще всего возле храмов, в очень редких случаях возле дворцов (у подножья главной лестницы, на нижних уступах пирамиды и т. д.).

2. Иногда одиночные стелы находят и внутри храмовых помещений (это — либо вторичное их использование, как, например, в Тикале — стелы 26 и 31, либо первичное, как в Тонина).

3. Стелы в большинстве случаев сопровождаются круглыми алтарями (в том числе и с явными следами сжигания благовоний и принесения жертвоприношений — угли, копоть, краска и т. д.) и подземными тайниками с ритуальными дарами специфического содержания (под основанием стелы или вблизи него).

Из этого следует, что стелы (а соответственно и изображенные на них

персонажи высокого ранга) служили у майя в I тысячелетии н. э. объектом поклонения, объектом постоянных и сложных ритуалов¹².

4. В 90% всех случаев стелы стоят группами на главной площади (или нескольких площадях), возле храмов, в самом центре города или селения, считавшемся у древних майя «зоной престижа», местом обитания правителя, высшей знати и жрецов.

5. Исследование больших серий монуменов из некоторых классических майяских городов выявило, что почти все ранние стелы города были еще в древности намеренно повреждены, разбиты или переставлены со своих первоначальных мест и затем использованы вторично. Уцелели, как правило, лишь позднеклассические памятники данного города. Гипотеза о том, что эти «ненормальности» со стелами происходят лишь в самом конце I тысячелетия н. э. и связаны с восстаниями низов против ненавистных угнетателей-теократов, не выдерживает критики: акты разрушения и порчи стел зафиксированы в самые разные периоды существования городов и самое главное даже после своего разрушения стела часто не переставала быть объектом почитания со стороны майя (грудю обломков или крупных кусков монумента со всеми почестями устанавливали вновь и приносили ей ритуальные дары и жертвы).

6. Опираясь на аргументацию, изложенную в работах Т. Проскуряковой, Д. Келли, М. Д. Ко, Ю. В. Кнорозова и Р. В. Кинжалова, можно утверждать, что в большинстве случаев на стелах изображены не боги и жрецы, а представители правящих царских династий майяских городов-государств.

7. Об этом говорит также и чисто антропоморфный облик изображаемых персонажей, отсутствие признаков, характерных для богов пантеона майя X—XVI вв., наличие у них специфических и строго стандартных атрибутов власти («ритуальных полос», «гротескных скипетров» и круглых щитов с маской солнечного божества)¹³ и явная повторяемость (канон) основных мотивов, запечатленных там: это три главных группы мотивов — «военная», «династическая» и «ритуальная», находящие прямые аналогии на монументах царей Древнего Востока¹⁴.

8. Помимо «юбилейных» стел, выделенных Ю. В. Кнорозовым, т. е. памятников в честь окончания очередного «двадцатилетия» (катуна) и более мелких циклов в 10 (лахантун) и 5 (хотун) лет, можно предложить разделение стел, исходя из мотивов, изображенных на их лицевой стороне: на победные, или военные, династические и культовые (ритуальные).

9. Многие стелы майя вообще лишены каких-либо резных надписей и изображений. Однако судя по их местонахождению (возле тех же самых храмов, где стоят и резные монументы) и наличию ритуальных приношений в тайниках (под основанием стел), они функционально ничем не отличались от своих скульптурных собратьев. Существует весьма обоснованное предположение о том, что в прошлом эти ныне гладкие монументы были покрыты слоем белого штукатурки и затем расписаны иероглифами и всякого рода изображениями. Впервые, раскраске подвергались и резные стелы (следы ее сохранились в углублениях скульптуры на стелах из Коба, Яшгуна, Тикаля, Пьедрас Нег-

рас и др.)¹⁵. Во-вторых, в постклассическом центре юкатанских майя — Тулуме удалось найти стелу, часть лицевой стороны которой была расписана в голубой цвет, а другая — сохраняла естественную белую окраску штукатурки (стела № 4). Никаких рисунков, правда, и в данном случае не оказалось¹⁶. Бог Ицамна, расписывающий краской поверхность стелы, изображен в Мадридской иероглифической рукописи майя, относящейся приблизительно к XV в. н. э.¹⁷ Следовательно, есть все основания считать, что и гладкие стелы из классических городов майя тоже были когда-то оштукатуренными и расписанными.

При работе над данной темой автором учтено и использовано около 400 резных стел только из 18 предполагаемых столичных городов I тысячелетия н. э. в Центральной области майя. Кроме того, сюда можно добавить не менее 50 резных монументов из малых центров того же периода. И это не считая сходных по тематике изображений на каменных резных алтарях, каменных и деревянных притолоках, настенных росписях и полихромной керамике.

Полученная в результате анализа этих стел информация в сочетании с другими видами источников — археологическими, историческими и этнографическими — будет использована ниже для решения двух проблем: а) в какой мере связаны резные стелы майя с правящими династиями городов-государств, б) как практически можно использовать стелы при классификации майяских городов.

Хронологические рамки обычая возводить стелы в Центральной области майя охватывают время с 292 по 889 г. н. э. Однако на Юкатане эта

традиция сохранилась и позднее, вплоть до начала европейского вторжения в Новый Свет в XVI в. II это несмотря на то, что в X в. н. э. юкатанские майя испытали на себе значительное воздействие центрально-мексиканской культуры, приписанной завоевателями-тольтеками. Видимо, тогда здесь произошли не только серьезные культурные сдвиги (в области религиозных концепций, форм культа и т. д.), но и частичная замена верхушки господствующего класса со всеми вытекающими из данного факта последствиями. Но вопреки всем переменам, разрушившим или сильно расшатавшим прежние устои жизни в верхах майяского общества, обычай возводить стелы и поклоняться им был сохранен и тщательно поддерживался майя-тольтеками.

В одном из наиболее значительных городов постклассического Юкатана — в Майяпане археологи нашли 13 резных и 25 гладких стел. Все они, как и в классические времена, были установлены в центре города, близ важнейших храмовых ансамблей. На одной из стел (стела 1) запечатлена весьма характерная сцена: сидящее на троне божество (похожее на богов из иероглифических рукописей майя) вручает стоящему перед ним на пизкой платформе антропоморфному персонажу в пышном костюме какие-то предметы, напоминающие insignia правителя¹⁸.

Диего де Ланда видел в XVI в. на Главной площади Майяпана 7—8 таких стел с изображениями и надписями. «Полагают...», — пишет он, — что они поставлены в память основания и разрушения этого города. Другие похожие есть в Силане, поселении на берегу, хотя более высокие. Местные жители, спрошенные о них, отвечают,

что был обычай воздвигать один из этих камней через каждые 20 лет, число которое они употребляют, чтобы считать свои века»¹⁹.

Испанский хронист XVII в. Лопес де Когольюдо также упоминает о ритуале возведения местными индейцами «резных камней» через каждые 20 лет²⁰.

«В этот год (1517) закончилось двадцатилетие,— писал около 1562 г. индейский вождь Накук Печ,— и тогда был устapовлен камень в городе, ибо каждый двадцатый год они устанавливали в городе камень... После прихода испанцев это прекратилось»²¹. Однако обычай воздвигать стелы через каждое двадцатилетие существовал, по-видимому, далеко не во всех городах Юкатана накануне испанского завоевания. Во всяком случае, в книге «Чилам Балам» из Чумайеля приводится список таких «избранных» городов, где устанавливались «камни», т. е. стелы в честь «катуна»: Оцмаль, Сисаль, К'анкаба, Хупакт'и, Атик'ух, Чокальна, Эван, К'ипколош и др. Майяский текст по этому поводу звучит так:

48. (Двадцатилетие) 12 Владыки, был воздвигнут в Оцмале его камень.

49. (Двадцатилетие) 10 Владыки, был воздвигнут в Сисале его камень...²²

Ю. В. Кнорозов называет эти поздние майяские монументы Юкатана «юбилейными», поскольку они устанавливались по случаю «юбилеев» двадцатилетней продолжительности. «По текстам колониального периода,— указывает он,— известно, что в это время происходила смена батабов (вожди, правители городов и крупных селений.— В. Г.)... По другим источникам известно, что в это

же время, по жреческим учениям, сменились боги — покровители «двадцатилетий»... На юбилейных стелах обычно изображался бог-покровитель наступающего «двадцатилетия», а в сопровождающей надписи указывалось имя бога и время его прихода к власти. Такие стелы служили местом поклонения богу текущего «двадцатилетия»²³.

Все книги «Чилам Балам» дают имя катуна, места, где устанавливается камень в его честь и божества, которое названо «лицом катуна», причем катун и его бог-покровитель выступают всегда с атрибутами и аксессуарами земных владык — правителей городов-государств (циновка, трон, скипетр и т. д.): «Катун 11 Ахав воссел на циновку, воссел на трон, когда утвердился их правитель. Йашаль Чак — есть лицо их правителя»²⁴. Налицо, таким образом, прямая связь между богом-покровителем данного катуна и земным правителем, реально царствовавшим в течение тех же 20 лет, на что справедливо указывал Ю. В. Кнорозов. Можно, конечно, и прямо сопоставлять «юбилейные» стелы постклассического и классического периодов. Однако следует при этом подчеркнуть и значительные различия между ними. Так, в I тысячелетии н. э. на тех же «юбилейных» монументах божества, как правило, не изображались совсем, а были представлены вполне земные персонажи в пышном костюме и с insignиями власти. Единственным указанием на их связь с небесными силами были головные уборы с масками некоторых богов, аналогии которым удастся найти в пантеоне майя XVI в. Следовательно, речь, видимо, идет о людях, выступающих как воплощение богов. Непонятно и другое. Если уже в

классический период правители городов-государств майя стали царствовать пожизненно, получая через каждые 20 лет новые полномочия на власть от очередного бога — покровителя катуна, то почему в крупнейших майяских центрах получила широкое распространение практика возведения «юбилейных» стел через $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ катуна, т. е. через 5 и 10 лет? Зачем правителю нужно было подтверждать свое право на власть каждые 5 и 10 лет, когда ему выгоднее было делать это как можно реже, скажем, раз в 20 лет?

Мне представляется, что, в отличие от позднеюкатанских обрядов и изваяний, стелы майя I тысячелетия н. э. играли гораздо более важную роль в социально-политической и религиозной жизни общества. Во-первых, судя по характеру изображенных там персонажей, можно считать, что это — не боги, а обожествленные люди или лица, представляющие на земле богов. Во-вторых, этим персонажам (как и стеле в целом) поклонялись, приносили жертвы и т. д. (алтари, тайники с дарами). И в-третьих, стелы стояли обычно у храмов, многие из которых были посвящены обожествленным предкам царской династии (наличие гробниц под основаниями храма и подчиненное положение храма по отношению к гробнице и т. д.). Эти стелы стоят обычно близ храмов, но на широких площадях, способных вместить большое число людей, и, следовательно, ритуалы и жертвоприношения, осуществляемые на алтарях возле стел, носили массовый, общественный характер (в отличие от замкнутых в узком кругу лиц особо важных ритуалов внутри крохотных храмовых помещений, вознесенных на вершины гигантских пи-

рамид). Все вышесказанное позволяет предполагать, что стелы и изображенные на них персонажи имели прямое отношение к культу царских предков и благодаря их возведению и ссылке на священный авторитет и всевозможные заслуги предков новый правитель получал и обоснование, освящение своей власти: будь-то на 20 лет, на 10 или на 5. И в таком случае более частые ссылки на божественных предков как раз в наиболее могущественных городах Центральной области в I тысячелетии н. э. уже не кажутся странными.

Видимо, в постклассический период на Юкатане в связи с тольтекским завоеванием произошло известное переосмысление всей обрядности комплекса стелы-алтаря, хотя общее его назначение — подтвердить право на власть со стороны правителя — сохранилось: только вместо ссылки на авторитет предков династии стали ссылаться на богов-покровителей катунов.

Происхождение обычая возводить стелы, как считает Ю. В. Кнорозов, связано со «священным», или «мировым», деревом майяских мифов, реальное воплощение которого в виде старой сейбы или другого крупного дерева служило в древности местом общеплеменных собраний и обрядов, включая и *выборы вождя*. Позднее, уже в ольмекский период, к концу I тысячелетия до н. э. такое дерево заменил каменный столб-стела (например, монумент «Е» из Трес Сапотес), возле которого происходили переборы правителя на следующий срок правления (полгода, год и т. д.)²⁵.

По представлениям майя XVI в., земля имела прямоугольную форму (ср. прямоугольные пропорции главных площадей в майяских городах),

над ней было 13 небес («слоев неба»), а внизу — 9 подземных миров. «По четырем углам мира, на востоке, севере, западе и юге, находились «мировые деревья», которые соответственно назывались Красное, Белое, Черное и Желтое дерево (символика цветов). В центре мира находилось Зеленое дерево. На четырех мировых деревьях по странам света обитали боги дождя Чаки. Здесь же были четыре гигантских кувшина с водой; когда боги лили из них воду, шел дождь...»²⁶.

Ссылаясь на свидетельства книг «Чилам Балам», американский исследователь Р. Ройс сопоставляет эти «мировые деревья» с изображениями стилизованных «крестов» с птицей наверху из Паленке и Яшчилана (I тысячелетие н. э.). С этими же основными частями света и деревьями мифологическая традиция майя связывает различные божества — покровителей ветра, воды, дождя, растительности — четырех Бакабов (с соответствующей цветовой символикой), четырех Чаков и четырех Павахтунов. Четыре брата Бакаба, по преданиям, поддерживают по углам небесный свод, дабы он не упал. Так, именно к культу Бакабов прямо относятся и четыре камня — Красный, Белый, Черный и Желтый «Акантуны», которые мазали своей кровью молящиеся. «Акантун» Р. Ройс приравнивает стеле и подчеркивает, что эти «акантуны» стояли, как и «мировые деревья», по 4 углам света²⁷. Следовательно, налицо прямая внешняя и, вероятно, функциональная связь стелы и «мирового дерева».

Уместно заметить, что в виде пережитка такие «мировые деревья», облаченные в узорчатый плащ правителя, изображены в Дрездепской и

Мадридской рукописях²⁸. Весьма красноречива и этимология некоторых слов: в словарях майя-испанского языка XVI в. (Мотуль и др.) «*канте*» означает «желтое дерево» (т. е. «мировое дерево», стоящее на юге и часто облаченное на рисунках рукописей в плащ правителя) и «*канте*» означает также «трон», «тот, кто владеет троном». В Мадридской рукописи с желтым «мировым деревом» всегда связано число «1 Ахав». По Ю. В. Кнорозову, это день выборов военного вождя в эпоху архаики.

Известная взаимосвязь существует у майя и между понятиями «трон» и «стела». В пророческих текстах книг «Чилам Балам» есть выражение, где вместо «возводится стела» в виде синонима использован оборот «бог сел на свой трон»²⁹.

Отчетливая связь стелы с личностью правителя города-государства хорошо видна и на таком примере. Когда узурпатор Хунак-Кеель силой захватил власть в Чичен-Ице, он первым делом приказал уничтожить (бросить в воду) все имевшиеся в городе стелы³⁰.

Факты намеренной порчи лица у запечатленного на стеле персонажа или уничтожения всего монумента неоднократно отмечались археологами при исследованиях городов I тысячелетия н. э. Как объяснить их?

Во-первых, можно предполагать, что стелы служили у майя как бы олицетворением данного города-государства в целом и его правящей династии в частности. И не случайно, что в ходе многочисленных столкновений между соседними городами в случае успеха враги первым делом уничтожали и портили стелы и разрушали храм главного местного божества.

Несомненно, часто имели место и акты внутреннего «вапдализма» — либо ритуального порядка (например, ритуальное «убийство» стелы спустя определенный цикл времени одновременно с разрушением и перестройкой храма, где она стояла), либо связанные с борьбой за власть внутри правящей верхушки.

До сих пор речь шла преимущественно о «юбилейных» стелах, связь которых с личностью правителя хотя и улавливается, но требует привлечения самого широкого круга источников. Однако в городах майя I тысячелетия н. э. были стелы — и прежде всего военные, т. е. со сценами военных действий, побед и триумфа, которые имеют непосредственное отношение к правящим династиям городов-государств.

Известно, что в иероглифических рукописях постклассического периода стелы назывались у майя «ках-тун» (*cah-tun*) — «городской камень» и в одном случае, если это не описка жреца, «каб-тун» (*cab tun*) — «сельский камень»³¹.

Исходя из вышесказанного, казалось бы вполне логично сделать вывод, что уже сам факт присутствия каменных стел с изображением правителя в данном населенном пункте майя доказывает его принадлежность к классу городов и, более того, к классу столиц. Но в действительности дело обстоит не совсем так. В ходе археологических исследований памятников I тысячелетия н. э. очень скоро выяснилось, что не только крупные городские (и столичные), но и сравнительно небольшие центры и селения майя имели какое-то (пускай и незначительное) число резных каменных стел, на которых представлены все три группы выделенных мною мо-

тивов — военная, династическая, ритуальная.

В доиспанский период городки и селения, входившие в состав данного города-государства, всегда копировали и внешне, и по структуре, хотя и в уменьшенном виде, свою метрополию. В каждом более или менее значительном селении был свой храм божества-покровителя общины и общественно-административная постройка для батоба — главы селения. Все это находилось на центральной площади. Здесь же, вблизи упомянутых зданий, стояли обычно и стелы — от одной до нескольких штук. Каково же было их назначение в этом захолустье, часто удаленном на многие километры от столицы? Может быть, это реальное подтверждение притязаний верховной власти на данную территорию и факт признания селением зависимости от нее? Пограничный знак? Ю. В. Кнорозов на материале рукописей доказал, что в постклассическое время стелы в селениях майя почти потеряли свою социально-политическую значимость и использовались жрецами лишь как место отправления культа в честь бога-покровителя двадцатилетия и сбора (как можно более частого) приношений в его пользу³². Можно ли перенести эту ситуацию на классический период — сказать сейчас трудно.

На мой взгляд, стелы все же следует использовать для выделения столиц в Центральной области майя в I тысячелетии н. э. *Во-первых*, в отличие от крупных городских центров малые имели всегда сравнительно *небольшое количество* резных каменных монументов: чаще всего 1—3, реже — до 8—10 штук. В предполагаемых же столицах таких памятников находят в среднем по 18—20 и больше.

Во-вторых, как правило, на стелах малого центра представлены весьма однообразные изобразительные мотивы и сцены (либо это только династическая сцена, либо только военная и т. д., но никогда не представлены все три группы сразу), которые к тому же демонстрируют явственную стилистическую связь с близлежащим крупным центром.

В-третьих, именно наличие длительных и почти непрерывных (судя по датам) серий стел в больших городах свидетельствует о существовании там *непрерывных* династий правителей.

В-четвертых, установлено, что стелы в честь окончания 10-, 5-летних циклов встречаются лишь в наиболее крупных и значительных городах майя I тысячелетия н. э., поскольку только могущественные, обладавшие большими материальными возможностями, правители могли позволить себе роскошь изготовлять и ставить огромные скульптурные монументы чаще обычных двадцатилетий³³.

И следовательно, список памятников с такими стелами в известной мере соответствует числу наиболее крупных городов майя в I тысячелетии н. э., хотя и здесь требуется известная коррекция на основе других видов источников. Следует помнить и о таких вещах, как совершенно непонятное отсутствие резных стел в Паленке, который по всем другим признакам относится к столичным центрам, или об отсутствии хотунов (5-летних) и лахантунов (10-летних) в гигантском Тикале. Весьма ненадежный критерий и общее число стел, так как их количество сильно меняется с началом широких археологических работ в данном городе.

Использование стел в качестве критерия для выделения майяских сто-

лиц классического периода следует сочетать с другими, не менее существенными показателями — количеством и качество монументальной архитектуры, размеры городища, наличие царских захоронений и т. д.

В заключение необходимо отметить, что стелы у майя — это не столько реальные изображения царей-богов, сколько «символические образы», «иконы, а не портреты»³⁴. Конечно, на каждом изображении чувствуется и какая-то локальная специфика и даже некоторые черты индивидуальности. Но главное для древнего мастера заключалось в показе (путем массы символических деталей, инсигний и т. д.) силы и могущества, магических способностей царя как образа собирательного, а отнюдь не индивидуального. К сожалению, символика классического периода майя нам почти неизвестна, отчего и масса ценной исторической информации по-прежнему остается недоступной.

ДВОРЦОВЫЕ ПОСТРОЙКИ

В ходе изучения городов древних майя археологи довольно часто встречали характерные длинные постройки из камня, стоявшие на низких основаниях или платформах. Эти здания, как правило, имели довольно много помещений и комнат и были сгруппированы вокруг открытых внутренних двориков и площадей. Еще пионеры майяской археологии, такие, как Т. Малер, А. Тозсер и А. Моудсли, называли этот тип построек «дворцами», стремясь показать его отличие от специфических «башнеобразных» храмов майя, возводившихся на высоких ступенчатых пирамидах с усеченной плоской вершиной и имев-

ших в классический период максимум две-три комнаты. С тех пор данный термин прочно вошел во все труды по майяской архитектуре, хотя каждый раз исследователи предпочитают брать его в кавычки, подчеркивая тем самым его условность. Назначение и основные функции «дворцов» майя действительно во многом оставались до недавнего времени загадкой: слишком мало было исследовано подобного рода построек, слишком плохо разработаны критерии для доказательств их дворцовой принадлежности. Одни авторы считали «дворцы» одновременно и местом обитания жрецов, и местом отправления религиозного культа³⁵. Другие рассматривали эти здания как чисто административные учреждения, а не жилые постройки³⁶. Третьи называли их «мужскими домами», предназначенными для собраний и встреч мужчин и для обучения молодежи³⁷. Наконец, были и такие исследователи, которые приписывали «дворцам» их прямое назначение, т. е. считали их резиденциями правителей городов-государств майя³⁸.

Пытаясь опровергнуть эту последнюю точку зрения, многие ученые ссылаются на сырость и темноту, постоянно царящие внутри этих толсто-стенных, каменных, со ступенчатым перекрытием зданий³⁹. Но их оппоненты справедливо указывают на то, что все «дворцы» дошли до нас в сильно попорченном виде и поэтому не известно, как они выглядели внутри в момент их существования⁴⁰.

Положение заметно изменилось лишь в 60-е годы. Обширная программа археологических исследований в крупнейшем центре древних майя — Тикале, осуществляемая учеными Музея Пенсильванского университета

(США), позволила наконец положительно решить и вопрос о назначении «дворцов». Раскопки в центре города, в районе Центрального Акрополя, помогли выявить несколько таких дворцовых ансамблей⁴¹, существовавших по меньшей мере несколько сотен лет (с 350 до 850 гг. н. э.). Для доказательства того, что «дворцы» Тикаля действительно были местом обитания правителей, их семей, сапожников и слуг, американский археолог У. Хевиленд приводит довольно убедительные аргументы. Во-первых, по его словам, наблюдается непрерывная линия их развития от простых деревянных хижин с крышами из листьев или тростника — через каменно-деревянные здания скромных размеров — к внушительным сооружениям целиком из камня. Во-вторых, во внутренних помещениях «дворцов» в изобилии найден хозяйственный мусор постклассического времени, что указывает на жилой характер данных построек хотя бы в то время. Можно предполагать, что эти «дворцы» служили резиденциями правящей элиты и в более ранний период — в I тысячелетии н. э. В пользу этого свидетельствует находка в одном из «дворцов» Центрального Акрополя бытовых отходов и мусора с предметами VI—VII вв. н. э. Отсутствие же подобных находок в других аналогичных постройках связано, очевидно, с тем, что мусор оттуда тщательно убирали. Его в большом количестве использовали в качестве засыпки или заполнения при строительстве платформ и пирамидальных оснований новых зданий.

В-третьих, в некоторых «дворцах» удалось найти под полами комнаты погребения. Известно, что захоронение мертвых под полами домов или

вблизи них — характернейшая черта погребального обряда майя, начиная с доклассических времен и вплоть до конкисты⁴².

Некоторые исследователи отмечают большое сходство в планировке и общем облике дворцовых ансамблей, известных как по постклассическим письменным источникам, так и по данным археологии (например, Ишмиче — столица какчикелей в горной Гватемале, основанная в XV в. н. э. и сожженная испанцами в 1526 г.), с «дворцами» майя I тысячелетия н. э.⁴³ Таким образом, вряд ли приходится сомневаться, что каменные, длинные, многокомнатные постройки на низких фундаментах или платформах, сгруппированные вокруг открытых внутренних дворов, которые так часто встречаются археологи при раскопках городов древних майя, действительно были дворцами, где жили представители правящей династии и их многочисленная свита.

Каменные дворцы позднеклассического периода, с их ступенчатым («ложным») сводом, массивными стенами, облицованными снаружи и изнутри слоем белоснежного штукатурки, и обильными рельефными украшениями на фасаде демонстрируют уже вполне сложившуюся, зрелую форму царских резиденций, прошедшую к тому времени длительный и сложный путь развития. Типичными образцами подобного рода зданий можно считать «Большой Дворец» в Палепке⁴⁴, «Дворец Губернаторов» в Ушмале⁴⁵ и многие дворцы Тикаля⁴⁶.

Подробное описание дворцового ансамбля Несахуалькойотла — правителя государства Акольхуа в Центральной Мексике (столица — город Тескоко) XV в. н. э. — и его много-

функционального назначения (место жительства правителя и его семьи и родственников, слуг, знати, воинов стражи и т. д., залы для заседаний судей и военных, для аудиенций, кладовые, арсенал, бани, зоопарк и т. д.) можно найти в работе Иштлишочитла⁴⁷.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД: ЦАРСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ

В некоторых средневековых хрониках испанского и индейского происхождения содержатся прямые указания о наличии у майя накануне конкисты пышного ритуала царских похорон и заупокойного культа умершего правителя. Весь вопрос в том, в какой мере соответствуют эти недвусмысленные исторические свидетельства археологическим данным?

Уже сам факт появления внушительных гробниц с царскими захоронениями рассматривается многими советскими и зарубежными исследователями как один из важнейших признаков государственности и цивилизации. Г. Чайлд подчеркивал при этом, что первые гробницы Месопотамии и Египта отличаются от рядовых могил большими размерами, архитектурой (гробница царя — подземная копия его дворца), особым характером приношений (не только их обилием и богатством, но и паличем человеческих жертв) и немалыми затратами общественного труда на строительство этих пышных мавзолеев⁴⁸. Очевидно, что те же самые признаки помогут нам выделить царские погребения и на территории древних майя. Следует сказать, что в целом погребальные обряды майя изучены в настоящее время крайне недостаточно.

И тем не менее даже с учетом разрозненности и немногочисленности археологических материалов из разных областей территории майя мы уже сейчас в состоянии достаточно четко проследить общие тенденции в развитии погребального обряда местных индейских племен. Причем большую роль в обобщении этих скудных пока еще данных сыграла превосходная монография известного мексиканского археолога Альберто Руса⁴⁹.

Появившиеся на территории майя к концу I тысячелетия до н. э. пышные гробницы знати и жрецов отличались от простых могил своими размерами, конструкцией, количеством и качеством сопровождающих даров, общему ритуалу и местонахождению. Большинство найденных до сих пор богатых гробниц было расположено под храмами и святилищами, в то время как рядовые захоронения связаны обычно с остатками простых жилищ из дерева и глины. В числе этих пышных гробниц — яркое свидетельство появления аристократии — находились, безусловно, и первые царские захоронения. Каким же образом отличить их от других богатых могил?

Описание наиболее ярких царских захоронений конца классического периода, когда институт царской власти был представлен у майя в уже вполне сложившемся и зрелом виде, позволяет выявить эти различия.

В 1952 г. Альберто Рус в ходе раскопок «Храма Надписей» в Паленке (штат Чиapas, Мексика) обнаружил в глубине двадцатитрехметровой пирамиды, служившей фундаментом храма, погребальную камеру с каменным резным саркофагом, вес которого достигал нескольких тонн. В полу храма было квадратное отверстие, прик-

рытое каменной плитой. Оно оказалось устьем подземного туннеля с узкой лесенкой, соединявшей храм и погребальную камеру, спрятанную в толще пирамиды у ее основания.

У входа в гробницу был обнаружен грубый каменный ящик с останками пяти юношей и девушки. Искусственно деформированная лобная часть черепа и следы инкрустации на зубах свидетельствуют о том, что речь идет не о рабах-иноплемениках, а о знатных людях из среды самих майя, приписанных тем не менее в жертву какому-то могущественному лицу⁵⁰. Погребальный склеп представлял собой просторное помещение около 9 м в длину и 4 м в ширину. Его сводчатый потолок (ступенчатый свод — характернейшая черта монументальной архитектуры майя в классический период) достигал 6 м высоты. И стены, и свод были сложены из тщательно отесанных квадратных каменных блоков. Внутри склеп украшали штукатурные рельефы, изображавшие, по-видимому, девять богов подземного царства — «Болон-ти-ку»⁵¹. Посредине камеры стоял огромный каменный саркофаг, сплошь испещренный причудливой резьбой. Возле него находилось несколько глиняных сосудов и две великолепные алебастровые головы юношей, отбитые когда-то от целых статуй. «Помещенные в склеп в виде приношения, — пишет А. Рус, — они, возможно, представляли собой имитацию человеческого жертвоприношения. Подобное жертвоприношение у древних майя было связано с культом маиса»⁵². Внутри саркофага на шкуре ягуара лежал на спине скелет взрослого мужчины, почти сплошь закрытый бесчисленными украшениями из драгоценного зеленого нефрита: диадема с фигуркой бога-«лету-

чей мыши», «серьги», ожерелье, нагрудная бляха, браслеты, статуэтка бога солнца на поясе и, наконец, мозаичная нефритовая маска, передающая, по мнению А. Руса, более или менее достоверный облик умершего⁵³. И скелет, и внутренняя часть саркофага были густо посыпаны пурпурной краской. На крышке саркофага сохранились остатки различных атрибутов власти и регалий погибшего владыки: пояс из кусочков нефрита с тремя антропоморфными масками и девятью сланцевыми привесками в виде «топориков», маленький круглый щит с маской солярного божества и, вероятно, скипетр с фигуркой бога дождя наверху и змеиной головкой на конце рукоятки⁵⁴. Эти же атрибуты постоянно встречаются у персонажей высокого ранга, запечатленных бесчисленное число раз на рельефах, стелах, фресках, алтарях и резных деревянных прилоках из различных городов майя позднеклассического периода (Тикаль, Йашчилан, Копан, Киригуа, Вашактун, Пьедрас Неграс, Паленке). От саркофага вела вверх длинная каменная труба, оформленная в виде фигуры змеи. Она заканчивалась в центральном помещении храма, неподалеку от алтаря. Эту трубу А. Рус назвал «каналом для души», предназначенным, по его словам, для духовного общения жрецов и здравствующих членов царской фамилии с их почившим божественным предком, поскольку лестница после совершения похорон была засыпана обломками камней, и между гробницей и храмом наверху существовала только магическая связь через «канал»⁵⁵. По мнению А. Руса, колоссальный вес и общие размеры каменного саркофага исключали возможность его доставки вниз

по узкой лесенке уже после завершения строительства храма. Следовательно, саркофаг и гробница в этом комплексе — главный элемент, а пирамида и храм — подчиненный. Они были выстроены, вероятно, над уже готовой гробницей, чтобы защитить ее от разрушения, скрыть от непрошенных взоров и, наконец, для отправления культа погребенного человека. «Не исключено, — подчеркивает А. Рус, — что погребенный в «Храме Надписей» человек сам был вдохновителем и организатором строительства своей гигантской усыпальницы»⁵⁶. Не приходится сомневаться и в том, кто был погребен в гробнице «Храма Надписей». Перечисленные выше черты погребального ритуала, человеческие жертвы, неимоверно большие затраты общественного труда для сооружения этого гигантского мавзолея и, наконец, наличие атрибутов власти, хорошо известных нам по изображениям на рельефах и стелах классического времени, подтверждают мысль о том, что мы имеем здесь дело с погребением царя, правителя, «халач виника».

Более внимательный анализ упомянутого царского захоронения из Паленке позволяет выделить ряд интересных деталей погребального ритуала, в своей совокупности позволяющих археологам довольно успешно отличать данный тип погребений от сходных во многом с ним гробниц аристократов и жрецов. К числу таких важных черт относятся: *клыки и шкура ягуара, портретные маски и маски богов, посыпание трупа пурпурной краской*. Голова и когти ягуара (и пумы) упоминаются среди других царских регалий в эпосе майя-киче «Пополь-Вух»⁵⁷. Этот свирепый хищник играл важную роль в рели-

гнозных воззрениях майя накануне и в эпоху конкисты. И совсем не случайно шкура, клыки и когти грозного владыки джунглей стали по крайней мере с начала I тысячелетия н. э. широко использоваться владыками земными в качестве атрибутов своей власти. Более того, ягуар считался божественным покровителем многих правящих династий майяских городов-государств⁵⁸. На многих произведениях искусства майя классического периода встречаются изображения персонажей, облаченных в плащи, набедренные новязки или сандалии из шкуры ягуара. Причем, их высокое общественное положение намеренно подчеркнуто древним художником либо с помощью увеличенных размеров, либо какими-нибудь иными приемами⁵⁹. Судя по сообщениям испанских и индейских хронистов, важнейшим символом царской власти у майя считалась циновка (майяск. «ноп»; отсюда название правителя — «ах поп», что означает «владыка циновки»). Циновкой покрывали сидение или деревянный трон, на котором восседал правитель. И очень часто в качестве прямого эквивалента циновке служила шкура ягуара. Мы отчетливо видим эту деталь на росписи одного полихромного сосуда из погребения № 196 в Тикале (700 г. н. э.)⁶⁰. Иногда правители майя вообще предпочитали иметь трон в виде фигуры ягуара: изображение на стеле 20 из Тикаля⁶¹, знаменитый рельеф из Паленке⁶² и наиболее поздний вариант такого трона, найденный в Чичен-Ице⁶³.

Наконец, весьма примечательно, что почти во всех наиболее богатых и пышных погребениях майя встречаются клыки и когти, либо остатки шкуры ягуара, хотя последние удает-

ся проследить далеко не всегда ввиду плохой их сохранности в условиях влажного тропического климата.

Что же касается человеческих жертвоприношений, то в погребальной практике майя они применялись в крайне редких и особо торжественных случаях и всегда в сравнительно умеренных масштабах. Обычно в погребениях знатных лиц, в которых с известным основанием можно видеть царей, находят один или два скелета принесенных в жертву людей. Однако, как уже отмечалось, в Паленке в знаменитой гробнице из «Храма Надписей» были обнаружены останки шести человек. В Тикале число человеческих жертвоприношений в одном царском погребении доходило до девяти (Погребение 10, V в. н. э.)⁶⁴.

И все же это не идет ни в какое сравнение с гекатомбами трупов, сопровождавших умерших правителей ацтеков. Испанский хронист Диего Дуран сообщает, что во время похорон «тлатоани» (правителя) Ахуцотла число принесенных в жертву людей превысило 200 человек⁶⁵.

Среди украшений и драгоценностей, которые сопровождали обычно правителей древней Мезоамерики в загробный мир, выделяются красочные погребальные маски, передающие либо реальный облик умершего, либо изображение какого-нибудь божества, связанного так или иначе с данным правителем. «Если умирал правитель,— пишет испанский историк Антонио Эррера,— то погребальные церемонии совершались очень пышно, покойного обряжали в лучшие одежды и клали на лицо маску...»⁶⁶ У нахуа тело умершего царя Тесосомока «одежи в царские одежды, положили ему все его регалии...

а лицо покрыли мозаичной маской — точный портрет умершего»⁶⁷.

На территории майя великолепные мозаичные маски из нефрита и раковин также встречаются обычно в наиболее богатых гробницах и погребениях (в Паленке, Тикале, Вашактуне и других городах).

В космогонии майя красный цвет ассоциируется с Востоком, поскольку именно там «рождается» каждый раз солнце после своей ежедневной «смерти» на Западе. Вследствие этого Восток — место воскрешения, место жизни, а красный цвет символизирует таким образом бессмертие⁶⁸.

Обычай сразу же строить над гробницами правителей или царей специальные храмы, окрашенные в красный цвет, прослеживается в Тикале.

Исходя из вышесказанного, можно говорить о том, что царские погребения у майя классического периода имеют ряд специфических деталей в инвентаре и ритуале, позволяющих почти безошибочно отделить их от других пышных гробниц и захоронений: во-первых, гробница царя — точная копия его жилища, т. е. дворца (каменная постройка с высоким ступенчатым сводом, деревянными балками-распорками и специальными скамейками, помостами или тронами для сидения); во-вторых, над царской гробницей немедленно возводился специальный храм или святилище, окрашенное в красный цвет; в-третьих, на крышу гробницы часто клали тысячи осколков кремня или обсидиана (часть сложного и пышного погребального ритуала); в-четвертых, правители из богатейших гробниц классического времени лежат, как правило, либо на циновке (символ власти у древних майя), либо на

шкуре ягуара; в-пятых, большую роль в погребальном ритуале царя играла красная краска; в-шестых, в инвентарь обязательно входили различные морские продукты и особенно большие раковины *Снондилус*, иглы морского жака и другие и, наконец, в-седьмых, среди известных по поздним письменным источникам атрибутов царской власти в классических гробницах встречаются мозаичные маски и специальные костяные проколки.

Таким образом, археологически абсолютно точно установлен факт непосредственной связи пышных гробниц правителей с храмами, которые строили непосредственно над устьем могильной ямы (Тикаль и Паленке). В некоторых случаях гробницы были как-то связаны с храмовым помещением паверху либо с помощью магических средств («канал для души» из «Храма Надписей» в Паленке), либо специальными лестницами и ходами (Чичен-Ица⁶⁹, Комалькалько⁷⁰, Йашчилан⁷¹). Видимо, это — отражение заупокойного царского культа у древних майя, наподобие древневосточного и египетского. Но если, скажем, в Египте заупокойный храм строили рядом с пирамидой, в которой находилась гробница фараона, то в доколумбовой Мексике та же идея была решена конструктивно совершенно иначе — путем соединения в одно целое (по вертикали) и храма, и гробницы правителя.

Впервые тезис о наличии заупокойных храмов у древних майя выдвинул А. Рус после своего блестящего открытия в Паленке. Позднее этому вопросу посвятил специальную статью американский исследователь Майкл Д. Ко⁷². Наличие заупокойного царского культа на тер-

ритории майя в постклассический период отмечено в ряде индейских и испанских хроник. Существовал этот обычай и в других областях доколумбовой Мезоамерики. В легендах и преданиях нахуа о создателях теотихуаканской цивилизации в долине Мехико говорится, например, следующее: «И они назвали город Теотихуакан, потому что, когда умирали правители, их там и хоронили. А затем воздвигали над ними пирамиды, которые стоят еще до сих пор»⁷³.

Обычай строить заупокойные храмы или святилища, окрашенные в красный цвет, над гробницами лиц самого высокого социального ранга появился у майя (по крайней мере, в Тикале) еще в I в. до н. э. О принадлежности упомянутых ранних гробниц к царским захоронениям свидетельствуют и другие признаки: наличие масок, игл морского ежа и раковин Спондилус, человеческие жертвы, обилие украшений из рако-

вин и нефрита, большое число красивых глиняных сосудов с полихромной росписью и каноническими изображениями («дворцовые сцены») и т. д. Кроме того, все они находились в каменных склепах со ступенчатым сводом, а это, бесспорно, древнейшие образцы монументальной майяской архитектуры. Известно, что в дальнейшем, в классический период (I тысячелетие н. э.), в число каменных построек со ступенчатым сводом входили лишь два вида зданий — наиболее крупные храмы и дворцы. Тот факт, что в таких гробницах всегда хоронились лишь наиболее выдающиеся лица майяского общества, а также то, что жилища мертвых часто строились по прямому подобию реальных жилищ, не говоря уже о других приведенных здесь признаках, вполне отчетливо указывает, кому именно принадлежали данные погребения: не приходится сомневаться, что это — царские захоронения.

¹ Массон В. М., 1976а, с. 5.

² Массон В. М., 1976б, с. 22.

³ Кнорозов Ю. В., 1971, ч. 1, с. 83—84.

⁴ Morley S. G., 1938, vol. IV, p. 250, 251.

⁵ Guillemin G. F., 1968, p. 32.

⁶ Spinden H., 1913, p. 120.

⁷ Proskouriakoff T., 1965, p. 471.

⁸ Maler T., 1901, p. 43—58.

⁹ Proskouriakoff T., 1960, p. 454—475.

¹⁰ Кнорозов Ю. В., 1963, с. 12.

¹¹ Кинжалов Р. В., 1968, с. 29, 32.

¹² Adams R. E. and Gatling I. L., 1964, p. 112.

¹³ Гуляев В. И., 1972б, с. 116—134.

¹⁴ Гуляев В. И., 1972а, с. 207—214.

¹⁵ Coe W. R., 1962, p. 494.

¹⁶ Lothrop S. K., 1924, p. 45.

¹⁷ Кнорозов Ю. В., 1963, с. 533.

¹⁸ Pollock H., Roys R., Proskouriakoff T., Smith A., 1962, p. 134—136, fig. 12 — a.

¹⁹ Ланда, Д. де, 1955, с. 118—120.

²⁰ Tozzer A. M., 1941, p. 38—39.

²¹ Кнорозов Ю. В., 1963, с. 215.

²² Там же, с. 70.

²³ Там же.

²⁴ Roys R. L., 1967, p. 77, 185.

²⁵ Кнорозов Ю. В., 1973, с. 87.

²⁶ Кнорозов Ю. В., 1963, с. 29.

²⁷ Roys R. L., 1967, p. 170, 171.

²⁸ Кнорозов Ю. В., 1963, с. 478.

²⁹ Там же, с. 86, 92.

³⁰ Там же, с. 76.

³¹ Пользуясь случаем, выражаю искреннюю благодарность Ю. В. Кнорозову, любезно предоставившему эти данные в мое распоряжение.

³² Кнорозов Ю. В., 1975, p. 256.

³³ Morley S. G., 1956, p. 63.

³⁴ Шаревская Б. И., 1961, с. 151.

³⁵ Pollock H. E., 1965, p. 411.

³⁶ Satterthwaite L., 1937, p. 18—23.

³⁷ Pollock H. E., 1965, p. 411.

³⁸ Coe W. R., 1968, p. 62.

³⁹ Guillemin G. F., 1968, p. 19.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Harrison P. D., 1969, p. 165—167.

⁴² Haviland W. A., 1970, p. 190.

⁴³ Guillemin G. F., 1968, p. 20.

- ⁴⁴ *Marquina I.*, 1964, p. 610—615.
- ⁴⁵ *Proskouriakoff T.*, 1969, p. 69, 70.
- ⁴⁶ *Maler T.*, 1911, p. 11—22.
- ⁴⁷ *Parsons I. R.*, 1971, p. 117—119.
- ⁴⁸ Чайлд Г., 1956, с. 136—138.
- ⁴⁹ *Ruz Lhuillier A.*, 1968.
- ⁵⁰ *Ruz Lhuillier A.*, 1957, p. 154.
- ⁵¹ *Ibid.*, p. 155, 156.
- ⁵² *Ibid.*, p. 156.
- ⁵³ *Ibid.*, p. 159—160.
- ⁵⁴ *Ibid.*, p. 164.
- ⁵⁵ *Ibidem.*
- ⁵⁶ *Ibid.*, p. 163.
- ⁵⁷ Пополь-Вух, 1959, с. 144.
- ⁵⁸ *Proskouriakoff T.*, 1966, p. 168—175.
- ⁵⁹ *Villagra Caletti A.*, 1949.
- ⁶⁰ *Coe W. R.*, 1968, p. 52.
- ⁶¹ *Coe W. R.*, 1965a, p. 49.
- ⁶² *Marquina I.*, 1964, p. 651, lam. 205.
- ⁶³ *Wadepuhl W.*, 1964, p. 126.
- ⁶⁴ *Coe W. R.*, 1968, p. 44.
- ⁶⁵ *Duran D. de*, 1964, p. 218.
- ⁶⁶ *Herrera A. de*, 1726, т. 3, p. 99.
- ⁶⁷ *Orozco y Berra M.*, 1951, p. 182.
- ⁶⁸ *Ruz Lhuillier A.*, 1957, p. 161, 162.
- ⁶⁹ *Thompson E. H.*, 1938, p. 16—42.
- ⁷⁰ *Blom F. and La Farge O.*, 1926, vol. 1, p. 115—130.
- ⁷¹ *Ruz Lhuillier A.*, 1959, p. 191.
- ⁷² *Coe M. D.*, 1956, p. 387—393.
- ⁷³ *Leon-Portilla M.*, 1961, p. 26.

ГОРОДА-СТОЛИЦЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ОБЛАСТИ МАЙЯ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н. Э.

ТИКАЛЬ¹

Тикаль — крупнейший город индейцев-мая в I тысячелетии н. э. — находится в северо-восточной части гватемальского департамента Петен². Руины его каменных построек широко разбросаны сейчас по холмистой известняковой равнине и сплошь покрыты густым тропическим лесом. С запада и востока город окружают обширные и влажные болотистые низины — «бахос» (bajos). В течение сухого сезона других источников воды, кроме запасов дождевой в искусственных резервуарах, здесь нет. В дождливое время года в этом районе выпадает до 120 см осадков.

Данные палеоботанических анализов в районе Тикаля³ и изучение изображений фауны и флоры по произведениям искусства древних майя⁴ позволяют утверждать, что за последние 2 тыс. лет местный климат и природное окружение не претерпели сколько-нибудь существенных изменений.

Древнейшие следы пребывания человека на территории Тикаля относятся к середине I тысячелетия до н. э. Если же исходить только из дошедших до нас календарных дат по эре майя, запечатленных на каменных монументах города, то он существовал с 292 г. (стела 29) до 889 г. н. э. (стела 11).

В 1956—1967 гг. в Тикале работала археологическая экспедиция Музея Пенсильванского университета (США). Была составлена подробнейшая карта всех видимых руин на площади примерно в 16 кв. км и произведены раскопки в различных районах города⁵. Анализ карты позволяет заключить, что в момент наивысшего расцвета (с VIII в. н. э.) Тикаль занимал довольно значительную территорию и состоял из политико-административного и ритуального центра (1—1,5 кв. км) и районов жилой застройки вокруг него (6—6,5 кв. км). В пределах центрального ядра города сосредоточены почти все его крупные общественные здания — храмы и дворцы (до 300 шт.), подавляющая часть резных монументов (стел, алтарей и притолок) и все известные до сих пор пышные захоронения. Важнейшие ансамбли построек соединены между собой широкими каменными дорогами-дамбами. Постройки стоят обычно либо на высоких пирамидальных основаниях, либо группируются на вершинах искусственных и естественных холмов с крутыми склонами — «акрополях».

Жилые районы Тикаля распадаются на отдельные скопления и группы построек, общее число которых еще точно не установлено. Есть там и отдельные ритуально-административные здания второстепенного (по

сравнению с центром) значения. Очаговый характер планировки Тикаля объясняется прежде всего изрезанным рельефом местности: наличием большого числа болотистых низин, оврагов и холмов. Здесь нет и не могло быть длинных прямых улиц. Основной связывающей единицей, вокруг которой группируются все жилые постройки, служил прямоугольный дворик, ориентированный, как правило, по странам света. Общее число жилых построек в каждом таком микроансамбле достигает обычно 2—5. Это дает все основания предполагать, что данная группа является археологическим отражением большесемейного домохозяйства, состоящего из нескольких парных семей (отец, мать и их женатые дети и внуки).

Жилища обычно концентрировались в группы от 17 до 33 домовладений, в каждой из которых отмечены также небольшая «дворцового» типа общественная постройка или небольшой храм. Численность населения такой группы — несколько сот человек. В целом она очень напоминает «квартальные» деления («барриос») ацтекской столицы.

Еще в конце 30-х годов нашего века С. Морли разделил всю зону Тикаля на 8 больших архитектурных групп, обозначив их буквами английского алфавита от «А» до «Н»⁶.

Архитектурным центром города, бесспорно, является Группа «А», расположенная на возвышении между северным и южным оврагами. Она включает в себя следующие значительные ансамбли и комплексы: Северный Акрополь, Северная Терраса, Главная площадь с Храмами I и II, Центральный Акрополь. Ступенчатые дороги-дамбы соединяют ее с другими

группами («В», «Е», «Н» и т. д.). Центральной географической точкой Тикаля, основным фокусом его социально-политической и культовой жизни, была Главная, или Большая, площадь (Great Plaza)⁷. С запада ее замыкает Храм II, с востока — Храм I, с юга — дворцовые ансамбли Центрального Акрополя (площадью 1,6 га). На севере к площади выходит Северная Терраса, а за ней — Северный Акрополь: огромная платформа в 12 м высоты и площадью свыше 1 га, несущая на своей плоской вершине свыше полутора десятков симметрично расположенных храмов. На северной стороне Главной площади, перед фасадами храмовых построек № 32—35, стоят три ряда каменных стел: первый ряд (на уровне вымостки площади) состоит из 8 гладких монументов (стелы A₁₉—A₂₆); второй ряд (тоже на уровне площади) — из 8 резных (стелы 8, 18, 9, 10, 11, 12, 13, 14) и 8 гладких (A₁₁—A₁₈) стел; третий (на первой ступени террасы) — из 5 резных (стелы 3, 4, 5, 6, 7) и 9 гладких (A₁—A₉) стел⁸. И Северная Терраса, и Северный Акрополь представлены здесь лишь в конечной своей стадии — позднеклассическим временем (около 700 г. н. э.). Но внутри каждого из этих комплексов с помощью шурфов и траншей удалось вскрыть мощные (до 5—7 м) культурные напластования, отражающие длительный и сложный процесс развития архитектуры центральной части Тикаля. Так, внутри Северной Террасы находились остатки еще 7 слоев перекрывающих друг друга террас, из которых лишь две последние относятся к I тысячелетию н. э. Главная площадь имеет четыре яруса вымостки из твердого, как цемент, известкового

раствора: два — классического и два доклассического периодов. По данным C_{14} , первая четко спланированная и мощеная площадь вместе с прообразом Северной Террасы возникли здесь еще около II в. до н. э.⁹ Северный Акрополь можно рассматривать как скопление перекрывающих друг друга прямоугольных платформ (с каменными стенами и оштукатуренной поверхностью), ориентированных на юг. С нижележащей Северной Террасой Акрополь соединен несколькими лестницами. Всего в толще Акрополя выделено 20 штуктовых полов. Самый поздний из них (пол № 1) отнесен к 600 г. н. э., а самый ранний (пол № 20) — к 300—200 гг. до н. э.¹⁰ Здесь же, на дне стратиграфической траншеи, заложенной на Северном Акрополе, были обнаружены и остатки древнейшего поселения человека в Тикале (керамика и орудия этапа «Эб» в хозяйственной яме, датированные по C_{14} 588±53 г. до н. э.)¹¹. Особенно выделяются своими размерами и пышностью отделки двухэтажные храмы 5Д—22 и 5Д—33¹². Раскопки и обследования позднеклассических храмов Северного Акрополя помогли установить, что внутри их пирамидальных оснований содержатся остатки ритуальных сооружений более ранних эпох, по крайней мере с конца I тысячелетия до н. э. Это доказывает, что данный район Тикаля всегда играл роль важнейшего ритуального ядра на территории города.

Храм 5Д—33 — в настоящее время одна из наиболее изученных построек майя. Она (в конечной своей форме) представляет собой двухкомнатный каменный храм, стоящий на вершине ступенчатой 33-метровой пирамиды. Время его сооружения — VIII в. н. э.¹³ Внутри пирамиды найдены ос-

татки двух последовательно сменявшихся друг друга раннеклассических храмов — Str. 5Д—33—2 и 5Д—33—3 с богатой гробницей (погребение 48) V в. н. э. Внутри Храма 34 обнаружена переставленная и разбитая раннеклассическая стела 26¹⁴, а у храма 5Д—33—2 — стела 31 (тоже разбитая и переставленная)¹⁵.

Гигантские пирамидальные храмы I и II, обрамляющие с востока и запада Главную площадь, уже были подробно описаны в монографии Р. В. Кинжалова¹⁶. Следует лишь добавить, что внутри пирамиды позднеклассического Храма I было найдено богатейшее погребение № 116 (700 г. н. э.)¹⁷ и то, что перед лестницей Храма II на Главной площади стоят одна гладкая стела и алтарь, а перед Храмом I — две гладкие стелы и два алтаря¹⁸.

С южной стороны Главной площади простирается обширный комплекс построек, совершенно непохожих на описанные выше храмы. Этот ансамбль, названный Центральным Акрополем, имеет длину с востока на запад почти 215 м и занимает площадь около 1,5 га.

Хотя Центральный Акрополь развивался в течение ряда столетий, прежде чем достиг своей конечной (позднеклассической) формы, итоги этого процесса были совершенно иными, нежели на Северном Акрополе. К концу своего существования Центральный Акрополь представлял собой шесть сравнительно небольших дворигов, окруженных длинными и низкими многокомнатными зданиями — «дворцами» в 1, 2 и даже 3 этажа.

Дворики расположены на различных уровнях и соединены между собой сложной системой лестниц и переходов¹⁹. Вокруг двора 2 — самого

высокого на Акрополе — сгруппированы наиболее хорошо сохранившиеся постройки дворцового типа, например Str 5Д—65 — двухэтажный «Дворец Малера», и другие — с резным фризом над дверями первого этажа и многочисленными каменными скамьями внутри помещений (места для сидения и сна)²⁰, или «Дворец из пяти этажей» — Str 5Д—52, 50, под которым находятся остатки более ранних построек, вплоть до доклассического периода²¹.

В районе двора 6 находится обширный «дворец» раннеклассического времени — Str 5Д—46 с очень сложной планировкой. Он состоит из центрального двухэтажного здания раннеклассического этапа, которое использовалось вплоть до конца I тысячелетия н. э., и двух боковых крыльев — с северной и южной стороны. Весь этот ансамбль стоит на высокой платформе, наподобие крепости, и доступ к центральному зданию осуществляется только с помощью широких и крутых лестниц на западе и востоке²².

В целом к концу своего существования Центральный Акрополь насчитывал 42 здания «дворцового» типа, и здесь не было ни одного храма, ни одного скульптурного монумента — стелы или алтаря.

Центральный Акрополь расположен на северном краю глубокого оврага, называемого «Дворцовым водохранилищем»²³.

Вопрос о внутренней природе и функциональном назначении остальных групп остается открытым ввиду отсутствия данных на этот счет.

Все здания Тикаля, и большие и малые, имеют ориентировку по странам света²⁴.

Другая важная особенность городской планировки состоит в том, что

главным связующим элементом для всех архитектурных комплексов и групп служит прямоугольная площадь или дворик. В центральной, ритуально-административной зоне Тикаля вокруг больших прямоугольных площадей были сконцентрированы каменные храмы, дворцы и общественные здания. В жилых районах — дома горожан. Они и составляли основную массу построек из тех двух с лишним тысяч, что отмечены для центральных 8 кв. км. Жилые постройки также были сгруппированы вокруг двориков, насчитывая в среднем от 2 до 5 зданий в каждой группе. По предположению У. Хевиленда, эти группы были, по-видимому, домохозяйствами больших семей²⁵. Всего к настоящему времени в пределах картографированной зоны Тикаля удалось выделить до 690 таких групп²⁶. Из этого числа детально раскопано 25 жилых групп, а шурфовке и обследованию подверглись еще 120 таких единиц²⁷.

Из 117 небольших построек, предположительно считавшихся жилищами, оказались таковыми только 92. Эти дома — как правило, от них уцелели только прямоугольные невысокие платформы-фундаменты — демонстрируют поразительное разнообразие архитектуры²⁸. В районах концентрации жилых построек отмечено присутствие хозяйственно-бытовых отходов, много фрагментов кухонной посуды и т. д. В то же время процент расписной парадной керамики здесь значительно ниже, чем близ Главной площади. Встречаются также обломки глиняных фигурок людей и животных, формы для отливки такой терракоты, отщепы и готовые инструменты из кремня и обсидиана. В то же время здесь отсутствуют ритуальные

приношения в тайниках, алтари, стелы и т. д.

Сейчас удалось выявить несколько небольших построек-кухонь, слишком малых по размерам, чтобы в них можно было жить.

Некоторые группы жилищ включали в себя и собственные небольшие храмики или святилища.

Другая черта жилых групп — наличие «чультунов» — хозяйственных ям, вырубленных в скалистом грунте, для хранения запасов пищи.

Общее местонахождение домов и связанных с ними построек вокруг двора сходно с практикой современных майя, у которых аналогичные архитектурные единицы занимает обычно большая семья (*extended family*), где живут женатые пары двух или трех поколений, связанных по мужской линии. Обычно одно здание в каждой группе стоит особняком от остальных, выделяясь своей величиной, качеством керамики и других вещей, найденных внутри. В таких группах, если там не было специальных семейных храмов, вблизи или внутри этого дома сосредоточено больше всего погребений. Видимо, подобные здания служили резиденцией старшей семьи всей группы²⁹. Некоторые жилища, вероятно, служили одновременно и мастерскими (например, по выделке кремневых орудий)³⁰.

подавляющая часть известных в Тикале жилых построек относится к позднеклассическому времени.

В целом группы домов не соприкасаются друг с другом. Они разбросаны без системы или порядка по окружающей местности даже в густонаселенных районах. Здесь нет, если не считать больших мощённых камнем дорог-дамб, каких-либо призна-

ков улиц или магистралей. Это характерно даже для двух крайне перенаселенных участков Тикаля, где небольшие дворики буквально смыкаются между собой (юго-восточный угол квадратов 3—С и 3—Д). В таких местах сообщение осуществлялось через соседние дворы. То же самое было и в некоторых из больших дворцовых групп, например на Центральном Акрополе.

Все внутреннее сообщение осуществлялось, видимо, по лабиринту коротких, извилистых троп, петляющих между домовыми усадьбами³¹.

Как уже отмечалось, в Тикале нет постоянных источников воды. Единственный способ водоснабжения, и в древности и в наши дни — сбор дождевой влаги в период дождей в специальные искусственные бассейны и резервуары. В картографированной зоне древнего города отмечено множество различных резервуаров подобного рода, в том числе 12 крупных общественных водоемов. Все резервуары делятся на два типа: глубокие, вырубленные в скалистом грунте или сложенные из камня — в центральной части Тикаля и мелкие, открытые водоемы, обычно расположенные в районе «бахос» или на дне оврагов и лощин. По подсчетам археологов, современная вместимость всех известных в городе резервуаров составляет около 154 300 куб. м воды³².

Монументальная скульптура Тикаля (стелы, алтари, рельефы и резные притолоки)

В Тикале выявлено в общей сложности около 206 каменных монументов — стел и алтарей (в виде целых экземпляров или их крупных

Таблица 3

Номер стелы	Дата (календар.)	Дата (по стилю)	Локализация	Сохранность	Класс	Группа мотивов	Наличие рит- тайников
1	—	435—445 (Морли) 9.0.0.0.—+2 кагуна (Проскура- кова)	На северной стороне Глав- ной площади, Группа «А», перед фасадом храма 26, Сев. Акрополь	Обита и утрачена верхуш- ка, переставлена	IV	Династичес- кая	Нет
2	—	435—445 (Морли) 9.3.10.00±2 кагуна (Проскура- кова)	То же	Уцелела лишь верхняя по- ловина стелы	IV	»	Нет
3	488 г. 9.2.13.0.0.	—	На северной стороне Глав- ной площади, Группа «А», перед фасадом храма 34, Сев. Терраса	Разбитая, но полная	III	Ритуальная	Нет
4	465 г. (???)	—	То же	Обита и утрачена нижняя часть стелы	II	?	Нет
5	744 г.	—	Южное основание, Сев. Тер- раса, Главная площадь, Группа «А»	Целая	III	Военная	Нет
6	514 (?)	—	Южное основание храма 5Д—32, Сев. Терраса, Глав- ная площадь, Группа «А» рушено	Разбита на куски, изобра- жение практически все раз-	III	Ритуальная	Нет
7	495 г. 9.3.0.0.0.	—	Западное основание храма 5Д—29 Сев. Терраса, Глав- ная площадь, Группа «А»	Разбита и часть фрт-ов ут- рачена, основание in situ	III	Ритуальная	Нет
8	445 (??)	—	Во втором ряду стел на сев. стороне Главной площади, Группа «А»	Полная, Малер видел ее в 1895 г. стоящей	III	»	»
9	475 г. 9.2.0.0.0.	—	То же	Полная	III	Военная	Нет

Таблица 3 (продолжение)

Номер стелы	Дата (календар.)	Дата (по стилю)	Локализация	Сохранность	Класс	Группа мотивов	Наличие рит- м-таблиц
10	507 г. (??)	—	Во втором ряду стел на сев. Полная стороне Главной площади, Группа «А»		IV	Военная	Нет
11	869 г. 10.2.0.0.0.	—	То же	Разбита, но полная	I	»	Нет
12	527 г. (???) подтвержде- на дата Мор- ли	—	» »	Разбита и частью утрачена, изображение сильно по- вреждено	IV	?	Нет
13	455 г. (??)	—	» »	Полная	III	Военная (?)	Нет
14	534 г. (??)	—	» »	Разбита и переставлена	I	?	Нет
15	495 г. (?)	—	К югу от храма 5Д—13, Разбита, но почти полная Западная площадь, Группа «А»		III	Ритуальная	Нет
16	744 г. 9.14.0.0.0.	—	Комплекс пирамид-близне- цов «N», внутри храма 5С—17, Группа «Д»	Полная	I	Династиче- ская	Нет
17	557 (??) 9.6.3.9.15.	—	Сев. основание храма 5Е—30, близ Сев. стороны Восточной площади, Груп- па «А»	Разбита, нижняя часть ут- рачена, изображение силь- но повреждено	IV	?	Нет
18	446 (??)	9.0.0.0.± ±2 катуна (Проскура- кова)	Во втором ряду стел на Сев. стороне Главной пло- щади, Группа «А»	Разбита и часть утрачена, основание	II	Династиче- ская (?)	Нет
19	774 г. 790 г. 9.18.0.0.0.	800±40 лет 9.18.1000± ±2 катуна	Комплекс пирамид-близне- цов «R», внутри храма 4Е—43, Северная зона Ги- изображение почти утраче- но	Повалена, но целая, поверх- ность сильно пострадала, но	I	Ритуальная	Нет
20	751 9.16.0.0.0.	—	Комплекс пирамид-близне- цов «P», внутри храма 3Д—47	Повалена, но целая	II	Династиче- ская	Нет
21	736 г. 9.15.5.0.0.	—	Западное основание храма 6F—27 (Храм VI), Группа «А»	Повалена и разбита, часть «А» утрачена	I	Ритуальная, «сеятель»	Есть

Таблица 3 (окончание)

Номер стелы	Дата (календар.)	Дата (по стило)	Локализация	Сохранность	Класс	Группа мотивов	Наличие рят- тайников
22	771 г. 9.17.0.0.0.	9.16.0.0.0. \pm ± 2 кат.	Комплекс пирамид-близне- цов «Q», внутри храма 4E — 39, Сев. Зона Тикаля депо	Целая, лицо главного пер- сонажа намеренно повреж- дено	I	Ритуальная «сентаель»	Нет
23	510 г. после 9.3.16.8.4. 9.3.9.13.3.	—	В группе небольших хол- мов, в 500—600 м к ЮЗ от Храма VI, у основания од- ного из холмов	Разбита и большая часть уцелела, уцелел кусок вер- ней части, изображенне на фасаде почти утрачено	IV	?	Есть
24	—	790—810 гг.	На площади, у фасада Хра- ма III, Группа «Д»	Разбита и повалена, резьба почти исчезла	III	?	Нет
25	517 г. 9.4.3.0.0.	—	В 500 м позади Храма VI, в 200 м от стелы 23, среди группы небольших холмов, в 12 м к востоку от храма 7F—85	Разбита и повалена, резь- ба сильно повреждена, нет основания и части резной панели; переставлена	IV	?	Нет
26	—	Раннеклас- сическое время	Заднее помещение хра- ма 5Д — 34, Сев. Акрополь, Группа «А»	Разбита и переставлена, часть ее утрачена	III	?	Есть
27	495 г.	—	В квадрате 2Г — S389 E469, вблизи группы холмов-по- строек и скопления культу- ров в 120 м к востоку от храма 2F—12	Целая, но резьба намерен- но повреждена	III	?	Есть
28	—	Раннеклас- сическое	В 80 м к СЗ от стелы 29, Кв. 5D SOE—36, в 30 м от храма 5Д — 8	Сохранился только фронт от основания, переставлена	IV?	?	Нет
29	292 г.	—	В 12 м к востоку от храма 5Д — 9, в 200 м к западу от Главной площади	Сохранилась лишь верхняя часть стелы, разбита и пе- реставлена	II	Военная	Нет
30	—	—	Сев. основание храма 3 — Д — 99				
31	525 г.	—	Задняя комната храма храмом 5Д — 33, Сев. Ак- рополь, Группа «А»	Разбита; сохранился верх- ний кусок ее (резьба до колен фигуры)	IV	Динас- тическая	Нет
32	—	Раннеклас- сическое	Как часть ритуального при- ношения в тайнике, Сев. Акрополь, Группа «А»	Разбита, уцелела лишь верхняя часть	?	?	Нет

фрагментов). Из этого числа 32 — резные стелы, 18 — резные алтари, 83 — гладкие стелы и 73 — гладкие алтари³³. В Группе «А» из этого общего числа находилось 50% всех резных стел (18), 50% всех гладких стел (41) и свыше 30% резных алтарей (7).

В городе, как и в большинстве других центров майя классического периода, наблюдается четкая привязанность каменных монументов к архитектурным сооружениям. Большинство стел Тикаля так или иначе связано с храмами. Стелы устанавливались либо на площади, перед фасадом храма (особенно по бокам от центральной лестницы), либо на уступах пирамидального основания, либо внутри храмовых помещений (редко). Особым видом архитектурных сооружений Тикаля, связанных с каменными монументами, является оригинальный комплекс «пирамид-близнецов», но и здесь стела с алтарем установлены внутри специального помещения³⁴.

По предположению У. Ко, каждый монумент был связан со «своим» зданием (храмом) лишь до момента перестройки или разрушения последнего, после чего стела тоже теряла свое значение и ее выбрасывали или разбивали («портили» тем или иным способом), как, например, случилось со стелами 26 и 31³⁵.

Интересную особенность Тикаля составляют тайники с ритуальными приношениями и дарами, которые устраивались обычно «под» или «вблизи» основания стелы. Всего таких тайников отмечено около 44. Они представляют собой разного рода ямки, содержащие характерный набор ритуальных предметов из кремня, обсидиана, нефрита, керамики и ра-

ковин, прикрытых сверху слоем известкового раствора или плоским камнем. Видимо, в I тысячелетии н. э. ни одна стела (будь то резная или гладкая) не возводилась без одного или нескольких таких тайников (caches) с ритуальными дарами³⁶.

В позднеклассическое время в тайники под стелы клали стандартный набор приношений из 9 «фигурных» (eccentric) кремней и 9 кусочков обсидиана с резными изображениями ритуальных символов и божеств майяского пантеона³⁷.

В настоящей работе рассматриваются лишь резные стелы (32) Тикаля, которые, помимо календарных дат по эре майя, дают еще богатый изобразительный материал.

Выше дана таблица с подробной характеристикой всех резных тикальских стел (см. табл. 3), с их датами по календарю (или по стилю) и классификацией по «классам»³⁸ и группам мотивов.

В Тикале стелы с твердо прочитанными календарными датами устанавливались с 292 г. н. э. (стела 29) до 889 г. н. э. (стела 11).

При изучении стел Тикаля археологи установили, что большинство древних монументов было переставлено и повреждено. Это явление было названо «ненормальное положение стел». Среди таких нарушений следует отметить следующие:

а) перестановка старой стелы в другое место;

б) разбивание древних стел и последующая установка их фрагментов;

в) намеренная порча резных изображений и текстов на стелах. Эта черта особенно важна, так как указывает на изменение отношения к правящей иерархии, представители которой изображались на монументах.

тах. Что такие разрушения стел делались намеренно, говорит тот факт, что порче или уничтожению часто подвергалась не вся стела, а лишь лицо или всё изображение главной человеческой фигуры.

Установлено, что из 78 ранних монументов (резных и гладких), находившихся на Главной площади и Северной Террасе, около 40% было сброшено со своих первоначальных мест, и частично разбито, частично переставлено. Это событие могло произойти в конце классического периода, когда было сооружено большинство известных в Тикале стел. Явление «ненормальности» в положении стел позволило американским археологам выдвинуть предположение о причинах упадка культуры майя в конце I тысячелетия н. э. Согласно этой гипотезе, порча и перестановка ранних стел была связана с социальными потрясениями внутри общества майя, а прекращение установки таких монументов указывает на крах многолетней власти знати и жрецов и поддерживаемых ими художественных традиций³⁹.

Мне представляется, что данная гипотеза не соответствует действительности. Весь характер «ненормальностей» по отношению к стелам и самое главное хронологические рамки этих «актов вандализма» убедительно свидетельствуют в пользу того, что, во-первых, они осуществлялись на протяжении всего классического периода (а не только в конце его); а во-вторых, составляли вполне нормальную часть широко распространенных тогда церемоний и ритуалов⁴⁰.

Особенно важной представляется мне взаимосвязь стелы с храмовой постройкой.

Так, стела 26 была обнаружена в заднем помещении трехкомнатного раннеклассического храма 5Д — 34 на Северном Акрополе (Храм Красной Стелы), не претерпевшего существенных изменений вплоть до конца существования Тикаля, в разбитом состоянии — в виде кучи обломков. Вероятно, стела стояла первоначально на площади, перед фасадом храма; потом, в конце раннеклассического этапа, была разбита и в обломках втащена наверх, в заднюю комнату храма. Там обломки сложили в кучу и сделали в их честь ритуальные приношения, а над всем этим поставили каменный алтарь⁴¹.

На южной стороне Северного Акрополя находится позднеклассический храм Str. 5Д — 33 — 1. Внутри его пирамиды обнаружены остатки двух, более ранних платформ от раннеклассических храмов: Str. 5Д — 33 — 2 и 5Д — 33 — 3. Стела 31, видимо, стояла первоначально у основания храма Str. 33 — 2, украшенного зооморфными масками из штука. Ее дата — 525 г. н. э. Спустя какое-то время стела подверглась ритуальному «убийству», т. е. ее разбили. Затем большой фрагмент верхней части стелы принесли в заднюю комнату двухкамерного храма Str. 33 — 2 и установили в яме в полу храма, хотя и в наклонном положении. Далее, майя обожгли монумент огнем костра, разбили возле него глиняные жаровни и, разрушив храм Str. 33 — 2, засыпали его обломками и стелу. Над всеми этими руинами был возведен новый храм — Str. 33 — 1 (VIII в. н. э.)⁴².

Перед фасадом лестницы храма Str. 5Д — 32, лицом к Главной площади, стояла стела 6 (дата 514 г. н. э.). Согласно всем находкам, храм 5Д — 32 на Северном Акрополе отно-

сится к позднеклассическому периоду (начало VII в. н. э.). Таким образом, этот монумент явно был переставлен к данной постройке из какого-либо другого места⁴³.

Тикальские монументы можно классифицировать и по изображенным на них мотивам. Взяв наиболее типичные и часто повторяющиеся из них, я выделил для классического периода следующие три группы мотивов:

Группа I — «военная»: изображает правителя города-государства в батальных сценах, либо вооруженным в сценах триумфа, на фоне связанных пленников и т. д.

Группа II — «династическая»: в ней представлен правитель с атрибутами и символами своей власти (стоящий со скипетром и щитком или ритуальной полосой, сидящий на троне и т. д.).

Группа III — «ритуальная»: правитель, участвующий в разного рода обрядах и общающийся с богами.

Погребальный обряд

Погребения встречаются в Тикале не так часто, поскольку, по существу у древних майя ритуалам, мертвых хоронили под полами или в платформах жилищ, а особо знатных — в храмах и дворцах. Если учесть, что интенсивным раскопкам подверглась лишь центральная часть города, и в частности Северный Акрополь, то станет понятным и скудость полученных данных (за 10 лет работ выявлено лишь около 120 погребений), но опубликованы предварительные данные всего о десятке-полсотне захоронений, главным образом о пышных гробницах городского центра⁴⁴⁻⁵⁵.

Если мы обратимся к архитектуре центральной части Тикаля, то здесь, как и в центре любого другого классического города майя, имеются три основных компонента: *храмы, дворцы и стелы* (алтари). Во многих случаях «под» или «близ» основания стел встречаются ритуальные тайники с весьма специфическим набором предметов⁵⁶.

Подобные же тайники с ритуальными приношениями встречаются в Тикале лишь в трех случаях: а) под стелами, б) в храмах, в) во дворцах (под полами и лестницами). В других типах построек майя данная черта обрядности до сих пор не отмечена. Следовательно, храмы, дворцы и монументы, если судить по сходству ритуалов, были как-то связаны между собой.

Стелы и алтари, как правило, расположены возле главных храмов города. Что представлял собой майяский храм классического периода, свидетельствуют материалы Тикаля.

Храм I (дата около 700 г. н. э.) стоит на восточной стороне Главной площади, на плоской вершине 9-ярусной каменной пирамиды, имеет три небольшие комнаты, идущие одна за другой и соединенные одним дверным проемом. Высота храма от основания пирамиды до вершины гребня на крыше 45 м. Перекрытие храма — ступенчатый свод, увенчанный высоким (полым внутри) узорчатым гребнем. Поверхность гребня украшена рельефами из штука (плохо сохранились): можно различить сидящего на троне персонажа в пышном костюме в окружении орнаментальных завитков и каких-то змееподобных фигур. Сохранились следы красной краски: следовательно, гребень был когда-то окрашен в красный цвет.

Над дверными проемами Храма I — деревянные балки-притолоки из твердого дерева сапоте. Часть из них с резьбой. Уцелели притолоки 2 и 3, на которых изображена каноническая фигура правителя в пышном костюме, сидящего на троне с атрибутами власти в руках (гротескный скипетр и круглый щиток с маской солнечного божества). На притолоке 3 за спиной сидящего на троне правителя стоит гигантская фигура ягуара в позе протектора — вытянув когтистую лапу над головой правителя. Учитывая мифологические воззрения древних майя (особенно «Пополь-Вух» — 4 божественных предка — ягуара) — перед нами, вероятно, обожествленный предок царской династии в образе ягуара.

Таким образом, не исключено, что на гребне храма и на его резных притолоках изображен один и тот же конкретный правитель и что, следовательно, данный храм посвящен культу одного из правителей Тикаля. В ходе исследований (с помощью туннелей) внутри пирамиды Храма I под ее основанием археологи нашли интереснейшую гробницу 116. Она была вырублена в скалистом грунте и Храм I с его гигантской пирамидой был возведен точно над устьем шахты, ведущей к гробнице, так что последняя оказалась под центральной точкой основания пирамиды.

Учитывая, что Храм I поставлен сразу же над устьем гробницы какого-то знатного персонажа (по всем данным, правителя Тикаля) храм занимал по отношению к гробнице подчиненное положение. И видимо, человек, покоящийся в гробнице, и персонаж, запечатленный на резных притолоках и гребне Храма I, — одно и то же лицо.

Следовательно, перед нами заупокойный царский храм. Но в таком случае и изображения правителя в храме и стелы (будь то резные или гладкие) изготовлены не при жизни, а после его смерти и похорон, хотя там могли изображаться его прошлые конкретные «деяния» либо на поле брани, либо в ритуалах и т. д.

Традиция ставить храм над устьем гробницы знатного персонажа (скорее всего, правителя) появилась в Тикале еще в самом конце I тысячелетия до н. э., точнее — в I в. до н. э.: погребения 166, 167, 85.

В классический период к числу пышных погребений, которые можно связывать с правителями города и над которыми сразу же возводились заупокойные храмы, относятся:

Погребение 116 в Храме I;

Погребение 77 (конец VIII в. н. э.) — над ним — Храм 5D—15 в районе Западной площади;

Погребение 160 (раннеклассическое) — под основанием Храма 7F—30;

Погребение 196 (начало VIII в.) — под основанием Храма 5D—73 — Главная площадь.

Погребение 195 (600 г. н. э.) — под основанием Храма 5D—32 (Северный Акрополь): там находились деревянные скульптуры богов-громовников, связанных с культом плодородия, деревянный резной трон правителя и т. д.

Гробница 10 (раннеклассическое) — под Str. 5D—34—3 — Северный Акрополь (с 9 принесенными в жертву людьми).

Все эти гробницы, включая и самые ранние — I в. до н. э., были сделаны до начала строительства перекрывающих их храмов. Все они расположены в самом центре города и могут рас-

смаатриваться как царские захоронения.

Интересно, что скелеты в этих гробницах, стены и платформы перекрывающих их храмов и, наконец, поверхность стоящих рядом с храмами стел, там где это удастся проследить, всегда покрыты красной краской. Эта черта (в I тысячелетии н. э.) ни разу не отмечена у майя в рядовых захоронениях или в рядовых жилищах, и, видимо, отражает один из обрядов, связанных с культом правителя. Во всех вышеназванных случаях (комплекс: гробница — храм — стела) речь, видимо, идет об археологическом отражении заупокойного царского культа, и, таким образом, многие центральные храмовые здания в районе Главной площади Тикаля — это заупокойные храмы местных династов. Такой же вывод сделан и для других городов майя (см. работы А. Руса и М. Д. Ко). Поскольку возведение величественной каменной пирамиды с богато украшенным храмом наверху требовало известного (вероятно, довольно значительного) времени, то и запечатленные на его гребне, рельефах и притолоках мотивы и поставленные возле храма стелы с аналогичными сценами относятся, вероятно, к жизни и деяниям давно умерших людей и отражают, скорее всего, культ обожествленных предков царской династии. Об этом со всей очевидностью свидетельствуют и письменные источники.

«Они, — пишет об индейцах Юкатана испанский хронист Лопес де Когольюдо, — поклонялись как богам своим умершим царям»⁵⁷. В горной Гватемале, по словам Фуэнтеса и Гусмана, похороны правителя осуществлялись с большой торжественностью: «Таким образом, — отмечает

он, — если это был правитель... то место его погребения становилось святилищем, поскольку они приписывали его статуе божественные свойства. считая, что, подобно тому, как он правил при жизни, он и после смерти будет заботиться об их процветании и имуществе...»⁵⁸.

Индеец-майя из знатного рода правителей Тутуль-Шивов — Гаспар Антонио Чи приводит следующие интересные факты о жителях Юкатана: «И главными идолами, которым он» приносили жертвы, были статуи му жей в их человеческом (естественном) отличии, которые были выдающимися и храбрыми людьми и которых они вызывали... чтобы те смогли помочь им в их войнах, даровали им процветание и продлили их жизни...»⁵⁹.

Описывая Тайясаль конца XVII в. н. э. — столицу последнего независимого государства майя в районе озера Петен-Ица на севере Гватемалы, испанец Вильягутьерре Сото-Майор отмечал: «Другое крупное святилище... принадлежало правителю Канеку и его предкам (курсив мой. — В. Г.), которые были царями в провинциях Юкатана до их первого завоевания...»⁶⁰.

Главный наш источник по культуре майя — Диего де Ланда приводит еще более подробное описание культа царских предков на Юкатане: «Что до сеньоров и людей очень значительных, они сжигали их тела, клали пепел в большие сосуды и строили над ними храмы, как показывают сделанные в древности, которые встречались в Исамале. В настоящее время бывает, что пепел кладут в статуи, сделанные полыми из глины, если (умершие) были великими сеньорами... Они сохраняли эти статуи с

большим почитанием между своими идолами. У сеньоров древнего рода Коком они отрубали головы, когда они умирали, и, сварив их, очищали от мяса, затем отпиливали заднюю половину темени, оставляя переднюю с челюстями и зубами. У этих половин черепов заменяли недостающее мясо особой смолой и делали их очень похожими (на таких), какими они были (при жизни). Они держали их вместе со статуями и пеплом и все это хранили в молельнях своих домов со своими идолами, с очень большим почитанием и благоговением. Во все дни их праздников и увеселений они делали им приношения из своих кушаний...»⁶¹.

Нужно сказать, что археологические материалы I тысячелетия н. э. из городов майя дают прямые подтверждения высказываниям Ланды. В пышных (царских) погребениях 85 и 48 в Тикале у главных погребенных отсутствовали череп и длинные (берцовые) кости ног.

В Вашактуне один череп из богатой гробницы был рассечен поперек, и у него отсутствовала передняя часть, что подтверждает искусственную реставрацию голов правителей, упоминаемую Ландой. Особо почитались берцовые кости. На одной из классических стел майя правитель изображен с берцовой человеческой костью в руке вместо обычного в таких случаях скипетра или другого атрибута власти, что может косвенно указывать на то, что аналогичную функцию (типа жезла) играла и данная кость. Несколько раз (Копан, Чиapas, Юкатан, Тикаль и т. д.) удавалось найти при раскопках берцовые человеческие кости с резными изображениями и надписями: это общепринятые мотивы, прямо связанные с правите-

лем и его культом (изображение сидящего на троне правителя и т. д.)

Культ предков (судя по археологическим, историческим и этнографическим данным) играл существенную роль в религиозных обрядах всех слоев общества майя. Он осуществлялся первоначально в семейных святилищах и внутри домов, так как умерших хоронили здесь же — под полами жилищ или па мельпах — полях. Как и все земледельческие народы, майя придавали весьма важное значение общению с духами предков на предмет прогнозов на будущее и покровительства во всех основных начинаниях (хороший урожай и т. д.). По Дрезденской рукописи, бог-покровитель земледельцев в специально отведенные для этого по ритуальному календарю дни совершал обряды на могилах предков и общался с их духами (D-45 b 3)⁶².

Однако со временем, по мере усиления социального размежевания в обществе майя и укрепления власти правителя, все более выступает на первый план поклонение его предкам. Культ предков правителя осуществляется теперь в специальных храмах, возведенных над гробницами наиболее почитаемых представителей правящей династии. Судя по материальным признакам проявления этого культа и по размаху архитектурного строительства в этой связи, уже на рубеже н. э. культ царских предков приобретает характер общегосударственной религии. Именно данная особенность майяской религии и социального устройства оказала непосредственное влияние как на официальное искусство классических городов-государств майя, так и на их внешний вид и планировку.

Аналогичную картину мы наблюда-

ем в средневековом африканском государстве Бенин, хотя там внешнее проявление культа было значительно беднее — изготавливались только бронзовые головы царских предков⁶³.

Если возвратиться теперь к другому типу зданий, превалирующему в центральной части классических городов майя, т. е. дворцам, то можно отметить и здесь несколько интересных моментов. Во-первых, дворцы сгруппированы в особый квартал или комплекс, искусственно выделенный из общего городского пейзажа, либо на вершине холма, либо на высокой общей платформе (*укрепление*). Во-вторых, хотя они стоят совсем близко от важнейших храмов, наблюдается четкое функциональное различие между *культовой группой* в виде храмов и святилищ и политико-административной и жилой частью центра (та же картина — в ацтекском Теночтитлане): возле и внутри дворцов, как правило, *нет* стел и особо пышных погребений. Как правило, храмы и дворцовые ансамбли расположены по разные стороны Главной площади города.

Однако вместе с тем дворцы тоже не были лишены какого-то проявления культа: наличие под полами и лестницами тайников с ритуальными приношениями, в отдельных случаях — алтари. Отмечено и наличие каких-то семейных святилищ, хотя это прослежено лишь для XIII—XV вв. (Майяпан), а в классическое время, видимо, преобладал общегосударственный культ царских предков. Не исключено, что дворцы почитались и служили объектом культа прежде всего как *место обитания обожествленного правителя*: на стенах и колоннах дворцов в виде рельефных панелей из штукатурки и камня или фреско-

вых росписей (Вашактун, Паленке, Лабна, Ушмаль, Сайиль, Кабах), как правило, изображены сюжеты, демонстрирующие могущество и власть правителя, его связь с грозными силами природы, плодородием и т. д. и т. п. Следовательно, и храмы (с гробницами), и дворцы, и стелы потому имеют много общих черт в проявлении каких-то ритуалов и обрядов, что все они служат одной цели, одной функции — материальному воплощению культа царя и царских предков.

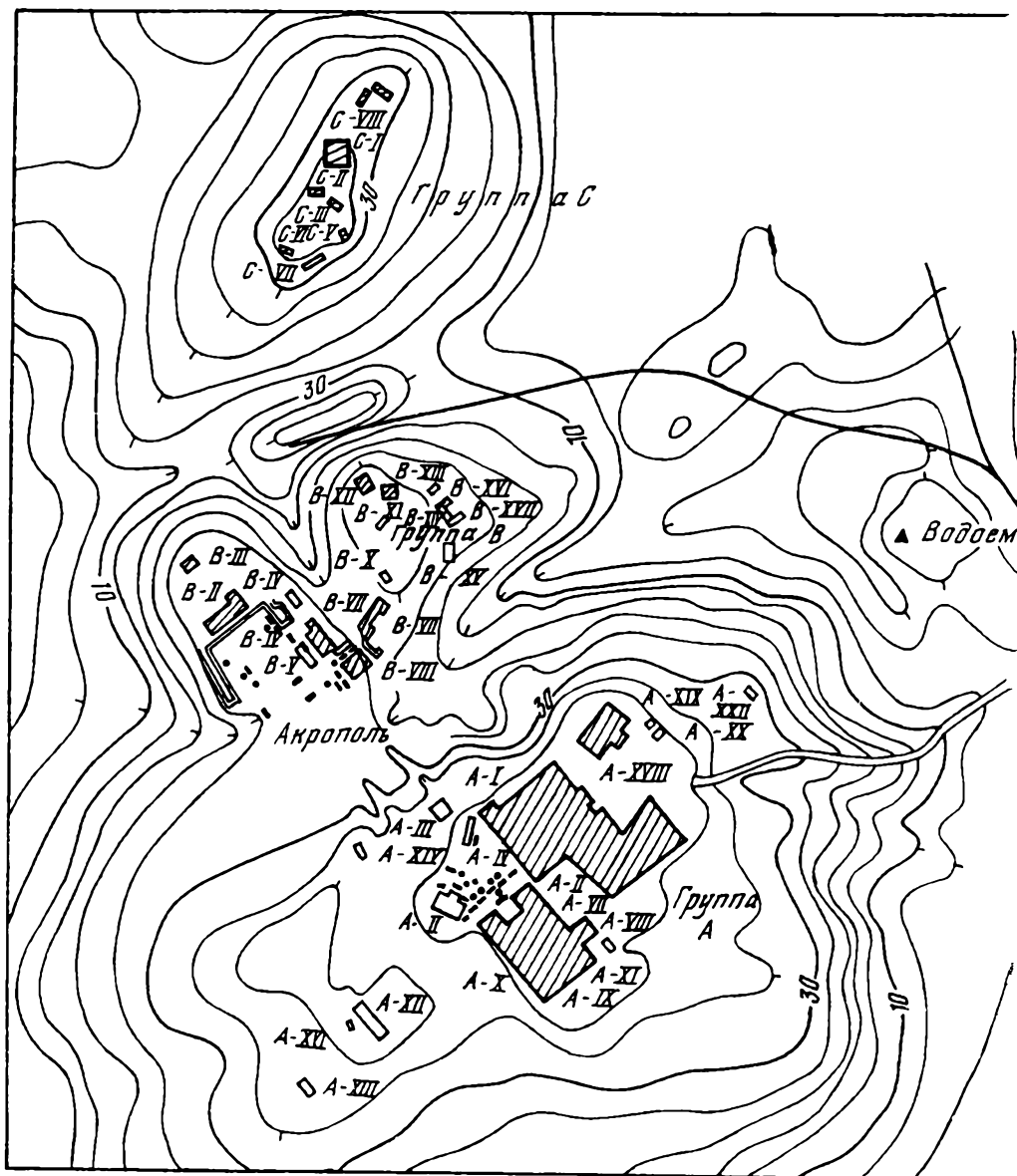
ВАШАКТУН

Руины города находятся в департаменте Петеп (Гватемала), приблизительно в 19 км севернее Тикаля. Хотя Вашактун был не так велик по размерам, как его южный сосед, он оставался на протяжении многих столетий важным политико-административным и культурным центром значительного района. В 1926—1937 гг. городище было интенсивно раскопано и исследовано археологами Института Карнеги (США)⁶⁴. Однако изучению подверглась лишь центральная часть города.

Центральное ядро Вашактуна состоит из 8 отдельных архитектурных групп, каждая из которых занимает вершину естественного холма или гряды холмов, отделенных оврагами и болотистыми низинами друг от друга. Верхние контуры этих холмов были искусственно выравнены и изменены для удобства размещения там построек. Таким образом, эти группы (названные начальными буквами латинского алфавита от «А» до «Н») внешне почти не имеют какой-либо связи, за исключением двух важнейших из них — «А» и «В», соединенных ступенчатой дорогой-дамбой из

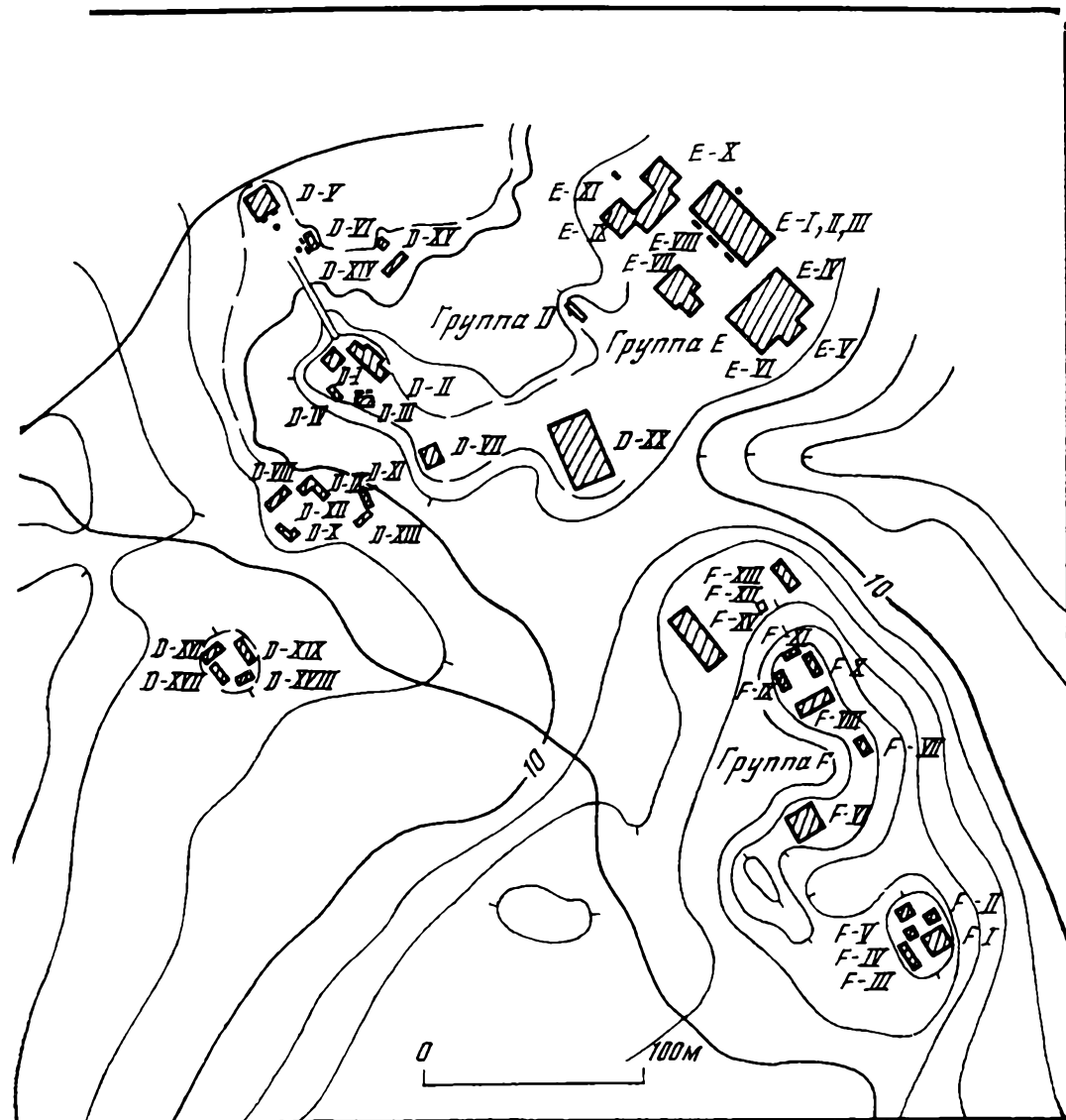
Общий план Вашактуна

камня⁶⁵. Каждая из архитектурных групп представляет собой тщательно спланированный ансамбль построек, разбитых вокруг большой прямо-

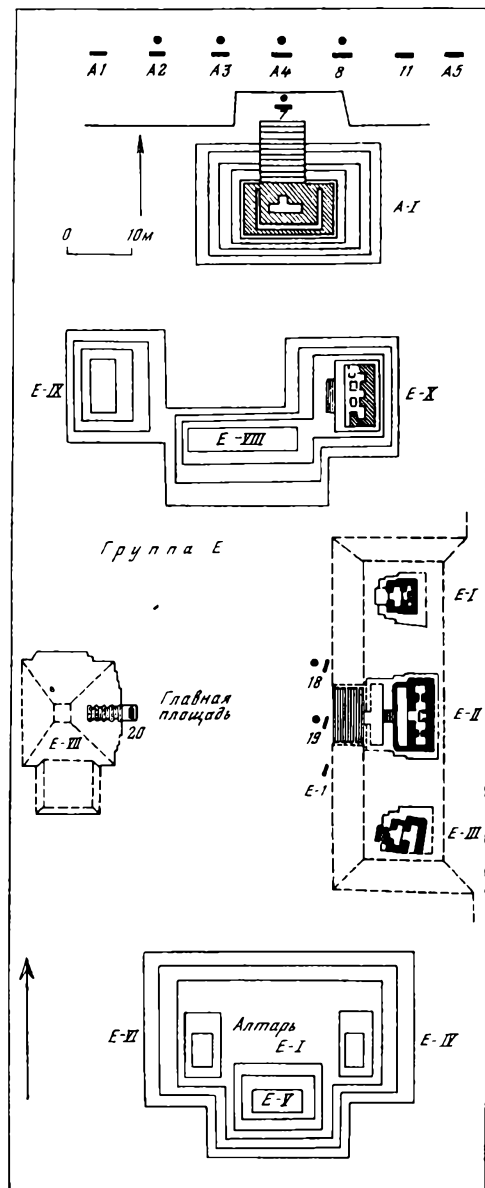

угольной площади. Более крупные группы содержат, помимо этой основополагающей единицы планировки, одну-две второстепенные площа-

ди, обрамленные, в свою очередь, различными зданиями, которые образуют подгруппы внутри более крупных комплексов.

План Группы «Е» в Вапактуне

Группа «Е» — древнейший ритуально-административный центр на территории города — приходит в упадок к концу IV в. н. э. Начиная с этого момента и вплоть до финальной страницы истории Вашактуна (конец IX в. н. э.) лидирующее положение занимают поочередно две другие группы: сначала «В», а немного позже — «А». Именно эти две группы и содержат наиболее внушительные здания города: пирамидальные храмы и дворцы. В Группе «А» представлено до 34 каменных построек, разделенных на 3 подгруппы, в том числе гигантский четырехугольный массив многокомнатного дворца А—V, возвышающийся на восточной стороне Главной площади, высокие пирамидальные храмы А—I и А—II с резными стелами у основания лестниц, дворец А—XVIII (на северо-восточной окраине группы), дворец А—XII (на западной окраине группы) и т. д.

Группа «В» состоит из 36 различных построек и структурно подразделяется на две части: основное ядро группы, разбитое вокруг Главной площади, и меньший по величине комплекс зданий, лежащих к востоку, на боковом ответвлении холма. Это многокомнатный дворец В—II, замыкающий с севера центральную площадь, дворец В—I, меньшие по размерам дворцы В—XXV, В—IX, В—XIII, В—XVII, высокий пирамидальный храм со ступенчатым сводом В—VIII, храмы В—IV, В—III, площадка для ритуальной игры в мяч — В—V и т. д.⁶⁶

Таким образом, в двух этих группах, «А» и «В», представлено наименьшей мере несколько ярко выраженных дворцовых (наиболее крупные — А-V и В-II) и храмовых

Эволюция комплекса А—V, Вашактун

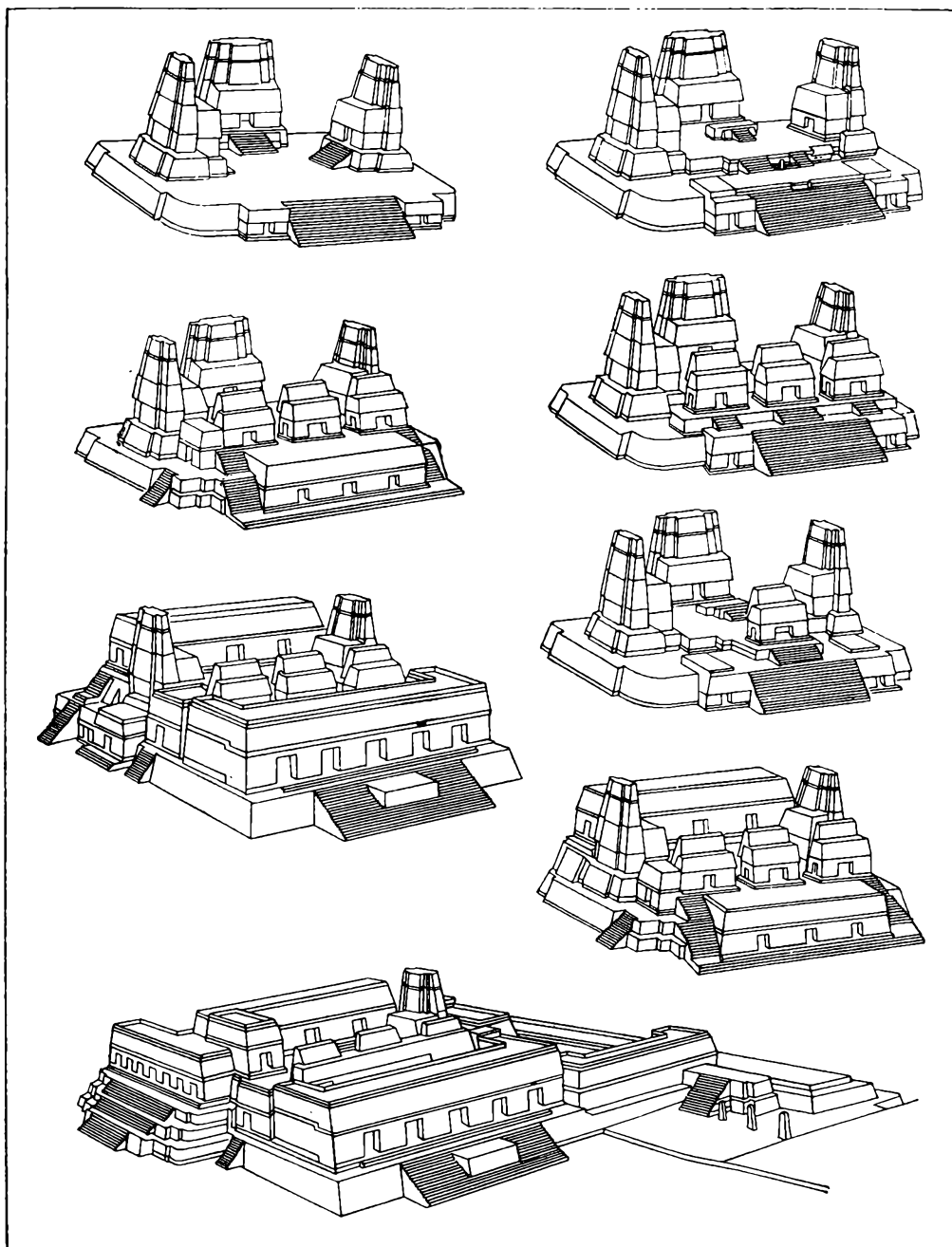

Таблица 4

Номер погребения	Местонахождение	Время	Характер погребального сооружения	Пол и возраст погребенного	Положение костяка	Ориентировка	Инструменты зубов и искусст. деформация черепа	Важнейшие черты обряда и инвентарь
А — 20	Группа «А», под стеной помещения № 7 в дворцовом комплексе А — V	Цаколь — 3 (V — VI вв. н. э.)	Каменная гробница со ступенчатым сводом	Взрослый мужчина	Лежит на спине, вытянуто	Восточная	?	Слой осколков кремня на крыше гробницы, лицевые кости и зубы отсутствуют (рит. отрубание части головы), 6 глиняных с полихромной росписью сосудов, мозаичная маска из нефритовых и пиритовых пластин, клыки ягуара и т. д.
А — 22	Группа «А», под полями помещения № 8 в дворцовом комплексе А — V	Цаколь — 3 (V — VI вв. н. э.)	Каменная гробница со ступенчатым сводом	Взрослый мужчина	Лежит на спине, вытянуто	Восточная	—	Слой осколков кремня на крыше гробницы, внутри — каменная скамья-лежанка для погребенного, передняя половина черепа у него намеренно отрублена, костяк посыпан красной краской; 35 глиняных сосудов (часть из них с полихромной росписью), иглы морского ежа, клыки ягуара, морские раковины, украшения из нефрита
А — 29	Группа «А» под помещением № 12 в А — V	Цаколь — 3 (V — VI вв. н. э.)	Каменная гробница со ступенчатым сводом	Взрослый мужчина	Лежит на спине, вытянуто	Восточная	?	Костяк засыпан красной краской, 25 глиняных (частью расписных) сосудов, нефритовые украшения, морские раковины, иглы морского ежа, жемчуг, остатки иероглифической рукописи

(важнейшие—А—I и В—VIII) комплексов в виде монументальных каменных построек со ступенчатым сводом.

Весьма интересные материалы дают и некоторые погребения Вашактуна. Исходя из того списка признаков, которые были предложены выше для определения царских захоронений, здесь можно отнести к их числу погребения А₂₀, А₂₂, А₂₃, А₃₁ и, возможно, В₁. Подробные сведения о них приведены ниже, в специальной таблице (табл. 4). Здесь же, прежде всего, следует отметить, что над всеми из упомянутых погребений были возведены храмы и святилища, все они помещались в тщательно сконструированных каменных гробницах со ступенчатым сводом (имитация дворца), и, наконец, это—самые богатые по количеству и качеству инвентаря городские захоронения⁶⁷.

На территории Вашактуна выявлено в общей сложности 26 резных стел, 3 резных алтаря и 25 гладких стел. Из этого числа 19 гладких и 20 резных стел приходится на группы «А» и «В», а группы «С», «F», «G» и «H» не имели ни одного монумента. Резные стелы, точно датированные по календарным надписям, охватывают хронологический период с 327 г. (стела 9) до 889 г. н. э. (стела 12). К сожалению, на большинстве монументов резные изображения сильно пострадали от времени и разобрать там что-либо уже не представляется возможным. Анализ уцелевших сюжетов показывает явное преобладание второй группы мотивов, названной мной условно «дипастической», т. е. правитель с атрибутами власти, на троне, и т. д. (стелы 14, 3, 9, 20). Вероятно, к «военной» группе (I группа) относится стела

5 (495 г. н. э.), где изображен человек с копьеметалкой (атл-атл) в левой руке и палицей, усаженной острыми пластинами из кремня или обсидиана,—в правой. На головном, тюбановидном уборе видна фигура птицы (попугая?)⁶⁸.

Не исключено, что была представлена здесь и ритуальная группа сюжетов. Но ни одного отчетливо выраженного экземпляра пока обнаружить не удалось (может быть, это стелы 6 и 7?).

К числу монументов, возведенных в честь окончания 10-летнего цикла, относятся 2 стелы, а 20-летнего—8⁶⁹.

Мы не знаем точных размеров Вашактуна и численности его населения. Во всяком случае, по мнению Дж. Эндрюса, оно вряд ли превышало несколько тысяч человек⁷⁰, что ставит город в ранг политико-административного и культового центра средней величины.

Очень интересен вопрос о взаимоотношении двух соседних городов—Тикаля и Вашактуна, разделенных всего 19-километровым пространством. Как могли сосуществовать (а оба города возникли к рубежу н. э. и погибли почти одновременно—в конце IX в. н. э.) в столь непосредственной близости две столь неравноценные величины: гигантский столичный город с обширной округой и средней руки провинциальный центр, хотя и с явными признаками самостоятельности в культовой и политико-административной сферах? Есть некоторые намеки на то, что (по крайней мере в позднеклассическое время) между этими городами имело место соперничество: недавно открытый оборонительный ров с камеппой стеной в несколько километров дли-

пой был сооружен жителями Тикаля на полпути между столицей и Вашактуном. Полная интерпретация назначения всех деталей этого гигантского укрепления пока невозможна, однако его наличие предполагает, что Вашактун в тот период был достаточно силен, чтобы представить угрозу для его более могущественного соседа⁷¹.

ПЬЕДРАС НЕГРАС

Древний город Пьедрас Неграс находится на северо-западе департамента Петен (Гватемала), на восточном берегу р. Усумасинты, по которой здесь проходит пограничная линия между Мексикой и Гватемалой. В 30-х годах здесь были проведены значительные археологические исследования экспедицией Музея Пенсильванского университета (США). Изучению и картографированию подверглась лишь центральная часть города, примерно 0,8 км с севера на юг и 0,5 км с востока на запад, т. е. около 40 га.

Река Усумасинта образует здесь большую дугу, к которой вплотную примыкают на восточном берегу крутые гряды известняковых, поросших лесом холмов, почти отвесно падающих к воде. На вершинах и склонах этих холмов и раскинулись городские постройки. Всего в Пьедрас Неграс выявлено и обследовано около 100 каменных зданий, причем 75 из них входило в состав центральной участка города⁷².

Центральный участок Пьедрас Неграс состоит из трех отдельных, четко выраженных архитектурных групп, каждая из которых сосредоточена вокруг своей главной площа-

ди: Южная, Восточная и Северо-Западная группы. Все три имеют между собой непосредственную связь.

Южная группа — крупнейшая и древнейшая из всех, подразделяется, в свою очередь, на две подгруппы, разбитые вокруг малых площадей и дворов. Главную площадь обрамляют только пирамидальные основания храмовых построек (U—1, U—2, U—3, U—4, U—5, U—10, U—9 и др.) Однако из-за сильных разрушений сейчас трудно определить, были ли это массивные каменные здания со сводом или легкие святилища из дерева и листьев. Большинство стел этой группы сосредоточено у подножья 13-метровой храмовой пирамиды U—5 (северо-западный угол площади), что говорит о важном значении данной постройки во всем архитектурном ансамбле — стелы 32—37⁷³. В Южной группе находятся и самые ранние монументы города: стела 30 (у храма U—4) — 534 г. н. э., стела 29 (у храма U—3) — 554 г. н. э. и т. д.⁷⁴

Восточная группа не столь сложна и многочисленна, как предыдущая. Основу ее составляют две большие храмовые пирамиды, замыкающие с северо-восточной и юго-восточной сторон главную площадь группы. Первая из них O—13 — одно из самых значительных зданий города. Это был большой, многокомнатный храм с пятью дверными проемами, обращенный фасадом к площади. Он стоит на 12-метровой пирамиде-субструкции, вырубленной из скалистого грунта видоизмененного естественного холма. Особая важность данной постройки подтверждается необычайно большим числом резных каменных стел — 10 (стелы 12—21),

расположенных у основания пирамиды на площади; наличием резных каменных притолок или панелей (притолоки 1—3, 12); множеством обломков скульптур и украшений из алебаstra от внутреннего оформления здания; размещением под полами храмовых компат значительного числа тайников с ритуальными приношениями из фигурных кремней и обсидиана и, наконец, присутствием почерневшего от огня круглого алтаря⁷⁵.

Даты десяти стел при Храме О—13 охватывают отрезок времени с 761 по 805 г. н. э. Резные притолоки имеют даты 534 г. (L—12), 667 г. (L—2) и 761 г. (L—1, L—3). Это означает, что две притолоки с более ранними датами либо принесены в храм из более древних построек, или календарная дата на них не соответствует времени их изготовления, а отражает какое-то более раннее историческое событие. В пользу первого предположения свидетельствует полное совпадение костюма главного персонажа с притолоки 2 (правитель в облачении воина) с фигурой правителя-воина на стеле 35 (657 г. н. э.)⁷⁶.

Храм О—12, расположенный на юго-востоке главной площади Восточной группы, представляет собой однокомнатную каменную постройку со ступенчатым сводом и тремя дверными проемами. Высота его пирамидального основания составляет 17 м. С храмом О—12 связаны две резные стелы — 22 и 23. (726 г. и 756 г.)⁷⁷.

Северо-Западная группа, включающая «акрополь» и другие крупные постройки, связанные с Главной площадью, является кульминационной точкой всей планировки города. Огромная площадь у подножья «акрополя», размерами 115×85 м, об-

рамлена с севера внушительным пирамидальным храмом К-5 высотой в 14 м, со стелами 38—39 и резной каменной притолокой (L—7). Под полами храма, в ритуальном тайнике-приношении, лежала алебастровая антропоморфная голова натуральной величины со следами красной росписи на лице. Аналогичный обряд был отмечен в Храме Надписей в Паленке, под пирамидой которого находилась знаменитая «гробница правителя». С северо-запада площадь замыкает «акрополь», с его пагромозженном дворцовых и храмовых построек, среди которых особенно выделяется однокомнатный храм J—4 со ступенчатым сводом и одним дверным проемом, стоящим на вершине 28-метровой пирамиды на северо-востоке ансамбля. У его подножья, на террасе, обращенной к площади, длинной цепью вытянулись резные стелы 1—8. С юго-востока дворцовые постройки «акрополя» обрамляет другой храм — J—3 (с ними связаны стелы 9—11 и 40 и притолока 5). В целом «акрополь» представляет собой часть естественную, частью искусственно сделанную гору размерами 175×245 м и высотой до 100 м (от уровня реки). Его склоны в ряде мест памерно эскарпированы. Доступ к вершине «акрополя» от поверхности Главной площади обеспечивается монументальной широкой лестницей из 37 ступеней (30 м ширины и 10,7 м высоты). Большую часть «акрополя» занимают многокомнатные длинные здания дворцов на низких платформах, группирующиеся вокруг трех внутренних дворов: J—2, J—9, J—11, J—12, J—18, J—21 и др.⁷⁸ Внутри дворцов обнаружены каменные скамейки, или лежанки. Все здания этого типа

(кроме J—12, J—19 и J—20) имели перекрытия со ступенчатым сводом. Во дворце J—6 находился каменный резной трон (трон 1). В платформе дворцового здания J—5 в ходе раскопок археологи наткнулись на каменную гробницу со ступенчатым сводом (Burial 5)⁷⁹.

Таким образом, в Пьедрас Неграс почти все дворцовые комплексы были сосредоточены в одном месте — в районе «акрополя» (Северо-Западная группа).

Всего в городе выявлено 46 резных стел и 13 скульптурных каменных притолок (по мнению Л. Саттертуэйта, они были не притолоками, а настенными декоративными панелями). Из общего количества стел только на 21 монументе изображение сохранилось достаточно четко, чтобы можно было различить его сюжет. Все стелы были связаны с храмовыми постройками. Первооткрыватель города Т. Малер описал 5 таких зданий, каждое из которых имело от 1 до 10 монументов⁸⁰. Мотивы, представленные на достаточно хорошо сохранившихся стелах, можно разделить на три группы: 1) *военная* (персонаж в пышном убранстве и воинских доспехах с копьем и щитом в руках, сцены триумфа на фоне связанных пленников); 2) *ритуальная* (ритуальный «сев», общение с божеством и т. д.); 3) *династическая* (персонаж на троне или платформе в нише).

Не вдаваясь в детали, следует подчеркнуть, что именно на материале стел из Пьедрас Неграс Т. Проскуракова довольно убедительно показала наличие светских династий правителей в классических городах-государствах майя⁸¹.

Что касается стел с датами в честь

окончания 5-летнего цикла, то их в городе найдено 14 (больше, чем где бы то ни было), 10-летнего цикла — 4, 20-летнего — 8⁸².

В настоящее время для Пьедрас Неграс известно всего 10 погребений. Среди них к разряду царских может быть отнесено погребение, найденное под платформой J—5 «акрополя». В просторной каменной гробнице со ступенчатым сводом и со скамейкой (из камня) внутри лежал скелет главного погребенного — взрослого мужчины. Он был помещен вытянуто, на спине, головой на северо-восток. Череп — искусственно деформирован, зубы — инкрустированы нефритовыми вставками. Мужчину сопровождали 2 детских скелета (7—10 лет) с разбитыми черепами (видимо, это — заупокойная жертва) Это — наиболее богатое погребение в городе: нефритовые украшения, керамические сосуды, изделия из кости, кремня, обсидиана, раковин и т. д. Близ челюстей черепа главного персонажа лежала нефритовая подвеска (напомню обычай, описанный Ландой у майя XVI в.: класть в рот умершего кусок нефрита и зерна майса). Скелет и дно погребальной камеры засыпаны красной краской. В одной из глиняных чаш лежал человеческий череп, нижняя челюсть и обломок длинной кости ноги (жертва?)⁸³.

В целом, несмотря на малочисленность погребений, Пьедрас Неграс дает наиболее впечатляющую коллекцию монументальной скульптуры, непосредственно связанной с личностью правителя, и богатый набор основных архитектурных форм крупного майяского города — «акрополь», каменные пирамидальные храмы и дворцы со ступенчатым сводом и т. д. Судя по эпиграфике, Пьедрас Нег-

рас возник сравнительно поздно — где-то в начале VI в. н. э. (514—534 гг. н. э.). Возведение датированных стел прекратилось здесь в 810 г. н. э.

ПАЛЕНКЕ

Руины Паленке — одного из наиболее значительных городов майя классического периода — находятся в северной части штата Чиapas (Мексика), близ его границы со штатом Табаско. Плоские и болотистые земли последнего постепенно повышаются к югу, до тех пор, пока не переходят в первые отроги Чиапасских гор, образующих здесь естественное плато около 70 м высотой. На север с него открывается широкий вид на бесконечные льяносы, реки, озера и болота, вплоть до побережья Мексиканского залива. Южнее, за ним стеной возвышаются высокие, поросшие тропическим лесом горные хребты. На этом плато и был построен древний город. Паленке — один из наиболее изученных памятников майя. Раскопки и исследования ведутся здесь с XVIII в.⁸⁴ Однако как и в большинстве других майяских поселений, работы затронули только самый центр города, на площади примерно 360×540 м (19,4 га). Общие же размеры «теменоса» составляют свыше 30 га. К западу (на 6 км) и востоку (на 2 км) от ритуально-административного ядра концентрируются другие, меньшие по размерам постройки, главным образом остатки жилищ. По мнению некоторых исследователей, Паленке занимал территорию не менее 16 кв. км, что ставит его в один ряд с Тикалем. Таким образом, это несомненно крупный городской центр с многотысячным

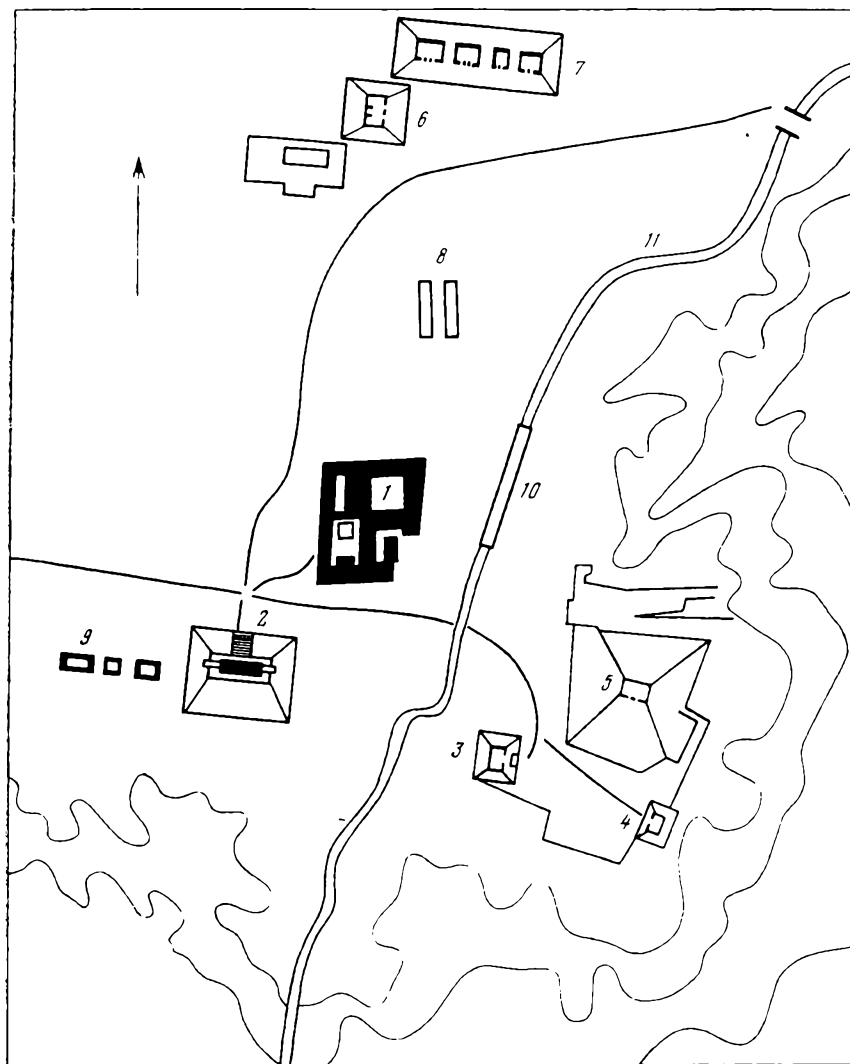
населением⁸⁵. Легко понять, почему именно это место избрали майя для строительства города. Стратегически выгодное положение (у края обрывистого плато) позволяло ему господствовать над лежащей внизу плодородной лесной равниной, которая тянется почти на 80 км к северу, до Мексиканского залива. Территорию Паленке пересекает несколько ручьев и небольших речушек, что наряду с сильно изрезанным местным рельефом создавало немало трудностей для древних строителей. Они были вынуждены провести значительные земляные работы по выравниванию поверхности с тем, чтобы было какое-то подобие порядка и организации в общем плане города. Наивысшим их достижением можно считать заключение ручья Отолум в длинную каменную трубу, что избавило обитателей центральной части Паленке от многих неудобств (паводки, грязь и т. д.).

Ядро города состоит из нескольких, хорошо выделяемых групп построек, связанных так или иначе с основным элементом всей местной планировки — обширным комплексом «Дворца», который занимает доминирующее положение на Главной площади. Близ юго-западного угла дворцового ансамбля находится Храм Надписей на продолговатой ступенчатой пирамиде, в значительной мере высеченной в скалистом грунте естественного холма. Именно здесь была найдена А. Русом знаменитая «гробница правителя». К северу и северо-западу от «Дворца» на прямоугольных террасах расположено несколько других групп каменных построек, практически еще не исследованных (Храм Графа, Северные Храмы и т. д.). Этот участок города

План центральной части Паленке

1 — Дворец, 2 — Храм Надписей, 3 — Храм Солнца, 4 — Храм Креста, 5 — Храм Лиственного Креста, 6 — Храм Графа, 7 — северные холмы, 8 — «стадион», 9 — Храм 12, 10 — акведук, 11 — р. Отолум

заканчивается крутым обрывом. К юго-востоку от Главной площади на специальной высокой террасе расположена в виде треугольника группа из трех изящных храмов, по праву считающихся жемчужиной местной архитектуры: Храм Солнца, Храм

Креста и Храм Лиственного Креста⁸⁶. На различном удалении от этих зданий видны платформы и террасы с бесчисленными руинами храмов святилищ, резиденций жрецов и знати.

Безусловно, наиболее впечатляющим сооружением Паленке является «дворец». Он возник в результате многих изменений и перестроек и в настоящем своем виде представляет собой трапециевидную в плане гигантскую платформу примерно 100 м длиной (по линии север—юг) и 75 м шириной (запад—восток). Высота варьирует от 6 до 9 м. Ось север—юг этого сооружения отклоняется от севера на 16° к востоку, как и у древних построек Центральной Мексики, хотя, возможно, это и случайное совпадение. На платформе, образовавшейся частично путем включения в нее более ранних зданий, последовательно возводились дворцовые помещения, разбитые вокруг внутренних прямоугольных дворики⁸⁷. Отдельные здания обозначены буквами латинского алфавита. Перекрытия дворца сделаны с использованием ступенчатого свода, стены (снаружи и изнутри), а также квадратные колонны обильно украшены фигурной лепкой и резьбой по слою штука и, видимо, были когда-то раскрашены в разные цвета (в ряде случаев сохранились следы окраски). Наиболее уникальным элементом дворцового комплекса является четырехэтажная, квадратная в плане башня в юго-восточном дворике. Аналогий ей нет ни в одном другом городе майя. Это сооружение было, видимо, прежде всего оборонительным, господствуя над всем городом⁸⁸.

Надо сказать, что, в отличие от дворцовых построек Тикаля, Пьедрас-Неграса, Вашактуна и других, двор-

цовый комплекс в Паленке обильно украшен резными и скульптурными изображениями, орнаментами и надписями, которые по своей тематике находят полную аналогию среди каменных монументов и рельефов указанных городов: основной сюжет — правитель и его деяния (правитель на троне и со знаками власти, в сценах культа и т. д.). Полихромные росписи и иероглифы, наносившиеся на поверхности квадратных столбов-колонн и стен, время от времени обновлялись (в ряде мест обнаружены многие слои такой росписи)⁸⁹, что напоминает практику обновления дворцов (включая замазывание старых росписей и нанесение новых) после смерти правителя у майя-киче⁹⁰.

Не менее интересные материалы дают в этом отношении и основные храмы Паленке. Все они так или иначе связаны с царским культом: либо заупокойным (гробница Храма Надписей), либо прижизненным. Об этом свидетельствуют изображения, связанные с личностью правителя, на декоративных гребнях храмов (правитель на троне и т. д.), скульптурные панели внутри и, наконец, наличие в некоторых из храмов богатых захоронений с особо пышным ритуалом.

Совершенно уникальным явлением, резко отличающим Паленку от других классических центров майя аналогичного ранга, представляется мне почти полное отсутствие каменных резных стел и алтарей в этом городе (известно всего 2 стелы). Причины его остаются пока неизвестными.

Однако, отсутствие здесь скульптурных монументов во многом компенсируется обилием функционально

близких им изобразительных сюжетов в виде резьбы и лепки по штукатурке и алебастру в храмах и дворцах города.

Паленке демонстрирует и наиболее яркие образцы заупокойного царского культа в виде гробниц лиц высокого ранга с особым ритуалом и богатыми украшениями, расположенных точно под пирамидальными основаниями храмов и часто непосредственно связанных с ними либо с помощью специальных лестниц, либо с помощью «каналов для души» — каменных труб (идущих от пола святилища до останков погребенного). Именно в Паленке впервые удалось доказать, что после сооружения пышной гробницы над ней сразу же строили храм, игравший, таким образом, подчиненную роль по отношению к погребенному (Храм Надписей).

Подробное описание всех погребений подобного рода, встреченных в процессе раскопок на территории города, можно найти в работе мексиканского археолога А. Руса Луилье (Гробница 3 в Храме XVIII—А, гробницы в Храме Льва или в Храме Прекрасного Рельефа, в Храме Креста и т. д.)⁹¹.

В Паленке древнейшие археологические материалы в виде отдельных обломков керамики, не связанной с архитектурными сооружениями, относятся, по крайней мере, к позднеархаическому времени (этап Чиканель), т. е. к концу I тысячелетия до н. э. Однако вполне осязаемые признаки появления здесь крупного и динамичного городского центра относятся только к позднеклассической эпохе⁹². Первая датированная надпись из зоны города соответствует 638 г. н. э. К VII—VIII вв. н. э.

относятся и все описанные выше образцы архитектуры. Последняя календарная дата, обнаруженная здесь, относится к 785 г. н. э.⁹³

В целом Паленке представляет собой ярко выраженный региональный культурный центр со специфическим архитектурным и скульптурным стилем⁹⁴. Обращает на себя внимание следующий любопытный факт: расположенный в 160 км к северо-западу от Паленке город Комалькалько (штат Табаско) демонстрирует такое поразительное сходство в планировке, архитектуре основных типов зданий, в скульптуре и устройстве гробниц, что вряд ли это объяснишь простым совпадением⁹⁵. Учитывая эту культурную близость и то, что Комалькалько возник позже Паленке, Дж. Эндрюс считает, что первый из них был основан колонистами из второго и впоследствии представлял собой провинциальный центр средней руки, находившийся в политической зависимости от метрополии⁹⁶. Мне представляется, что на одном археологическом материале этого вопроса решить нельзя. Возможно, что Комалькалько действительно был основан выходцами с юга. Однако наличие в городе всех признаков политико-административного и культового центра (акрополи, пирамидальные храмы, дворцы, пышная гробница с заупокойным храмом наверху и 9-литучевыми фигурами на стенах — близких по стилю оформления царской гробнице в Храме Надписей в Паленке) позволяет предполагать здесь существование вполне автономной территориально-политической единицы. Это не исключает, конечно, каких-то династических и культурных связей между названны-

ми городами и даже известной формы зависимости одного от другого, но без прочтения иероглифических текстов данный вопрос остается открытым.

АЛТАР ДЕ САКРИФИСЬОС

Этот древнемайяский город находится в юго-западной части департамента Петен (Гватемала), на левом (южном) берегу р. Пасьон, в 1,5 км от слияния последней с р. Салинас. В 1958—1963 гг. здесь вела активные полевые исследования экспедиция Музея Пибоди Гарвардского университета (США).

Постройки ритуально-административного центра Алтар де Сакрифисьос занимают холмистый участок земли до 10 м высотой над уровнем реки и площадью около 14 га (400×350 м). Общая же территория города составляет до 150 га. Он состоит из трех близко расположенных, но вполне самостоятельных архитектурных групп, обозначенных буквами латинского алфавита: «А», «В» и «С». На севере эти группы ограничены р. Пасьон, на востоке — низкой болотистой равниной, а на юге — небольшим, но глубоким (до 4 м) оврагом ручья Сан Феликс. На западе город не имеет четко выраженных границ — там находится удобная для жизни местность и несколько немногочисленных групп жилых построек, общей численностью до 40 «холмов»⁹⁷.

Согласно археологическим данным, жизнь в этом ритуально-административном центре продолжалась с 900 г. до н. э. до 950 г. н. э., т. е. около 2 тыс. лет⁹⁸. Первые следы пребывания человека на территории города относятся к началу среднеар-

ханческого этапа (этап «Ше» по местной керамической периодизации), примерно 900—800 гг. до н. э. Население этого времени было уже безусловно оседлым и земледельческим. Поселок представлял собой группу легких хижин, сделанных из жердей и прутьев, обмазанных глиной и с лиственными крышами. Никаких признаков ритуальной архитектуры еще нет. Следующий этап — «Сан Феликс» — длился с 600 по 300 гг. до н. э. Общая территория поселка почти не увеличилась. Однако здесь впервые отмечено сооружение легких святилищ на пирамидальном основании, а дома имели низкие платформы. К 300 г. до н. э. появились первые признаки формирования на территории Алтар де Сакрифисьос ритуального центра: спланированные комплексы из четырех храмов, или святилищ из дерева и глины на специальных платформах, разбитых вокруг прямоугольных площадей (Группа «В», постройки В—I, В—II, В—III, В—IV на ранних этапах их развития)⁹⁹. В течение следующих этапов — «Планча» и «Салинас» (300 г. до н. э. — 450 г. н. э.), в городе наблюдается явный рост населения: большинство жилищ было возведено именно в это время. Четко выраженный ритуально-административный центр находится теперь в группах «В» и «С». Растут размеры храмовых зданий, улучшается техника их оформления. К концу этапа «Салинас» появляются архитектурные постройки из красного песчаника, наступает «краснопесчаниковый» архитектурный период: (400—635 гг. н. э.). Из этого материала строили храмы, дворцы, гробницы, стелы и т. д. В Группе «В» представлены наиболее ранние стелы города — 10, 11, 12, 13, с

датами от 455 до 524 г. н. э. Примерно в конце раннеклассического времени началось широкое строительство в Группе «А». Была вымощена камнем большая прямоугольная площадь, и вокруг нее разместили здания из красного песчаника (здание А—I, А—II и А—III). Однако очень скоро в архитектуре стали использовать в качестве строительного материала только белый известняк (первое такое здание — А—I). Расцвет города приходится на VII—VIII вв. н. э. и связан он именно с Группой «А» (этап «Пасьон»: 600—800 гг. н. э.)¹⁰⁰.

Таким образом, можно констатировать, что на протяжении длительной истории города его главный центр перемещался из одной группы в другую.

Группа «В» — древнейшая из трех — состоит из 9 построек. Ядро ее образует прямоугольная площадь, окруженная монументальными каменными постройками: храмовыми пирамидами В—I—В—III и дворцовым ансамблем В—IV. Здесь найдено 7 стел и 9 алтарей, и все они непосредственно связаны с архитектурными сооружениями. Местная архитектурная традиция демонстрирует заметное сходство с соседними крупными ритуально-административными центрами майя, например, с Вашактупом и Тикалем. Подобно вашактунскому дворцу А—V, местный дворцовый комплекс В—IV сначала был храмом, а позднее резиденцией правителя или верховного жреца. В Тикале с конца I тысячелетия до н. э. появился обычай строить над могилами особо почитаемых лиц (вождей, царей?) легкие святылища из дерева и глины, окрашенные по слою штукатурки в красный цвет. В одной из

ранних построек храма В—I, относящейся к этапу «Планча» (300—0 гг. до н. э.), были обнаружены хорошо сохранившиеся «цементные» полы легкого здания, от стен которого уцелели лишь обломки глиняной обмазки с отпечатками прутьев и часть кусков штукатурки с поверхностью, окрашенной в темно-красный цвет¹⁰¹.

Группа «А» — самая крупная из трех — содержит 26 каменных построек. Со второй половины раннеклассического периода и вплоть до момента гибели города здесь находился его ритуально-административный центр. Специальные стратиграфические шурфы помогли определить, что первые следы пребывания человека в этом районе относятся только к протоклассическому этапу «Салинас» (первые века н. э.). Однако скольконибудь широкое строительство в Группе «А» началось лишь в конце раннеклассического времени. Тогда группа представляла собой большую прямоугольную площадь размерами 280×80 м, которую окружали постройки из красного песчаника — А—I, А—II и А—III. Позже их сменили здания из белого известняка (около 635 г. н. э.), больших, истинно монументальных пропорций, включившие в свои субструкции и остатки прежних сооружений. Дворцовое здание А—I обрамляет площадь с севера. Вместе с постройками А—VII, А—VIII и А—IX, примыкающими к нему с запада, А—I образует огромный акропольный или дворцовый комплекс: на большой насыпи были разбиты внутренние дворы, окруженные платформами, на которых, безусловно, находились когда-то дома из дерева и глины¹⁰². Самый поздний строительный период этой гигант-

ской дворцовой платформы (А—I) можно датировать по двум стелам, стоящим у ее южного фасада (стела 4 с датой 642 г. н. э. и стела 5—652 г.)¹⁰³.

Эта постройка заметно отличается от других описанных выше дворцов I тысячелетия н. э. с территории Центральной области майя. Во-первых, здесь впервые резные стелы связаны не с храмом, а с дворцовой постройкой. Во-вторых, под центральной лестницей здания, ведущей к площади, находились тайники с ритуальными приношениями (*caches* 34—36, 43)—9 фигурных кремней, кусочки необработанного нефрита, морские раковины, иглы морских ежей (некоторые со следами красной краски), обсидиановые ножевидные пластинки и позвонки рыб¹⁰⁴. Подобного рода ритуальные приношения в тайниках встречаются, как правило, в других классических городах майя только под стелами и алтарями, либо как посвятельные жертвы при возведении и перестройке храмовых комплексов. Остается предполагать, что, видимо, у жителей Алтар де Сакрифисьос дворец правителя функционально приравнивался храму (как жилище обожествляемого монарха).

На восточной стороне площади стоит большой холм А—III—ступенчатая пирамида на низкой платформе. Единственная лестница вела от платформы к плоской вершине пирамиды, где был помещен в древности резной алтарь (алтарь 5) из белого известняка. Под этим монументом обнаружен ритуальный тайник с фигурными кремнями (10) и фигурными кусочками обсидиана (8). Никаких следов постройки наверху, даже из самых легких материалов, в ходе

раскопок не прослежено. Однако существование такого легкого храма или святилища в данном месте все же целиком не исключено.

Это тем более вероятно, что именно внутри платформы А—III находились три наиболее богатые гробницы города с пышным погребальным ритуалом (*Burials* 88, 96 и 128)¹⁰⁵.

В конце существования Алтар де Сакрифисьос посредине древней центральной площади возвели площадку для ритуальной игры в мяч—А—V¹⁰⁶, поделившую прежнюю большую площадь на две самостоятельные единицы—Северную и Южную площади.

В районе Северной площади, во взаимосвязи с постройками А—I, А—II или чуть поодаль от них, находились и почти все резные стелы Группы «А» в количестве 9 штук (стелы 1—5, 7, 15—17)¹⁰⁷.

В настоящее время в Алтар де Сакрифисьос известно 19 стел, из которых 16—резные и 3—гладкие. Каменных алтарей найдено 29: 7 резных, 19 гладких и 3 чашеобразных¹⁰⁸. Древнейшая из датированных стел относится к 455 г. н. э. (стела 10), а последний монумент «Начальной серии»—к 771 г. (стела 16)¹⁰⁹. Однако самая поздняя стела была возведена в городе, видимо, где-то в 849 г. н. э. (стела 2), хотя здесь мы видим уже другую календарную систему («Короткий счет») и одно лишь изображение гигантского иероглифа «Ахав» на фасаде¹¹⁰.

Все резные монументы города подробно рассмотрены в монографии Джона Грэхема¹¹¹. Здесь же достаточно указать, что наиболее ранние стелы связаны с Группой «В» (их даты приходятся на 455—524 гг.) и не имеют никаких изображений—

только надписи. И тот факт, что позднее на многих монументах появляются портреты каких-то лиц высокого ранга, свидетельствует, вероятно, о том, что некалендарные тексты, сопровождающие эти изображения, могут освещать какие-то династические или исторические события¹¹².

Как и в других классических центрах майя, некоторые стелы в Алтаре Сакрифисьюс были еще в древности либо намеренно разбиты, либо переставлены в другое место для вторичного использования¹¹³. Учитывая тесную связь резных монументов с правящими династиями майяских городов I тысячелетия н. э., есть все основания считать намеренную порчу и перестановку стел отражением каких-то культовых и политических событий внутри правящей верхушки.

Из 16 резных стел изображения сохранились лишь на 9 (на остальных — только надписи), а разобрав сюжет можно вообще только на 4: стелы 1 (662 г.), 7 (711 г.), 9 (633 г.) и 16 (751 г.). Все они относятся к группе мотивов, условно названной мной «династическая» (группа II): лицо высокого ранга изображено в пышном костюме и вычурном головном уборе, держащим поперек груди «ритуальную полосу» — символ царской власти. Это тем более удивительно, что уже с VII в. н. э. в подавляющем большинстве городов Центральной области майя более архаичные атрибуты власти правителя («ритуальная полоса») были заменены новыми — «скипетром» и круглым щитом с маской солнечного божества¹¹⁴.

Что касается монументов в честь окончания определенных календарных циклов, то в Алтаре Сакрифисьюс известны сейчас 1 стела в

честь 5-летнего цикла, 1—10-летнего и 1—20-летнего¹¹⁵.

В процессе раскопок в городе обнаружено 136 погребений разных типов и разного времени. Они встречались в руинах жилищ, дворцах, храмах, под вымосткой площадей и т. д. и представляют все социальные группы майяского общества¹¹⁶. Однако в данном случае нас прежде всего интересуют наиболее богатые и пышные захоронения, которые можно связать с династиями местных правителей. Таких захоронений известно пока три: погребения 88, 96 и 128. Наиболее впечатляющим из них является, бесспорно, погребение 128.

Оно находилось в Группе «А», в пирамидальной постройке А—III, на южном ее конце, и было связано с 4-м строительным периодом этого сооружения. На дне шахты, пробитой сверху сквозь платформу, была устроена из блоков белого известняка прямоугольная камера размерами 3,5×1,5 м и высотой около 1 м. Перекрытие плоское, в виде деревянных балок, накрытых, видимо, циновками и слоем известкового раствора. На крыше, сверху, лежал толстый слой осколков кремня — не менее 8—9 тыс. штук. Внутри гробницы, вытянуто на спине, головой на восток, на истлевшей циновке лежал скелет женщины 40—44 лет. Череп — со следами искусственного уплощения лобной части; зубы — инкрустированы вставками из нефрита и пирита; во рту — нефритовая бусина, а рот закрыт сверху раковиной «Спондилус»; на черепе — глиняный сосуд с дыркой (ритуальная порча предмета) в днище; в районе таза, ступней и головы — древесные угольки. Покойницу сопровождал богатый

и разнообразный инвентарь: 15 глиняных сосудов (среди них — триподное блюдо с полихромной росписью и знаком «Ахав» — символ верховной власти; «ахав» — «царь», «владыка») посредине, полихромная ваза с изображением правителя на троне и иероглифической надписью, глиняные украшения для ушей, покрытые слоем штукатурки и полихромными росписями, иглы морского ежа (часть из них — с надписями), раковины «Спондилус», глиняная маска с реалистически изображенным человеческим лицом (чуть меньше натурального размера), сланцевое зеркало, жемчуг, 476 бусин из жадеита, 538 бусин из раковин и множество других украшений — трубочек, пронизок, дисков, бусин (из глины, раковин, камня). Погребение датировано керамическим этапом «Поздний Пасьон» (700—900 гг. н. э.)¹¹⁷. Вполне очевидно, что и очередная перестройка платформы А—III была связана с возведением святилища или какого-то иного легкого сооружения над этой гробницей. Принадлежность погребения 128 к разряду царских не вызывает сомнения у большинства исследователей¹¹⁸. Единственный смущающий момент состоит в том, что это погребение женское. Возможно, перед нами — исключительный случай, когда власть после смерти правителя захватила его жена. Возможно, это средних лет дама была матерью не достигшего совершеннолетия наследника и выполняла при нем роль регентши. Однако факт остается фактом: в Алтар де Сакрифисьос по всем классическим канонам царских захоронений была в конце I тысячелетия н. э. погребена какая-то знатная женщина.

Погребение 88 находилось в той

же платформе А—III, во впускной яме, на глубине 2,5 м от поверхности платформы. В могиле лежал скелет мужчины средних лет, вытянуто на спине, головой на восток. Череп его обильно посыпан красной краской. Погребенный имел 13 глиняных сосудов (в том числе — с полихромной росписью), раковины, 33 бусины зеленого камня, украшения из жадеита, обсидиановый нож, деревянный, окрашенный в голубой цвет предмет. В целом погребение выглядит весьма скромным и по обряду, и по инвентарю¹¹⁹. Дата его — IX в. н. э.

Наконец, погребение молодой женщины (96) в каменной гробнице, было обнаружено неподалеку от погребения 128, в постройке А—III. Самой поразительной находкой явился здесь цилиндрический полихромный сосуд с весьма интересной сценой — группа людей, участвующих в каких-то похоронных обрядах, включая и человеческие жертвоприношения. Погребение точно датировано по одной календарной надписи 754 г. н. э. Вслед за сооружением этой гробницы последовала и очередная перестройка платформы А—III (заупокойный храм?)¹²⁰.

На фоне других классических городов Центральной области, таких, как Тикаль, Йашха, Йашчилан и других, Алтар де Сакрифисьос выглядит довольно скромно и по своим размерам, и по своим материальным показателям — количеству и качеству монументальной архитектуры, резных стел и прочих мотивов искусства.

К западу от трех ритуально-административных групп («А», «В» и «С»), составляющих центральное ядро города, выявлено несколько десятков платформ рядовых жилищ. Они

тянутся на 700—1000 м западнее Группы «В». Общее их число (из тех, что обнаружены и нанесены на карту) равно примерно 54. Согласно вычислениям О. Л. Смита, каждый такой дом был населен семьей из 5—6 человек, что дает в совокупности 300 человек. Вполне очевидно, рассуждает далее ученый, что 300 человек не могли снабжать продуктами и вести строительство в городе такой величины, как Алтар де Сакрифисьос, и, следовательно, перед нами — типичный ритуальный центр, живший за счет окрестных земледельческих селений ¹²¹.

Мне представляется, что этот вывод носит несколько преждевременный характер. При взгляде на карту города хорошо заметно, что выявлено и нанесено на план в жилых районах лишь ничтожное число построек — естественно, наиболее заметных в условиях густой тропической растительности. Не исключено, что и на этой значительной территории (свыше 100 га) расположены еще десятки, а то и сотни малозаметных и внешне неопределимых остатков жилищ основной массы городского населения. Некоторое представление о городской округе дают следующие косвенные данные: ближайшие месторождения камня, широко использовавшиеся при строительстве в Алтар де Сакрифисьос, находились соответственно в 21 км вверх по течению р. Пасьон (белый известняк) и в 9 км (красный песчаник) от города ¹²².

Прямо через реку от центра города находятся две группы небольших холмов — остатки жилых построек, названные «Мильпа Клементе» и «Эль Трапиче». Они так близко отстоят от Алтар де Сакрифисьос, что

вполне могли входить непосредственно в его состав ¹²³. Вверх по течению р. Пасьон, в 6 и 12 км от города, находятся еще два небольших древних поселения классического времени — Планча Пьедра и Эль Порвенир. Помимо этих деревушек, в ближайшем районе отмечены и более значительные памятники, подпадающие под графу «малые ритуальные центры» схемы У. Булларда: Эль Пабельон (в 2 км ниже устья р. Пасьон и в 4 км от Алтар де Сакрифисьос) с одной резной стелой и двумя небольшими храмовыми постройками ¹²⁴; Ла Амелия (в 12 км от города, имеет террасу с монументальной лестницей, украшенной скульптурой, и одну резную стелу) ¹²⁵; Эль Карибе и Агуас Кальентес (оба имеют по несколько резных стел); Ла Флорида; Лагуна Ишкоч (в 4 км ниже устья р. Пасьон, на гватемальском берегу р. Усумасинты — 10—12 небольших холмов, стел нет) ¹²⁶. Таким образом, перед нами — типичный город-государство классического периода с 8—10 подвластными селениями и общей территорией в 250—300 кв. км.

ЙАШЧИЛАН

В отличие от предыдущих городов, систематических раскопок здесь никогда не велось: все побывавшие в Йашчилане исследователи (с конца XIX в.) описывали и картографировали лишь центр города: его основные сооружения, скульптуру и эпиграфику ¹²⁷. В конце 1973 — начале 1974 г. здесь приступила к широкому археологическому исследованию экспедиция Национального института антропологии и истории Мексики. Однако до сих пор о результатах двух сезонов работ опубликовано

лишь короткое предварительное сообщение¹²⁸.

Руины Йашчила на расположены на левом (юго-западном) берегу р. Усумасинты, в штате Чиapas (Мексика), примерно в 48 км вниз по течению от Пьедрас Неграс. Основная часть ритуально-административного центра города протянулась в виде цепи площадей и зданий вдоль речного берега почти на 1 км. Однако несколько других групп построек было возведено на крутом плато и вершинах гряды холмов, примыкающих к плоскому берегу Усумасинты. Многие здания обращены фасадами к реке. Какая-либо четко выраженная ориентировка здесь отсутствует¹²⁹. Таким образом, древние майя полностью использовали особенности местного изрезанного рельефа для создания своего типичного архитектурного ансамбля из прямоугольных площадей и окружающих их храмов, дворцов, общественных сооружений и т. д.

Основная группа построек образует два неправильных ряда по обеим сторонам длинной и узкой Главной площади, вытянувшейся вдоль ровной полосы речного берега¹³⁰.

С запада к этому главному архитектурному комплексу прилегают другие значительные ансамбли, расположенные на вершинах высоких и крутых холмов: «Главный Акрополь», с великолепным зданием паверху (Str. 33) и состоящий еще из 9 зданий; «Южный Акрополь» с храмовыми и дворцовыми постройками (Strs. 39—41) и несколькими стелами; и «Западный Акрополь» — самый высокий участок Йашчила на с ансамблем различных монументальных сооружений.

Жилые районы на существующей

карте города не обозначены, и исследования их не проводились. По отдельным высказываниям авторов, побывавших в городе, можно утверждать, что остатки небольших построек наверняка есть на западном краю

Мотив правителя в монументальной скульптуре майя

I — группа мотивов («военная»), сцена триумфа. Йашчила, стела 20

Йашчилана¹³¹. Вполне вероятны и другие жилые группы на периферии ритуально-административного центра.

В Йашчилане, по данным С. Морли, насчитывается сейчас 30 резных стел и одна гладкая, 21 резной алтарь, 59 резных каменных притолок и несколько лестниц с иероглифическими надписями на ступеньках (Strs. 44 и 5). Причем резные притолоки — по своему местонахождению в храмах (и реже — во дворцах), изобразительным мотивам и наличию календарных дат по эре майя и иных надписей — функционально абсолютно тождественны стелам. Из 30 резных стел определить изображения удалось (из-за плохой сохранности) только на 13¹³². Здесь представлены все три выделенные мною группы мотивов: I — «военная» — особенно обильная в этом городе (стелы 2, 5, 7, 10, 15, 16, 18, 19, 20); II — «династическая» (стела 11); III — «ритуальная» (стелы 6, 9, 27). Стела 1 возведена в честь окончания 10-летнего цикла, 3 — в честь окончания «катунов» (20-летья), и 2 — в честь 5-летья.

Что касается резных каменных притолок, то из 59 известных экземпляров 19 имеют только иероглифические надписи, а остальные — еще и изобразительные сюжеты¹³³.

Суммировав все известные в городе эпиграфические и скульптурные памятники, Т. Проскурякова сумела выделить среди них «каменную летопись» о жизни и деяниях трех правителей Йашчилана, получивших условные названия «Щит-Ягуар», «Птица-Ягуар» и «Птица-Лапа Ягуара» по внешнему виду связанных с этими лицами иероглифов¹³⁴. Эта исследовательница проследила по календарным датам и сопровождающим их

сюжетам основные деяния упомянутых правителей города: рождение, восшествие на престол, победоносные войны с соседями, участие в религиозных церемониях (в том числе поклонение своим обожествленным предкам), «династические» сцены: получение и демонстрация символов власти — «скипетров» и щитков, «ритуальных полос» и т. д.¹³⁵ Для нас особый интерес представляют выводы Т. Проскуряковой относительно некоторых построек Йашчилана. «...Скульптуры и надписи из здания 44, — пишет она, — содержат наиболее полный отчет о жизни «Щита-Ягуара», отмечая его военные успехи... Самая поздняя дата относится, по Эрику Томпсону, к 731 г. н. э., когда «Щиту-Ягуару» должно уже было быть около 90 лет... Таким образом, вполне возможно, что данное сообщение (с датой 731 г. н. э. — В. Г.) было высечено уже после его смерти...»¹³⁶ Есть и другие указания на то, что ряд сообщений на притолоках и стелах, посвященных «Щиту-Ягуару», были сделаны уже посмертно. Не упуская из виду этого важного обстоятельства, вернемся к описанию здания 44 и связанных с ним монументов.

Оно находится на «Западном Акрополе» и представляет собой длинную продолговатую постройку, внутреннее пространство которой разделено контрфорсами на 5 помещений. Внутрь ведут три дверных проема с резными притолоками (Lintels 44, 45, 46, 692 г.) и от террасы к дверям — лестницы из двух ступеней с иероглифами. На платформе, перед фасадом храма, лежат правильными рядами пять разбитых резных стел (21, 23, 14, 17, 22). На резных притолоках изображен хорошо знакомый

нам мотив из «военно-триумфальной» группы (правитель с копьем в руке хватает стоящую перед ним на коленях человеческую фигуру меньшего масштаба за волосы)¹³⁷. Изображения на стелах различить не удалось ввиду их плохой сохранности.

В здании есть и самая длинная иероглифическая надпись города в честь какой-то крупной военной победы.

Подлинным мемориалом в честь военных побед «Щита-Ягуара» служило здание 41, перед фасадом которого на террасах-платформах было установлено 5 резных стел с алтарями (стелы 15, 16, 18, 19, 20 с датами 667—692 гг. н. э.). На всех стелах запечатлен канонический мотив победы, завоевания: грозный правитель с копьем в руке и стоящая перед ним на коленях жалкая фигурка связанного пленника, олицетворяющая разгромленного врага.¹³⁸ Рядом стоящее храмовое здание (Str. 40) имеет перед фасадом 3 резные стелы с алтарями — (стелы 11, 12, 13, датируемые 752 г.). Т. Проскурякова считает, что на стеле 11 изображена «Птица-Ягуар» (сын «Щита-Ягуара») в маске божества солнца с подданными у своих ног, а выше — в небесном картуше — его умерший и обожествленный отец — «Щит-Ягуар». На стеле 12 надпись рассказывает о смерти «Щита-Ягуара», а стела 13 дает его портрет с длинным жезлом в руке¹³⁹.

Таким образом, это — храмы в честь обожествленных предков царской династии (к их числу относится и здание 16 с притолоками 38, 39, 40 в главной группе, почти на берегу реки). Особенно много таких монументов и сооружений посвящено «Щиту-Ягуару», на основании чего Т. Проскурякова считает, что он был основателем новой династии и впослед-

ствии различные лица претендовали на престол, ссылаясь на свое прямое родство с ним путем изготовления и установки соответствующих скульптурных памятников с надписями¹⁴⁰.

К числу дворцовых относится в Йашчилане постройка 33 на «Главном Акрополе». Она стоит на низкой платформе, к вершине которой ведет лестница с пилонами. У основания платформы — 1 резной и 1 гладкий алтарь. Сам дворец представляет собой длинное большое помещение, разбитое внутри наподобие комнат семью контрфорсами. На фасаде имеются три дверных проема с резными притолоками (Lintels 1, 2, 3). Крышу здания со ступенчатым сводом увенчивал высокий резной гребень, центральную часть которого занимала по фасаду ниша с большой алебастровой скульптурой в круглом рельефе. Она изображает сидящего на троне персонажа в пышном костюме и головном уборе в виде маски ягуара и перьев, т. е. правителя¹⁴¹. По этой детали и по наличию алтарей постройка 33, скорее, напоминает храм, нежели дворец. Но мы знаем, как часто храмы майя трансформируются во дворцы и как близки они друг другу по оформлению и обрядности. На притолоках здания 33 изображено два персонажа (один большего размера, другой — меньшего) в костюмах правителей и с различными символами власти в руках. Возможно, что здесь воплощена сцена символической передачи власти от одного правителя (если учитывать характер большинства разобранных скульптурных памятников Йашчилана, то речь идет, видимо, о божественном предке) другому.

Если судить по эпиграфике, то наиболее ранняя календарная дата

Правитель в культовой сцене

III («ритуальная») группа мотивов, Яшчилан, притока 43

на территории города относится к 514 г. н. э. (стела 27), а наиболее поздняя — к 810 г.¹⁴², что примерно отражает и общие хронологические пределы существования Яшчилана.

КОПАН

Одним из наиболее выдающихся центров майя в I тысячелетии н. э. был Копан, расположенный на крайнем юго-востоке Центральной области, в предгорьях Западного Гондураса. Этот город удален от других классических центров по меньшей мере, на полторы сотни километров, но вместе с тем общий облик его культуры, бесспорно, самым теснейшим образом связан с традициями древних памятников Петена и Белиза (Британского Гондураса). Копан — далеко выдвинутый к югу форпост майяской цивилизации, который окружали племена центрально-американских индейцев — пайя, ленка, хикаке и другие, находившиеся на более низком уровне развития, чем майя. Копан — ярко выраженный региональный центр в области архитектуры и скульптуры, по праву считающихся наивысшим достижением майяской цивилизации I тысячелетия н. э.

Руины Копана расположены в долине р. Копан, на крайнем западе республики Гондурас, на высоте около 600 м над уровнем моря. В этом месте река вырывается из узкого горного ущелья и течет в общем направлении на запад через долину, имеющую в самой широкой части 2,5 км ширины и 13 км в длину. Боковые стороны долины образованы круто вздымающимися склонами гор, наиболее высокие вершины которых достигают 900 м высоты. Таким образом, природа создала здесь замкнутый со всех сторон горными цепями «райский уголок» — небольшую долину (около 30 кв. км) с плодородными почвами, прекрасным здоровым климатом и

обильными источниками воды (ручьи, родники, р. Копан). Год делится на два периода: сухой (январь — май) и дождливый (середина мая — конец декабря), когда выпадает почти вся норма годовых осадков (150—200 см). В сезон дождей р. Копан подвержена разливам. Она выходит из берегов и затопляет низкие части долины, делая почву исключительно плодородной. Это позволяет сейчас местным земледельцам (так, видимо, было и в древности) собирать *до четырех урожаев маиса в год*, причем наиболее скороспелые его сорта созревают здесь всего за 45—60 дней. Район Копана обладает богатой и разнообразной тропической флорой и фауной. Здесь встречается много диких съедобных плодов и фруктов: сапоте (*Achradelpha mammosa*), гуайяба (*Psidium guajava*), разные пальмы и т. д. Животный мир представлен двумя видами оленей (белохвостый и лесной), пекарки, тапиром, муравьедом, агути, обезьянами, ягуаром, оцелотом и т. д.¹⁴³

Мы не располагаем данными о точных границах древнего города и его внутренней структуре, поскольку изучению до сих пор подвергалась в основном лишь центральная группа архитектурных сооружений в районе «акрополя». С. Г. Морли указывает, что «все дно этой небольшой долины площадью в 30—35 кв. км было усеяно следами былой жизни — разрушенными каменными зданиями, платформами, пирамидами, лестницами, разбитыми скульптурами, керамикой и каменными орудиями...»¹⁴⁴. Другие исследователи отмечают наличие сотен небольших холмов — остатков жилищ — на периферии и то, что с Копаном связано еще не менее 16 групп построек, удаленных от город-

ского ядра на расстояние свыше 10 км¹⁴⁵.

Главная архитектурная группа «Main Structure» города расположена приблизительно в центре долины, на северном берегу р. Копан. В результате изменения русла реки в более позднее время значительная часть этих сооружений была размыта и уничтожена водой, так что сейчас там образовался вертикальный обрыв в 33 м высотой и 100 м длиной — гигантский разрез многовековых напластований ритуально-административного ядра города.

Главная архитектурная группа состоит из 5 больших площадей (дворов), окруженных пирамидами, платформами, храмами и дворцами, которые занимают общую площадь около 25 га.

Наиболее высокая часть группы представляет собой гигантское неправильной формы нагромождение пирамид, храмов и площадей — собственно «акрополь». Он вздымается на 40 м над уровнем реки и виден практически со всех концов долины. Здесь находятся наиболее важные храмы и монументы и здесь несомненно была сконцентрирована вся политико-административная и культовая жизнь города. Акрополь имеет три площади (или двора): Восточный двор, Западный и двор Иероглифической Лестницы. Все главные постройки обращены фасадами к одной из этих площадей: здания 18, 19, 20, 21, 22 — к Восточному двору; здание 16 — к Западному; здания 7, 9—11, 26 — к двору Иероглифической Лестницы¹⁴⁶. Видимо, «акрополь» в окончательной своей форме сложился в результате постепенного и длительного развития, путем многочисленных при-

строек и изменений. Об этом говорят хотя бы 6 слоев вымосток на Восточном и Западном дворах. По мнению С. Морли, которое основано на датах стел, «акрополь» возник где-то около 652 г. н. э. и был завершен примерно в 771 г. н. э., т. е. создавался и видоизменялся в течение 120 лет¹⁴⁷. С севера к Акрополю примыкают еще две большие площади — Средний двор и Главный двор (Амфитеатр). Последний окружен ступенчатыми трибунами, или сиденьями для зрителей, и содержит большинство известных в Копане резных стел и алтарей, стоящих, в отличие от других городов майя, вне видимой связи с какими-либо архитектурными сооружениями¹⁴⁸.

В главной архитектурной группе Копана необходимо обратить особое внимание на три интересные постройки — храм 26 с великолепной Иероглифической Лестницей, храм 22 с пышной орнаментацией и скульптурами и, наконец, дворец 11. Вот как описывает этот дворцовый ансамбль Р. В. Кинжалов: «Дворец 11 является самым обширным зданием главной группы. Фасад его обращен на север, поэтому с площадки перед ним открывается вид на «Площадь Иероглифической Лестницы»... Внутренние помещения по своей планировке напоминают тикальские: из центральной комнаты, имевшей три входа... можно попасть или в две задние, расположенные по бокам галереи, или в две следовавшие друг за другом небольшие комнаты; последняя из них открывалась на юг. Дверные проемы, а также ведущие к ним ступени лестницы были украшены панелями с надписями и рельефами, изображающими головы змей, двухголового дракона и сидя-

щие человеческие фигуры... По-видимому, дворец 11 был двухэтажным»¹⁴⁹.

С востока двор (или площадь) Иероглифической Лестницы обрамляет высокий пирамидальный храм — постройка 26. От самого храма, к сожалению, мало что осталось, но археологам удалось восстановить его размеры и план. «Судя по этим данным,— пишет Р. В. Кинжалов,— оно имело одну небольшую комнату с обычным сводчатым перекрытием. Культовое значение его, однако, было очень велико. Об этом свидетельствуют надписи фигурными иероглифами, помещенная, как фриз, на внутренних стенах и нижней части свода, а также необычайно богатое, даже для копанской архитектуры, убранство центральной лестницы. Эта лестница, названная „Иероглифической“, — замечательный пример гармонического сочетания архитектуры п скульптуры, очевидно, один из самых выдающихся памятников монументального искусства Копана. Ширина ее равняется 8 м..., длина около 30 м... Вертикальная поверхность каждой из 63 ступеней сплошь покрыта иероглифами. Общее число знаков достигает 2500; они составляют самую большую иероглифическую надпись майя... Большинство исследователей считает, что содержанием надписи является историческое повествование, охватывающее промежуток примерно в двести лет (судя по имеющейся в ней самой ранней и самой поздней дате).

Поражает исключительно богатое скульптурное убранство лестницы. На широких балюстрадах размещены идущие цепочкой стилизованные изображения змей и маски в виде голов птиц, вероятно сов... У подно-

жия, посередине, стоит большой алтарь с рельефной композицией наверху и изображением гигантской змеиной маски на передней части. Рядом с алтарем находится высокая стела «М». Через каждые десять ступеней помещены круглые скульптуры в виде сидящих на тронах человеческих фигур в парадных одеяниях и причудливых шлемах с пышными плюмажами; всего таких фигур пять. Еще несколько лежащих фигур, выполненных в низком рельефе, прикреплены без всякой симметрии на ступенях среди иероглифических знаков...»¹⁵⁰.

Стела «М» имеет под своим основанием тайник в виде каменной крестообразной камеры со ступенчатым сводом и в нем 30 глиняных сосудов (в том числе с полихромной росписью), несколько кусков нефрита и раковина «Спондилус». Дата на стеле соответствует 756 г. н. э.¹⁵¹ На лицевой стороне ее изображено лицо высокого ранга в пышном костюме и вычурном головном уборе с «ритуальной полосой» поперек груди.

Мне представляется, что храм 26 со всеми его сопутствующими деталями — не что иное, как святилище в честь царских предков: об этом свидетельствует наличие большого иероглифического текста исторического содержания, пяти статуй разных правителей, сидящих на тронах (по стилю они очень похожи на статуи с гребня здания 33 в Йашчилане и скульптуры с гребней заупокойных царских храмов в Пьедрас Неграс и Тикале), и, наконец, непосредственная близость расположения храма к дворцу правителя Копана (здание II), что отмечено и в Паленке, и в Тикале.

Правитель с символом власти («ритуальная полоса»)

II («династическая») группа мотивов, Копан, стела «С»

Весьма вероятно, что аналогичную функцию выполнял и другой замечательный архитектурный памятник города — храм 22, посвященный, по словам Р. В. Кинжалова, «культу воскресающего и умирающего божества растительности» (маиса)¹⁵². Если это так (а в пользу такого предположения свидетельствуют многочисленные скульптуры и детали орнамента храма 22), то здесь уместно напомнить храмово-погребальные комплексы правителей Паленке (Храм Надписей, Храм Креста, Храм Лиственного Креста), где аналогичные сюжеты запечатлены с еще большей наглядностью и полнотой.

По надписям на стелах, Копан существовал с 460 по 801 г. н. э., однако, судя по археологическим данным, город возник еще в позднеархаическое время, со второй половины I тысячелетия до н. э.¹⁵³ Всего в городе выявлено 38 резных стел и почти такое же количество алтарей. Из них подавляющее большинство монументов приходится на конец 10-летнего и 20-летнего циклов. На стелах Копана представлена в целом только одна группа мотивов — «династическая»: правитель держит символ своей власти — «ритуальную полосу». Даже когда в других городах Центральной области майя с VII в. н. э. получили распространение новые инсигнии — «карликовый скипетр» и круглый щиток с маской бога солнца, копанские скульпторы сохранили верность старым архаическим традициям и в этом городе до момента его гибели (в IX в.

н. э.) правители изображались только с «ритуальной полосой».

Что касается царских захоронений, то в Копане к их числу относится, по крайней мере, две гробницы: одна во дворце 11, а другая к югу от «акрополя», в районе постройки № 36 (гробница 1).

Во дворцовой постройке (здание 11), в центральном помещении, у восточной стены было обнаружено отверстие размерами $1 \times 0,6$ м, оказавшееся входом в шахту, которая вела вниз, в глубину субструкции (пирамиды) здания. На дне шахты, на твердом алебастровом полу лежали в беспорядке человеческие кости и зубы, останки животных, мусор и обломки камня. В этом заполнении были обнаружены обломки каменной курильницы с иероглифической надписью (это — календарная дата, соответствующая 773 г. н. э.). Ниже, под слоем углей и пепла, лежали многочисленные ножевидные пластины из обсидиана, кости птиц, кости оленя с великолепной рельефной резьбой в виде человеческих фигур и надписи, бусины из раковин, костяные орудия и слой растительных волокон, обильно окрашенных в *красный цвет*, — видимо, циновка или подстилка, засыпанная слоем красной краски. Рядом с шахтой в полу храма, был устроен тайник с ритуальным приношением в виде панциря черепахи, двух раковин «спондилус» и необработанного зеленого камня¹⁵⁴.

Это, бесспорно, разрушенное погребение персонажа высокого ранга: в пользу такого вывода говорит и его местонахождение во дворце, и наличие циновки (символ власти), и красная краска, и, наконец, оленья кость с тонким рельефным изображением какой-то церемонии. Причем, один из

персонажей (главный), с бородкой, поразительно похож на правителя со стелы 11 (756 г. н. э.), стоящей перед дворцом.

Вполне возможно, что в обоих случаях речь идет об одном и том же персонаже¹⁵⁵.

Южнее «акрополя», в 27,5 м, и восточнее здания 36 на площади была обнаружена в земле каменная гробница № 1. Она имеет две камеры с перекрытием в виде ступенчатого свода ($1,6 \times 0,6$ м и $1,06 \times 0,95$ м). Внутри гробницы найдены остатки двух костяков. Один из них лежал вытянуто, головой на юг, положение другого определить не удалось. Этот первый погребенный имел часть зубов, фигурно подпиленных и со вставками нефрита. Инвентарь состоял из 12 керамических сосудов (в том числе полихромные цилиндрические вазы с изображением персонажей высокого ранга, сидящих в торжественных позах), бус и кусков нефрита, морских раковин, обсидиановых ножей, керамической свистульки, кости оленя, панциря черепахи и двух черепов пеккари с тончайшими резными изображениями. На одном из черепов пеккари — календарная дата 9.7.8.0.0.0 (581 г. н. э.) и изображение двух персонажей в пышных костюмах, сидящих по обеим сторонам от стелы и зооморфного алтаря¹⁵⁶. Самое любопытное, что, судя по керамике, эта гробница относится к позднеклассическому времени, т. е. к 600—900 гг. н. э., а дата на черепе пеккари — 581 г. н. э. (Г. Бейер трактует ее даже как 376 г. н. э.). Таким образом, культовый предмет из богатой гробницы несет на себе дату, относящуюся к событию гораздо более раннему, нежели возраст захоронения. Если учесть, что на этом же

предмете изображены стела с алтарем и два человека в нышных костюмах, в позах адорации по обеим сторонам от монумента, то можно предполагать, что в данном случае речь идет о каком-то обряде в честь царских предков.

Следовательно, Копан, как и описанные выше города, дает нам несколько ярких образцов архитектурных, скульптурных и погребальных памятников, доказывающих его столичный статус.

Относительно остальных городов-столиц мы не располагаем сколько-нибудь полными данными, поскольку систематических раскопок, даже в центральной части, там не велось. Поэтому ниже дается в самой сжатой форме общая характеристика этих памятников по тем основным критериям, которые и определяют их статус.

КИРИГУА

Местонахождение: в 48 км к северу от Копана, на северной стороне долины р. Мотагуа (в 0,8 км от русла реки), в республике Гватемала.

Датировка по эпиграфике: 706—810 гг.

Датировка по археологическим материалам: позднелатинское время.

Общая площадь городища: не известна.

Площадь ритуально-административного центра: 30 га.

Количество монументальных каменных построек: 23 (в том числе дворцы и храмы, но без ступенчатого свода).

Количество резных монументов (стел, алтарей, зооморфных фигур): 22 (из них с окончанием 5-летнего

цикла — 8 шт., 10-летнего — 3, 20-летнего — 7). Преобладает «династическая» группа мотивов.

Наличие царских погребений: не известны¹⁵⁷.

Особые примечания: наличие царских династий в Киригуа на основе условного истолкования надписей на монументах и сопровождающих их изображений подтвердил Д. Келли¹⁵⁸. Город расположен в центре большого и четко выраженного географического района между р. Мотагуа, озером Исабаль и побережьем Атлантики, на удалении в 50 км от ближайшего крупного центра.

ПУСИЛЬХА

Местонахождение — городище Пусильха расположено на отрогах «Гор Майя», на самом юге Белиза, примерно в 2 км восточнее границы с Гватемалой; основная часть городища лежит на узкой полосе земли между реками Пусильха и Хувентуд, которые через 2 км к востоку сливаются, образуя р. Мохо, впадающую в Гондурасский залив.

Датировка по стелам: 534—790 гг. н. э.

Датировка по археологическим материалам: керамические этапы Цаколь 3—Тепев 1 (т. е. 500—700 гг. н. э.)

Общая площадь городища: не известна.

Площадь «теменоса»: 7,6 га.

Количество монументальных построек: только в «главной группе» — 6 шт. (представлены главным образом храмы).

Количество резных монументов: 21 стела и 3 алтаря¹⁵⁹ (из них в честь окончания 5-летия—2, 20-летия—8),

среди изображений преобладает «династическая» группа мотивов.

Царские погребения: не известны.

Особые примечания: основной мотив на стелах Пусильха — персонаж высокого ранга с «ритуальной полосою» поперек груди — весьма близок традициям Копана и Киригуа; с последним городом сближает эту столицу и наличие зооморфных алтарей (2 шт.). Город расположен в четко очерченном природно-географическом районе (в долине р. Мохо, контролируя здесь все пути: от побережья Гондурасского залива до «Гор Майя»), на большом удалении от других столиц.

ИАШХА

Местонахождение: городище расположено на северном берегу пресноводного озера Иашха, в департаменте Петен, на севере Гватемалы.

Датировка по стелам: 465 г.—793 г. н. э.

Датировка по археологическим данным: I—X вв. н. э.

Общая площадь городища: несколько кв. км.

Площадь ритуально-административного центра: свыше 40 га.

Количество монументальных построек: свыше 500 (включая большое число каменных храмов и дворцов со ступенчатым сводом).

Количество стел: 40 (из них резных — 20); изображения на мягком известняке местных стел почти полностью исчезли и мотивы восстановить не удалось, то же относится и к иероглифическим надписям.

Царские погребения: не известны.

Особые примечания: обилие монументальной каменной архитектуры,

нескольких «акрополей», дамб и настоящих улиц, большие размеры территории и значительное число резных стел — свидетельствуют о столичном статусе Иашха. Однако археологические исследования в городе только начинаются, и точных данных о нем пока еще нет¹⁸⁰.

НАКУМ

Местонахождение: городище находится на северном берегу р. Хольмуль, в 32 км к юго-востоку от Тикаля и в 28 км на запад — северо-запад от Наранхо, в департаменте Петен, на севере Гватемалы.

Датировка по эпиграфике (стелы): 771—849 гг. н. э.

Датировка по археологическим данным: позднелатинский этап (600—900 гг. н. э.).

Общая площадь городища: не известна.

Площадь «теменоса»: около 28 га.

Количество монументальных построек: свыше 200 (в том числе каменные храмы и дворцы со ступенчатым сводом).

Количество стел: 15 (3 резных и 12 гладких).

Царские погребения: не известны.

Особые примечания: поскольку раскопки в городе еще не производились, каких-либо точных сведений о нем мы не имеем, но большие размеры городища и обилие каменной архитектуры говорят о его высоком статусе в иерархии майяских поселений¹⁸¹.

НАРАНХО

Местонахождение: городище расположено на южной стороне долины

р. Хольмуль, в департаменте Петен, на севере Гватемалы.

Датировка по стелам: 608—820 гг. н. э.

Датировка по археологическим данным: не известна.

Общая площадь городища — не известна.

Площадь ритуально-административного центра: 50 га.

Количество монументальных построек: свыше 60 (в том числе каменные храмы и дворцы со ступенчатым сводом).

Количество стел: 49 (из них 38 резных и 11 гладких), из этих монументов в честь окончания 5-летнего цикла был установлен 1, а 10-летнего — 3; что касается сюжетов изображений, то там представлены все три группы мотивов: «военная», «династическая» и «ритуальная», хотя первая группа численно преобладает.

Царские погребения: не известны.

Общие примечания: планировка и составные элементы Группы «В» в Наранхо («акрополь» с дворцовыми зданиями и у его восточного подножия «Площадь Иероглифической лестницы», названной так из-за ступеней с иероглифами на лестнице пирамидального Храма В—XVIII со стелой у основания) поразительно напоминают Копан, Киригуа и другие столичные города майя I тысячелетия н. э.¹⁶²

НААЧТУН

Местонахождение: городище находится в долине р. Паишбан, в северной части департамента Петен (Гватемала), в 1,25 км южнее параллели, составляющей границу между Мексикой и Гватемалой.

Датировка по стелам: 524—790 гг. н. э.

Датировка по археологическим данным: нет.

Общая площадь «теменоса» — около 20 га.

Общая площадь городища: не известна.

Количество монументальных построек: 44 (в том числе много храмов и дворцов со ступенчатым сводом.)

Количество стел: 45 (24 резных и 21 гладкая), из них на 10-летний цикл приходится 4 монумента и на окончание «катуна» — тоже 4. Сохранность резьбы на стелах — очень плохая, поэтому разобрать какие-либо детали на них не удалось¹⁶³.

Царские погребения в городе пока неизвестны.

ШУЛЬТУН

Местонахождение: городище Шультун находится в 27,5 км к северо-востоку от Вашактуна, между реками Вашактун и Ишкан, в департаменте Петен, на севере Гватемалы.

Датировка по стелам: 511—889 гг. н. э.

Датировка по археологическим данным: нет.

Общая площадь городища: не известна.

Площадь ритуально-административного центра: 66,5 га.

Количество монументальных построек: свыше 20 (в том числе храмы и дворцы со ступенчатым сводом).

Количество стел: 22 резные стелы и 17 гладких алтарей (из них на окончание 10-летнего цикла приходится 2 стелы и 20-летнего цикла — 6 стел); мотивы, представленные на монументах, относятся, прежде всего, к

«династической» группе, а также «военной» и «ритуальной»¹⁶⁴.

Царские погребения: нет.

ЛА ОНРАДЕС

Местонахождение: городище расположено на восточной стороне долины р. Ишкан, в департаменте Петен (Гватемала).

Датировка по стелам: 711—800 гг. н. э.

Датировка по археологическим данным: нет.

Общая площадь городища: не известна.

Площадь «теменоса»: 22,5 га.

Количество монументальных построек: свыше 30 (в том числе каменные храмы и дворцы со ступенчатым сводом).

Количество стел: найдено в районе главной площади 10 резных стел, а другие районы городища не исследовались (из них 1 монумент поставлен в честь окончания 5-летнего цикла, 2 — в честь 10-летнего и 2 — 20-летнего)¹⁶⁵.

Царские гробницы: нет.

СЕЙБАЛЬ

Местонахождение: городище находится на западном берегу р. Пасьон, в южной части департамента Петен (Гватемала).

Датировка по стелам: 746—869 гг. н. э.

Датировка по археологическому материалу: 800 г. до н. э. (этап «Ше» в керамике) — до 930 г. н. э. (керамический этап «Байаль»)¹⁶⁶.

Общая площадь городища: 6 кв. км (600 га).

Площадь ритуально-административного центра: 1 кв. км (100 га), однако ядро центрального района —

Группа «А», где находятся почти все резные стелы, занимает территорию до 25 га.

Количество монументальных построек: несколько десятков каменных построек (храмы и дворцы со ступенчатым сводом).

Количество стел: 21 резная стела.

Царские гробницы: пока не известны.

Особые примечания: В настоящее время в Сейбале ведутся интенсивные археологические исследования, и видимо, результаты их будут вскоре опубликованы. Здесь же можно упомянуть о двух зданиях: о дворце А—14 и храме А—3 из центральной Группы «А».

Дворцовая постройка А—14 находится на восточной стороне Центральной площади. Ее субструкция имеет 80 м длины и 29 м ширины и ступенчатую пятиярусную форму. Высота этой платформы — 5,35 м. С западной стороны во дворец ведет от уровня площади внушительная каменная лестница 39 м шириной. В постройке обнаружены панели с иероглифическими надписями (на одной из панелей дата 9.16.0.0.0., соответствующая 751 г. н. э., — одна из древнейших дат города)¹⁶⁷.

Храм А—3 — небольшое пирамидальное сооружение — занимает во всей группе особо важное положение, так как с каждой из четырех сторон его основания стояло по одной стеле (стелы 8, 9, 10, 11) — из числа наиболее выдающихся скульптурных монументов Сейбаля. Храм находится в центре Южной площади Группы «А» и полностью исследован в 1965 г. В ходе раскопок здесь были обнаружены многочисленные обломки раскрашенных алебастровых скульптур людей, богов и животных,

выполненных в натуральную величину (и даже превышая ее). Видимо, центральное место в этой композиции занимают 4 гигантские человеческие фигуры — по одной над каждой из четырех дверей храма. Наиболее хорошо сохранилась голова персонажа, лежащая среди обломков с южной стороны здания. С поразительным реализмом изобразил древний мастер величественное и торжественное лицо человека, которое очень напоминает лицо персонажа со стелы 11, стоящей здесь же, у подножия храма. Голова статуи окрашена в красный цвет. Сверху ее увенчивает корона или диадемоподобный головной убор, расписанный зеленой краской. Храм датируется по стелам 8, 9, 10 и 11—850 г. н. э. Пятая стела — 21, была обнаружена в центральной камере храма А — 3 и тоже с календарной надписью, соответствующей 850 г. н. э. На фризе здания фигурной лепкой также был изображен блок с календарной датой 830 г. н. э. Керамика из заполнения А — 3 соответствует этапу «Байаль» — т. е. самому концу классического периода (770—930 гг. н. э.)¹⁶⁸.

Уместно напомнить, что аналогичное совпадение облика персонажа со скульптурных фигур в храме (в честь царских предков) с изображением на стеле, стоявшей у подножия храмовой лестницы, отмечено и в Копане (храм 26).

КАЛАКМУЛЬ

Местонахождение: городище расположено на юге мексиканского штата Кампече, близ границы с департаментом Петен (Гватемала) и территорией Кинтана Роо (Мексика).

Датировка по стелам: 623—810 гг. н. э.

Датировка по археологическим данным: нет.

Общие размеры городища: не известны.

Размеры «теменоса»: 86 га.

Количество монументальных построек: свыше 30 видимых на поверхности больших каменных зданий (храмы, дворцы со ступенчатым сводом).

Количество стел: 103 стелы — 73 резные и 30 гладких (из их числа в честь окончания 5-летнего цикла приходится 5 стел, 10-летнего — 21, 20-летнего — 18), на которых представлены все три группы выделенных мной мотивов: «военная», «династическая» и «ритуальная»¹⁶⁹.

Царские гробницы: не известны.

ТОНИНА

Местонахождение: городище Тонина находится в северо-западной части мексиканского штата Чиapas, в северной части долины р. Окосинго, близ городка Окосинго.

Датировка по стелам: 490—909 гг. н. э.

Датировка по археологическим данным: с раннеклассического времени (с 300 г. н. э.) до позднеклассического включительно (900 г.), а затем, после небольшого периода упадка и запустения, город существовал опять с 1000 до 1250 г. н. э.¹⁷⁰.

Общие размеры городища: нет сведений.

Размеры ритуально-административного центра: один «Центральный Акрополь» занимает площадь 2,5 га.

Количество монументальных построек: свыше трех десятков каменных дворцов и храмов со ступенчатым сводом.

Количество резных стел и статуй правителя: 30 шт. (из них 1 шт. — в честь окончания 5-летнего цикла, 1 шт. — 10-летнего и 2 шт. — 20-летнего); среди этих монументов представлены в основном две группы мотивов — «военная» и «династическая».

Царские гробницы — есть, но точное их число авторами раскопок не указано.

Особые примечания: при недавних раскопках французскими археологами в Тонина обнаружено несколько храмов, посвященных культу царских (династических) предков, например, Храмы 6—5—5, Д—5—1 и др. со скульптурами персонажей высокого ранга¹⁷¹.

ГОРОДА-ГОСУДАРСТВА МАИЯ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

С. Г. Морли — первый исследователь, который попытался решить проблему территориально-политических делений древней цивилизации майя по данным археологии. Совершенно справедливо определив характер основной территориально-политической единицы у древних майя в виде города-государства, он стадийно сопоставил майяские города с городами-государствами античной Греции.

«Проецируя в глубь веков те условия, которые... существовали в Новом царстве майя (постклассический период. — В. Г.), — писал С. Г. Морли, — мы со всеми основаниями можем предположить, что Древнее царство (классический период — В. Г.) было разделено на ряд независимых городов-государств, вероятно непрочных связанных друг с дру-

гом в некоторое подобие конфедераций... Опираясь на археологические данные, такие, как различия в скульптуре, архитектуре и керамических изделиях в различных частях Древнего царства, указывающие на соответствующее число археологических суб-провинций, мы можем пойти и дальше, высказав предположение, что каждая из этих суб-провинций первоначально соответствовала, грубо говоря, политически независимому городу-государству... Во времена Древнего царства таких единиц было, по-видимому, четыре:

1. Центральный и Северный Петен (Сев. Гватемала), Южное Кампече (Мексика) и Брит. Гондурас — ядро Древнего царства майя. Крупнейшим городом и, вероятно, столицей этой области был Тикаль.

2. Долина р. Усумасинты; столицей этой области могли быть Паленке, Пьедрас Неграс или Яшчилан (а возможно, и все три поочередно).

3. Юго-восточная суб-провинция со столицей в Копане.

4. Юго-западная суб-провинция, с вероятным главным центром в Тонина»¹⁷².

Хотя в целом с этими выводами нельзя согласиться, в подходе С. Морли есть и рациональное зерно. Используя на практике его рекомендации, некоторые современные археологи добились известных успехов в исследовании структуры и размеров города-государства майя в I тысячелетии н. э. Так Р. Рэндс, изучив керамику в пределах крупного города Паленке и в 50 других памятниках вокруг него, установил, что в течение классического периода специфическая по стилю бытовая паленкская глиняная посуда встречается только в определенной «микроне» в самом

городе и его окрестностях — на территории в 300 кв. км. Р. Рэндс считает, что ему удалось выделить классический образец майяского города-государства — ритуальный центр и содержащую его сельскохозяйственную округу, что, в целом очень похоже на выводы У. Булларда по городам Петена¹⁷³.

Согласно данным этого, последнего исследователя, в среднем размеры сельскохозяйственной округи у крупных городских центров майя в Северной Гватемале в I тысячелетии н. э. (а это — сердце Древнего царства майя) составляют около 100 — 250 кв. км с населением от 3000 до 10 000 человек¹⁷⁴.

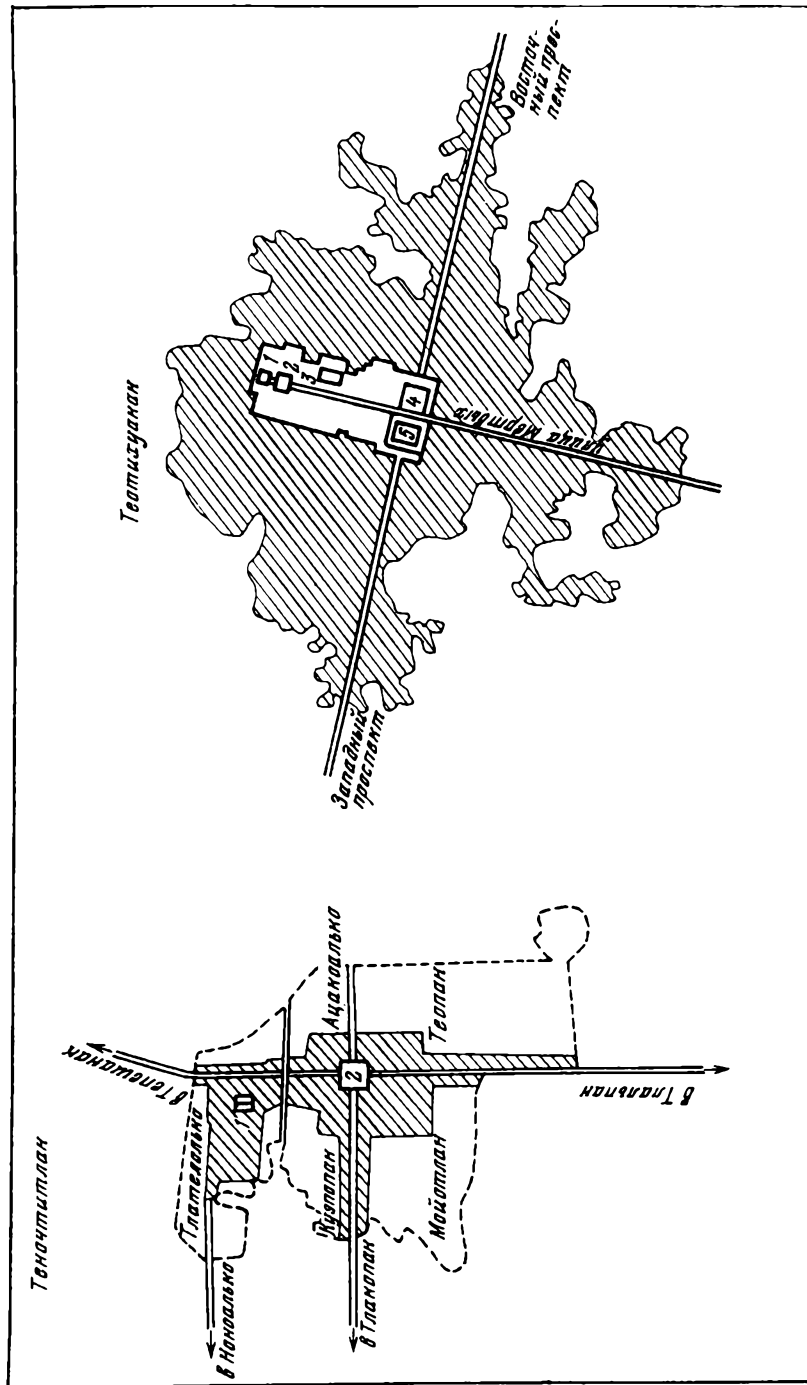
Интересные соображения, основанные на анализе иероглифики и изображений с классических памятников искусства, приводит и У. Брей. «Земледельческая округа крупного ритуального центра, — пишет он, — соответствующая «району» У. Булларда, может быть по-видимому, приравнена к территории государства, столица которого осуществляла над округой контроль. Возможно, что некоторые из этих крупных центров были сгруппированы в еще большие территориальные государственные объединения, наподобие «провинций» Юкатана XVI в.»¹⁷⁵

Значительный интерес для изучения иерархии городских поселений в раннеклассовых обществах представляет работа В. Триггера:

«... В политических образованиях, более крупных, чем город-государство, имеется тенденция к появлению вторичных (второстепенных) административных центров. Входя составной частью в иерархическую политическую организацию, эти города обычно содержат меньшее (по

сравнению со столицей. — В. Г.) число воинов и чиновников, в результате чего они имеют и меньшие размеры. В зависимости от общей природы политической организации вторичные административные центры служили для выполнения самых различных функций»¹⁷⁶. Любопытные данные о соотношении разного класса памятников в одном сравнительно небольшом локальном районе — долине р. Асуль (департамент Петен, Гватемала) приводит Ричард Адамс. На территории района разведками и обследованиями (работа облегчалась здесь тем, что тропическая растительность была вырублена на значительной площади нефтяниками) выявлено 43 группы руин — видимо, это остатки селений и деревушек. Среди них выделяется, кроме того, 5 более значительных центров, причем два из них — Киналь и Рио Асуль — могут претендовать на роль главных центров района. Территория района составляет примерно 1800 кв. км, причем 400 кв. км относится к негодной для обитания и для земледелия земле, т. е. остается 1400 кв. км на 5 городских центров разной величины и значения и 43 земледельческие селения¹⁷⁷.

Д. Пьюлстон, анализируя плотность застройки в пределах двух соседних городов — Тикаля и Вашактуна и в зоне, лежащей между ними, установил очень важное явление: во-первых, плотность застройки в пригородах и округе города в 2—3 раза ниже, чем в самом городе; и во-вторых, что многие домовладения и поселения из ближайшей округи Тикаля, обитаемые в раннеклассическое время, хиреют и забрасываются во второй половине I тысячелетия н. э. Одновременно наблюдается резкое

Схематические планы Теотихуакана и Теночтитлана (долина Мехико)
 Теночтитлан: 1 — рынок и дворцово-храмовый комплекс, 2 — ритуально-административная

зона; Теотихуакан: 1 — пирамида Луны, 2 — Площадь Луны, 3 — Пирамида Солнца, 4 — Храм Кецалькоатли, 5 — Большой рынок; а — городская зона, б — пригородная зона

возрастание строительной активности внутри жилой зоны самого города. Автор объясняет этот процесс возросшей военной угрозой извне и притязаниями знати на данные земли¹⁷⁸.

Однако, на мой взгляд, здесь очевидно имели место процессы, сходные с теми, что описаны Р. Мак-Адамсом для зоны Урука (Южная Месопотамия) и У. Сандерсом и Р. Миллоном для Теотихуакана (Центральная Мексика). Суть их состоит в том, что на раннем периоде своего развития будущий крупный центр — лишь одно из нескольких поселений разной величины, существующих в данном районе (горная долина, долина реки, земли вдоль магистрального канала и т. д.). Затем по каким-то причинам он становится ведущим центром — *столицей* определенного территориально-политического образования, а остальные поселения, в том числе и довольно значительные, образуют его округу. Но по мере роста своего могущества метрополия быстро увеличивает свою площадь и численность населения за счет поглощения прилегающей к ней округи. Число окрестных поселений, особенно дальних, резко сокращается, исчезают другие крупные центры, а территория округи уменьшается до 15 км зоны вокруг столицы.

Н. Хаммонд приводит данные о последних исследованиях в зоне Лубаантуна в Белизе. По его подсчетам, этот классический центр майя в конце I тысячелетия н. э. контролировал обширную территорию в 16 000 кв. км — практически всю долину Рио Гранде, на которой выявлено до 30 различных памятников этого времени¹⁷⁹. Анализируя далее расстояние, отделяющее два ближай-

ших крупных центра друг от друга в Центральной области майя, он приходит к выводу, что расстояние это составляло в среднем чуть более 15 км¹⁸⁰, что целиком совпадает с данными письменных источников по юкатанским городам XVI в. Однако Лубаантун не может быть отнесен к классу столиц («крупный ритуальный центр» У. Булларда), на чем настаивает Н. Хаммонд. Действительно, на этом городище есть и впечатляющие каменные постройки — храмы и святилища, есть какие-то общественные здания, значительное число жилищ и т. д. Он занимает выгодное географическое положение, контролируя почти всю долину р. Рио Гранде с ее плодородными аллювиальными почвами. Но есть два серьезных довода против того, чтобы считать этот город столицей. Во-первых, здесь не обнаружено, несмотря на неоднократные обследования археологов, ни одной резной или гладкой стелы — важнейшего показателя политической и культовой жизни древнемайяского общества (см. раздел «стела как исторический источник»). Во-вторых, Лубаантун возник лишь в начале VIII в. н. э., а прекратил свое существование во второй половине IX в. н. э. Если сводить все дело только к выгодам географического положения и к тому, что благодаря этому Лубаантун контролировал вполне определенную территорию, то остается непонятным, почему этот благоприятный фактор сказался на судьбе города столь поздно. Видимо, какой-то другой центр осуществлял этот контроль до возникновения Лубаантуна. Не исключено, что эту роль играли ближайшие к нему крупные ритуально-административные центры Пусильха или Караколь.

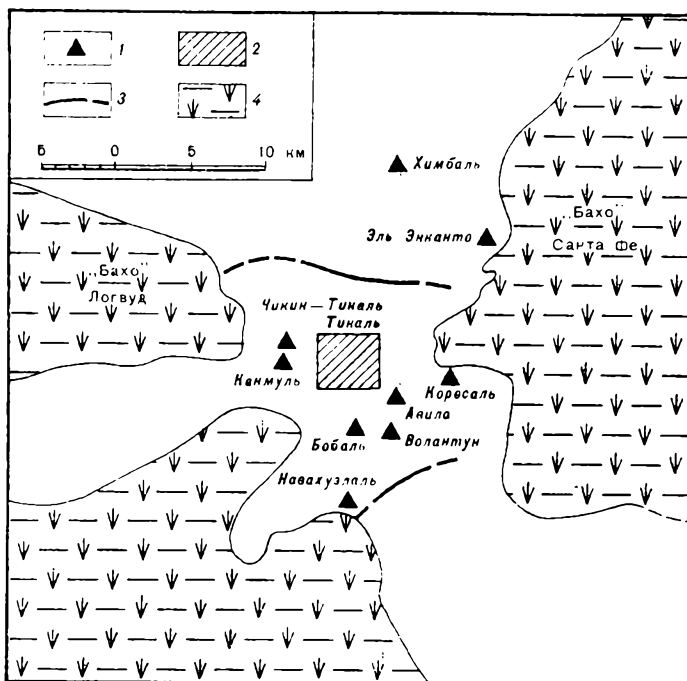
Наиболее полные сведения о структуре города-государства I тысячелетия н. э. дают нам материалы Тикаля. В непосредственной близости от Тикаля, либо в пределах отмеченной укреплениями округи, либо рядом с ее границами, находится ряд больших и малых поселений, по-видимому подчинявшихся в той или иной степени властям столицы. К их числу относится прежде всего Волатун, расположенный всего в 5,5 км к юго-востоку от центра Тикаля, в верховьях долины р. Хольмуль. Этот небольшой по размерам памятник был обнаружен археологами США в 1921 г. и никогда не раскапывался. Руины его, видимые сейчас на поверхности, состоят из одной значительной пирамиды, перед фасадом которой находится единственная резная стела Во-

лантуна. Пирамида имеет 23 м в длину, 20 м в ширину и 10 м высоты. Она обращена фасадом к западу. На усеченной вершине пирамиды заметны остатки каменного здания около 7 м длиной, состоявшего, видимо, из одного ряда небольших помещений.

Стела 1, найденная в Волатуне, представляет для исследователей двойной интерес. Во-первых, она имеет довольно раннюю дату по эре майя — 8. 18. 13. 5. 11 6 Чуен 14 Шуль, что соответствует 409 г. н. э. Во-вторых, стилистическое изображение на стеле (персонаж высокого ран-

Схема округи Тикаля

1 — второстепенные селения вокруг Тикаля; 2 — город Тикаль; 3 — линия внешних укреплений Тикаля; 4 — болотистые низины

га с ритуальной полосой поперек груди в статичной архаической позе) весьма напоминает ранние монументы Тикаля: стелы 1 и 2 (435—445 г. н. э.). По размещению резьбы (на фасаде — человеческая фигура, на обороте — иероглифическая надпись, боковые стороны — гладкие, класс II). Стела 1 из Волантуна также имеет ближайшие аналогии в Тикале (стела 4—465 г. н. э.; стела 18—416 г. н. э.; стела 29—292 г. н. э.). Все это позволяет рассматривать Волантун как поселение, входящее в округу Тикаль и, безусловно, подчиненное ему¹⁸¹.

Всего в 3,2 км западнее гигантского Храма IV находится Чикин Тикаль — довольно значительное древнее поселение, состоящее из двух крупных архитектурных групп (в них входят ансамбли дворцовых и храмовых зданий), соединенных специальной дорогой-дамбой¹⁸².

В 16 км к северо-востоку от Тикаля лежит Эль Энканто — небольшое городище, расположенное в долине р. Хольмуль. Оно осмотрено и предварительно обследовано в 1911 г. археологом из США Р. Мервином. Раскопок здесь никогда не велось. Руины состоят из одной большой пирамиды, обращенной фасадом на запад, и террасы перед ней, на которой лежала поваленная стела 1. На вершине пирамиды сохранились остатки двухкомнатного каменного храма. К северу от большой пирамиды — еще одна, меньшая, а за ней — 3 чультуна (хозяйственные ямы).

Стела 1 (дата 598 г. н. э.) имеет на фасаде грубо высеченную человеческую фигуру, на боковых сторонах — иероглифические надписи, а оборот гладкий. Это — так называемый III класс резных монументов

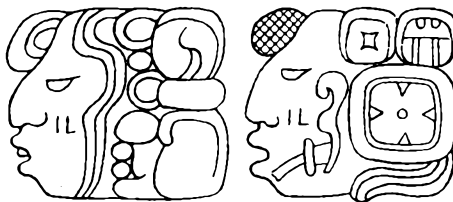
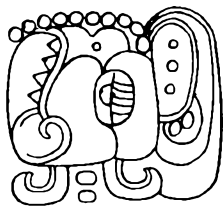
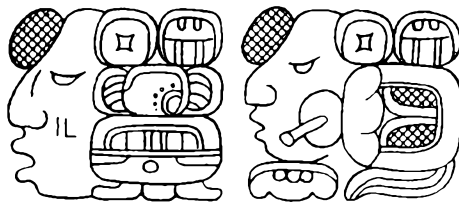
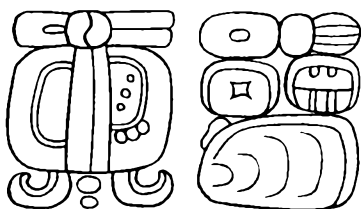
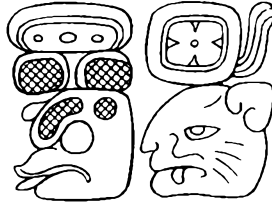
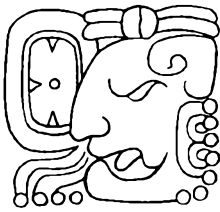
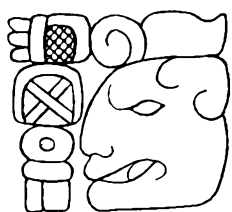
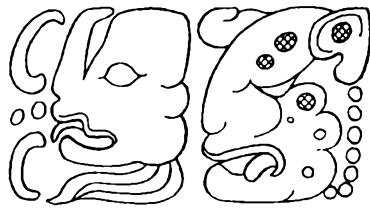
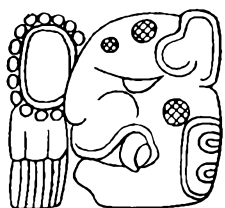
маи, наиболее распространенный в двух соседних с Эль Энканто крупных центрах — Тикале и Вашактуве (до Вашактуна — 24 км)¹⁸³. Резьба сильно пострадала от времени, но можно различить фигуру персонажа в пышном головном уборе, с тяжелыми ушными украшениями, которая стоит либо на пьедестале, либо на распростертой человеческой фигуре (скорее — второе). «Тикаль от Эль Энканто находится всего в 16 км по прямой и поэтому понятно, почему единственная местная стела демонстрирует столь значительное стилистическое сходство с тикальскими монументами. Стиль иероглифов стелы 1 также сходен с манерой изображения знаков на ранних монументах Тикаля (стелы 3, 8, 9 и 12)»¹⁸⁴.

Остальные поселения разной величины, расположенные вокруг Тикаля, — Коросаль, Авила, Бобаль, Навахуэаль, Канмуль, — нам практически неизвестны, так как никаких материалов о них не публиковалось.

Однако, учитывая их относительную близость к метрополии, расположение внутри линии укреплений и небольшие размеры, можно предполагать, что они, подобно Волантуну и Эль Энканто, были поселениями-сателлитами обширной округи Тикаля.

Таким образом, город-государство Тикаль в структурном отношении состоял из столицы и 9 более мелких городков и селений. Все они находятся, как правило, в пределах 10—15-километровой зоны от центра, что весьма характерно для сельскохозяйственной округи крупных городов древнего мира: будь то месопотамский Урук или столицы «провинций» Юкатана в XVI в. Налицо и прямая аналогия в структурной организации «номов»

«Династические» надписи из городов I тысячелетия н. э. на скульптурных монументах майя (по Т. Проскуряковой)

в обоих регионах: в Шумере (до Саргоновской поры) и у древних майя.

Паленке, как уже отмечалось, был, вероятно, столицей «нома» площадью около 300 кв. км, в состав которого входило также до двух десятков крупных и мелких селений¹⁸⁵.

У. Брей, чисто предположительно, основываясь только на относительной географической близости нескольких небольших городов к Паленке, включает их в сферу влияния последнего: речь идет о таких центрах, как Тортугера, Хонута и Мирафлорес¹⁸⁶.

Безусловно, очень часто географические факторы способны немало помочь в выделении территорий вероятных городов-государств, поскольку в большинстве случаев границы между ними проходили по каким-то естественным рубежам: вдоль горных хребтов и цепей холмов, болот, рек и т. д.¹⁸⁷

Однако одних природных показателей для такого рода выводов и заключений еще недостаточно. Здесь необходимы археологические материалы. К сожалению, малые центры и селения, входящие в орбиту влияния таких гигантов, как Тикаль, Копан, Мирадор и другие, в настоящее время почти не изучены. А следовательно и все выводы о взаимосвязях больших и малых памятников в пределах вероятных «номовых» областей, пока, за редким исключением, ничем не подкреплены. Исключение, кроме Паленке и Тикаля, составляет, пожалуй, лишь Копан, расположенный в четко очерченных природных границах: долина р. Копан, окруженная со всех сторон горами. С. Морли на основе анализа архитектуры, скульптуры и эпиграфики пришел к выводу о том, что в сферу заметного культурного воздействия этой метрополии входили

как близлежащие памятники Рио Амарильо, Асьенда Гранде, Санта Рита, Парайсо, так и удаленный почти на 80 км к северо-востоку Лос Игос, в долине р. Чамелекон. Любопытно, что ближайший к Копану другой крупный город — Киригуа, по мнению многих исследователей, демонстрирует настолько поразительное сходство с последним (вплоть до точного копирования плана и формы центрального ритуально-административного комплекса), что речь, видимо, может идти только о прямой колонизации. По времени Киригуа действительно довольно поздний город (судя по датированным стелам, он возник в конце VII — начале VIII в. н. э.), и приведенное выше объяснение отнюдь не кажется здесь неуместным¹⁸⁸. Если чисто гипотетически рассматривать этот регион с господством эталонов культуры Копана и в качестве сферы его политического влияния, то полученная территория (свыше 2000 км²) будет в целом эквивалентна по площади типичной юкатанской провинции» XVI в.

На основании всей совокупности имеющихся сейчас данных, можно предполагать, что границы и территория городов-государств I тысячелетия н. э. и даже средние их размеры не были постоянной величиной и сильно варьировали, в зависимости от природно-географических условий и конкретной исторической ситуации, сложившейся в той или иной области майя. Известное представление об этих величинах дает среднее расстояние между двумя ближайшими крупными центрами. Анализ 83 памятников из Центральной области майя позволил Н. Хаммонду утверждать, что в среднем расстояние между дву-

мя крупными городами составляет 15 км¹⁸⁹, причем границы между ними часто проходили по каким-то естественным рубежам — вдоль рек, озер, болот, гряды холмов и т. д.¹⁹⁰

Правда, в более густо населенных областях Петена эта величина сокращается до 10 км, а на периферийных территориях, напротив, увеличивается до 20—30 км (Южный Петен, Южное Кампече, «Горы майя» в Белизе, юго-восточная зона и т. д.)¹⁹¹.

Таким образом, если учесть данный фактор и имеющиеся практические расчеты У. Булларда и У. Хевпланда по городам Петена, то можно с уверенностью говорить о том, что средние размеры майяского города-государства I тысячелетия н. э. не превышали нескольких сотен кв. км (имеются в виду только земельные владения данного города, т. е. город с округой, а не сфера его политико-административного влияния).

- ¹ В главе IV, посвященной общим проблемам городов майя в I тысячелетии н. э., ряд материалов по Тикалю как наиболее изученному археологически памятнику — был уже использован. Поэтому ниже речь пойдет в основном о доказательствах в пользу столичного статуса этого города.
- ² Coe W. R., 1971, p. 7—11.
- ³ Cowgill U. M. and Hutchinson G. E., 1963, p. 267—286.
- ⁴ Coe W. R., 1971, p. 10.
- ⁵ Haviland W. A., 1965; *Idem*, 1970.
- ⁶ Morley S. G., 1938, vol. I, p. 270.
- ⁷ Coe W. R., 19656, p. 1403.
- ⁸ Morley S. G., 1938, vol. I, p. 271.
- ⁹ Coe W. R., 19656; p. 1402, 1403.
- ¹⁰ *Ibidem*.
- ¹¹ Coe W. R., 1965a, p. 11.
- ¹² Coe W. R., 1971, p. 40—42.
- ¹³ *Ibid.*, p. 46.
- ¹⁴ *Ibid.*, p. 45.
- ¹⁵ *Ibid.*, p. 48.
- ¹⁶ Кинжалов Р. В., 1968, с. 44—46.
- ¹⁷ Coe W. R., 1971, p. 29—33.
- ¹⁸ *Ibidem*.
- ¹⁹ *Ibid.*, p. 55—58.
- ²⁰ *Ibid.*, p. 59.
- ²¹ *Ibid.*, p. 66.
- ²² *Ibid.*, p. 69, 70.
- ²³ *Ibid.*, p. 71, 72.
- ²⁴ Carr R. F. and Hazard J. E., 1961, p. 7.
- ²⁵ Haviland W. A., 1970, p. 7.
- ²⁶ Becker I. M., 1973, p. 397.
- ²⁷ *Ibid.*, p. 398.
- ²⁸ Haviland W. A., 1965, p. 17.
- ²⁹ *Ibid.*, p. 18.
- ³⁰ Coe W. R., 1962, p. 502.
- ³¹ Carr R. F. and Hazard J. E., 1961, p. 8.

- ³² *Ibid.*, p. 13.
- ³³ Coe W. R., 1962, p. 487.
- ³⁴ Satterthwaite L., 1956, p. 25—29.
- ³⁵ Coe W. R., 1962, p. 495, 496.
- ³⁶ *Ibid.*, p. 496.
- ³⁷ *Ibidem*.
- ³⁸ Satterthwaite L., 1958.
- ³⁹ Thompson J. E. S., 1954, p. 102.
- ⁴⁰ Satterthwaite L., 1958, p. 71.
- ⁴¹ Coe W. R., 1971, p. 45.
- ⁴² *Ibid.*, p. 48.
- ⁴³ *Ibid.*, p. 50.
- ⁴⁴ *Ibid.*, p. 44.
- ⁴⁵ Coe W. R., 1965a, p. 28, 29.
- ⁴⁶ *Ibid.*, p. 29.
- ⁴⁷ Shook E. M. and Kidder A. V., 1961, II, p. 2—7.
- ⁴⁸ The Tikal Project, 1962, p. 131.
- ⁴⁹ Coe W. R., 1965a, p. 30, 31.
- ⁵⁰ Trick A. S., 1963, p. 8.
- ⁵¹ Coe W. R., 1971, p. 32, 33.
- ⁵² *Ibid.*, p. 51.
- ⁵³ *Ibid.*, p. 50.
- ⁵⁴ Guillemin G. F., 1969, p. 175.
- ⁵⁵ *Ibid.*, p. 177.
- ⁵⁶ Гуляев В. И., 1976, с. 242—246.
- ⁵⁷ Cogolludo L. de, 1954, т. 1, p. 355.
- ⁵⁸ Miles S. W., 1957, p. 749.
- ⁵⁹ The Historical Recollections of G. A. Chi, 1952, p. 41.
- ⁶⁰ Villagutierre Soto-Mayor J., 1933, p. 387.
- ⁶¹ Ланда Д. де, 1955, с. 163, 164.
- ⁶² Кнорозов Ю. В., 1975, с. 249.
- ⁶³ Григорьевич Н. Е., 1973, с. 242—252.
- ⁶⁴ Ricketson O. G. and Ricketson E. B., 1937; Smith A. L., 1950.
- ⁶⁵ Andrews G. F., 1975, p. 122.
- ⁶⁶ Smith A. L., 1950, p. 50—51.
- ⁶⁷ *Ibid.*, p. 88.

- ⁶⁸ Morley S. G., 1938, vol. I, p. 184—188.
- ⁶⁹ Morley S. G., 1938, vol. IV, table 121.
- ⁷⁰ Andrews G. F., 1975, p. 131.
- ⁷¹ Ibid., p. 132.
- ⁷² Mason I. A., Satterthwaite L. and Butler M., 1934, p. 32.
- ⁷³ Andrews G. F., 1975, p. 133—136.
- ⁷⁴ Morley S. G., vol. III, 1938, p. 44, 303.
- ⁷⁵ Ibid., p. 16.
- ⁷⁶ Ibidem.
- ⁷⁷ Ibid., p. 15.
- ⁷⁸ Ibid., p. 18—22.
- ⁷⁹ Ibid., p. 22.
- ⁸⁰ Brown C. H., 1972, p. 50.
- ⁸¹ Proskouriakoff T., 1960, p. 454—474.
- ⁸² Morley S. G., 1938, vol. III, Plate 121.
- ⁸³ Coe W. R., 1959, p. 124.
- ⁸⁴ Marquina I., 1964, p. 609.
- ⁸⁵ Andrews G. F., 1975, p. 168.
- ⁸⁶ Ibid., p. 172.
- ⁸⁷ Marquina I., 1964, p. 610—612.
- ⁸⁸ Andrews G. F., 1975, p. 169.
- ⁸⁹ Maudslay A. P., 1889—1902, vol. IV, p. 14.
- ⁹⁰ Guillemain G. F., 1967.
- ⁹¹ Ruz Lhuillier A., 1959, p. 187.
- ⁹² Rands R. L., 1967, p. 119.
- ⁹³ Morley S. G., 1956, p. 64, fig. 1.
- ⁹⁴ Andrews G. F., 1975, p. 173.
- ⁹⁵ Ibid., p. 199, 200.
- ⁹⁶ Ibidem.
- ⁹⁷ Willey G. R. and Smith A. L., 1969, p. 3.
- ⁹⁸ Smith A. L., 1972, p. 5.
- ⁹⁹ Ibid., p. 110.
- ¹⁰⁰ Ibid., p. 111—113.
- ¹⁰¹ Ibid., p. 78.
- ¹⁰² Ibid., p. 8.
- ¹⁰³ Ibidem.
- ¹⁰⁴ Ibid., p. 206.
- ¹⁰⁵ Ibid., p. 9, 212, 213; Willey G. R. and Smith A. L., 1969, p. 26.
- ¹⁰⁶ Ibid., p. 9.
- ¹⁰⁷ Ibidem.
- ¹⁰⁸ Willey G. R., 1973, p. 11.
- ¹⁰⁹ Ibid., p. 11, 12.
- ¹¹⁰ Ibid., p. 68, 69.
- ¹¹¹ Graham I. A., 1972.
- ¹¹² Willey G. R., 1973, p. 67.
- ¹¹³ Graham I. A., 1972, p. 96—98.
- ¹¹⁴ Гуляев В. И., 1972б, с. 117.
- ¹¹⁵ Morley S. G., 1938, vol. IV, plate 121.
- ¹¹⁶ Smith A. L., 1972, p. 212.
- ¹¹⁷ Ibid., p. 266—268.
- ¹¹⁸ Haviland W. A., 1971, p. 103.
- ¹¹⁹ Smith A. L., 1972, p. 257.
- ¹²⁰ Willey G. R. and Smith A. L., 1969, p. 26—30.
- ¹²¹ Smith A. L., 1972, p. 187.
- ¹²² Willey G. R., 1973, p. 9.
- ¹²³ Willey G. R. and Smith A. L., 1969, p. 33.
- ¹²⁴ Ibid., p. 34. Интересно, что С. Морли рассматривал этот памятник как составную часть Алтар де Сакрифисос, что значительно увеличивает общую площадь последнего.
- ¹²⁵ Willey G. R. and Smith A. L., 1969, p. 35.
- ¹²⁶ Ibidem.
- ¹²⁷ Morley S. G., 1938, vol. II, p. 341—351.
- ¹²⁸ Garcia Moll R., 1975, p. 3—12.
- ¹²⁹ Andrews G. F., 1975, p. 140.
- ¹³⁰ Morley S. G., 1938, vol. II, p. 351—353.
- ¹³¹ Andrews G. F., 1975, p. 144.
- ¹³² Morley S. G., 1938, vol. II, p. 598—600.
- ¹³³ Ibid., p. 600.
- ¹³⁴ Proskouriakoff T., 1963; *Idem*, 1964.
- ¹³⁵ Proskouriakoff T., 1963; *Idem*, 1964.
- ¹³⁶ Proskouriakoff T., 1963, p. 154.
- ¹³⁷ Morley S. G., 1938, vol. II, p. 440, 441, 454—460.
- ¹³⁸ Morley S. G., 1938, vol. II, p. 397, 424—429.
- ¹³⁹ Proskouriakoff T., 1964, p. 181.
- ¹⁴⁰ Proskouriakoff T., 1963, p. 162.
- ¹⁴¹ Marquina I., 1964, p. 681, lam. 213.
- ¹⁴² Garcia Moll R., 1975, p. 9.
- ¹⁴³ Morley S. G., 1920, p. 1—4.
- ¹⁴⁴ Ibid., p. 6.
- ¹⁴⁵ Andrews G. F., 1975, p. 18.
- ¹⁴⁶ Morley S. G., 1920, p. 8.
- ¹⁴⁷ Ibid., p. 9.
- ¹⁴⁸ Strömsvik G., 1947, p. 13.
- ¹⁴⁹ Кунжалоу Р. В., 1968, с. 66.
- ¹⁵⁰ Там же, с. 64, 66.
- ¹⁵¹ Strömsvik G., 1947, p. 44, 45.
- ¹⁵² Trick A. S., 1939, p. 87—103.
- ¹⁵³ Longyear I. M., 1952, p. 23.
- ¹⁵⁴ Strömsvik G., 1938, p. 149, 150.
- ¹⁵⁵ Longyear I. M., 1952, p. 111.
- ¹⁵⁶ Ibid., p. 111, 112.
- ¹⁵⁷ Morley S. G., 1938, vol. IV, p. 72—75.
- ¹⁵⁸ Kelley D. H., 1962, p. 232—334.
- ¹⁵⁹ Morley S. G., 1938, vol. IV, p. 11—71; Rice S. D., 1974, p. 19—32.
- ¹⁶⁰ Morley S. G., 1938, vol. III, p. 454—483; Hellmuth N. M., 1972, p. 148; *Idem*, 1969, p. 35, 36.
- ¹⁶¹ Morley S. G., 1938, vol. II, p. 7—17; Hellmuth N. M., 1975, p. 270—272.
- ¹⁶² Morley S. G., 1938, vol. II, p. 21—165.
- ¹⁶³ Ibid., p. 313—367.
- ¹⁶⁴ Ibid., p. 383—419.
- ¹⁶⁵ Ibid., p. 434—459.
- ¹⁶⁶ Smith A. L. and Willey G. R., 1969, p. 151.

- ¹⁶⁷ *Lowe G. W.*, 1966, p. 460.
¹⁶⁸ *Willey G. R. and Smith A. L.*, 1967, p. 291—298.
¹⁶⁹ *Ruppert K. and Denison J. H.*, 1943, p. 13—122.
¹⁷⁰ *Becquelin P. et Bauder C.*, 1975, p. 12.
¹⁷¹ *Ibid.*, p. 10—23.
¹⁷² *Morley S. G.*, 1956, p. 144.
¹⁷³ *Rands R. L.*, 1967, p. 113—115, 142—145.
¹⁷⁴ *Bullard W. R.*, 1964, p. 281—282.
¹⁷⁵ *Bray W.*, 1972, p. 914.
¹⁷⁶ *Trigger B.*, 1972, p. 588.
¹⁷⁷ *Adams R. E. and Gatling I. L.*, 1964, p. 101, mapa 1, p. 114—116.
¹⁷⁸ *Puleston D. E.*, 1974, p. 309.
¹⁷⁹ *Hammond N.*, 1974, p. 316—317.
¹⁸⁰ *Ibid.*, p. 320—328.
¹⁸¹ *Morley S. G.*, 1938, vol. I, p. 262—265.
¹⁸² *Coe W. R.*, 1971, p. 105.
¹⁸³ *Morley S. G.*, 1938, vol. I, p. 2—7.
¹⁸⁴ *Ibid.*, p. 6, 7.
¹⁸⁵ *Rands R. L.*, 1967, p. 113, fig. 1.
¹⁸⁶ *Bray W.*, 1972, p. 914.
¹⁸⁷ *Hammond N.*, 1974, p. 322.
¹⁸⁸ *Morley S. G.*, 1920, p. 6.
¹⁸⁹ *Hammond N.*, 1974, p. 320.
¹⁹⁰ *Ibid.*, p. 322.
¹⁹¹ *Ibid.*, p. 320—322.

ГОРОД И ОБЩЕСТВО ЮКАТАНСКИХ МАЙЯ В X—XVI ВВ. Н. Э.

В предыдущей главе на основе археологических источников были выделены гипотетические столицы небольших государственных образований на территории Центральной области майя в I тысячелетии н. э. Однако один археологический материал не позволяет судить о характере и особенностях этих государств, размерах и численности населения. Правда, уже сам факт довольно большого числа таких городов-столиц (со своими династиями правителей) на сравнительно ограниченной территории и незначительное (15—30 км) их удаление друг от друга свидетельствуют о том, что перед нами — крайне малые территориально-политические единицы типа месопотамских городов-государств или древнеегипетских «номов».

Решить вопрос относительно их общего характера и внутренней структуры нам во многом помогут исторические данные о государствах юкатанских майя X—XVI вв., в значительной мере сохранивших черты преемственности с создателями культуры классического периода.

К моменту испанского завоевания большая часть полуострова Юкатан была разделена между 16 небольшими индейскими государствами. Каждое из этих территориально-политических подразделений называлось у майя термином «кучкабаль» (*cuch cabal*), переводимым испанцами как «провинция» (*provincia*)¹. Судя по майяской исторической традиции,

эти мелкие государства, по крайней мере дважды, объединялись в рамках более обширного политического образования, но через некоторое время оно вновь распадалось на свои составные части: с X по XIII в. н. э. большую часть Юкатана захватили пришельцы тольтеки, обосновавшиеся в Чичен-Ице; а с XIII по XV в. н. э. вся указанная область была подчинена династии майя-тольтекских правителей Кокомов, столицей которых был город Майяпан².

Между правителями, стоявшими во главе государств юкатанских майя, велись непрерывные столкновения и войны из-за спорных земель, ради захвата добычи и рабов и т. д.³ Границы «провинций» были непостоянны и неоднократно менялись на протяжении столетий. Не все «провинции» достаточно полно освещены в источниках. Так что абсолютно точные расчеты и показатели здесь вряд ли возможны. Ниже приводится список 9 «провинций» Юкатана с указанием их примерной территории и численности населения (на основе налогового ценза 1549 г.)⁴ (табл. 5). Плотность населения на 1 кв. км площади колеблется в этих провинциях от 10 до 34 человек; размеры — от 1200 кв. км до 9000 кв. км, а общее число жителей от 30 до 120 тыс. человек.

Наиболее крупными из этих провинций были Ах Кануль, Мани (Ту-туль Шив) и Сотута. Ах Кануль — одно из крупнейших государств

мая в северной части полуострова Юкатан, в прибрежной полосе от Пунта Копоте до Рио Хомтун (севернее г. Кампече). Провинция протянулась с севера на юг на 145 км, а с запада на восток — на 50 км. Налоговый список 1549 г., составленный всего 7 лет спустя после испанского завоевания, приводит для Ах Кануль население в 26 тыс. человек. До кон-

листы эта провинция представляла собой, по-видимому, конфедерацию городов. Она делилась на северную и южную части. Здесь издавна существовали большие солеразработки. В 1605 г. этот район давал свыше 1000 т соли в год.

В 1549 г. сильно поредевшее население южной части Ах Кануль жило в 10 небольших городах: Халачо — 900 жителей, Машкану — 1170, Чулила — 1500, Бекаль — 450, Нумкини — 2160, Киплакам — 1350, Калкини — 315, Санкабчен — 1575, Покбок — 1125 и Тенабо — 1485 человек⁵. Всего в состав этой провинции входили земли общей площадью до 5000 кв. км

Государства («провинций») юкатанских майя в XVI в. н. э.

1 — столицы провинций, 2 — древние памятники, 3 — границы между провинциями, 4 — современные государственные границы, 5 — предполагаемые границы провинций

с населением около 52 тыс. человек.

Провинция Мани (Титуль Шив) — одна из самых значительных на Юкатане в XVI в. Она названа по имени своей столицы — города Мани. Границы провинции хорошо прослеживаются на основе земельного договора 1557 г. По налоговому списку 1549 г. здесь еще числилось 32 500 человек; из них в самой столице — 4365. В источниках Мани часто упоминается как большой и цветущий город и важ-

ный религиозный центр. Другой крупный центр этой провинции — Тикуль имел в 1549 г. 3550 жителей. Согласно таблице У. Сандерса, в начале XVI в. государство Мани имело территорию около 8000 кв. км и население от 65 тыс. до 120 тыс. человек⁶.

Провинция Сотута названа по имени своей столицы. Она находится почти в центре Северного Юкатана. Границы провинции выявлены на

Таблица 5

Провинция	Площадь (в кв. км)	Численность населения		
		по цензу 1549 г.	в 1940 г.	в момент конкисы (предположительно)
Купуль	9000	54 000	60 000	100 000
Чакан	1500	15 000	15 000	30 000
Кенпеч	2400	40 000	37 000	80 000
Хокаба	1200	15 000	15 000	30 000
Ах-Кян-Чель	5000	40 000	38 000	80 000
Сотута	2000	15 000	10 000	30 000
Чикинчель	5000	Нет данных	—	70 000
Ах-Кануль	5000	26 000	38 000	52 000
Мани	8000	32 500	65 000	65 000—120 000

основе документа, составленного в 1545 г. правителем этой области — Начи Кокомом во время обследования своих владений. Помимо столицы, где еще в 1549 г. числилось 3380 жителей, в состав провинции входили также 17 других городков и селений, среди которых Чомульна не уступала по общей численности населения самой Сотуте (3300 человек). Общая территория провинции составляла в канун конкисы около 2000 кв. км, а население — до 30 тыс. человек⁷.

Очень важные сведения о внутренней структуре государств юкатанских майя приводит со слов конки-

стадоров испанский хронист Ф. Овьедо. Он дает термин «cabecera de la provincia», т. е. «столица провинции (государства)», часто упоминает расстояния, пройденные испанцами между двумя ближайшими крупными населенными пунктами, и каждый раз эта цифра составляет в среднем 2—3 лиги, т. е. 10—15 км⁸.

Ф. Овьедо далее указывает, что в каждую провинцию, помимо метрополии, входил ряд других меньших по величине городков и селений, образующих подчиненную столице округу. «...И это селение, или город, — пишет он о Чуаке, — называется Чуака и все окружающие его земли при-

надлежат его правителям и горожанам и торговцам... и окрестные поселения являются подданными этой республики, или города Чуака»⁹.

К моменту испанского завоевания у юго-восточной оконечности полуострова Юкатан, в бассейне р. Канделария, находилось большое и процветающее государство Акалан (Acalan), созданное индейцами майя-чонталь где-то в начале постклассического периода. Провинция Акалан состояла из столичного города Ицамканак и 76 подвластных ему городков и селений. В Ицамканаке находился двор правителя государства, храмы важнейших богов и 900—1000 «добротных домов из камня». Город был разделен на 4 квартала (pueblo), имевшие собственные имена Тацунум (Tatzunum), Атапан (Atapan), Чабте (Chabte) и Тасакто (Tazacto), собственных богов-покровителей и их храмы. Правитель государства — Пашболонача имел свой храм и своего бога-патрона, видимо являвшегося одновременно и верховным божеством всего местного пантеона (бог Кукулькан)¹⁰. Когда отряд Кортеса приблизился к Ицамканаку в 1524 г., то правитель города немедленно созвал экстренный совет из знатных савновников — глав четырех кварталов своей столицы, «поскольку ни одного крупного дела нельзя было решить без того, чтобы не сообщить об этом упомянутым знатым людям...»¹¹.

Город Потончан (штат Табаско), на южном побережье Мексиканского залива, — столица еще одной провинции майя-чонталь. Город был обнесен палисадом из толстых вертикально врытых в землю бревен с острыми верхушками и в случае необходимости мог выставить многотысячную армию воинов¹². Потончан занимал

довольно значительную площадь, так как его дома были отделены друг от друга огородами и садами. Многие из жилищ имели значительные размеры, поскольку здесь, как и на Юкатане, в каждом домохозяйстве обитал большесемейный коллектив. Центральную площадь города окружали пирамидальные храмы, дворец правителя, жилища жрецов¹³.

В глубине девственных лесов Северной Гватемалы, на озере Петен-Ица и в прилегающих районах, вплоть до конца XVII в. существовало государство майя-ицев, столицей которого был островной город Тайясаль. В нем находился двор правителя государства из рода Канека и свыше двух десятков храмов и святилищ. Столица (Тайясаль) разделилась на 22 «района», имевшие особые названия по имени своих начальников. Кроме этого большого острова, в государстве ицев было еще 4 других, меньших по размерам (с таким же делением на 22 «района»), и ряд владений по берегам озера и на значительном удалении от него¹⁴. Всего, по сведениям монаха Авенданьо (1695—1696 гг.), здесь насчитывалось 24—25 тыс. человек¹⁵.

В случае необходимости ицы могли выставить до 10 000 воинов, т. е. практически все взрослое мужское население провинции. Если принять этих воинов за 1/4 общего населения Петен-Ицы, то оно составит в целом до 40 тыс.¹⁶

Другие авторы называют еще большие цифры. Так, монахи Орбита и Фуэнсалида, побывавшие в Тайясале в 1618 г., считали, что в провинции Петен-Ица насчитывалось в общей сложности до 150 тыс. человек¹⁷. Испанский хронист Хуан де Вильягуьерре Сото-Майор говорил о «80 ты-

сячах вассалов» правителя Тайясаля¹⁸. По подсчетам другого испанского автора конца XVII в. — Ф. Элорсы-и-Рады, в провинции Петен-Ица насчитывалось в то время около 25 тыс. жителей¹⁹.

Мне представляется, что наиболее достоверные расчеты дает все-таки общая численность воинов-ицев (около 10 тыс. человек) или $\frac{1}{4}$ от всего населения провинции. Мы не знаем и точных размеров территории этой провинции. Известно лишь, что в царство Канека входили большие и малые острова озера Петен-Ица (общая площадь менее 50 кв. км) и земли и селения (до 9) по его берегам, часть из которых была удалена на восток от озера до 4 лиг, или до 22 км²⁰. Южнее озера находились владения заклятых врагов ицев — индейцев манче-чоль. Насколько далеко тянулись границы провинции на запад и на север, сказать трудно за неимением данных.

Во всяком случае, общая территория «провинции» вряд ли превышала несколько сотен квадратных километров.

В структурном отношении государство ицев состояло из островной столицы (*sabesera*) Тайясаля, четырех подразделений «провинции» и 9 подчиненных селений по берегам озера. Интересно отметить, что такое четырехчленное деление характерно и для структуры столичных городов юкатанских майя в X—XVI вв. н. э.: четыре «подразделения» (исп. *parcialidad*), или четыре «квартала» (исп. *barrios*, майяск. — *cuchteel*, *tzucul*, *china*), имели Чичен-Ица, Майяпан, Ицмакан, Исамаль²¹. Не менее любопытно, что в случае с Ицмаканом — столицей государства Акалан — его четыре «подразделения» —

«квартала» названы испанским термином «*pueblo*», который в ранних документах и хрониках служит эквивалентом понятию «город» и «территориальная община»²². Судя по описанию древнего праздника Вайеяб, у юкатанских майя в XVI в. четырехчленное деление имели и сравнительно небольшие селения (или сельские общины)²³. Однако если речь идет о крупном, столичном центре, то там «квартал» («большой квартал»), обозначенный как «*bagrio*» или «*parcialidad*» был аналогичен крупной территориальной общине («*pueblo*»), разделявшейся, в свою очередь, на более мелкие кварталы, соответствующие сельским общинам²⁴.

По своим размерам и численности населения «провинция» Петен-Ица полностью соответствует показателям среднего города-государства, наподобие тех, что известны нам по материалам Центральной Мексики X—XVI вв.²⁵ Столичный город Тайясаль был разделен на 22 «района» (*districts*), «в виде небольших селений, каждое из которых имело своего вождя для жертвоприношений их идолам»²⁶, собственное имя (видимо, совпадающее с именем этого вождя) и свой храм с богом-покровителем. Причем один из «районов» носил имя правителя государства Ахканека²⁷. Совершенно очевидно, что перед нами территориально-административная единица (видимо, с какими-то пережитками родовых связей), очень напоминающая адтекскую сельскую общину-«кальпулли» (*calpulli*)²⁸.

В свою очередь, такой «район»-община состоял, видимо, из ряда патриархальных большесемейных домо-владений, так как, по сообщению испанских хронистов, в Тайясале каж-

дый дом содержал «полный набор родственников, как бы велик он ни был»²⁹.

Подобную же структуру имели и остальные четыре «подразделения» государства ицев.

Известно, что остров, на котором находилась столица ицев — Тайясаль, был укреплен самой природой, будучи отделен от берега несколькими километрами водного пространства. Однако местные жители возвели по берегам острова рвы, облицованные камнем, и каменные стены³⁰. Остров был весь застроен жилищами. Улиц не было. Помимо домов, здесь имелось свыше двух десятков храмов (включая храм царских предков) и дворец правителя государства — Канека³¹.

По подсчетам современных исследователей, общая площадь «Большого Петена» — острова, на котором находилась столица ицев, составляла 500 м длины и 250 ширины, т. е. 125 000 кв. м, или же 12,5 га³². У нас нет точных данных о численности населения Тайясаля. Правда, в 1618 г. монах Бартоломе де Фуэнса-лида, побывав на главном острове ицев, упомянул о 200 домах. Эрик Томпсон предполагает, что речь идет здесь только о большесемейных домо-владениях, каждое из которых состояло в среднем из 15 человек. В таком случае население столицы майя-ицев будет равно примерно 3000 человек³³, а средняя его плотность достигнет внушительной цифры — 240 человек на 1 га. К этому нужно еще добавить обитателей дворцового комплекса и многочисленных жрецов с их слугами и подчиненными — в целом, видимо, не менее 1000 человек. Таким образом, общее население острова составит до 4000 жителей.

Известно, что границы между провинциями служили предметом особой заботы со стороны местных правителей. Они периодически совершали обходы границ своих владений, отмечая их либо специальными искусственными знаками (пирамидами из камней, деревянными крестами и т. д.), либо по наиболее заметным природным ориентирам (отдельная скала, источник, пещера, одинокое большое дерево и т. д.). Для охраны границ выделялась специальная стража. На оригинальных картах доиспанского происхождения были тщательно нанесены все города и селения каждой провинции вместе с ее землями³⁴.

Часто одну провинцию от другой отделяли «буферные», слабо населенные зоны: обширное болото, безводная каменистая пустыня, «полоса безлюдного леса»³⁵.

Правители провинций в сопровождении свиты из знатных лиц и стражников регулярно проверяли целостность рубежей своих владений. Но это отнюдь не означает, что они обладали правом верховной собственности на всю землю государства. Действительными собственниками большей части земель выступали территориальные (городские и сельские) общины в лице городов и селений. В 1557 г. правители и знать многих провинций Юкатана собрались в Мани и заключили там специальный договор о разграничении земель. «Там собрались они, — гласит индейский документ XVI в., — и обсудили как целесообразнее отметить границы, фиксируя углы и помещая кресты по краям полей селений их подданных, для каждого селения отдельно (курсив мой. — В. Г.)...»³⁶. Со своей стороны, Гаспар Антонио Чи — потомок пра-

вающей династии из Мани, подчеркивал, что «земли были *общими*, и поэтому между крупными селениями (*pueblo* — город, крупное селение, территориальная община) не было границ или межевых знаков, которые бы их делили, хотя таковые имелись между провинциями...»³⁷.

Однако, судя по земельным документам второй половины XVI в., можно утверждать, что территория каждой провинции представляла собой политическую и географическую общность, подразделяясь на более мелкие деления — земли городов и селений (*pueblos*)³⁸, т. е. территориальных общин.

Что касается внутренней структуры каждой такой общины (*pueblo*), то обычно она состояла из собственно города, служившего центром, столицей (*cabecera*) данной области, и, кроме того, из ряда небольших селений и деревушек, разбросанных вокруг майсовых полей. В деревне или селении жили члены одного или нескольких патриархальных родов. Есть сведения о том, что в некоторых случаях эти деревушки были сгруппированы (объединены) в «подразделения», или «кварталы», т. е. единицы, весьма похожие на сельские общины ацтеков — «кальпулли»³⁹.

Еще заметнее выступает это деление на «кварталы» (*barrios*) или «подразделения» (*parcialidades*), на примере крупных селений и городов юкатанских майя.

Первым обратил на это внимание еще в 30-х годах нашего века Р. Л. Ройс, сопоставивший четырехчленное (квартальное) деление Майяпана и ацтекского Теночтитлана⁴⁰.

Аналогичное деление города на 4 района существовало также в Ицамканаке (Акалан), причем в докумен-

те на языке майя-чонталь приводится и местный термин для обозначения таких делений — «цукуль» (*tzucul*). Каждое из них имело свое название, своего бога-покровителя (боги Икчуа, Иш Чель, Табай и Кабтанилькаль), свой храм и своего предводителя, главу квартала, входящего в совет при правителе государства. Таким образом, здесь тоже налицо полная аналогия структуре Теночтитлана, причем, по мнению Ф. Шоулса и Р. Ройса, эти деления Ицамканак имели не только религиозное, но и административное и военное значение⁴¹.

Отчетливые следы общинной организации типа ацтекской «кальпулли» отмечены и у современных групп майя-цодиль, живущих в горах штата Чиapas, в Мексике⁴².

Во всех названных выше случаях у ацтеков, ицев, чонталей и цодилей общинные подразделения (превращавшиеся в городских условиях в «кварталы») типа «кальпулли» всегда выступают в качестве собственников своих земельных владений, с четко определенными границами («*con terminos conocidos*»). А это заставляет предполагать, что нечто подобное было свойственно и для «подразделений», или «кварталов» (*tzucul, suchteel*), городов майя до прихода испанцев и на самом Юкатане⁴³. Каждый из «кварталов» (подразделений) возглавлялся специальным должностным лицом — «ах кучкабом» (*ah suchcab*), термин соответствующий испанским понятиям «рехидор» (*regidor*) и «принципал» (*principal*) — городской судья. Видимо, каждый квартал обладал известной самостоятельностью, поскольку его глава мог наложить на любое решение вето в городском совете. Кварталы, как

правило, имели своего особого богатопокровителя (и соответственно его храм), свое название, а в случае военных действий выставляли отдельные отряды воинов. Накануне конкисты на Юкатане, как и в Центральной Мексике, получила распространение 4 квартальная система разделения города.

Таким образом, город у индейцев майя — это как бы проекция внутренней структуры идеальной общины или племени, состоящих из 4 фратрий, или 4 групп родов. Однако в действительности — это лишь далекий отголосок бывших родо-племенных отношений. Из налогового списка 1594 г. по Юкатану мы знаем, что одни и те же группы были распространены в различных кварталах одного и того же города. В XVI в. население каждой городской общины (pueblo) на Юкатане делилось на 2—4 «квартала» (barrios). Вряд ли внутри них можно найти следы эндогамии, поскольку, если судить по распространению патронимий (имен патриархальных родов), они не концентрировались в одном месте, а встречались в разных кварталах⁴⁴. Главы «кварталов» (подразделений городской, территориальной общины), так же как и главы сельских общин, распределяли общинные земли среди глав большесемейных коллективов, выступавших в форме патрилокальных родов.

Этнографические наблюдения среди индейцев майя-поциль, во многом сохранивших традиционные формы социальной организации, позволяют воссоздать следующую картину. В районе Синакантан (штат Чиapas, Мексика), например, имеется один муниципальный центр, обозначенный местным термином «хктеклум» (hkte-

clum) — «моя истинная земля» и 15 разбросанных вокруг него деревень (parajes). В каждой деревне проживает от 120 до 1227 жителей. Деревня состоит из «домашних групп» (родственников, живущих в одном жилом комплексе), эквивалентных патрилокальным большим семьям. Практически — это один-три жилых однокомнатных дома, плюс подсобные постройки, сгруппированные вокруг внутреннего прямоугольного дворика и обнесенные стеной⁴⁵.

Несмотря на четырехвековое воздействие европейской культуры, майя-поциль в основном сохранили и основы своей древней социально-экономической организации в виде сельской общины-«кальпуль» (calpul).

В муниципальном районе Чальчихунтан имеется пять общин-«кальпуль». Каждая из них состоит из определенного числа экзогамных патрилинейных родов. Земли рода принадлежат общине, поскольку в случае смерти или ухода всех членов рода земли их распределяются среди оставшихся общинников. Ни одна семья не владеет землей вне рамок общины. Местные имена, которые обозначают роды, считаются принадлежащими к определенной общине-кальпуль и отождествляются с конкретными деревнями (parajes). Каждая община имеет свой набор должностных лиц, исполняющих юридические, политические и религиозные функции. Обычно члены общины выбирают этих людей среди пожилых мужчин⁴⁶.

О наличии большесемейных патрилокальных коллективов среди майя Юкатана накануне испанского завоевания свидетельствуют письменные источники. Так, налоговый

список 1549 г. приводит для острова Косумель только 220 налогоплательщиков-мужчин, бывших, вероятно, главами семей, так как общее население острова составляло тогда 1100 человек. Согласно переписи 1570 г., здесь каждый дом содержал, кроме главы семьи и его жены, еще от одной до семи других женатых пар. Причем это явление, видимо, было широко распространено на Юкатане в XVI в. В 1548 г. монах Лоренсо де Бьенвенида писал испанскому принцу (впоследствии королю — Филиппу II): «Знайте же, Ваше Высочество, что в этой стране едва ли найдешь дом, в котором живет лишь один домовладелец (*vecino*). Напротив, в каждом доме находится 2, 3, 4, 6 и даже больше женатых пар и среди них имеется «глава семьи» (*paterfamilias*), который является главой дома»⁴⁷.

Из налогового списка 1569 г. для Акалана-Тишчеля видно, что в доме наследника бывшего правителя этого индейского государства — дона Пабло — жило 8 семей. В 1541 г. в Табаско испанский чиновник А. Лопес переселил из одной деревни в другую жителей 3 домов майя-чонталь, среди которых находилось 10 взрослых мужчин⁴⁸.

Эти данные весьма важны для всех демографических расчетов, связанных с майя. Что касается особенностей планировки городов и селений юкатанских майя накануне конкисты, то Диего де Ланда пишет об этом следующее: «Их поселение были такого характера, в середине селения находились храмы с красивыми площадями, вокруг храмов были дома сеньоров и жрецов и затем людей паиболее богатых и почитаемых, а на окраине селения находи-

лись дома людей наиболее низших.

*Они жили так скученно, боясь врагов, которые брали их в плен, и только во время войн с испанцами они рассеялись по лесам»*⁴⁹.

Вопреки широко распространенному мнению о разбросанном характере поселений и городов майя на протяжении всей их истории есть прямые данные и о наличии скученной, плотной застройки. В городе Чьяпа (мекс. штат Чиapas) конкистадоры, среди которых был и летописец Берналь Диас, увидели следующую картину: «Затем... вступили мы в этот город (Чьяпа. — В. Г.), и когда мы прибыли в наиболее населенную его часть, где находились их крупные храмы и святилища, дома стояли там так тесно, что нам негде было и повернуться...»⁵⁰.

В отношении же численности населения городов майя в начале конкисты мы располагаем весьма скудными сведениями испанских хроник. Фернандес де Овьедо и Вальдес упоминает на восточном побережье Юкатана в момент высадки там экспедиции Монтехо селения из 500—1000 домов. Селение Кониль имело 5000 домов. Город Чуака раскинулся на территории, которую пешеходу можно пересечь лишь за день пути⁵¹.

В Ицамканаке — столице государства Акалан — насчитывалось к моменту прихода испанцев до 900—1000 домов, «весьма хороших, из камня, покрытых белой штукатуркой, и с листовыми крышами; большинство их принадлежало знатным людям»⁵².

В городе Чампотоне конкистадоров встречали «более 15 тысяч человек» (видимо, все взрослое мужское население города. — В. Г.) и здесь насчитывалось до 8000 домов из камня,

крытых соломой и окруженных каменной стеной и глубоким рвом⁵³.

В городе Четумаль — столице провинции Четумаль, на юго-восточном побережье Юкатана, — имелось около 2000 домов. По подсчетам этнографов, средняя семья индейцев-мая, жившая в одном отдельном доме, насчитывала 5—6 человек. Эти данные (приложив их к числу домов) можно использовать для общего подсчета размеров населения в данном городе. В таком случае мы имеем для Четумалья 10—12 тыс. жителей, Чампотопа — 40—48 тыс., Ицамкана — 5—6 тыс., Кониля — 25—30 тыс. и т. д.

Судя по старым словарям (мая-испанским и испано-маяским), в XVI в. юкатанские майя употребляли для обозначения любого постоянно существующего населенного пункта — от крохотной деревушки до многолюдного города — один и тот же термин «ках» (kah), означающий «селение». Иногда в словаре из Мотуля для обозначения понятия «город» используется термин «нох ках» (noh kah) — «большое селение», а для деревушки — «чанчан ках» (chanchan kah) — «малое селение». Сравнительно поздно появилось и слово «ич паа» (ich paa) — «крепость», «укрепленное место» (буквально «внутри ограды, внутри стен») ⁵⁴. Следовательно, как и на Древнем Востоке, у майя в доиспанскую эпоху не существовало еще терминологического противопоставления понятий: «город» и «деревня». Во всяком случае, мы определенно можем отнести пока к числу «городов» только населенные пункты, где, по сообщениям письменных источников, находились резиденции («циновка ягуара» — трон) правителей боль-

ших или малых государственных образований. Возможно, что на Юкатане постклассического периода эти города-столицы в значительной мере совпадали со списком селений, где, согласно древним авторам, регулярно возводились каменные стелы в честь окончания «двадцатилетий»: Опмаль, Сисаль, К'анкаба и другие, всего 8 пунктов ⁵⁵. Однако большинство из них, к сожалению, не отождествлено с современной географической картой. Кроме того, и список этот явно неполон, так как туда не включены такие крупные столичные центры, как Ушмаль, Чичен-Ица, Майяпан, Тулум, где стелы тоже возводились, что доказано археологическими исследованиями ⁵⁶.

Завершая рассмотрение вопросов, связанных с городами юкатанских майя в X—XVI вв. н. э., мне хотелось бы остановиться на характеристике Майяпана — города, который не только нашел отражение в письменных источниках, но и был детально изучен в 50-х годах археологами США (экспедиция Института Карнеги). Судя по сообщениям испанских и индейских хроник кануна конкис-ты, в XIII—XV вв. н. э. Майяпан служил столицей довольно крупного территориально-политического образования, состоявшего, помимо самой метрополии и ее округи, из владений нескольких зависимых от Майяпана городов-государств. В XV в. в результате внутренних неурядиц и волнений город был разгромлен восставшими и пришел в запустение (1441—1461 гг.). Испанские завоеватели застали на месте Майяпана лишь руины. В исторической традиции майя основание города приписывается легендарному Кукулькану — «Пернатому Змею», тольтекско-

му завоевателю Юкатана (X в.). «Этот Кукулькан, договорившись с местными сеньорами... — пишет Диего де Ланда, — занялся основанием другого города, где он и они могли бы жить и где сосредоточились бы все дела и торговля (курсив мой. — В. Г.). Для этого они выбрали очень хорошее место в 8 лигах дальше в глубь страны от современной Мерида и в 15 или 16 лигах от моря. Они окружили его очень толстой стеной из сухого камня, оставив только двое тесаных ворот... В середине этой огады они построили свои храмы и наибольший, подобный храму в Чичен-Ице, называли Кукулькан... Внутри этой огады они построили дома только для сеньоров...»⁵⁷ Город, однако, не кончился сразу же за пределами своих стен: вокруг него существовали, по-видимому, густонаселенные пригороды. «Майяпан был опустошен горцами-чужеземцами, — говорится в книгах «Чилам Балам», — были опустошены пригороды (*tapcah* — «перед городом», «вне города». — В. Г.) Майяпана»⁵⁸.

«Ранее, — отмечает испанский хронист Лопес де Когольудо, — Юкатан находился во власти одного верховного правителя и царя и таким образом управлялся монархическим правительством; и тогда вся эта земля называлась Майяпан по имени главного города, где правитель имел свой двор...»⁵⁹ Любопытно, что и в дальнейшем на Юкатане название столицы, где жил правитель, зачастую определяло и название всего государства (Мани, Сотута и др.). Много интересного дали и археологические исследования в Майяпане. Наличие массивной каменной стены вокруг города и открытый характер местности (известняковая равнина) позво-

лили достаточно точно определить внешние границы Майяпана и нанести на карту все видимые на поверхности руины.

Общая длина стен, окружающих Майяпан, составляет 9 км. В них прорублено двенадцать ворот. Эти внушительные укрепления обрамляют огромный овал площадью в 4,2 кв. км. Примерно посередине его находится компактный ритуально-административный центр, занимающий площадь около 6,4 га (1,5% площади города) и состоящий примерно из 100 крупных каменных зданий. Он тщательно спланирован в виде четырехугольника точно по странам света вокруг главного городского храма — «Эль Кастильо» и отделен от остальной части города невысокой каменной стеной. Таким образом, теперь получают объяснение и весьма странные на первый взгляд слова Диего де Ланды о том, что стенами были обнесены только дома сеньоров и храмы, а простолюдины жили только за пределами города. По-видимому, Майяпан действительно ограждался стенами дважды: одна стена малая — вокруг ритуально-административного центра, а другая (внешняя) — вокруг всего города, включая и жилые кварталы. Ритуальные, административные и общественные сооружения составляют не более 3,5% (140 шт.) от общего числа зданий, выявленных в Майяпане.

Помимо основной группы монументальных построек в центре города, за пределами «теменоса» выделяются еще 4 периферийные ритуально-административные группы: одна в северо-восточной части города (11 построек); другая — к югу от сенокота Котон (4 постройки); третья — у северной стены, в квадрате «Е» (5 зданий),

и четвертая — на полпути между северной и южной сторонами города, в квадрате «Q» (3 здания)⁶⁰. Подавляющая часть построек, выявленных в Майяпане, является жилыми домами. Обычно они группируются по 2—4 здания вокруг небольших прямоугольных дворики. И в большинстве случаев каждая из таких мини-атюрных групп жилых построек ограждена низкой стеной из грубого камня, обрамлявшей, по-видимому, участок отдельного домовладения большесемейного коллектива⁶¹. Храмы и общественные сооружения такими стенами никогда не окружались. Многие дворники внутри таких оградок достаточно велики (от 500 до 1500 кв. м) и расположены на земле, годной для выращивания фруктовых деревьев и возделывания огородов. Интересно, что жилые комплексы Майяпана даже внешне очень похожи на современные домовладения юкатанских индейцев-мая. Наличие в обоих случаях обнесенных стеной участков вокруг домов говорит о том, что этот обычай появился на Юкатане задолго до прихода европейских завоевателей⁶².

Наблюдается также и значительное сходство между планировкой и внешним видом жилых комплексов современных майя с группами домов в древнем Майяпане. Хотя сейчас индейские дома имеют на Юкатане овальную, а не прямоугольную в плане форму и одну комнату, их общее размещение в группе (домовладении) аналогично майяпанской практике⁶³.

Общее число построек, выявленных в Майяпане составляет приблизительно 4140. Из них ритуально-административных — 140, жилых и бытовых — 4000. Внутри городских стен находилось 3875 жилых зданий, а сна-

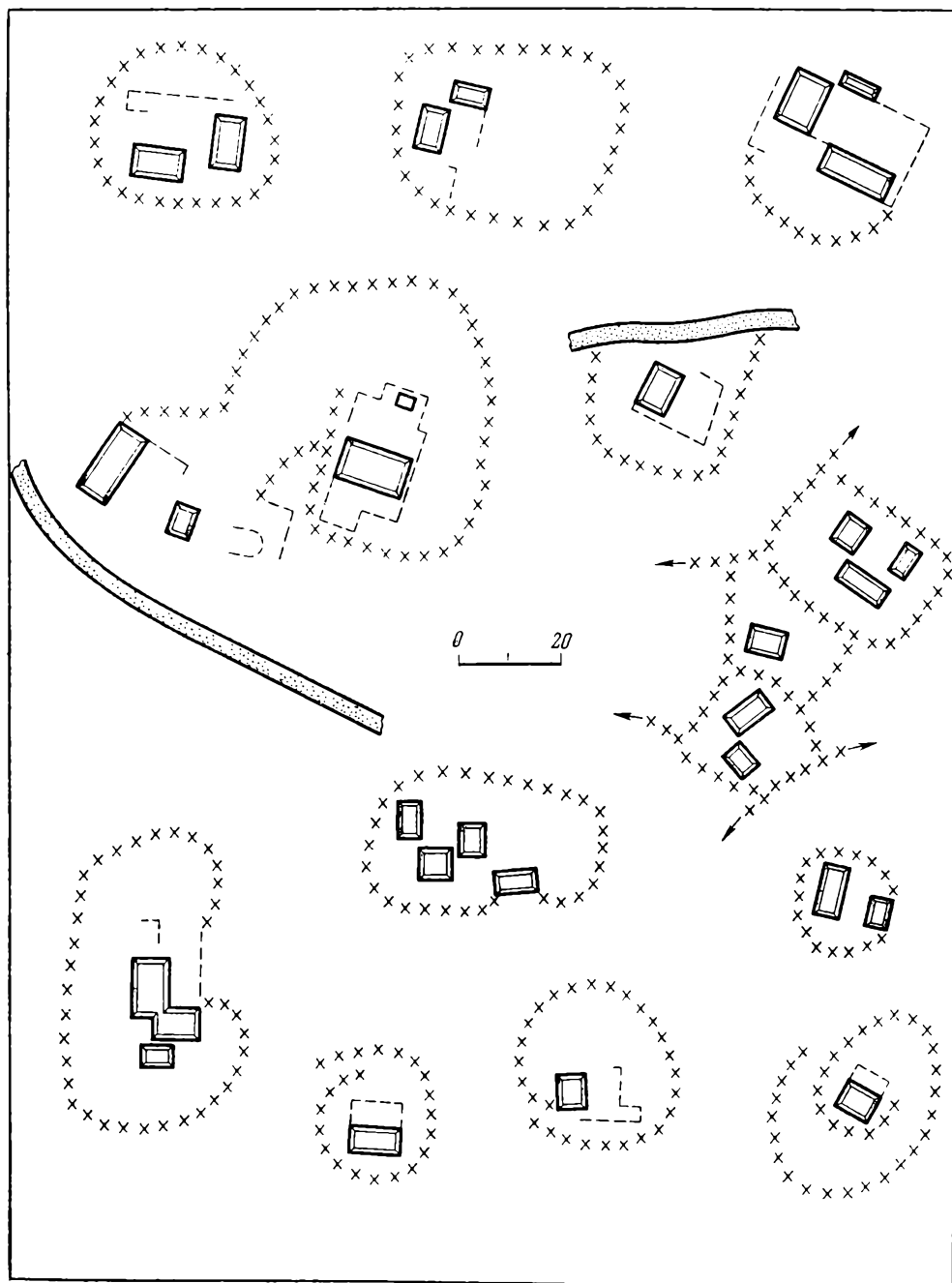
ружи — 125. Плотность застройки была различной, но имела тенденцию возрастать по мере приближения к «священному кварталу» в центре города. Там же, в центре находились и почти все сеноты — карстовые колодцы с водой.

Жилища простых горожан — это обычно двухкомнатные дома из дерева и глины с лиственной крышей, стоящие на низкой каменной платформе. Только полы и нижняя часть стен возводилась из камня. Примерно 50 домов, объединенных в 30 групп, наверняка принадлежали персонажам высокого ранга. Стены у этих зданий — целиком каменные, плоская крыша покоится на деревянных балках и каменных столбах. Внутри — несколько комнат, в том числе семейное святилище. Все эти крупные постройки расположены в самом центре Майяпана⁶⁴.

Дома остальных горожан были хаотично разбросаны по всей площади города, без какой-либо видимости порядка. Правда, как отдельные постройки, так и группы их всегда ориентированы точно по странам света, чаще — фасадом на восток, север и юг, и очень редко — на запад. Единственными проходами через жилые районы служили извилистые промежутки между стенами домовых участков⁶⁵.

По подсчетам авторов раскопок, в Майяпане жило в XV в. до 11—12 тыс. человек. Комплекс крупных каменных резиденций в центре города (6 зданий: R 85 — R 90), по предположению исследователей, является «дворцом» правителя Майяпана или какого-нибудь знатного сановника. «Дворцами» же считаются постройки и двух других групп: R = 95—99 и Z = 102—108⁶⁶.

Образцы домовых участков из Майяпана

В Майяпане обнаружены три мощенных камнем дороги-дамбы («сакбе»). Крупнейшая из них ведет от построек «дворца» R 95—99 к группе Q — 50⁶⁷.

К сожалению, в данном случае не удалось выявить каких-либо внутренних территориально-административных делений в пределах города, наподобие «кварталов» и «районов» ацтекской столицы. Правда, наличие в Майяпане, помимо главного ритуально-административного центра, четырех других ритуально-административных групп меньшей величины и значения, возможно, служит косвенным указанием на его 4-квартальное деление, столь распространенное у майя в постклассический период (X—XVI вв.). На это имеется прямое указание письменных источников: «В 1 год двадцатилетия 1 Владыки ушел халач-виник Тутуль (Шив) вместе с батабамп селений и *четырьмя отрядами страны*» (*yetel can tzucucil sabobe*) — здесь майяское *can tzucucil* является синонимом испанскому термину «квартал», «подразделение»⁶⁸. Не исключено, что имена четырех «стражей ворот» Майяпана, приводимые в книгах Чилам Балам—Сулим Чан (западные ворота), Нават (южные), Ковох (восточные) и Ах Эк' (северные)⁶⁹, относятся как раз к главам четырех «подразделений», или «больших кварталов», города, и что термин «страж ворот» эквивалентен здесь уже упоминавшейся должности «ах куч каба».

ОБЩЕСТВО ЮКАТАНСКИХ МАЙЯ В X—XVI ВВ. Н. Э.

Как уже отмечалось, каждое государство, или провинция, юкатанских майя управлялось халач-виником

(«*halach uinic*» — майяск. «настоящий человек»). Должность его была наследственной и передавалась от отца к сыну⁷⁰ или (во всяком случае по мужской линии) в рамках одного рода. Диего де Ланда сообщает, что правители династии Чель из «провинции» Ах Кин Чель имели одновременно и «жреческое достоинство»⁷¹. В словаре Мотуль термин «халач-виник» переводится как «епископ, верховный судья, губернатор или правитель, и комисарио» (вид инспектора по религиозным канонам. — В. Г.)⁷². Следовательно, «халач-виник» соединял в своих руках как чисто светские, так и формально религиозные функции, хотя вопросы культа находились практически в ведении верховного жреца. Власть правителя была довольно велика. Он играл ведущую роль в осуществлении внешней и внутренней политики своего государства, был верховным судьей и главнокомандующим армии. Мы располагаем прямым указанием индейца Гаспара Антонио Чи на то, что власть правителя была практически абсолютной. «Правители,— пишет он,—имели абсолютную власть в пределах своих владений и осуществляли ее в довольно жесткой форме...»⁷³ Некоторые из «халач-виников» имели также титул «ахав» («владеющий участком»), который переводится в словаре Мотуль как «царь, император, монарх». В колониальную эпоху майя называли так короля Испании. Накануне конкисты титул «ахав» носили по крайней мере правители трех юкатанских «провинций»: Ахав Печ, Ахав Чель и Ахав Коком⁷⁴.

Экономической опорой власти правителя служили его собственные, «царские» земли, обрабатываемые ра-

бами и разного рода зависимыми людьми⁷⁵. Есть прямое указание о наличии собственных возделанных земель у царского дома Кокомов, правившего в Майяпане⁷⁶. Кроме того, правитель систематически получал с подвластных ему селений дань в виде различных сельскохозяйственных продуктов. О размерах этой дани существуют самые противоречивые точки зрения. Так, согласно Лопесу де Когольюдо, ежегодная дань властителям Майяпана состояла из небольшого числа хлопчатобумажных плащей, домашней птицы, какао (в тех местах, где его выращивали) и каучука, и «все требуемое было очень невелико по размерам»⁷⁷. То же самое пишет и Гаспар Антонио Чи: «И дань, которую они ему (Титуль Шиву, правителю Мани.— В. Г.) давали, была не более чем разнообразием их признательности; она состояла из одной домашней птицы в год и немного майса в пору сбора урожая, а также меда и некоторых одежд из хлопка — все в очень ограниченном размере и почти добровольно»⁷⁸.

Однако вряд ли эта идиллическая картина соответствовала действительности. В одном из испанских документов XVI в., посвященном образу жизни юкатанских майя до европейского завоевания, мы читаем следующее: «И этим упомянутым правителям они повиновались и платили дань в виде плащей и индеек, майса, фасоли и... рабов. Того, кто не давал правителю полагающуюся ему дань, он приказывал принести в жертву...»⁷⁹.

В свою очередь, Диего де Ланда отмечает, что «все население делало посевы» для правителя, видимо, со специального, имевшегося в каждом селении «царского» участка, а соб-

ранный урожай шел на нужды царского дома. «Когда была дичь или рыба или когда приносили соль, всегда давали часть сеньору...»⁸⁰. Общинники обязаны были также построить каждому правителю новый дом и следить за его состоянием, ремонтируя в случае нужды⁸¹.

Таким образом, даже эти далеко не полные сведения позволяют судить о методах эксплуатации «халачвиником» подвластного ему населения.

«Некогда вся эта страна, — утверждает Гаспар Антонио Чи, — находилась под властью одного правителя; в те времена, когда царствовали правители Чичен-Ицы и их могущество сохранялось более чем два столетия... Ему (правителю Чичен-Ицы.— В. Г.) платили дань все сановники этой провинции и даже за пределами ее, из Мексики, Гватемалы, Чиapasа... Они слали ему подарки в знак мира и дружбы»⁸². К XIII в. могущество тольтекских династий из Чичен-Ицы приходит конец, а на небосклоне майяской истории все ярче светит новая восходящая звезда — Майяпан. Его династы сумели искусными политическими интригами и твердой десницей за несколько десятилетий укрепить свои позиции, подчинив своей власти значительную часть юкатанских земель.

Новое централизованное государство (*mul teral*) сделало своей столицей сильно укрепленный город Майяпан. Майяпанские цари вскоре приняли титул «котекпана» (*cotecpan*), что означает «находящийся во дворце»⁸³.

«Правители Майяпана, — пишет Лопес де Когольюдо, — имели абсолютную власть и строго спрашивали за несоблюдение их приказов»⁸⁴.

Подобно «халач-винику», цари Майяпана объединяли в своих руках высшую светскую и духовную власть, активно участвуя во всякого рода религиозных церемониях и обрядах. По словам одного испанского хрониста, «в древние времена сеньоры Майяпана должны были служить в храмах идолов во время церемоний и празднеств, которые были предписаны для них законом...»⁸⁵.

У нас нет никаких точных данных о происхождении власти «халач-виников» или правителей единого государства юкатанских майя с центрами в Чичен-Ице и Майяпане.

Среди майя бытовала легенда о божественном происхождении царской власти. В малопонятных пророчествах майяских жрецов, содержащихся в книгах «Чилам Балам», есть ссылки на божественное происхождение важнейших атрибутов власти правителя. «В день 10 Иш, 1 Поц, в его время, в его катун, царствование 5 Ахав. Тогда спустится на землю небесное *опахало*, небесный *букет*, букет правителя. Он (5 Ахав.— В. Г.) укажет пальцем на тот день, когда возьмет в свои руки правление. Он объявляет, он сидит прямо, он устраивается прочно у кормила власти, у своей *чаши*, на своем *троне*, на своей *циновке*, на своем сиденье»⁸⁶.

Из всей совокупности имеющихся сейчас исторических свидетельств можно сделать вывод о том, что трон, циновка, опахало, букет и чаша были важнейшими атрибутами власти правителя юкатанских майя. К этому следует добавить еще и скипетр: «Тогда был лишен скипетра Чак Шиб Чак, Сак Шиб Чак был лишен скипетра. Эк'-Йуун Чак был также лишен скипетра»⁸⁷. Собственно говоря, перевод майяского термина «канхел» сло-

вом «скипетр» — носит чисто условный характер. Ю. В. Кнорозов переводит его как «четыре смены», имея при этом в виду символ власти четырех номинально сменяющихся правителей⁸⁸. Другие исследователи переводя «канхел» как «дракон», «змеиный жезл» и т. д.⁸⁹ На рисунке изображающем генеалогическое древо династии Шивов, видимо, представлена одна из таких инсигний царской власти — «канхел» в виде длинной и гибкой рукоятки с головой змея на конце и опахала или веера в верхней части⁹⁰. Точно такие же инсигнии или скипетры изображены в руках пышно одетых людей на фресках из храма Чак Моола в Чичен-Ице⁹¹. Видимо, права Энн Моррис (США), считающая «канхел» постклассических времен выродившейся формой «карликового скипетра» классического периода, т. е. инсигнии правителя, известной еще с I тысячелетия н. э.⁹² Иногда царский трон изготовлялся в виде фигуры ягуара, а циновка заменялась разостланной шкурой того же свирепого хищника⁹³.

Во время отправления различных религиозных ритуалов или изображая каких-либо богов, правители часто пользовались специальными масками, изготовлявшимися из дерева, металлов и камня⁹⁴.

Прижизненный и заупокойный культ правителей, их обожествление — еще одна характерная черта социально-политической жизни юкатанских майя в постклассическое время. «По мнению индейцев, — пишет Диего Ланда, — с псами, которые поселились в Чичен-Ице, пришел великий сеньор К'ук'улькан... Говорят, что он был благосклонным, не имел ни жены, ни детей и после своего

ухода считался в Мексике одним из их богов, Кецалькоатлем. В Юкатане его также считали богом, так как он был великим правителем... и посвятили ему храм, чтобы в нем справлять ему праздник. И справляла его торжественно вся страна до разрушения Майяпана»⁹⁵.

Свидетельство о наличии царского культа среди древних майя содержится в трудах Гаспара Антонио Чи.⁹⁶ Четко прослеживается этот культ и по другим письменным источникам⁹⁷.

Знать. Ниже халач-виника стояли по рангу «батабы» (batab) — начальники крупных селений (кроме столичного города, где функции батаба исполнял сам верховный правитель). Батабы, многие из которых принадлежали к тому же династическому роду, подчинялись халач-винику и непосредственно назначались им во все крупные селения. Батаб исполнял в своем селении административные, юридические и военные функции. Он председательствовал в городском совете, состоявшем из глав кварталов и наиболее влиятельных и богатых горожан, следил за своевременной уплатой дани правителю, заботился о том, чтобы дома в его селении всегда были в порядке, а земледельческие работы осуществлялись надлежащим образом и в срок. Батаб разбирал обиды и споры, вершил суд, наказывая преступников. Он же был номинально главой местного отряда воинов, хотя фактически военными действиями руководил специальный военачальник — «након» (nason)⁹⁸.

После прихода испанцев батабов стали называть в официальных документах «касиками» (caciques).

Известно, что жители селения дани

лично батабу не платили, как это было в случае с халач-виником. Однако им вменялось в обязанность «содержать» этого начальника «всем тем, что они сеют и производят»⁹⁹.

Из других документов мы знаем, что жители селения не только приносили батабу натуральные дары и налоги на его содержание, но и возделывали для его нужд специальный участок размером в 60 «мекатес» (около 2,4 га), собирая и отдавая с него урожай в кладовые батаба. Кроме того, они строили и чинили ему жилище и поочередно присылали для помощи в домашних делах несколько мужчин и женщин¹⁰⁰.

В целом можно сказать, что должность батаба была наследственной, передаваемой обычно от отца старшему сыну, но поскольку батабов назначал в селение лично халач-виник, любой негодный ему кандидат мог и не получить желанного поста¹⁰¹. Для того чтобы еще больше затруднить доступ посторонним в высшие слои иерархии государства и ограничить их лишь кругом избранных, халач-виник в начале каждого 20-летия (катуна) устраивал специальный экзамен для всех батабов селений. Экзамен состоял, судя по источникам, из ответов на вопросы, задаваемые на особом, малопонятном для непосвященных языке («язык Суйюа» — Zuyuua), который был известен только узкой группе аристократических родов, ведущих свое происхождение от тольтекских завоевателей¹⁰².

К числу таких знатных родов Юкатана, имевших несомненную связь с тольтеками, относятся, например, Шивы, Кокомы, Ах Кануль и другие, из рядов которых выходили не толь-

ко батабы, но и правители государств — халач-виники¹⁰³.

Власть батаба в пределах селения вряд ли можно считать абсолютной, так как он подвергался контролю и влиянию сразу со стороны трех различных сил. Прежде всего, он должен был выполнять все распоряжения халач-виника, который назначил его на этот пост. Затем он вынужден был сотрудничать с местным жрецом, который выступал в качестве его главного советника, а также был предсказателем и служителем культа, оказывая значительное воздействие на умы жителей селения. Кроме того, батаб прислушивался и к голосу членов совета селения, куда входили главы «кварталов» — «ах куч кабы» (ah such sab), обладавшие правом вето на любое решение начальника¹⁰⁴. Возможно, что «ах куч кабы» представляли в совете интересы наиболее зажиточных членов общины, поскольку выбирались только из их круга.

Здесь, видимо, уместно будет еще раз вернуться к вопросу об источниках существования как батабов, так и всей майяской знати в целом. Батаб получал от жителей подвластного ему селения все необходимое для жизни — продукты питания, топливо, ткани и т. д. — как в результате предоставления ему части своей продукции, так и путем трудовой повинности (поочередной) в домовладении градоначальника. Кроме того, батаб, скорее всего «по должности» получал в своем селении специальный участок земли «на прокормление», который члены местной общины обрабатывали сообща, а урожай отдавали батабу¹⁰⁵. Но и это не все. Даже исходя из скудных сведений дошедших до нас источников, есть все основания пред-

полагать, что у батабов и других представителей высшей знати были и свои собственные, наследственные земли¹⁰⁶. Диего де Ланда, упоминает, к примеру, какие-то «наследственные участки» земли, находившиеся в ведении опекунов в период несовершеннолетия отпрысков знатных фамилий: сюда включались не только плантации какао, сады, пасеки и т. д., но и мильпы¹⁰⁷.

О наличии у высшей знати майя частных земель говорит и приведенный ниже отрывок из «Договора в Мани» (1557 г.). Правители и сановники майя, собравшиеся там вскоре после конкисты заявили: «Настоящим мы объявляем наше истинное показание относительно того, что эта земля не принадлежит рабам, которым мы ее предоставили, чтобы знатные люди могли содержать себя, и что они (рабы.— В. Г.) могут возделывать ее в надлежащее время. Это — наше истинное показание: никто да не оспорит его...»¹⁰⁸. Одно смутное высказывание из работы испанского хрониста Лопеса де Когольудо позволяет предполагать, что батабы составляли общинников — жителей своих селений — расширять участки возделываемой земли с тем, чтобы усилить поборы в пользу халач-виника и в свою тоже. Но простые земледельцы всячески увиливали от этого, возделывая ровно столько, сколько требовалось для надежного обеспечения семьи на год¹⁰⁹.

Как уже отмечалось, в состав майяской знати входили, помимо халач-виника и батабов, «ах куч кабы» — главы квартальных делений городов и крупных селений. Сюда же следует отнести и военную знать: военачальников-«наконов» и членов аристократических рыцарских орденов типа

«ордена ягуаров»¹¹⁰. Армия (из профессиональных солдат — «холькапов») в ее верхушка служили в руках халач-винника надежным орудием для поддержания своей власти внутри государства. Бернардо де Лисана, хронист XVII в., упоминает о майяском военачальнике с титулом «хунпикток» (*hunpictok*), что означает в переводе на испанский «капитан, имеющий войско в 8 тыс. „кремней“», или в 8 тыс. копий. «Его должность, — продолжает Б. Лисана, — была самой важной. И эти капитаны служили, чтобы подчинять вассалов и заставлять их содержать (кормить) царя»¹¹¹.

К числу чиновников с полицейскими и судебными функциями относились «ах кулель» (*ah kulel*) и «тупиль» (*tupil*)¹¹². Но они были частью бюрократического аппарата, созданного государством не будучи членами знатных семей.

В состав знати входили, видимо, и «хольпопы» (*holpop*) — «владыки чиновники» (у майя чиновка — символ власти). Точное значение этого титула, правда, остается не совсем ясным. Мы знаем, например, что во время обходов границ своих владений халач-винник составлял свою свиту из особо знатных и богатых сановников. В 1545 г. Начи Кокома — правителя провинции Сотута сопровождали в таком инспекционном походе «хольпоп» Кач, «хольпоп» Тун и «хольпоп» Хау¹¹³. В одном из сообщений о правителе «провинции» Хокаба-Хумун говорится: «Этот властитель управлял и руководил своим народом в этой провинции с помощью своих касиков, которых они называли «хольпопо» (*holporo*)...»¹¹⁴.

Жречество. Особую прослойку среди знати майя составляло могу-

щественное жречество. «Имевшие строгую иерархию жрецы (ст. *ах'-к'ин*) контролировали всю жизнь в государстве. Верховный жрец (ст. *ах-ав кан-ул*, сокр. *ах-ав кан*, «страж владыки») был советником правителя, а подвластные ему жрецы селений — советниками местных начальников (ст. *батаб*). Жрецы указывали время выступления военных отрядов и купеческих караванов. Они следили за сроками всех работ, в особенности земледельческих, и совершали обряды, связанные с рождением, посвящением, женитьбой и смертью жителей»¹¹⁵.

Жрецами становились обычно сыновья самих жрецов или же младшие сыновья знатных семей¹¹⁶.

Среди жрецов существовала ярко выраженная специализация. Выделяются жрецы-прорицатели («чиляны»), специалисты по человеческим жертвоприношениям (наконы) и их помощники (чаки). Были просто жрецы, служившие в храмах (*ах кин*)¹¹⁷.

Наиболее полное описание деятельности майяских жрецов мы находим у Ланды. «Жители Юкатана, — пишет он, — были настолько же внимательны к делам религии, как и управления. Они имели великого жреца, которого называли Ах К'ин Май... что значит «жрец Май» или «великий жрец Май». Он был очень уважаем сеньорами; у него не было поместья с индейцами, но сверх приношений ему давали подарки сеньоры, и все жрецы селений платили ему подать. Ему наследовали в его достоинстве сыновья или наиболее близкие родичи. У него был ключ к их наукам, и ими они более всего занимались; они давали советы сеньорам и ответы на их вопросы... Он

назначал жрецов в селения, когда их нехватало, испытывая их в науках и церемониях, и поручал им дела их должности, обязывая их быть хорошим примером для народа, снабжал их книгами и отправлял.

Эти жрецы заботились о службе в храмах, обучении своим наукам и писании книг о них.

Они обучали сыновей других жрецов и младших сыновей сеньоров, которых им приводили для этого еще детьми, если замечали, что они склонны к этому занятию.

Науки, которым они обучали, были: счет лет, месяцев и дней, праздники и церемонии, управление их святынями, несчастные дни и времена, способы их предсказания и их пророчества, события, лекарства против болезней, памятники древности, умение читать и писать буквами и знаками, которыми они писали...»¹¹⁸

Некоторые храмы и божества Юкатана пользовались славой далеко за его пределами (например, «святыни» на острове Косумель), и верующие совершали к ним длительные паломничества¹¹⁹.

Из сообщения Диего де Ланды мы знаем, что даже у верховного жреца не было своего земельного участка и что он существовал за счет приношений верующих, подарков правителей и подати, получаемой им с жрецов селений. Но откуда же брали средства для существования и для уплаты подати Ах Кин Маю местные жрецы?

Вряд ли здесь могло обойтись только добровольными приношениями самих верующих. Дело в том, что именно жрецы устанавливали характер и объем жертвоприношений для многочисленных майяских богов в надлежащие дни. И всецело от них за-

висело, чтобы сделать эти «дары» своей паствы как можно более частыми и выгодными для себя. Далеко не случайно «основным видом жертв были различные блюда, которые после поднесения статуям богов доставались жрецам...»¹²⁰.

Известно также, что «часть своих подарков и налогов правители отдавали храмам и для принесения в жертву богам»¹²¹.

Кроме того, есть (правда, не слишком надежные) указания на то, что в каждом крупном селении для нужд храма выделялся специальный участок земли, обрабатываемый сообща всеми жителями, урожай с которого шел на нужды храма¹²².

Общинники. Свободные общинники составляли, вероятно, большинство населения юкатанских «провинций» XVI в. Они же были и основными производителями государства¹²³. К их числу относились земледельцы, охотники, рыбаки, пчеловоды, носильщики, ремесленники и мелкие торговцы. Этот класс не был, по-видимому, однородным и расслаивался на зажиточную и обедневшую группы, о которых у нас нет, к сожалению, почти никаких данных... В провинции Ах-Кануль на севере Юкатана встречается накануне конкисты термин «айикаль» (ayikal) — «богатый человек», употреблявшийся как титул¹²⁴. Томас Лопес Медель — испанский администратор, появившийся на Юкатане всего 10 лет спустя после завоевания полуострова, — упоминает в своем отчете о «бедняках», которые работали на землях правителей и знати, но не были, по-видимому, рабами¹²⁵.

Выше уже отмечалось, что значительная часть возделываемых земель находилась в собственности терри-

ториальных общин — городских или сельских. Внутри же общин «пахотная» земля распределялась по наделам среди глав большесемейных патрилокальных коллективов¹²⁶. Таким образом, широко распространенное среди ранних испанских авторов утверждение о господстве общинной собственности на землю среди юкатанских майя накануне конкисты (Диего де Ланда, Лопес де Когольюдо, Антонио Эррера, Гаспар Антонио Чи и др.) относится, вероятно, только к мильповым участкам, отвоеванным у тропической сельвы.

В то же время столь же очевидно, что приусадебные участки общинников, плантации какао, рощи и сады фруктовых деревьев находились в частной (индивидуальной) собственности граждан территориальной общины¹²⁷. Такие интенсивно возделываемые приусадебные участки, окруженные каменными стенами или изгородями из колючих кустарников, отмечены у юкатанских майя и историками эпохи конкисты, и археологами, изучавшими доиспанские памятники (например, в Майяпане).

Не были общими и наследственные земли царского дома, частные земли майяской аристократии и т. д.

Да и в пределах всего массива земель, принадлежавших общине, распределение наделов было далеко не равным. Главы сельских общин, различные должностные лица и, конечно, батабы всячески стремились расширить размеры своих участков за счет земель остальных членов общины¹²⁸.

Рабы. Накануне испанского завоевания на Юкатане имелось значительное количество рабов. Основную массу их составляли военнопленные, захваченные во время частых войн

между «провинциями»¹²⁹. Другим источником рабства было наказание за воровство и за неуплату долга. «Кражу искупали и наказывали обращением в рабство, — пишет Ланда, — хотя бы была очень маленькая кража, и поэтому у них было столько рабов, особенно во время голода...»¹³⁰ Бернардо де Лисана уточняет, что в рабство обращали даже за три початка майса, украденные с чужого поля¹³¹. Дети раба или рабыни, и люди, вступавшие в брак с рабом или рабыней, сами становились рабами¹³².

Многих людей, особенно женщин и детей, похищали и обращали в рабство разбойники и отряды воюющих между собой государств.

Существовала широкая торговля рабами как внутри Юкатана, так и за его пределами. По словам испанского хрониста Овьедо, на одном из рынков Никарагуа в XVI в. раб стоил 100 бобов какао (1 испанский реал был равен тогда 80—100 бобам какао)¹³³.

Мы не имеем точных данных о статусе юкатанского раба. Но в горной Гватемале, в провинции Верапас, хозяин был полным собственником своего раба. «Тот, кто убил или ранил своего раба, — пишет испанский монах Торкемада, — не нес никакого наказания: поскольку они говорят, что раб был его имуществом, его собственностью и он не обязан отчитываться по этому поводу перед кем бы то ни было»¹³⁴.

Можно предполагать, что, хотя участь раба в целом была нелегка, действительное его положение в майяском обществе варьировалось в весьма широких пределах.

Так, из упомянутых выше документов из горной Гватемалы и Юка-

тана, мы знаем, что часто на царских землях и в наследственных владениях знати трудились женатые рабы¹³⁵. Последние получали определенный участок для содержания своей семьи, а в обмен обрабатывали остальную часть земель в пользу владельца. В других случаях «женатые рабы», возделывая все, что им предоставил хозяин, платили ему частью (несомненно, весьма значительной) собранного урожая, службой в его доме и снабжением дома дровами и факелами для освещения¹³⁶. Труд рабов широко использовался в Акалане на плантациях какао. Цари и аристократы держали в своих домах для различных хозяйственных работ женщин-рабынь (приготовление пищи, уборка помещений и т. д.)¹³⁷. Использовались для этого и рабы-мужчины. Причем домашняя работа отнюдь не была легче полевой. Раб исполнял все самые тяжелые виды физического труда. Его плохо кормили и с ним жестоко обращались¹³⁸. Для иллюстрации сошлюсь на историю Херонимо де Агиляра — испанца, потерпевшего кораблекрушение в 1511 г. в Атлантике и выброшенного на побережье Юкатана. Там он с несколькими товарищами по несчастью был пленен индейцами-мая и превращен в раба одного из местных правителей.

Работа по дому касика была столь тяжела, что все спутники Агиляра вскоре умерли, не выдержав лишения¹³⁹.

Во время своего четвертого путешествия к берегам Нового Света Колумб встретил там, по словам П. Мартира, вблизи территории маяя, две лодки, идущие на веслах лодки, приводимые в движение голыми рабами с веревками на шее¹⁴⁰.

Особенно часто использовался труд рабов для переноски тяжестей, поскольку в Америке до прихода европейцев не было никаких вьючных животных. Поэтому рабы-носильщики — неременная составная часть всех торговых караванов¹⁴¹.

Видимо, большая часть рабов принадлежала к хозяйству правителей и знати, имеющих собственные земли. Поскольку и те и другие жили обычно в крупных городах (столицах) государства, то, видимо, и значительная часть связанных с ними рабов проживала в городах. Есть прямые указания в документах маяя-чонталь о том, что в провинции Акалан рабы принадлежали только правителю и аристократии¹⁴².

Однако в «Хронике из Калкини» (Юкатан) упомянуты и частные рабы в домовладениях богатой верхушки общинников, где они использовались, в частности, в качестве носильщиков¹⁴³. Число рабов колебалось, судя по этому документу, от 2 до 5 в одном домовладении¹⁴⁴.

Следует отметить, что положение обедневших общинников у юкатанских маяя практически мало чем отличалось от положения рабов. Антонио Эррера, испанский автор XVII в., упоминает в своей работе эпизод, когда майяпанский правитель из династии Кокомов с помощью наемных отрядов из Табаско «терроризировал всю страну и стал превращать в рабов бедных людей»¹⁴⁵. Тот же случай излагает и Ланда: «Он (Коком.— В. Г.) угнетал бедных и многих обратил в рабство...»¹⁴⁶.

Знаменательно и то, что правители маяя отдавали часть своих (царских) земель¹⁴⁷ в аренду «бедным людям» за определенную ренту. Но и часть «женатых рабов» получала из цар-

ских имений землю либо в обмен на часть урожая, либо за обязанность постоянно отбывать трудовую повинность на полях и в доме правителя. Таким образом, положение беднейшей части свободного населения зачастую мало чем отличалось от рабской участи, что позволяет их объединять в один класс, удачно названный И. М. Дьяконовым для древневосточного общества «зависимыми работниками рабского типа»¹⁴⁸.

Подводя итоги всему сказанному выше, можно сделать вывод о том, что к моменту прихода испанских завоевателей в XVI в. в обществе майя имела место значительная социальная стратификация.

Сами майя четко различали две большие группы населения: простолюдинов (*ах'-кех*, «общинник», букв. «охотник») и знатных (*ал-мехен*, букв. «сын отца и матери»). Кроме того, выделялись сословия или группы ремесленников (*ах'-чуен*), купцов (*ах'-полом*), воинов (*хол-кан*), колдунов (*ах'-пул-йах*), врачей (*ах'-цак*), прорицателей (*чил-ан*), жрецов (*ах'-кин*). «У них были свои боги покровители и свои праздники»¹⁴⁹.

Но это вплотную подводит нас к вопросу о классовой структуре майяского общества XVI в. И. М. Дьяконов на основе детального и всестороннего анализа структуры древневосточного общества III—II тысячелетий до н. э. пришёл к заключению, что оно состояло из трех основных классов:

1. «Класс людей, владеющих (прямо или косвенно) средствами производства, но не занятых производительным трудом и эксплуатирующих труд других».

2. «Класс людей, владеющих средствами производства и занятых

производительным трудом. На древнем Ближнем Востоке III—II тыс. до н. э. к этому классу относились главным образом крестьяне-собственники, являющиеся полноправными членами общин».

3. «Класс людей не владеющих средствами производства, но занятых производительным трудом. Сюда будут относиться как собственно рабы, стоящие вне традиционной социологической структуры древнего общества, так и несобственно рабы, имеющие свое место в этой структуре, но лишенные всякой собственности на средства производства и, подобно рабам, эксплуатируемые путем применения к ним не экономического принуждения, а прямого насилия...»¹⁵⁰

В какой же мере соответствует представленная выше схема классового членения древневосточного общества социальной структуре юкатанских майя постклассического периода?

Известный мексиканский историк и этнограф А. Вилья Рохас отмечает в одной из своих работ, что как в I тысячелетии н. э., так и накануне конкисты общество майя разделялось на три основных класса: *знать*, *плебеи* и *рабы*¹⁵¹.

«К первому классу, — подчеркивает А. Вилья Рохас, — люди принадлежали только по рождению (т. е. только отпрыски знатных фамилий, возводившие свое происхождение к богам. — В. Г.); именно по этой причине знать так рьяно пеклась о составлении и фиксации своей генеалогии»¹⁵². Только представители знати (*алмехен*) могли занимать высокие политико-административные и религиозные посты в государстве. Их высокое общественное положение подкреплялось экономически тем, что

они были освобождены от уплаты налогов правителю¹⁵³ и имели собственные, переходящие по наследству земельные участки¹⁵⁴, обрабатываемые руками рабов и зависимых людей. Кроме того, знатные лица с помощью различных методов и средств (дань, налоги, система подарков и подношений и т. д.) отчуждали значительную часть прибавочного продукта, производимого в своих хозяйствах свободными общинниками. Последние обязаны были нести также и трудовую повинность в пользу правителя и местных сановников и сообщать возделывать специальные участки земли, полагающиеся аристократии по должности.

К числу знати (*almehen*) относились правители (*халач-виник* и его род), жреческая верхушка, *батабы*, *ах куч кабы* и все другие лица, могущие доказать, что их предки находились среди аристократических семей в Майяпапе до его разрушения в XV в.¹⁵⁵

Не подлежит сомнению и правомерность выделения в особый класс свободных общинников, составлявших в древних обществах основную массу населения.

И, наконец, в третий класс входили у майя, по А. Вилья Рохасу, рабы.

В этой связи мне хотелось бы остановиться на вопросе о численном соотношении рабов и свободных земледельцев-общинников в обществе юкатанских майя накануне конкисты.

В. Н. Никифоров, полемизируя с Р. В. Кинжаловым по данной проблеме, так сформулировал свою точку зрения: «Наука сегодня не располагает конкретными данными, чтобы дать убедительную социально-экономическую характеристику общества майя. Не имеется, в частности, «ника-

ких цифровых данных, которые могли бы дать представление, хотя бы относительное, о численности общинников и рабов». О размере повинностей, которые несли общинники, также «нет точных данных». Неизвестно поэтому, на чем основывался автор (имеется в виду Р. В. Кинжалов. — В. Г.), утверждая, что «по всей видимости, рабов было значительно меньше и основу майяского общества составляли рядовые земледельцы, объединенные в общины», и что «земледельцы-общинники были основным эксплуатируемым классом в майяском обществе». Первая из приведенных мыслей автора в книге вообще никак не обосновывается. Вторую же он пытается подкрепить ссылкой на разнообразие повинностей общинников...»¹⁵⁶.

В. Н. Никифоров, безусловно, прав, когда говорит, что истинное соотношение рабов и общинников у майя пока не известно, поскольку не подкрепляется цифровыми данными. Однако я думаю, учитывая общий уровень развития обществ доколумбовой Америки, только что вступивших на тернистый путь раннеклассовой государственности и цивилизации, можно, как это и сделал Р. В. Кинжалов, без всякого риска впасть в серьезную ошибку, сказать, что свободные общинники составляли большинство населения Юкатана. Достаточно напомнить, что даже в столь высокоразвитых обществах древнего мира, как, например, Ближний Восток (Месопотамия III—II тысячелетия до н. э.) и античные государства Греции и Рима, на ранних этапах их истории мелкие, лично свободные производители численно всегда превосходят рабов. Цифровых же расчетов вообще известно для древ-

ности не так уж много. Поэтому вполне правомерно привести здесь (учитывая однотипность социально-экономических структур майя и ацтеков) такие данные для одной из областей Центральной Мексики в начале XVI в. Известно (из налоговых списков испанской администрации 30-х годов XVI в.), что в «квартале» Тлакатекепан города Тепостлан из общего населения в 3100 человек, 1262 жителя относились к категории безземельных и малоземельных людей, вынужденных арендовать землю у правителя города и знати и в силу этого зависимых от последних, и всего лишь 45 к рабам (*tlacohtin*)¹⁷. Следует напомнить, что именно в городах число рабов в доколумбовой Мезоамерике было наибольшим.

Таким образом, это соотношение 3100 жителей, из которых 1262 (свыше 40%) были зависимыми, но лично свободными людьми и только 45 человек (около 1,5%) — рабами, является, на мой взгляд, достаточно красноречивым и отражает в большей или меньшей степени удельный вес каждой из названных здесь категорий населения в целом по всей Мексике. Правда, в крупных столичных центрах процветающих государств число рабов (после успешных войн особенно) могло сильно изменяться. Таким образом, изложенная выше характеристика

общества юкатанских майя накануне испанского завоевания во многом находит аналогии и точки соприкосновения с майяскими городами-государствами Центральной области в I тысячелетии н. э. И там и здесь основной формой территориально-политической организации служило достаточно мелкое государственное образование: либо город-государство, либо провинция. И там и здесь отмечен бесспорный факт существования в каждом из государств наследственных царских династий с весьма обширной властью, представители которых часто обожествлялись, что нашло свое отражение в прижизненном и заупокойном культе царя. То же самое можно сказать и о внутренней структуре этих государств: столица и подчиненные ей большие и малые селения, разделение городов-столиц на отдельные кварталы, отсутствие видимой планировки жилых районов, преобладание большесемейных домовладений с четко выраженными приусадебными участками, структурное членение города на компактный, правильно спланированный ритуально-административный центр и хаотично разбросанные жилые кварталы на периферии и т. д. В обоих случаях вполне сопоставимы также площадь городов и численность их населения.

¹ Кнорозов Ю. В., 1963, с. 173—175.

² Ланда Д. де, 1955, с. 110.

³ Там же, с. 124.

⁴ Sanders W. T., 1962, p. 94.

⁵ Roys R. L., 1957, p. 11—16.

⁶ Ibid., p. 64—70.

⁷ Ibid., p. 13—101.

⁸ Oviedo y Valdés F. G., 1853, t. III, p. 227—230.

⁹ Ibid., p. 230.

¹⁰ Scholes F. and Roys R., 1948, p. 52—56.

¹¹ Ibid., p. 37.

¹² Ibidem.

¹³ Ximenez F., 1929—1931, lib. 2, p. 37.

¹⁴ Means P. A., 1917, p. 19—22.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Morley S. G., 1938, vol. I, p. 59.

¹⁷ Means P. A., 1917, p. 58.

¹⁸ Morley S. G., 1938, vol. I, p. 50.

¹⁹ Elorza y Rada F., 1930, p. 40.

²⁰ Morley S. G., 1938, vol. I, p. 68.

²¹ Coe M. D., 1965, p. 108, 109.

- ²² Scholes F. and Roys R., 1948.
- ²³ Coe M. D., 1965, p. 99—103.
- ²⁴ Ibid., p. 107.
- ²⁵ Means P. A., 1917, p. 19—22.
- ²⁶ Elorza y Rada F., 1930, p. 39.
- ²⁷ Means P. A., 1917, p. 19.
- ²⁸ Katz F., 1966, p. 117—123.
- ²⁹ Villagutierrez Soto-Mayor J., 1933, p. 382.
- ³⁰ Ibid., p. 353.
- ³¹ Ibid., p. 382, 386.
- ³² Haviland W. A., 1970, p. 33.
- ³³ Thompson J. E. S., 1970, p. 65.
- ³⁴ Villa Rojas A., 1961, p. 24; Roys R. L., 1943, p. 180—193.
- ³⁵ Roys R. L., 1943, p. 184.
- ³⁶ Ibid., p. 185.
- ³⁷ Villa Rojas A., 1961, p. 27.
- ³⁸ Ibid., p. 26.
- ³⁹ Ibid., p. 28.
- ⁴⁰ Roys R. L., 1933, p. 195.
- ⁴¹ Scholes F. and Roys R., 1948, p. 56.
- ⁴² Villa Rojas A., 1964, p. 322—331.
- ⁴³ Ibid., 1961, p. 34.
- ⁴⁴ Roys R. L., 1957, p. 74, 75.
- ⁴⁵ Vogt E., 1970, p. 2—32.
- ⁴⁶ Villa Rojas A., 1964, p. 322.
- ⁴⁷ Roys R., Scholes F. and Adams E., 1940, p. 7, 8.
- ⁴⁸ Scholes F. and Roys R., 1948, p. 470.
- ⁴⁹ Ланда Д. де, 1955, с. 133.
- ⁵⁰ Diaz del Castillo B., 1963, t. II, p. 207.
- ⁵¹ Oviedo y Valdés G. F., 1853, t. III, p. 227—230.
- ⁵² Ibid., p. 242.
- ⁵³ Ibid., p. 243, 244.
- ⁵⁴ Кнорозов Ю. В., 1963, с. 173, 181, 189, 197.
- ⁵⁵ Там же, с. 70.
- ⁵⁶ Pollock H., Roys R., Proskouriakoff T., Smith A., 1962, p. 132—136, fig. 12.
- ⁵⁷ Ланда Д. де, 1955, с. 113.
- ⁵⁸ Кнорозов Ю. В., 1963, с. 61.
- ⁵⁹ Cogolludo L. de, 1954, lib. 4, cap. 3.
- ⁶⁰ Pollock H., Roys R., Proskouriakoff T., Smith A., 1962, p. 204, 205.
- ⁶¹ Bullard W. R., 1952, p. 37, 38.
- ⁶² Bullard W. R., 1954, p. 246.
- ⁶³ Pollock H., Roys R., Proskouriakoff T., Smith A., 1962, p. 212.
- ⁶⁴ Ibid., p. 205—211.
- ⁶⁵ Ibid., p. 265.
- ⁶⁶ Ibid., p. 206.
- ⁶⁷ Ibid., p. 209.
- ⁶⁸ Кнорозов Ю. В., 1963, с. 69.
- ⁶⁹ Там же, с. 73.
- ⁷⁰ Ланда Д. де, 1955, с. 140.
- ⁷¹ Там же, с. 128.
- ⁷² Roys R. L., 1943, p. 60.
- ⁷³ Tozzer A. M., 1941, p. 231.
- ⁷⁴ Roys R. L., 1967, p. 189.
- ⁷⁵ Roys R. L., 1965, p. 669.
- ⁷⁶ Tozzer A. M., 1941, p. 216.
- ⁷⁷ Means P. A., 1917, p. 12.
- ⁷⁸ The Historical Recollection of G. A. Chi, 1952, p. 32, 33.
- ⁷⁹ Relaciones de Yucatan, t. 1, 1898, p. 105.
- ⁸⁰ Ланда Д. де, 1955, с. 140.
- ⁸¹ Roys R. L., 1967, p. 75.
- ⁸² The Historical Recollection of G. A. Chi, 1952, p. 29.
- ⁸³ Кнорозов Ю. В., 1963, с. 28.
- ⁸⁴ Means P. A., 1917, p. 13.
- ⁸⁵ Ibid., p. 12.
- ⁸⁶ Roys R. L., 1949, p. 170.
- ⁸⁷ Кнорозов Ю. В., 1963, с. 73.
- ⁸⁸ Там же, с. 73.
- ⁸⁹ Roys R. L., 1967, p. 67.
- ⁹⁰ Morley S. G., 1956, plate 22.
- ⁹¹ Roys R. L., 1967, figs. 2—3.
- ⁹² Ibid., p. 67.
- ⁹³ Кнорозов Ю. В., 1963, с. 74, 75, 92.
- ⁹⁴ Roys R. L., 1949, p. 172—173.
- ⁹⁵ Ланда Д. де, 1955, с. 112, 113, 189.
- ⁹⁶ The Historical Recollections of G. A. Chi, 1952, p. 41.
- ⁹⁷ Cogolludo L. de, 1954, t. 1, p. 355.
- ⁹⁸ Roys R. L., 1967, p. 191.
- ⁹⁹ Tozzer A. M., 1941, p. 62, note 292.
- ¹⁰⁰ Roys R. L., 1967, p. 192.
- ¹⁰¹ Tozzer A. M., 1941, p. 63.
- ¹⁰² Roys R. L., 1967, p. 192.
- ¹⁰³ Ibid., p. 193, 194.
- ¹⁰⁴ Ibid., p. 191.
- ¹⁰⁵ Roys R. L., 1939, p. 39.
- ¹⁰⁶ Sanchez de Aguilar P., 1953, p. 295.
- ¹⁰⁷ Ланда Д. де, 1955, с. 147.
- ¹⁰⁸ Roys R. L., 1943, p. 192.
- ¹⁰⁹ Cogolludo L. de, 1954, t. 1, p. 323.
- ¹¹⁰ Roys R. L., 1949, p. 174.
- ¹¹¹ Lizana B. de, 1893, p. 5.
- ¹¹² Barrera Vasquez A., 1965, p. 35.
- ¹¹³ Roys R. L., 1939, p. 425.
- ¹¹⁴ Relaciones de Yucatán, t. 1, 1898, p. 90.
- ¹¹⁵ Кнорозов Ю. В., 1975, с. 256.
- ¹¹⁶ Thompson J. E. S., 1970, p. 168.
- ¹¹⁷ Roys R. L., 1940, p. 40.
- ¹¹⁸ Ланда Д. де, 1955, с. 114—116.
- ¹¹⁹ Roys R., Scholes F. and Adams E., 1940, p. 5.
- ¹²⁰ Кнорозов Ю. В., 1975, с. 257.
- ¹²¹ Las Casas B. de, 1967, t. 1, p. 510.
- ¹²² Sanchez de Aguilar P., 1953, p. 244, 245.
- ¹²³ Кнорозов Ю. В., 1975, с. 250.
- ¹²⁴ Roys R. L., 1943, p. 34.

- ¹²⁵ Ibidem.
- ¹²⁶ *Roys R. L.*, 1939, p. 28.
- ¹²⁷ Ibid., p. 40.
- ¹²⁸ *Miles S. W.*, 1957, p. 771—774.
- ¹²⁹ *Кнорозов Ю. В.*, 1975, с. 250.
- ¹³⁰ *Ланда Д. де*, 1955, с. 158.
- ¹³¹ *Lizana B. de*, 1893, p. 41.
- ¹³² *Cogolludo L. de*, 1954, т. 1, p. 332.
- ¹³³ *Blom F.*, 1932, p. 545, 546.
- ¹³⁴ *Torquemada J. de*, 1969, т. 2, p. 390.
- ¹³⁵ *Las Casas B. de*, 1967, т. 1, p. 511.
- ¹³⁶ Ibidem.
- ¹³⁷ Ibidem.
- ¹³⁸ *Means P. A.*, 1917, p. 13.
- ¹³⁹ *Tozzer A. M.*, 1941, p. 237.
- ¹⁴⁰ Ibid., p. 35.
- ¹⁴¹ *Sodi D. M.*, 1964, p. 52.
- ¹⁴² *Scholes F. and Roys R.*, 1948, p. 56.
- ¹⁴³ *Sodi D. M.*, 1964, p. 52.
- ¹⁴⁴ Ibidem.
- ¹⁴⁵ *Tozzer A. M.*, 1941, p. 216.
- ¹⁴⁶ *Ланда Д. де*, 1955, с. 118.
- ¹⁴⁷ *Las Casas B. de*, 1967, т. 1, p. 511.
- ¹⁴⁸ *Дьяконов И. М.*, 1971, p. 137.
- ¹⁴⁹ *Кнорозов Ю. В.*, 1975, с. 250.
- ¹⁵⁰ *Угченко С. Л., Дьяконов И. М.*, 1970, с. 16, 17.
- ¹⁵¹ *Villa Rojas A.*, 1961, p. 37.
- ¹⁵² Ibidem.
- ¹⁵³ *Ланда Д. де*, 1955, с. 113, 114.
- ¹⁵⁴ *Villa Rojas A.*, 1961, p. 39.
- ¹⁵⁵ Ibidem.
- ¹⁵⁶ *Нукифоров В. Н.*, 1975, с. 248, 249.
- ¹⁵⁷ *Hicks F.*, 1974, p. 256, 257.

ГОРОДА ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ (ШУМЕР)

«Вскоре после 3000 г. до н. э., — пишет Г. Чайлд, — древнейшие письменные документы дают нам картину социальной и экономической организации Шумера и Аккада. Страна была разделена между 15 или 20 городами-государствами, каждый из которых был политически автономен, но все они имели общую материальную культуру, общую религию, общий язык и все, в значительной мере, были связаны друг с другом экономически»¹.

Действительно, согласно имеющимся данным, в начале III тысячелетия до н. э. на территории Шумера, в междуречье Тигра и Евфрата — от широты Багдада до побережья Персидского залива, существовало свыше полутора десятков небольших самостоятельных городов-государств, каждый из которых имел своего правителя². В раннединастический период клинописные тексты упоминают названия тринадцати таких городов-государств, более или менее точно привязанных сейчас к современной географической карте: Сиппар, Киш, Акшак, Ларак, Ниппур, Адаб, Умма, Лагаш, Бад-Тибира, Урук, Ларса, Ур и Эриду³.

Какова же была внутренняя структура этих маленьких примитивных государств — первых в истории человечества?

«В Передней Азии периода ранней древности, — отмечает И. М. Дьяков, — пределом общинно-государственной интеграции являлось то,

что я, по египетскому образцу, в 1950 г. предложил называть «номом»; это территория, которая, включая один, реже — два-три города... с их округой, ограничена определенными естественными условиями сравнительно небольшого масштаба...»⁴.

И далее, раскрывая внутреннюю структуру городов-государств древней Месопотамии, он подчеркивает, что «территориальные общины, подобно домашним, входили в определенные иерархические структуры; несколько территориальных общин составляли общину-государство или группировались вокруг центральной общины-города; последняя имела то же самое административное устройство (народное собрание, совет старейшин, правитель города. — В. Г.); в более крупных царствах такая группа территориальных общин или центральная община, вместе с тяготевшими к ней периферийными общинными поселками, составляла основное административное подразделение, по охвату территории соответствующее «ному» в древнем Египте»⁵.

Таким образом, по И. М. Дьякову, основной территориально-политической единицей в эпоху ранней истории Ближнего Востока был «ном» — «город и его населенная округа». Определение города как центра, хозяйственного, политико-административного и культового, определенной территории или округа

упоминалось в первых разделах данной работы. Поэтому здесь уместно рассмотреть вопрос о структуре городской округи и об иерархии (типологии) поселений, входящих в нее. Нужно сказать, что вопрос этот — довольно дискуссионный по своему характеру — имеет непосредственное отношение и к определению понятия «город-государство». Так, американский исследователь Т. Якобсен считает, что в тех случаях «когда территория округи была столь мала, что там господствовал один-единственный город, мы называем ее городом-государством», а «когда столица имеет в пределах своих владений другие города, селения и пустые земли, мы говорим о территориальном или национальном государстве»⁶.

Следовательно, этот автор признает лишь самую простую, однолинейную структуру для древневосточного города-государства: город-столица и принадлежащие ему земельные владения без других селений и городов, какой бы малой величины они ни были.

Сходной точки зрения придерживается и Б. Триггер⁷. Остается, однако, неясным, считают ли упомянутые авторы эти структурные различия явлением хронологическим или политическим?

Показательно, что большинство исследователей, как советских, так и зарубежных, признает за городами-государствами, с момента их возникновения, более сложную иерархическую структуру.

Согласно мнению И. М. Дьяконова, округа города-государства, или «нома», всегда была населенной, т. е. включала в себя не только «пустые» территории (уголья и пашни), но и зависимые от столицы земледельче-

ские селения и, видимо, какие-то более крупные населенные пункты. Так, на территории Лагаша, который И. М. Дьяконов считает типичным городом-государством («номом») Шумера, помимо столицы, находилось еще свыше десятка крупных поселений, обнесенных стенами, и большое число деревень⁸.

Однако ни И. М. Дьяконов, ни другие советские исследователи не могут пока выделить из общей массы шумерских поселений иные города, кроме «номовых» столиц. Дело в том, что в древней Месопотамии все селения, от города-метрополии до деревушки из нескольких хижин, обозначались одним термином (шумерск. *ugi* и вавилонск. — *ālu*⁹), видимо являвшимся эквивалентом понятия сельской общины. Точно такая картина, как отмечалось выше, имела место и у древних майя (*cah* — селение вообще и *cah* — город). В этой связи И. М. Дьяконов предлагает выделить пока лишь те селения (*ālu*, *ugi*), которые имели вокруг себя группу других, подчиненных себе поселений меньшего значения и меньшей величины. Именно эти «номовые» столицы, «номовые» центры он и предлагает считать городами¹⁰.

По сходному пути пошел в своих исследованиях древневосточного города и Р. А. Грибов, использовавший в качестве основного источника клинописные архивы II тысячелетия до н. э. из города Мари. Согласно этим документам, пишет он, «основной территориальной и административно-хозяйственной единицей был *ālum* — территориальная община. Таким образом, — *ālum* служил общим термином для обозначения как города, так и любого поселения. Всего в текстах упоминаются названия более

трехсот поселений... Вследствие этого прежде всего необходимо попытаться выделить из общей массы поселений такие, которые можно отождествить с городами»¹¹.

Для этой цели автор использовал список царских резиденций, составленный по другим источникам, правильно сопоставив местонахождения этих резиденций со столичными городами, являвшимися центрами «провинций», или «округов» (*halsum*), которые в прошлом были, видимо, самостоятельными городами-государствами («номами», по И. М. Дьяконову). Всего Р. А. Грибов выделяет 28 таких царских резиденций и окружных центров. В 11 из них источники упоминают царские дворцы (*ekallum*), а в 6 — царские, или дворцовые, земли (*equel, ekallum*)¹².

Аналогичные взгляды на природу древневосточного города высказывают и другие исследователи. «Городов как центров ремесленной и торговой деятельности на Древнем Востоке было мало, — пишет Г. В. Коранашвили. Часть их возникла на международных торговых путях, в основном же города были резиденциями деспотов, жрецов, чиновничества, армии»¹³.

Любопытно в этом плане и определение античного полиса, как его формулируют советские исследователи: «Полис (греч. *polis*, лат. *civitas*), город-государство, особая форма социально-экономической и политической организации общества, типичная для Древней Греции и Древней Италии. Территория полиса состояла из городской территории, а также из окружающих ее земель сельскохозяйственных поселений (хоры)»¹⁴. И далее: «Отличительной особенностью полисов (в классический пе-

риод их существования) была их полная политическая самостоятельность — они представляли собой самостоятельные государства, имели свои государственные органы, вели самостоятельную внешнюю политику...»¹⁵.

Совершенно очевидно, что если отвлечься от неизбежной локальной специфики, то города-государства древней Месопотамии и античные полисы на ранней стадии их развития — в основе своей явления родственные и близкие.

Интересные рассуждения относительно характера древнего города и его роли в сложной системе взаимосвязей с окружающей территорией содержатся в статье В. М. Долгого и А. Г. Левинсона «Архаическая культура и город»¹⁶.

«...Городу присуща функция специализированного управления, — пишут они. — Речь идет о городе как административном, культовом, торговом и т. п. центре... Возникновение связей между общинами, опосредуемых через город, позволяет нам говорить, что все общество переходит в новое состояние. Общины теперь входят элементами в систему город — село. Генетически село, безусловно, восходит к догородской общине, но не равно ей. Эти две формы исторически сосуществуют. Село — культурный хинтерланд города»¹⁷.

Городу, как таковому, действительно свойственно отправление разного рода специфических функций для определенной, более широкой, чем он сам, территории — управленческой, культовой, торговой. Но суть состоит в том, что, видимо, на ранних стадиях развития города все эти функции были неотделимы друг от друга и сосредоточивались, как правило, в пределах одного, столичного («номово-

го») центра несколько территориальных общин. Следовательно, все другие селения, входившие в сферу влияния данной «номовой» столицы, независимо от их размеров и внешних признаков городами называться не могли. Скорее всего, первоначально, в момент формирования городов-государств, или «номов», когда они имели еще «чистую», «классическую» структуру, не осложненную какими-либо воздействиями и влияниями извне, каждый из них действительно состоял из города-столицы «нома» и подвластных ему сельских общин (и соответственно — из деревушек и поселений).

«Территория, принадлежавшая городу-государству, — пишет А. Шнейдер, — включала в себя земли от подножия холмов, где обосновались селения, до границ с другим ближайшим городом-государством, отмеченных с помощью рвов и пограничных знаков. Эта территория частично представляла собой пахотную землю, частично пустые зоны в виде степных и болотистых участков. Каждое из селений данного города-государства имело свой храм; обычно главный храм находился в центре (города. — В. Г.), а вокруг — несколько меньших храмов и святилищ... Известно, что Лагаш с глубокой древности имел около 20 храмов...»¹⁸

Почти то же самое утверждает в своей публикации по древне-восточному городу и П. Лэмпл¹⁹.

Уже с очень ранних этапов своей истории эти города-государства вступили в ожесточенную борьбу между собой за гегемонию над соответствующей частью Месопотамской равнины.

Особенно полно освещен в источниках пограничный конфликт между

соседними городами-государствами Лагашем и Уммой в XXV в. до н. э.²⁰

Успешные войны и захват чужих земель неизбежно вели к значительным изменениям в структуре первоначального города-государства. На возросшей его территории уже трудно было управлять с помощью традиционной системы, восходящей еще к общинным органам самоуправления: народное собрание, совет старейшин и царь-военачальник. Как правило, на нервах норах проигравшие войну города-государства лишались части своих пограничных земель и платили дань победителю, сохраняя, однако, полную внутреннюю автономию. Но для регулярного получения этой дани нужны были специальные чиновники — сборщики налогов, а для подкрепления их требований необходимо было иметь под рукой военные отряды и крепости в пограничной зоне. Со временем такие зависимые от победоносного правителя, но внутренне автономные государства-«номы» могли потерять свою автономию и быть включенными в состав крупного государства на правах его административно-территориального района или округа, как это случилось, например, с «номами» Египта. В таком случае прежние «номовые» столицы, видимо потеряв часть своей пышности и внешнего блеска, становились просто городами — политико-административными, культовыми и экономическими центрами определенных делений внутри крупного государства. На этой, уже достаточно высокой стадии развития городской цивилизации и государственности центральное правительство могло в интересах большей эффективности управления основывать в нужных местах и новые второстепенные (по

сравнению со столицей государства) города — центры определенных территориально-административных единиц²¹.

В какой мере эти общие гипотетические рассуждения согласуются с конкретными данными из истории городов-государств Шумера?

Итак, в междуречье Тигра и Евфрата, в конце IV тысячелетия до н. э. основной политико-административной и территориальной единицей был город-государство, или «ном». «Когда мы переходим к следующему, раннединастическому периоду, — подчеркивает Т. Якобсен, — то начинаем замечать за пределами городов и непосредственно окружающих их территорий зачатки довольно смутных еще единиц большего масштаба: лиги городов с общим местом собраний, как, например, Кингирская лига (Kingir League) с местом собраний в Ниппуре. Гегемония одного какого-то города проявлялась в том случае, когда один город силой подчинял себе другие. Древнейшим из такого рода государственных образований было царство во главе с городом Кишем. Кульминационный момент этой формы наступает вместе с гегемонией Аккада, который стал центром империи, простиравшейся от берегов Средиземного моря до Иранских гор»²².

Самое примечательное состоит в том, что когда эта «империя» Саргона Аккадского впоследствии рухнула, то Шумер вновь распался на свои первоначальные территориально-политические единицы — отдельные города-государства, остававшиеся доминирующей формой местной государственности вплоть до старовавилонского времени²³. Таким образом, население Шумера прошло в своем развитии несколько ступеней терри-

ториально-политической интеграции: от города-государства — к группировкам (лигам) городов-государств — и, далее, к более обширным («национальным», по Т. Якобсену) государственным образованиям.

Этот же процесс постепенной эволюции первичных городов-государств в сложные и крупные государственные образования Г. Фрэнкфорт прослеживает на материалах царской титулатуры из Месопотамии.

В течение протописьменного и раннединастического периодов в Шумере господствовали отдельные и независимые города-государства, которые время от времени образовывали непрочные союзы, распадавшиеся затем на свои составные части. «То один, то другой город, — пишет Г. Фрэнкфорт, — ухитрялся подчинить себе своих соседей и стать доминирующей силой в определенном районе. Но столь же быстро, в течение нескольких поколений, это эфемерное единство, созданное силой оружия, вновь распадалось»²⁴. Правители их носили в тот период титулы «энси» и «лугалья», обычные для небольших городов-государств Южной Месопотамии.

Однако уже в конце раннединастического периода правитель Лугальзагеси вводит в употребление новый титул — «Царь страны», т. е. всего Шумера в целом, а не только своего города-государства²⁵. Правда, пока это были лишь претензии самоуверенного властителя сравнительно небольшого государства, претензии, так и не воплотившиеся в жизнь.

Но политические идеи Лугальзагеси скоро стали практической программой Саргона Аккадского, впервые объединившего в одних руках власть над всей Месопотамией. И это событие нашло немедленное отражение в

царской титулатуре. Саргон присвоил себе пышное наименование «Повелитель четырех сторон света», которое применялось прежде только по отношению к некоторым богам²⁶.

Следовательно, вывод из всего вышесказанного может быть только один: до конца раннединастического периода в Месопотамии господствовала простейшая форма государственных образований в виде города-государства, или «нома».

Типичный шумерский город-государство состоял из собственно города — столицы и его округа, которая включала в себя ряд подчиненных ему земледельческих селений различного размера (иногда достаточно крупных), а также определенную территорию с садами, огородами, каналами, возделанными полями, пастбищами и пустошами в виде болотистых и степных участков²⁷.

Город, или столица «нома» — это, прежде всего, место пребывания правителя и его двора, местонахождение храма главного городского божества и обслуживающего его жречества, место сосредоточения знати, чиновников, воинов и обслуживающих их ремесленников и торговцев.

Округа столицы не превышала в Шумере, судя по наблюдениям археологов в районе Урука, расстояния, которое может пройти за день в оба конца пешеход, т. е. в среднем 15 км²⁸. Границы городов-государств оберегались от посягательств извне и были отмечены особыми знаками и сооружениями — памятными стелами, деревянными столбами, храмами и даже рвами²⁹. Вдоль пограничной линии часто оставались пустынные полосы земли. В других случаях такие границы проходили через своего рода «буферные зоны» между соседними

городами-государствами: непроходимые болота, обширные и безводные степные пространства и т. д.³⁰

Если исходить из приведенных выше данных, то средняя территория города-государства могла занимать то пространство, которое мог бы пройти пешеход за день (15 км в оба конца или 30 км в один), то площадь его составила бы около 900—1000 кв. км. Однако в действительности размеры известных нам по письменным источникам городов-государств были несколько большими. Правда, пока мы располагаем более или менее надежными сведениями только для Лагаша. Это автономное государство занимало, по вычислениям И. М. Дьяконова, территорию до 3000 кв. км (из них — 1000 кв. км орошаемых земель) и состояло, помимо столицы, еще из 10 значительных селений и ряда более мелких. Максимальное их удаление от метрополии составляло до 45 км³¹. Очень интересные данные об основных этапах развития древних поселений в районе Урука-Варки были получены Р. Мак-Адамсом. Широкие археологические разведки, сопровождаемые картографированием и датировкой (на основе подъемного материала и шурфов) всех имеющихся там памятников, позволили этому исследователю создать впечатляющую картину истории большого района на протяжении свыше 2 тыс. лет³². Р. Мак-Адамс предлагает использовать для классификации местных поселений трехчленную схему, основанную только на размерах площади того или иного памятника:

	площадь
Селения (villages)	— 0,1 — 6 га
Городки (towns)	— 6,1 — 25 га
Города (urban centers, cities)	— св. 50 га ³³

Как же распределяются эти основные типы поселений на протяжении указанных 20 веков? В конце V — середине IV тысячелетия до н. э. в районе Урука существовали только небольшие земледельческие селения (17), среди которых находилась, мало чем отличаясь от соседей, и сама Варка.

К концу IV тысячелетия до н. э. эта картина претерпевает значительные изменения. Во-первых, сильно возросло общее число небольших селений (до 107). Во-вторых, Урук-Варка стал важным ритуально-административным центром всего района: его отличительной чертой является появление внешних укреплений (стен) и монументальной культовой архитектуры³⁴.

Особенно важные внутренние процессы наблюдаются в этом районе в конце IV — середине III тысячелетия до н. э. Прежде всего, происходит четкое оформление иерархии поселений. Кроме того, Урук становится во всех отношениях крупным городским центром — основной доминирующей и организующей силой в округе. Далее отмечается появление нового, промежуточного между мелкими селениями и городами звена — городков (towns). Правда, Р. Мак-Адамс не ставит в своей работе вопроса о статусе и общем характере этого типа поселений и исходит при их выделении из чисто формального показателя — размеров площади.

Всего в районе Урука в данный период отмечено 124 селения, 20 городков и 3 города (в их числе — Урук, значительно уступающие ему Шуруппак и безымянное городище № 230)³⁵. Небольшие селения, согласно Р. Мак-Адамсу, образуют теперь какие-то скопления и группы, будучи привязанными к близлежа-

щему городку (town) в количестве от 3 до 9. Городки же, в свою очередь, имеют тенденцию концентрироваться вокруг своего главного центра — Урука³⁶.

Во второй половине III тысячелетия до н. э. наблюдается резкое сокращение числа мелких земледельческих селений в округе Урука (со 124 до 17) и быстрый рост последнего, видимо, за счет включения в свой состав сельского населения³⁷. Одновременно сокращается и число городков (towns): с 20 в предыдущем периоде до 6. Однако налицо и другой, прямо противоположный процесс: рост общего числа городских центров (их теперь стало 8 вместо 3). Больше того, прежний зависимый от Урука небольшой город Шуруппак становится самостоятельным городом-государством. Налицо усиление соперничества Урука и с другими, более отдаленными городами-государствами³⁸.

Таким образом, исследования Р. Мак-Адамса в районе Урука дали много новых интересных данных об эволюции городских поселений древней Месопотамии. Совершенно очевидно, что здесь, как и в Лагаше, структура округи городов-государств претерпевала на протяжении веков значительные изменения.

Если еще во второй половине и конце IV тысячелетия до н. э. в районе Урука господствовала практически двухчленная простейшая схема: ритуально-административный центр (Урук-Варка) и зависимые от него мелкие земледельческие селения, то позднее картина заметно усложняется. В первой половине III тысячелетия до н. э. налицо уже целая иерархия поселений: мелкие земледельческие селения и деревушки (villages, hamlets) группируются вокруг более

крупных населенных пунктов — городов (towns), а те, в свою очередь, тяготеют к столице государства — городу Уруку. Во всей этой классификации наиболее темным и непонятным звеном остается «городок» (town). Мы ничего не знаем о его внутренней природе и функциях. Был ли он политико-административным и культурным центром какой-то более мелкой территориальной единицы в пределах города-государства, т. е. второстепенным городским центром? Или же речь идет только о центре сельской общины? Этот вопрос требует еще дальнейшего рассмотрения.

На мой взгляд, вплоть до середины III тысячелетия до н. э. округа Урука была в основном двухчленной: город и мелкие сельские поселения. Но уже на последующем этапе развития, когда многие городки превращаются в настоящие города и общее их число возрастает до 8, очевидно, дальнейшее усложнение структуры округа Урука и окончательное формирование ее трехчленного деления: мелкие и крупные сельские поселения (hamlets, villages, towns), второстепенные городские центры (small urban) и столицы городов-государств.

Как уже отмечалось выше и по данным письменных источников, этот процесс усложнения структуры округа городов-столиц в наиболее яркой форме проявился лишь к концу III тысячелетия до н. э. Следовательно, можно констатировать факт постепенной эволюции городов-государств и их «хинтерланда» от простого, двухчленного деления до более сложного, трехчленного.

*

Видимо, теперь уже не подлежит сомнению, что город возникает в

древней Месопотамии на основе объединения (синойкизма) нескольких сельских общин³⁹.

Этот процесс не был, вероятно, специфически местной чертой, а получил самое широкое распространение по всему Древнему Востоку, включая и области древнейших городских цивилизаций на территории нашей страны (Урарту). «Город, — подчеркивает Г. А. Тиранян, — складывается на основе сельских общин, которые при благоприятных экономических и политических условиях перерастали в городские общины. Как правило, этому перерастанию предшествовало объединение нескольких сельских общин»⁴⁰.

Хорошей археологической иллюстрацией данных положений служат уже упоминавшиеся выше исследования Р. Мак-Адамса в районе Урука. «Основной вывод, вытекающий из этих работ, — пишет он, — состоит в том, что Урук и родственные ему города развивались за счет обезлюдения сельскохозяйственной округи вокруг них. От преимущественно сельского характера поселений в позднеурукский период... район Варки-Урука превратился к концу раннединастического периода в явно городскую. Эта перемена сопровождалась резким упадком многих мелких населенных пунктов и даже целых районов, так как население их (наильно или добровольно) переселилось в города»⁴¹.

Среди предпосылок, которые сыграли особо важную роль в формировании городов на Ближнем Востоке, Г. Чайлд называет, прежде всего, благоприятный географический фактор: аллювиальные плодородные долины крупных рек давали большие урожаи основных сельскохозяйствен-

ных культур, но в то же время были лишены дерева, камня и металла, что издавна способствовало развитию обмена и торговли с соседними областями; каналы и реки служили удобными транспортными магистралями для движения грузов и людей⁴².

Другой важной предпосылкой «городской революции» явились значительные успехи в области экономики: высокоразвитое ирригационное земледелие и скотоводство, дающие устойчивый прибавочный продукт, развитие металлообработки и других видов ремесел, торговля на большие расстояния и т. д.⁴³

Наконец, одним из главных условий появления города следует считать крупные изменения в социально-политической структуре древнего общества, суть которых сводится к формированию классов и государства⁴⁴.

Ряд ценных замечаний о зарождении раннего города приводит в своих работах крупнейший английский урбанолог Л. Мамфорд. «Ядром города, — пишет он, — является цитадель: обнесенный стенами участок, где находились храм и дворец»⁴⁵. И далее: «...Объединение культовой и светской власти в институте царской власти определило и первоначальную форму города»⁴⁶.

Если говорить о материальных, археологических признаках древнемесопотамского города, то здесь прежде всего необходимо назвать монументальную архитектуру, письменность и неприкладное изобразительное искусство⁴⁷.

Длительный процесс зарождения всех этих элементов в глубинах раннеземледельческой культуры и постепенное превращение небольших деревень и селений в крупные ритуально-административные центры наглядно

иллюстрируются результатами раскопок в Эриду и Уруке, на юге Шумера⁴⁸. В целом, завершение «городской революции» относится здесь к рубежу IV и III тысячелетий до н. э.

*

Согласно шумерским мифам и преданиям, строительство первых городов было делом рук небесных богов:

Урук — божьих рук работа,
Эана — храм, спустившийся с неба:
Великие боги его создавали!⁴⁹

И совсем неудивительно, что первая пятерка местных городов, появившаяся столь необычным способом («божьих рук работа»), названа в мифах «святынями», где отправлялся культ важнейших богов шумерского пантеона. Вот имена этих городов: Эриду, Бад-Тибира, Ларак, Сингар и Шуруппак⁵⁰.

Храмы с их высокими и ступенчатыми башнями-«зиккуратами» действительно были наиболее выдающейся чертой архитектурного силуэта любого шумерского города. Но думать на этом основании, что единственной функцией городских центров древней Месопотамии была культовая, значит впасть в глубокое заблуждение. Прямо по соседству с главным храмом города, на «священном участке» (теменосе), располагался хорошо укрепленный царский дворец⁵¹. А вокруг этого политико-административного и культового ядра теснились кварталы глинобитных домов — местожительство рядовых горожан: — земледельцев, ремесленников, торговцев и т. д. В поэтической форме разнообразные функции шумерского города отражены в описаниях древнего Ниппура. Это, во-первых, функция оборонительная, военная (город-убежище):

Город! Лик его излучает ужас!
Его стены! К ним и бог не подступит-
ся!
За стенами — гул, кличи жаждущих
битвы,

Кличи военного становища!
Он — западня для стран враждебных,
Он их ловит ловушкой и сетью!⁵²

Это, во-вторых, функция административная, управленческая, поскольку город был резиденцией правителя (*энси*, *лугаля*), чиновников, судей и т. д.

И, наконец, функция культовая:

...Принимают там жертвы, грехи отпускают!

Верховный жрец возвеличен с храмом,
Источники храма сильны в исцеленье,
Его жрецы совершенны в обрядах,
Его служители чисты в молитвах...⁵³

Меньше всего, естественно, должна была отразиться в подобном рода источниках (мифы, предания) экономическая сторона жизни шумерского города. Но, исходя из совокупности имеющихся на сегодняшний день данных, можно говорить о том, что город служил и важным хозяйственным центром определенной территории, как средоточие ремесла и торговли (обслуживающих, правда, в основном лишь верхушку общества), и как место сосредоточения излишков сельскохозяйственной продукции⁵⁴. Вместе с тем следует еще раз подчеркнуть специфичный характер этих ранних городов, так не похожих на современные.

«Эти древнейшие города, — пишет Г. Фрэнкфорт, — небольшие по размерам, были тесно связаны с землей. Подобно деревушкам неолитических времен, эти поселения были в значительной мере замкнутыми и самообеспечивающимися... Обеспечение

городского населения осуществлялось с окружающих город полей. Большинство горожан владело или арендовало участки земли и возделывало их само, даже занимаясь ремеслом и торговлей»⁵⁵.

*

В центре каждого шумерского города находился «теменос» — «священный участок», специально огороженное место, выделенное из общей застройки, где были сосредоточены храмы наиболее почитаемых богов городской общины и дворец правителя. «Фокусом городской пространственно-планировочной среды, — подчеркивают В. М. Долгий и А. Г. Левинсон, — является центр, храмово-дворцовый комплекс, ядро города. Святая святых (в буквальном смысле, т. е. апогей сакральности) — главный городской храм, доминирующий в силуэте города и организующий городское пространство вокруг себя»⁵⁶.

Вокруг «теменоса» группировались кварталы жилых домов основной массы горожан. «Обычный шумерский дом был одноэтажной небольшой постройкой из сырцового кирпича, состоящей из нескольких комнат, которые обрамляли открытый внутренний дворик»⁵⁷.

Наиболее полное описание планировки шумерского города приводит в одной из своих работ А. Л. Оппенгейм. «Типичный месопотамский город, — пишет он, — состоял из трех частей: собственно город (внутренний город), пригороды и окраины (внешний город) и портовая часть. В первом находились дворец правителя, храмы городских богов и частные жилища, теснящиеся вдоль узких улиц. Жилища были разделены на несколько кварталов, каждый из ко-

торых имел собственные ворота в городских стенах. Пригороды тоже имели дома, но были заняты главным образом садами, огородами, полями и загонами для скота, обеспечивая горожан пищей и сырьем... Это — зеленая корона города, его экономический фундамент, поскольку жители города либо сами трудились на полях, либо были землевладельцами»⁵⁸.

Размеры шумерских городов и численность их населения были по современным понятиям довольно скромными. Так, Ур в пределах своих стен имел в момент наивысшего расцвета (конец III тысячелетия до н. э.) площадь в 89 га и население около 34 000 человек⁵⁹. Правда, некоторые исследователи определяют общее число жителей этого города более осторожно: до 24 000 человек⁶⁰ и даже до 10 000—20 000⁶¹. Урук занимал территорию в 502,2 га и имел население до 75 000 человек⁶²; Хафадж — 12 000⁶³. По расчетам Р. Медоу, средняя плотность населения в Уре и Уруке составляла 125—250 человек на 1 га⁶⁴. У Г. Фрэнкфорта эта цифра возрастает до 400—500 человек на 1 га⁶⁵. Лагаш насчитывал до 19 000, а Умма — 16 000 жителей⁶⁶.

Однако следует помнить, что расчеты эти основаны на весьма шатких исходных данных. Г. Фрэнкфорт исходит из того, что средняя плотность застройки в шумерском городе в целом была близка аналогичным показателям в современных городах Переднего Востока, сохранивших архаический облик (Дамаск, Алеппо и др.). Далее он берет площадь древних городищ и без широких раскопок и исследований, не зная в принципе характера и размещения по территории города жилой застройки, умножает эти гектары общей площади на сред-

нее число жителей для 1 га площади⁶⁷. Все неточности и крайняя условность подобного рода расчетов — очевидны⁶⁸.

*

Для понимания структуры древневосточного общества большое значение имеют вопросы собственности и прежде всего собственности на землю — основную производительную базу раннеклассовых государств.

Во всех древних обществах Ближнего Востока III—II тысячелетий до н. э. можно найти два различных сектора экономики: государственный и общинно-частный. К государственному сектору относились хозяйства царя и храмов. «Хозяйство «государственного» сектора велось на земле, хотя и принадлежавшей первоначально общинам в целом, но очень рано вычленившейся и превратившейся в прямую собственность царя и храмов... Первоначально задачей подобных хозяйств было создание общинного обменного и страхового фонда, и лишь позже они превращаются в основном в источник дохода царя и царской бюрократии. В этих хозяйствах применялся труд лиц, лишенных собственности на средства производства в пределах данного хозяйства и эксплуатируемых путем внеэкономического принуждения...»⁶⁹

В состав государственного сектора экономики, помимо трудящихся, непосредственно создававших материальные блага, входили также царские служащие, профессиональные воины, мастера-ремесленники и т. д. Многие из них могли практически достичь очень высокого положения в обществе... но пока они являлись только царскими служащими, они не обладали гражданским полноправием⁷⁰.

Другой крупный сектор, противостоящий государственному, — «это сектор общинный, если рассматривать его с точки зрения собственности, или частный, если рассматривать его с точки зрения ведения хозяйства... Собственность общин и их членов вполне независима от собственности государства»⁷¹.

Как уже отмечалось выше, город на Ближнем Востоке возникает и развивается из соседской общины. Следовательно, эволюция общины — этой важнейшей социально-экономической ячейки всего древнего общества — имеет большое значение и для изучения истории города. Ниже приведены наиболее важные выводы советских исследователей (обобщенные И. М. Дьяконовым) по поводу древневосточных общин.

1. Родо-племенная организация по мере развития производительных сил и разделения труда постепенно разлагается, распадаясь на «домовые (большесемейные) общины».

2. «Домовая община» — это хозяйство большой семьи, составляющей патриархальный род или входящей в таковой.

3. Однако, будучи недостаточно мощной единицей для самостоятельного существования на том уровне развития производства, «домовая община» входит, как правило, в более крупное общинное объединение, основанное на принципах соседства, в сельскую общину (шумерск. *urru*, аккадск. *ālu*). Любопытно, что в Шумере город и любое селение также назывались *urru*, подобно сельской общине.

4. «Домовая община» является обязательной хозяйственной формой существования патриархальной семьи (или рода) и поэтому существует столько же времени, сколько и патри-

архальная семья (род), в том числе, и даже главным образом, в классовом обществе».

5. «Домовая община» владела своими средствами производства, и власть в ней осуществлял патриарх — глава дома, отец — *pater familias*. Но право собственности на землю осуществляла сельская община. Это выражается, во-первых, в регулярных переделах наделов земли внутри общины и, во-вторых, в участии представителей ее «домовых общин» во всех сделках по поводу земли.

6. Соседская община управлялась собранием глав больших семей («домовых общин»). «Впрочем, общинное самоуправление в условиях классового общества (и даже еще раньше, в условиях военной демократии) обычно видоизменяется в том направлении, что существует совет старейшин, в который чаще всего входят уже не все главы домовых общин, а лишь главы наиболее богатых родов (представители родовой знати). Наряду с советом существует общее собрание всех свободных, несущих оружие. Оно, впрочем, играет обычно довольно пассивную роль при совете старейшин, поскольку большинство воинов находится в патриархальной зависимости от родовой знати».

7. «Государство первоначально возникает в пределах общины или тесно связанных между собой общин. Сначала оно продолжает по форме управляться так, как община управлялась и раньше, т. е. советом старейшин при участии народного собрания совместно с вождем-жрецом и вождем-военачальником. Чаще всего военачальник постепенно узурпирует должность жреца и становится на его место...», превращаясь со временем в

единовластного царя. «При этом совет старейшин представляет уже не общину в целом, а фактически только родовую знать — нарождающийся класс рабовладельцев».

8. «...Древняя сельская или городская община (это лишь формы одной организации) есть прежде всего гражданская организация полных свободных и рабовладельцев».

9. «В мелких ранних государствах-общинах общинное самоуправление, захваченное в свои руки представителями богатых родов, являлось непосредственной формой государственной администрации; в царствах и империях — формой местного самоуправления господствующего класса и свободных общинников...»⁷².

10. «...Территориальные общины, подобно домашним, входили в определенные иерархические структуры; несколько территориальных общин составляли общину-государство или группировались вокруг центральной общины-города; последняя имела то же самое административное устройство (народное собрание, совет старейшин, градоначальник); в более крупных царствах такая группа территориальных общин или центральная община-*ālu* вместе с тяготевшими к ней периферийными общинными поселками составляла основное административное подразделение, по охвату территории соответствующее «пому» в древнем Египте»⁷³.

Наиболее важный вывод И. М. Дьяконова состоит здесь, на мой взгляд, в том, что он четко установил наличие в классической древности иерархии общинных структур, составлявших сердцевину и исходный элемент любой социальной организации того времени: от «домовой общины» (большой патриархальной семьи) до «макро-об-

щины» в лице государства. К этой исчерпывающей характеристике сущности соседской общины на Древнем Востоке можно лишь добавить следующее. До сих пор считалось, что для эпохи классового общества свойственна только поздняя форма соседской общины, когда родовые связи полностью вытеснены территориальными. Однако благодаря фундаментальным исследованиям советских ученых сейчас надежно установлено, что переходной формой от родовой общины к соседской общине классового общества была не большая семья, а первобытная соседская (гетерогенная, соседско-родовая община) и что «исторически большая семья, патронимия, поздний род и первобытная соседская община — явления в основном одновременные»⁷⁴.

Что касается классового деления шумерского общества, то население типичного шумерского города-государства можно разделить на три основных класса: класс людей, владеющих средствами производства, но не занятых производительным трудом и эксплуатирующих труд других; класс людей, владеющих средствами производства и занятых производительным трудом; класс людей, не владеющих средствами производства, но занятых производительным трудом⁷⁵.

К первому классу относятся крупная знать (*sag-sug*), высшее жречество и администрация общины (члены совета старейшин). «Эти люди обладали в порядке семейно-общинного или родового, а отчасти и индивидуального владения десятками и сотнями гектаров общинной земли, эксплуатируя кланов и рабов. Особо следует отметить правителя (*ensi, lugal*), постепенно захватывавшего и храмовые земли»⁷⁶.

Второй класс составляло свободное гражданство (для III—II тысячелетий до н. э. в основном крестьянство) — члены домашних и территориальных общин, непосредственно и лично участвующие в производстве и обладавшие всеми гражданскими правами⁷⁷. Свободные общинники непрерывно выделяли из своих рядов как представителей господствующего класса, так и обедневших и разорившихся людей, пополнявших класс эксплуатируемых. И. М. Дьяконов считает, что этот второй класс в целом эксплуатации не подвергался, а только платил обычные налоги и повинности⁷⁸. Однако Ю. И. Семёнов, ссылаясь на ряд авторитетных специалистов в области истории Древнего Востока (Н. М. Никольского, В. В. Струве, А. И. Тюменева и др.), пишет: «Но в главном и основном мнения ученых совпадают: все не являвшиеся рабами непосредственные производители, как зависимые, так и свободные, подвергались эксплуатации»⁷⁹. Мне также представляется, что основная масса свободных общинников с помощью разного рода налогов и повинностей подвергалась эксплуатации, так или иначе отдавая значительную часть (а возможно, и весь) своего прибавочного продукта.

К третьему классу относятся «древние подневольные люди рабского типа», куда, помимо собственно рабов, входили патриархально-зависимые лица (младшие родичи, клиенты), должники, царские работники («государственные илоты» — например, «гуруши» III династии Ура, получавшие натуральное довольствие и эксплуатировавшиеся на рабских началах, но не являвшиеся рабами юридически)⁸⁰. Это — класс, лишенный собственности на средства про-

изводства и эксплуатируемый внеэкономическим путем.

«Одной из его групп, — пишет И. М. Дьяконов, — иногда более, иногда менее многочисленной, являлись собственно рабы. Поскольку именно рабство было оптимальной для данной эпохи формой эксплуатации всех этих людей, можно было бы и весь класс эксплуатируемых называть рабами; теоретически это было бы обоснованным, однако на практике эта нивелировка под оптимальный для рабовладельцев вариант ведет, как мы сейчас знаем, к большой путанице и многим недоразумениям, ко взаимному непониманию и научному разобщению, что практически задерживает развитие нашей науки.

К тому же для одних обществ такое приравнивание всех эксплуатируемых групп к рабам будет справедливым, для других же — нет; для каких-то периодов одного и того же древнего общества оно правомерно, для иных — сомнительно или неприемлемо»⁸¹.

В заключение необходимо сказать еще несколько слов о внутренней структуре города-государства. «Оно, — пишет И. М. Дьяконов, — распадается на отдельные общины, например, Лагаш — на общины Гирсу, Урукуга, Сираан, Кинувир, Э-Нинмар, Гуаба и др. Земля каждого поселения разделяется на земли патриархальных родов, а те в свою очередь — на земли больших и малых семей. Каждый из этих общинных коллективов владеет, пользуется и распоряжается выделенной ему землей и может отчуждать ее с ведома вышестоящего коллектива. Верховным собственником всей земли является «городская» («номовая») община — «город-государство» в це-

лом...»⁶². Не трудно заметить почти полное совпадение этой картины с тем, что мы видели при рассмотрении общества юкатанских майя.

Можно добавить, что и в древней Месопотамии, и в доколумбовой Ме-

зоамерике наблюдается поразительная близость внешних форм проявления культа правителя в виде монументальных произведений искусства (стел, рельефов и т. д.), прославляющих победы и деяния царя и близость к богам⁶³.

¹ Childe V. G., 1956, p. 153.

² Hammond M., 1972, p. 37.

³ Roux G., 1969, p. 121.

⁴ Дьяконов И. М., 1973, с. 31, 32.

⁵ Дьяконов И. М., 1968, с. 19.

⁶ Kraeling C. H. and Adams R. M. (eds.), 1960, p. 64.

⁷ Trigger B., 1972, p. 587—589.

⁸ Дьяконов И. М., 1959, с. 12.

⁹ Дьяконов И. М., 1973, с. 33.

¹⁰ Там же, с. 34.

¹¹ Грибов П. А., 1973, с. 22.

¹² Там же, с. 22.

¹³ Коранашивили Т. В., 1969, с. 108.

¹⁴ БСЭ, т. 20, 1975, с. 212.

¹⁵ Там же, с. 213.

¹⁶ Долгий В. М. и Левинсон А. Г., 1971.

¹⁷ Ibid., с. 101.

¹⁸ Schneider A., 1965, p. 36.

¹⁹ Lampl P., 1968, p. 13.

²⁰ Kramer S. N., 1963, p. 54.

²¹ Trigger B., 1972, p. 587.

²² Kraeling C. H. and Adams R. M. (eds.), 1960, p. 63.

²³ Ibidem.

²⁴ Frankfort H., 1948, p. 217.

²⁵ Ibid., p. 227.

²⁶ Ibid., p. 228.

²⁷ Roux G., 1969, p. 120.

²⁸ McAdams R., 1969, p. 115.

²⁹ Schneider A., 1965, p. 36; Kramer S. N., 1963, p. 54.

³⁰ Kramer S. N., 1963, p. 54.

³¹ Дьяконов И. М., 1950, с. 78—82.

³² McAdams R. and Nissen H. I., 1972.

³³ Ibid., p. 18.

³⁴ Ibidem.

³⁵ Ibid., fig. 8.

³⁶ Ibid., p. 19.

³⁷ Ibid., p. 87.

³⁸ Ibid., p. 18, 19.

³⁹ Дьяконов И. М., 1973, с. 32.

⁴⁰ Турацян Г. А., 1973, с. 93.

⁴¹ McAdams R. and Nissen H. I., 1972, p. 87.

⁴² Childe V. G., 1956, p. 105.

⁴³ Sjöberg G., 1965, p. 29—30.

⁴⁴ Ibid., p. 31.

⁴⁵ Kraeling C. H. and Adams R. M. (eds.),

1960, p. 233.

⁴⁶ Ibid., p. 240.

⁴⁷ Frankfort H., 1968, p. 49.

⁴⁸ Ibid., p. 53; Childe V. G., 1956, p. 142—146.

⁴⁹ Послы Аги, 1973, с. 128.

⁵⁰ Крамер С. Н., 1965, с. 176.

⁵¹ Childe V. G., 1956, p. 153.

⁵² Энлиль повсюду, 1973, с. 136.

⁵³ Там же, с. 137.

⁵⁴ Дьяконов И. М., 1973, с. 30—32.

⁵⁵ Frankfort H., 1950, p. 102.

⁵⁶ Долгий В. М., Левинсон А. Г., 1971, с. 101.

⁵⁷ Kramer S. N., 1963, p. 89.

⁵⁸ Oppenheim A. L., 1969, p. 4—6.

⁵⁹ Lampl P., 1968, p. 15.

⁶⁰ Frankfort H., 1950, p. 104.

⁶¹ Meadow R., 1971, p. 160—162.

⁶² Ibidem. Но согласно Р. Мак-Адамсу в середине III тысячелетия до н. э. территория Урука составляла всего 400 га, а население 40—50 тыс. человек — см.: McAdams R. and Nissen H. I., 1972, p. 739.

⁶³ Frankfort H., 1950, p. 104.

⁶⁴ Meadow R., 1971, p. 160—162.

⁶⁵ Frankfort H., 1948, p. 396.

⁶⁶ Ibid., p. 396.

⁶⁷ Frankfort H., 1950, p. 103.

⁶⁸ Критический анализ метода Г. Фрэнкфорта см.: Дьяконов И. М., 1959, с. 21, 22.

⁶⁹ Утченко С. Л., Дьяконов И. М., 1970, с. 12.

⁷⁰ Там же, с. 13.

⁷¹ Дьяконов И. М., 1971, с. 132.

⁷² Дьяконов И. М., 1966, с. 24—34.

⁷³ Дьяконов И. М., 1968, с. 19.

⁷⁴ Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса, 1972, с. 31.

⁷⁵ Утченко С. Л., Дьяконов И. М., 1970, с. 16—17.

⁷⁶ Дьяконов И. М., 1959, с. 117, 118.

⁷⁷ Дьяконов И. М., 1971, с. 138.

⁷⁸ Там же, с. 139.

⁷⁹ Семенов Ю. И., 1965, с. 70.

⁸⁰ Дьяконов И. М., 1971, с. 136, 137.

⁸¹ Там же, с. 137.

⁸² Дьяконов И. М., 1959, с. 81.

⁸³ Гуляев В. И., 1972а, с. 206—214.

ОБЩЕСТВО МАЙЯ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н. Э. ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

В XVI в. п. э. майяское общество представляло собой весьма сложный и стратифицированный организм, достигший уровня раннеклассовой государственности и цивилизации. Более или менее обоснованные попытки выделения в рамках этого общества, на последнем этапе его существования, каких-либо крупных социальных групп и классов неоднократно предпринимались в специальной литературе, в том числе и советской¹. Однако в целом вопрос о точном числе таких классов и групп, их статусе и значении требует дальнейшей разработки.

С гораздо меньшей определенностью приходится судить о социально-экономической структуре общества майя в классический период, когда единственным нашим источником на этот счет служит археологический материал. Неудивительно, что ни одна другая проблема не вызывает столько разногласий и споров среди ученых, как характер классического общества майя. Так, С. Морли приходит к выводу о том, что общество майя в классическую эпоху было классовым. В майяских городах-государствах преобладала теократическая форма правления. Высшая светская и духовная власть находилась в руках одного должностного лица — правителя типа халачвиника².

С. Морли указывает также, что

древнее общество майя делилось на четыре больших класса: аристократию, жречество, общинников и рабов³.

Со своей стороны, Э. Томпсон признает, что в I тысячелетии н. э. на территории майя существовали многочисленные и независимые города-государства. Власть внутри них находилась в руках касты жрецов и аристократов. Причем жречеству автор отводит ведущую роль в управлении обществом. Жреческая верхушка держала в своем подчинении массы земледельцев при помощи религии. Далее Э. Томпсон рисует идиллическую картину мирного сосуществования городов-государств, отпущения между которыми за шесть веков классического периода почти не омрачались войнами и усобицами. Столь же неожиданный характер носит вывод автора о том, что правящая каста относилась к низам общества довольно мягко и терпимо, если не считать использования их на строительстве пирамид, храмов и дворцов⁴.

По мнению А. В. Киддера, у майя в III—IX вв. н. э. существовала теократическая система правления, а основной политико-административной единицей был автономный город-государство⁵. У. Р. Ко — руководитель археологической экспедиции Пенсильванского университета в Тикале, также считает, что древнее об-

щество майя было классовым. Во главе его стояла жреческая верхушка и представители светской аристократии. Средний класс состоял из жителей городов: ремесленников, торговцев, жрецов низшего ранга и т. д. Наконец, самым угнетенным и многочисленным классом майяского общества были земледельцы⁶.

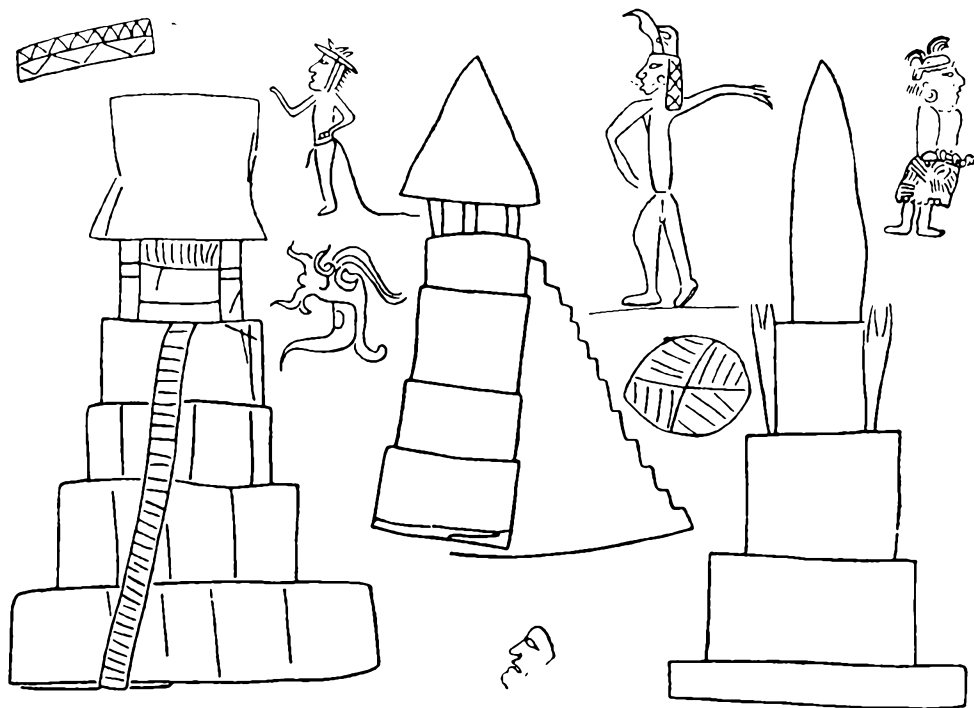
Особое мнение о характере социальной структуры майя в классический период выразил М. Коваррубиас. Он считает, что у них существовала в I тысячелетии н. э. «феодалная теократия грубого и безжа-

лостного типа»⁷. Во многом солидарна с ним и С. Майлс⁸.

О наличии у майя в I тысячелетии н. э. сложного, сильно стратифицированного общества, состоявшего из общинников, глав родов, воинов, чиновников, писцов, ремесленников, торговцев и правящего жреческого класса, писал С. Борхедь⁹.

Однако эта традиционная концепция о наличии у майя классового общества в I тысячелетии н. э. в 50-х годах встретила довольно значительное противодействие со стороны некоторых ученых-американистов. Используя результаты своих раскопок в Бартон Рамье (в долине р. Беллиз), Г. Уилли пришел к выводу, что старые взгляды о резком контра-

Тикаль, граффити из храма II с изображением культовых зданий

те культуры и быта между верхними и нижними классами общества майя не соответствуют действительности. Анализируя различные типы майяских поселений в районе Белиза, автор (подобно Дж. Булларду) выделяет среди них только ритуальные центры и земледельческие поселки. В ходе исследований этих земледельческих поселений удалось обнаружить ряд богатых погребений, в инвентарь которых входили драгоценные нефритовые украшения, массивный топор-кельт с иероглифом «Ахав», привозная полихромная керамика и т. д. Все это заставило Г. Уилли прийти к заключению, что земледельцы майя были не забитой и нищей массой, а свободным и зажиточным классом, принимавшим самое активное участие в жизни общества. В то же время наличие даже в самых мелких селениях развалин небольших храмов и святынь, по мнению того же автора, доказывает, что буквально все население участвовало в ритуальных обрядах и иных видах религиозной деятельности и поэтому у майя не было жрецов-аристократов, стоявших над народом и угнетавших его¹⁰.

Сходных убеждений придерживаются в настоящее время и некоторые этнографы США. Согласно взглядам Э. Фогта, исследовавшего в течение ряда лет племена цоциль и чельталь в горном Чиапасе, характер поселений и религиозная система местных индейцев являются точным отражением соответствующих институтов древних майя¹¹. В целом взгляды Э. Фогта, Дж. Булларда и Г. Уилли можно свести к следующим основным положениям.

1. Между характером поселений ряда современных майяских племен

и древними классическими центрами существует значительное сходство.

2. В классическую эпоху даже небольшие общины майя имели свои миниатюрные ритуальные центры. В пределах этих общин жили бок о бок и жрецы, и рядовые земледельцы, причем и те и другие находились примерно на одном социальном и экономическом уровне.

3. Как и в наши дни, все политико-религиозные должности в небольших общинах занимались в древности земледельцами поочередно, на короткий срок.

4. Подобно тому как современные крестьяне цоциль постепенно достигают все более важных должностей, точно так же в классическую эпоху рядовые земледельцы поднимались вверх по должностной лестнице и со временем проходили путь от мелких постов в своих селениях до высоких должностей в крупных религиозных центрах.

5. Земледельцы майя после производства необходимых для жизни продуктов располагали свободным временем для работы в ритуальных центрах и для создания излишков, что позволяло им достичь такого же уровня жизни, как и у верхних классов.

6. Общество майя нельзя рассматривать как классовое, разделенное на изолированные группы, в котором светская и духовная аристократия угнетает массы земледельцев.

7. Аристократы, которых встретили в XVI в. на Юкатане испанцы, появились в результате влияний из Центральной Мексики всего лишь за пять веков до конкисты¹².

Однако эта концепция «бесклассового» общества у майя подвергается ныне аргументированной кри-

тике со стороны все более возрастающего числа исследователей. Опираясь на археологические данные (анализ погребального обряда и характера поселений, различия в типах и отделке жилищ, рассмотрение различных мотивов искусства, частичное истолкование иероглифических надписей на каменных рельефах и росписях и т. д.), А. Рус Лунлье, Р. Е. Адамс, Т. Проскурякова, У. А. Хевиленд и другие высказывают мысль о том, что в городах государствах майя в I тысячелетии н. э. вся власть находилась у аристократической элиты во главе с наследственными династиями светских правителей¹³. Так, Р. Е. Адамс выдвинул гипотетическую модель классовой структуры майяского общества в классический период, основанную на истолковании некоторых категорий археологического материала. Господствующий класс знати и жрецов занимал все высокие административные и религиозные посты и держал в своих руках военное дело и внешнюю торговлю. Затем идут чиповники, писцы и т. д. Далее — профессиональные ремесленники: скульпторы, ювелиры, гончары, ткачи, мастера по изделиям из перьев и т. д. К четвертому, самому нижнему классу относились угнетенные земледельцы, на долю которых оставался лишь тяжелый труд на полях¹⁴.

Интересную попытку реконструкции классовой структуры майяского классического общества на основе знаменитых фресок Бонампака предпринял чилийский ученый А. Липшуд¹⁵.

Развернутую и аргументированную картину необычайно сложного и дифференцированного устройства общества майя в I тысячелетии н. э.

предлагает в своей недавней монографии Т. П. Калберт¹⁶.

Мне представляется, что современное состояние источников по городам-государствам майя классического периода не позволяет еще создать сколько-нибудь падежную схему классовой структуры *всего* майяского общества.

Имеющийся археологический материал уже в силу своей специфики далеко не всегда способен осветить важнейшие стороны социально-экономической жизни древнего общества. К этому следует добавить и крайне одностороннюю направленность прежних археологических исследований в зоне майя: преимущество здесь всегда отдавалось изучению дворцово-храмовых комплексов и, следовательно, изучению жизни верхушки общества — аристократов и жрецов.

Поэтому, на мой взгляд, при воссоздании социально-политических институтов майя I тысячелетия н. э. следует прежде всего исходить из того, что эти институты в общем и целом близки по своему характеру тем общественным порядкам, которые застали на Юкатане в XVI в. испанские завоеватели. И задача исследователя как раз в том и состоит, чтобы в изобилующем большими «пропусками» и «лакунами» археологическом материале классического периода найти как можно больше связующих звеньев с историей юкатанских майя кануна испанского завоевания.

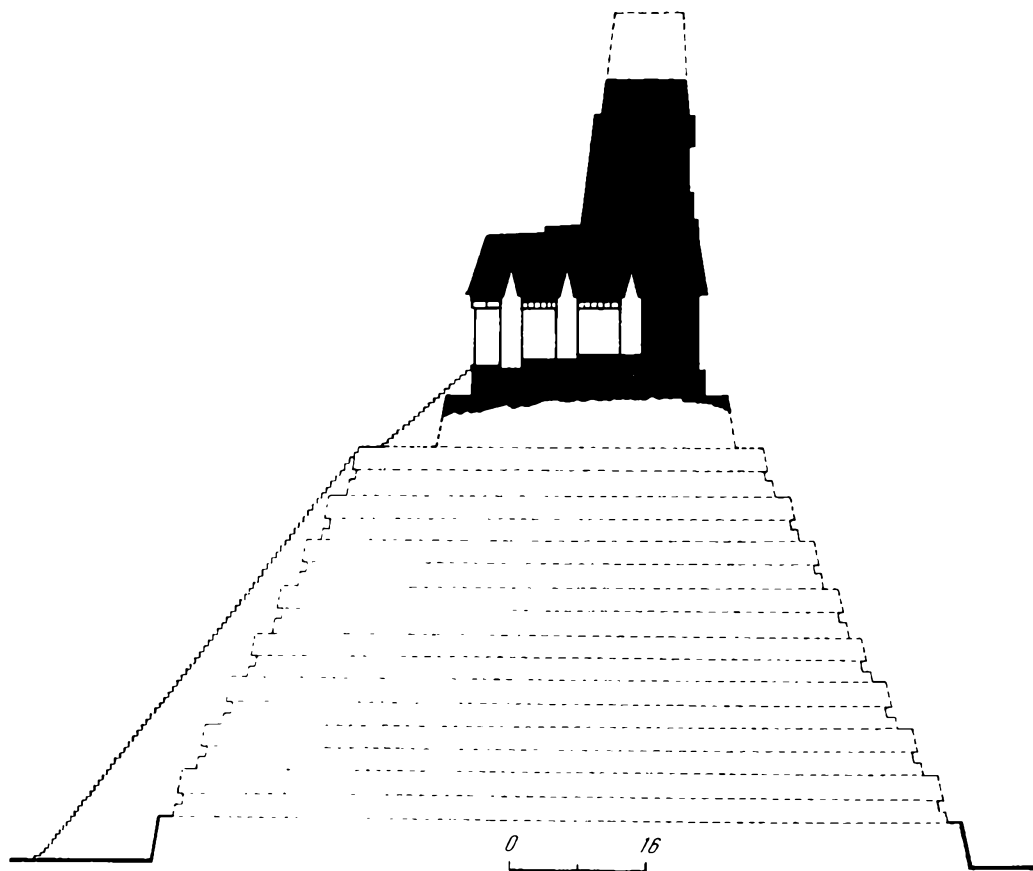
В результате подобного рода сопоставлений и выводов вырисовывается следующая, правда, во многом неполная пока картина.

На территории Центральной области майя в ходе исследований па-

мятников классического времени был установлен один бесспорный факт: все жилые постройки (платформы домов), как правило, встречаются здесь небольшими группами из 2 — 5 зданий, размещенных вокруг открытых двориков и площадей. Такая планировка позволяет предполагать, что важнейшей социальной единицей у майя в I тысячелетии н. э. была большая семья, состоявшая из стар-

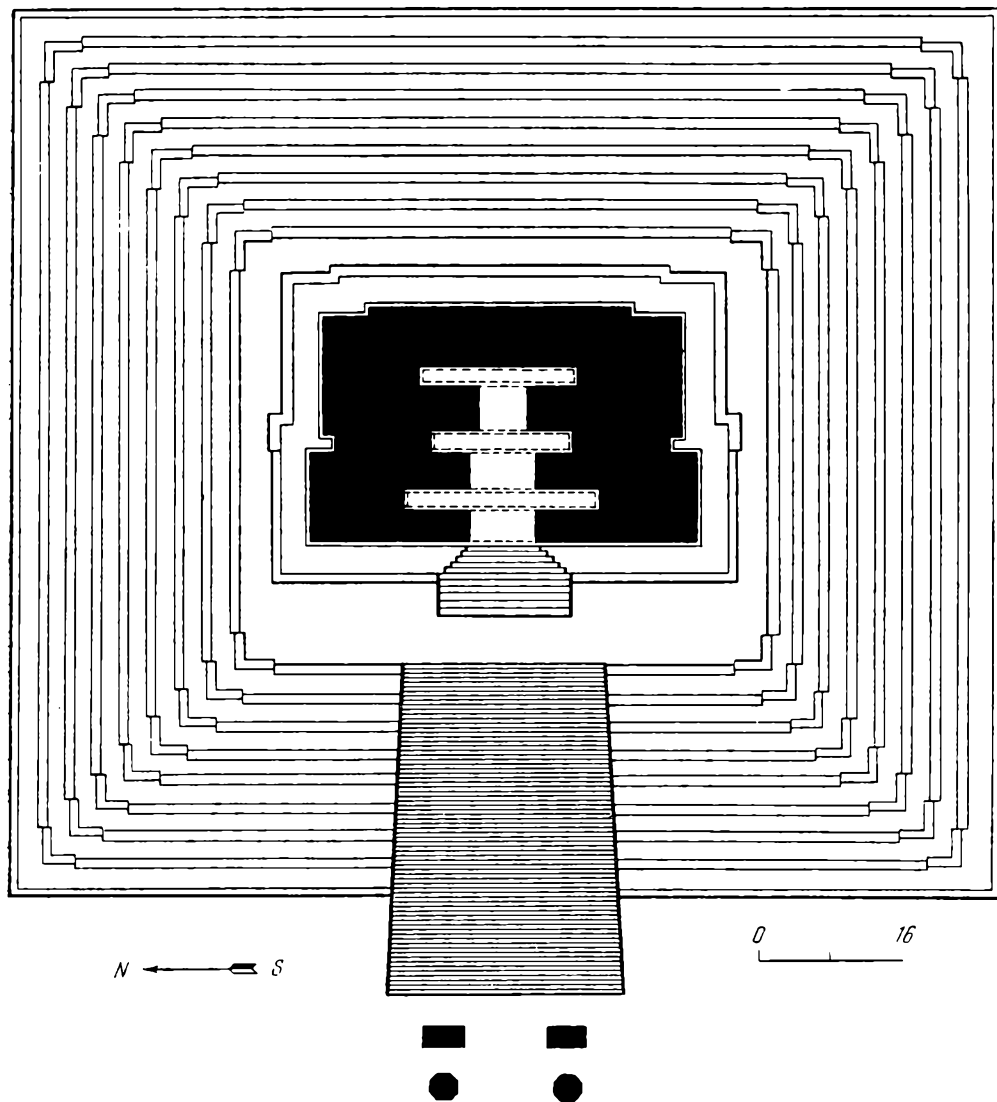
шей пары и их детей, женатых и неженатых. Большесемейные коллективы до недавних пор преобладали и среди современных майя, а планировка жилищ таких семей почти полностью дублирует планировку древних групп построек. Как показывают археологические исследования, одна из платформ в каждой группе жилищ часто имеет большие размеры и более тщательную отделку, чем другие. Видимо, эти крупные постройки служили резиденциями глав больших семей. У. А. Хевиленд на основе не-

План и разрез храма I, Тикаль

которых косвенных археологических признаков (погребения мужчин в храмах и святилищах и т. д.) предполагает патриархальный и патрилокальный характер этих большесемейных домовладений¹⁷. Во всяком

случае, раскопки показали, что ряд жилищ в некоторых из большесемейных комплексов появился позднее первоначальных построек, как будто их построили в пределах своей семейной группы женатые дети¹⁸.

Эти группы жилищ (большесемейные комплексы), как правило, входят составной частью в более крупные единицы — в виде деревушек и небольших селений в сельской местности и в виде кварталов в городах. Обычно они объединяют в своих пределах от сотни до нескольких сот человек (см., например, подобные единицы в Тикале конца I тысячелетия н. э., где они насчитывают от 17 до 33 домовых построек)¹⁹. Дж. Буллард условно назвал их «зонами». Однако скорее всего это разновидность селенной общины. Общины такой величины уже имеют, обычно, в своем составе, помимо обычных жилищ, какие-то небольшие общественно-административные (часто каменные) постройки, а также скромные храмы или святилища. Наличие в небольших сельских памятниках (типа Бартон Рамье) погребений с нефритовыми вещами и привозной полихромной керамикой, а также крохотного храма или какой-либо другой общественной постройки свидетельствует не о высоком социальном статусе рядового майяского земледельца, как думает Г. Уилли, а, скорее, о присутствии в каждой сельской общине зажиточной верхушки: местного жреца, главы общины, глав богатых домовладений и т. д. И хотя сплошное археологическое обследование Центральной области майя еще далеко не завершено, уже сейчас вряд ли приходится сомневаться, что именно такие, сравнительно небольшие памятники сельского типа (состоящие из 15—100 и более платформ от жилищ) были основным видом поселений майя в I тысячелетии н. э. Крупные городские центры (столицы городов-государств), как уже отмечалось выше, отстоят даже в самых густонаселен-

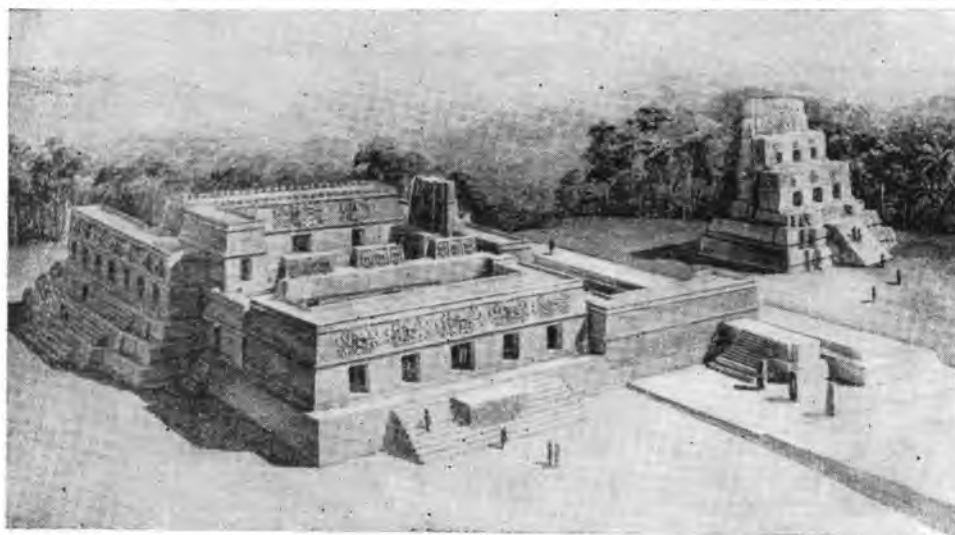
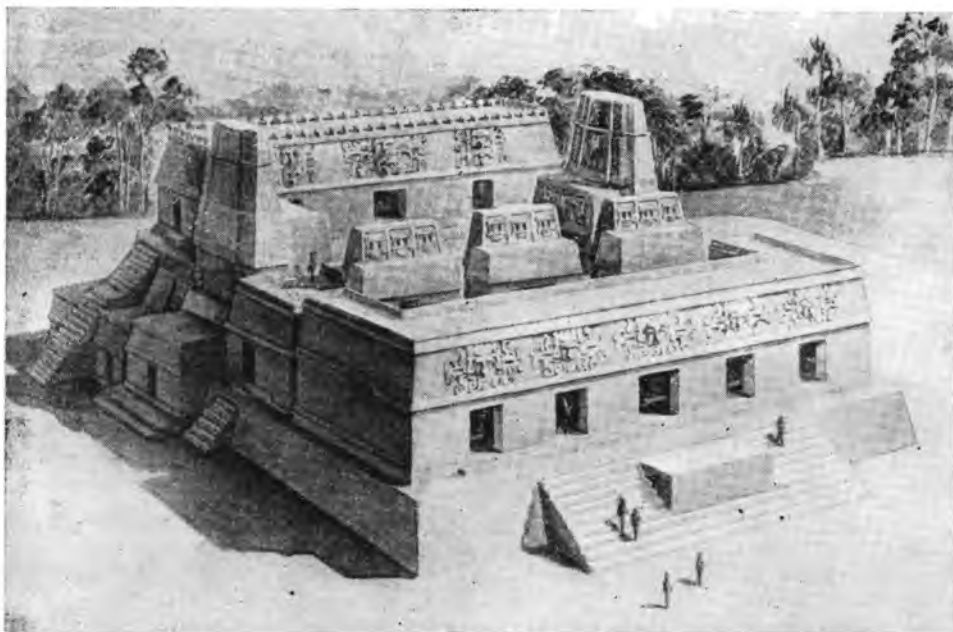
ных районах Петена на 15 км и более друг от друга. Да и общее их число не превышало к концу классического периода двух десятков.

Таким образом, есть, хотя и косвенные, основания предполагать, что в I тысячелетии н. э. большинство населения Центральной области майя было сосредоточено в небольших поселках сельского типа и являлось, по-видимому, в массе своей земледельцами.

Эти сельские общины находились, в свою очередь, в подчинении у того или иного крупного городского центра, образуя вместе с ним особую территориально-политическую единицу — город-государство. Во главе городов-государств, как мы знаем по аналогии с позднемеканским обществом и по археологическим данным классического периода, стояли наследственные правители, представлявшие интересы аристократической верхушки общества.

Вопреки мнению многих зарубежных авторов классическое общество майя состояло не только из массы земледельцев и могущественных правителей, а имело гораздо более сложную структуру. Рассмотрение тех скудных сведений, которые имеются сейчас по экономике (ремесло и торговля) городов майя I тысячелетия н. э., позволяет предполагать наличие в городах в качестве составной части городского населения определенной торгово-ремесленной прослойки. В городах жили также чиновники разных степеней и рангов (писцы, сборщики налогов, судьи и т. д.), жрецы и профессиональные воины. Наличие вышеназванных групп городского населения уже в классическое время доказывается хотя бы изображениями соответствующего рода

Дворцовая постройка А—V, Вашактун

на расписной полихромной керамике, фресках и каменных рельефах (например, группа воинов в стандартных доспехах и вооружении на притолоке 2 из Пьедрас Неграс²⁰; богатый торговец на вазе из Ратинлишшуля²¹; торговцы на фресках Бонампака²² и др.). К сожалению, специфическая направленность искусства майя (прославление власти правителя и величия богов) почти не остав-

Отряд тяжеловооруженных воинов, Пьедрас Неграс, притолока 2

ляла для древних мастеров возможности показать жизнь рядового населения города и деревни. Косвенным свидетельством о наличии у майя рабов в I тысячелетии н. э. могут служить многочисленные изображения на рельефах и стелах связанных полубоженных пленников, хотя они могут символизировать собой и аллегорический образ — разгромленный и подчиненный победоносным властителем соседний город. Более определенно говорит о наличии рабства другое произведение древне-

майяского искусства — терракотовая статуэтка позднеклассического периода с острова Хайна (Кампече, Мексика). Она изображает почти обнаженного худого мужчину с деформированной головой и татуированным лицом, который привязан веревкой за кисти вытянутых вперед рук к столбу²³.

Более уверенно чувствует себя исследователь древнемайяского общества в вопросе относительно степени развития ремесла и торговли в I тысячелетии н. э. Не подделжит

никакому сомнению, что ряд видов ремесленной деятельности в классических городах майя носил профессиональный характер²⁴. По аналогии с позднеюкатанскими майя, можно предполагать, что и в классический период к числу профессиональных ремесленников относились прежде всего те, кто обслуживал нужды царского двора и высшей знати (духовной и светской). Они же занимали, вероятно, и более высокий общественный статус, нежели рядовые земледельцы-общинники. Выше уже

говорилось о том, что в I тысячелетии н. э. у майя можно с большой степенью вероятности выделить следующие категории профессионального ремесла: мастера по изделиям из перьев, скульпторы, ювелиры (резчики по драгоценным и полудрагоценным камням), гончары (изготовители парадной полихромной керамики), художники (специалисты по настенной росписи и росписи парадной посуды) и т. д.

Но именно эти категории ремесла и были как раз непосредственно связаны с обслуживанием запросов правителя и знати.

О сравнительно высоком социальном положении ремесленника-ювелира свидетельствует одно из погребений, обнаруженное в древнем городе Бенке Вьехо (Белиз). Там вместе со скелетом взрослого мужчины под остатками жилого дома были погребены свыше 100 ядрищ кремня, 35 фигурных изделий из него, 2 больших полированных блока нефрита, морские раковины для изготовления красных бус, раковины-жемчужницы, изящные молоточки из кремня и два небольших каменных резца. Скорее всего, погребенный был достаточно зажиточным (судя по количеству материальных ценностей — нефрит и другие, положенные вместе с ним в могилу) ремесленником, специализировавшимся на выделке разного рода дорогих украшений²⁵.

Следы интенсивного ремесленного производства на территории древнемайяских городищ неоднократно отмечались современными исследователями по концентрации определенного вида находок в пределах поселения: мастерские по выделке терракотовых статуэток в Тьерра Нуэва²⁶ (Табаско, Мексика), мастерские по

обработке кремня и обсидиана в Тикале²⁷ и т. д.

У. Т. Сандерс предполагает, что профессиональные ремесленники в городах классического периода были целиком заняты обслуживанием нужд и запросов правящей элиты и либо прямо прикреплялись к домовладениям знати, дворцу и храмам, либо создавали в городах специальные кварталы-«гильдии», наподобие ацтекских. Причем для майя главную роль этот автор отводит как раз первому способу организации ремесла²⁸.

На мой взгляд, в классическое время господствующим в городах майя был второй способ поквартальной ремесленной специализации («гильдии»). В пользу этого говорят хотя бы археологические данные из Тикаля, где жилые единицы выступают одновременно и как центры ремесленной деятельности. В одном из «кварталов» города отмечена необычайно большая концентрация керамических изделий — курильниц, зажимов для занавесей и циновок, статуэток и т. д., что, возможно, указывает на его гончарную специализацию и т. д.²⁹ Если учесть, что в Тикале каждый из выделенных там «кварталов» имеет, как правило, свой локальный храм и одну или более построек административно-общественного («дворцового») типа³⁰, то можно вполне обоснованно сопоставлять эти внутригородские деления с кварталами ацтекских и позднемайяских центров, имеющими свое управление, своего бога-покровителя, свои празднества и т. д.

Аналогичную корпоративную организацию имели в I тысячелетии н. э. профессиональные торговцы майя, тесно связанные с правящими династиями своих городов³¹. Однако ос-

новная масса горожан, как в древности, так и накануне конкисты, занималась, по-видимому, различными видами сельскохозяйственной деятельности. Особенно очевидно проявляется это в периферийных районах города. Причем речь идет здесь не только о сравнительно аморфных по структуре городах майя классического времени, но и о таких общепризнанных идеалах мезоамериканского урбанизма доколумбовой эпохи, каковыми были Теотихуакан и Теночтитлан.

Несравнимо большей информацией располагаем мы для характеристики правящей верхушки майяского общества классического периода, и прежде всего царских династий городов-государств того времени.

В предыдущих главах (V и VI) уже говорилось о прямой связи комплекса «стела (алтарь) — храм — гробница» с культом обожествленных предков царских династий (Пьедрас Неграс, Паленке, Тикаль и др.).

Ранее мне уже приходилось доказывать наличие светских правителей в городах майя на примере анализа некоторых мотивов богатого искусства классического периода (канонические изображения правителя на стелах, притолоках и рельефах, отражающие различные стороны его повседневной деятельности: «правитель на троне и с атрибутами власти», «царь, поражающий врагов на поле брани», «сцены триумфа», «царь, находящийся под защитой богов» и т. д.³² Показательно, что все эти канонические мотивы находят себе полную аналогию в древневосточном искусстве (в Месопотамии и Египте), непосредственно связанном с личностью царей, правителей, фараонов, а отнюдь не с жрецами и теократами³³.

Описанные выше произведения майяского искусства имеют большое значение как по тематике, так и по своей художественной форме. «Тематика их отражает довольно развитый общественный строй во главе со священной особой царя. В образе царя, торжественно восседающего на троне в окружении сановников и слуг или же поражающего врага на поле брани, мы видим изображение монарха, ставшее типичным для всего классического периода. На этих монументах величие и мощь царя подчеркиваются тем, что его фигура изображена в большем масштабе, чем остальные... Так древнее искусство наряду с религией проводило в жизнь догмат о божественной сущности персоны царя и царской власти³⁴.

В данном случае речь шла только о монументальной каменной скульптуре майя классического периода (стелы, притолоки и рельефы, связанные с храмами). Однако та же самая тематика, отражающая различные стороны жизни и деятельности правителей городов-государств I тысячелетия н. э., была представлена и на других категориях археологического материала: на нефритовых украшениях и пластинках³⁵, резной кости³⁶, терракотовых статуэтках³⁷ и т. д. Но особенно ярко представлена она в настенных росписях (типа бонампацских) и в сюжетах, запечатленных на парадной полихромной керамике из наиболее богатых и пышных погребений классического периода.

М. Д. Ко, собрав большое число полихромных расписных сосудов майя классического периода из частных коллекций и музейных собраний, впервые осуществил общий анализ этой майяской керамики и поставил вопрос о ее назначении, тематике

росписей и содержании иероглифических текстов, имеющих там. По мнению этого исследователя, все росписи на полихромной глиняной посуде I тысячелетия н. э. ограничены приблизительно четырьмя основными мотивами: правитель, сидящий на троне в окружении слуг и сановников; божество со старческим лицом, выглядывающее из раковины, — бог «Л» (видимо, бог-улитка. — В. Г.); два юных персонажа, внешне похожие друг на друга; божество в виде летучей мыши с символами смерти³⁸.

Эти сцены, как правило, сопровождаются короткими, стандартными по форме, иероглифическими надписями. Текст начинается обычно с глагольного иероглифа (известного и по рукописям кануна конкисты), означающего приблизительно «вести происхождение», «происходить», «быть потомком». Середину надписи образуют иероглифы, передающие понятия дороги и смерти, тогда как завершает ее не совсем понятный пока эпитет, относящийся, видимо, к правителю. Между этими, более или менее понятными иероглифами стоят знаки в виде голов различных богов, большинство из которых ассоциируется со смертью и подземным миром³⁹. Исходя из вышесказанного, М. Д. Ко считает всю эту керамику погребальной, предназначенной исключительно для сопровождения умерших правителей майя, на что указывают и сюжеты, запечатленные на сосудах, и некоторые, истолкованные в настоящее время блоки иероглифических надписей. Это, по его словам, своего рода местный эквивалент древнеегипетской «Книги мертвых». Изображение и надпись на каждом таком сосуде описывают смерть майяского правителя, длительное путешествие его души по страш-

ным лабиринтам подземного царства и последующее воскрешение правителя, превращающегося в одного из небесных богов⁴⁰. Наблюдается также поразительное совпадение некоторых мотивов полихромной керамики I тысячелетия н. э. с описаниями подземного царства и подвигов божественных близнецов 1 Хунахпу и 7 Хунахпу (вступивших в неравную борьбу с богами преисподней) в эпосе майя-киче «Пополь-Вух»⁴¹. Исследования М. Д. Ко представляют собой новый, значительный шаг на пути к пониманию мифологических воззрений, религии и социально-политических институтов майя классического периода. Однако некоторые его выводы выглядят излишне категоричными. Особенно это касается утверждения насчет того, что *вся* полихромная керамика I тысячелетия н. э., будучи погребальной по своему назначению, отражает лишь мифологические и потусторонние темы, не связанные с реальной жизнью. Даже мотив правителя, сидящего на троне, в окружении слуг и придворных, связывается М. Д. Ко только с загробным царством⁴².

Действительно, многие расписные сосуды из богатых гробниц классического периода содержат изображения богов подземного мира, чудовищ, мифологических существ и т. д. Но вместе с тем есть там и немало чисто земных, светских мотивов: «правитель на троне», «батальная сцена»⁴³ и др. Даже если считать всю эту керамику чисто погребальной, иллюстрирующей блуждания души умершего среди ужасов царства мрака и смерти, то и в таком случае иерархия местных богов, восседающих на тронах и с атрибутами земных владык, способна дать известное представле-

ние о социальных порядках древних майя. «...всякая религия,— писал Ф. Энгельс,— является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни...»⁴⁴ Сюжеты, связанные с «дворцовыми мотивами», или типа «батальной сцены», хотя они

Батальная сцена на полихромном глянцевом сосуде конца I тысячелетия н. э.

и помещены на погребальной керамике, могли, например, отражать какие-то реальные события из жизни умершего правителя или аристократа. Здесь в каждом случае, как справедливо отмечает Дж. Джиффорд, необходим строго индивидуальный подход⁴⁵.

О каком мифологическом содержании может, например, идти речь в случае с полихромным сосудом 600—900 гг. н. э., на котором изображена «батальная сцена»: 11 персонажей,

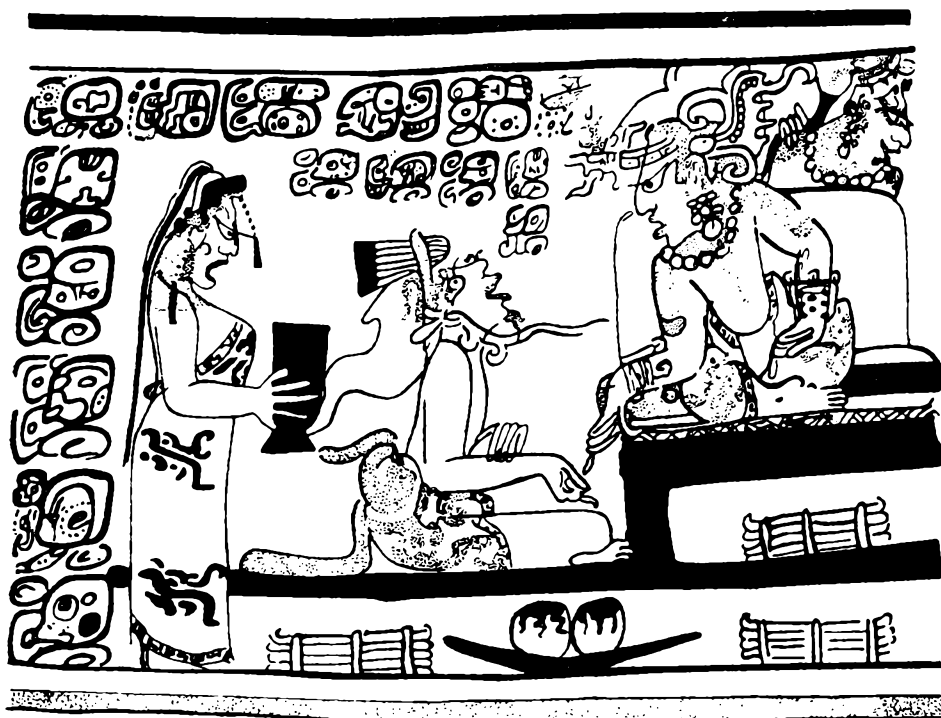
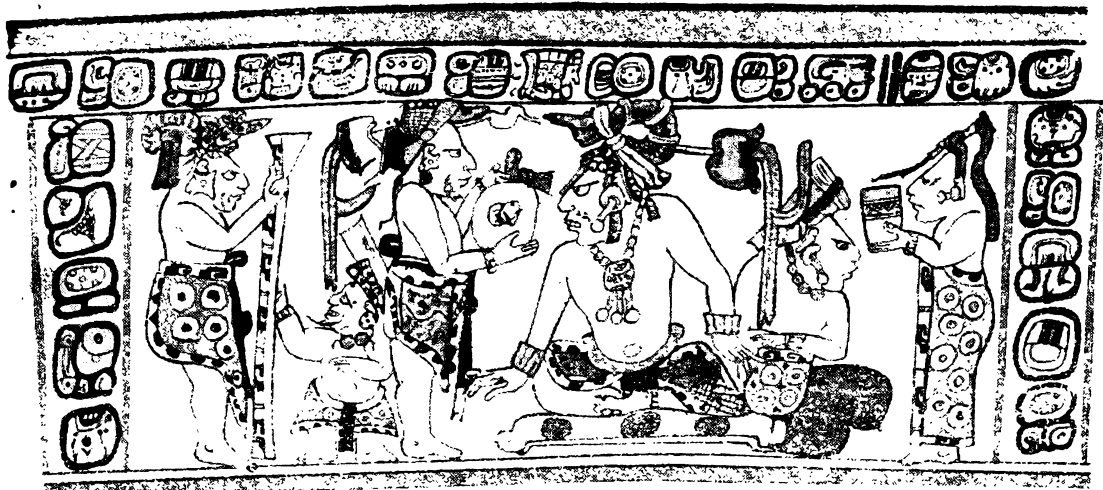
разделенных на два отряда (из 5 и 6 человек), столкнулись в ожесточенной схватке. Более многочисленный отряд (слева), судя по всему, уже проиграл битву и отступает. Три воина из его состава попали в плен, и их уводят торжествующие победители⁴⁶. Поскольку в этой сцене нет абсолютно ничего мифологического, то М. Д. Ко вынужден был признать ее «светский» характер, увековечивающий, по его словам, одно из значительней-

ших событий в жизни лица, погребенного вместе с этим сосудом⁴⁷.

Очень интересные материалы по данному вопросу дает и анализ содержимого ритуальных тайников (*saches*), устроенных под основаниями почти всех каменных монументов майя — алтарями, стелами и т. д., а также под полами дворцов и храмов. Начиная с раннеклассического времени, многие стелы Тикаля, Вашактуна и других майяских городов содержали в своих подземных тайниках «фигурные кремни» («eccentric flint»): геометрических и зооморфных типов, кусочки обсидиана в виде ножевид-

«Дворцовые сюжеты» на расписной керамике майя I тысячелетия н. э.

ных пластин и отщепов, раковины, керамические сосуды, нефритовые украшения и поделки, водоросли, кораллы и т. д.⁴⁸ Конечно, в зависимости от времени, местонахождения и характера самого монумента содержание таких тайников могло значительно меняться, но наличие кусочков резного кремня и обсидиана вычурных пропорций и силуэтов всегда неизменно. В позднеклассический период, по крайней мере в Тикале, происходит дальнейшая стандартизация и унификация содержания ритуальных тайников. Как правило, под каждой стелой находилось теперь лишь 9 фигурных кремней и 9 отщепов обсидиана с резными изображениями богов майяского пантеона⁴⁹.

В то же время, при раскопках в Пусильха (Белиз) под основанием стелы «Е» было найдено 100 фигурных изделий из кремня и обсидиана

(дата стелы соответствует 731 г. н. э.)⁵⁰.

Как указывает Т. Джойс, среди этих предметов встречаются образцы, близкие по форме наконечнику копья или лезвию ножа; есть змеевидные пластинки и пластинки, напоминающие скорпионов⁵¹. В Тикале под основанием стелы 4 (396 г. н. э.) найдено 8 фигурных кремней: в виде летучей мыши (3 шт.), змеи (3 шт.), головы оленя (2 шт.) и 3 куса обсидиана, тоже изображающих голову оленя⁵². Среди фигурных кремней довольно многочисленную группу составляют изображения скорпионов, изредка — антропоморфные образы и чаще всего — изображения сложных геометрических фигур явно символического характера. Их культовое назначение («громовые стрелы») признается единодушно всеми исследователями⁵³. Но что именно изображают эти странные обсидиановые и кремневые изделия? Ответ на этот вопрос дали обсидиановые ножевидные пластины с резными фигурами богов майяского пантеона, найденные под некоторыми стелами Тикаля коп-

«Ритуальные мотивы» на расписной керамике майя I тысячелетия н. э.

ца классического периода. И хотя отождествление имеющих там изображений с божествами из иероглифических кодексов и пантеоном майя XVI в. во многих случаях более чем сомнительно, в целом спорить не приходится: в ритуальных тайниках под стелами хранились кусочки камня с «портретами» важнейших майяских богов — бога грозы и дождя, бога маиса, и др.⁵⁴ Так, под тикальской стелой Р—20 (751 г. н. э.) было найдено 9 обсидиановых резных пластинок с «портретами» богов и 9 фигурных кремней вычурных очертаний⁵⁵. Следует отметить, что на лицевой части стелы был изображен персонаж высокого ранга в пышном костюме, с круглым щитком и скипетром в руках. Позади него, чуть вправо, стоит великолепный резной трон в виде фигуры ягуара⁵⁶, что позволяет нам рассматривать изображенного индивида как правителя, или царя.

Точно такой же набор из 9 кремневых и обсидиановых вещей археологи обнаружили и под стелой 21⁵⁷ (736 г.

н. э.). Изображенный на стеле персонаж в богатом костюме держит в левой руке плетеную узкую сумку, а правой бросает вниз горсть зерен⁵⁸. Видимо, перед нами — сцена участия правителя в ритуальном севе, наподобие древневосточных и египетских аграрных обрядов, хорошо известная и по другим произведениям искусства майя I тысячелетия н. э. (стела 40 в Пьедрас Неграс и др.). Весьма примечательно, что каждый раз в коллекции резных кусочков обсидиана с «портретами» богов всегда встречается один интересный мотив божества с устойчивыми и специфическими признаками: «глаз бога», длинный, прямой или загнутый вверх нос, знак «факела» или топора с двойным завитком дыма (огня) на лбу и ярко выраженные рептильные черты (змеиная голова вместо одной ступни и т. д.)⁵⁹. Это, по определению большинства зарубежных специалистов, бог «К» из кодексов и Ах Болон Цакаб из пантеона майя XVI в. — бог ветра, бури и дождя, покровитель

земледелия⁶⁰. Но даже независимо от правильности подобного сопоставления можно с уверенностью сказать, что божество с резного обсидиана — точная копия бога-«карлика», увенчивающего вершину царского скипетра на всех позднеклассических изображениях майя. По всем своим ассоциациям и признакам бог-«карлик» был божеством грозы и дождя, а тем самым и плодородия, т. е. покровителем земледелия в целом⁶¹. Функциональным эквивалентом ему могут служить бог «В» из рукописей и Чак из пантеона XVI в. Достаточно показательно, что появление таких скипетров примерно совпадает по времени с выработкой канонического набора кремней и обсидиана в тайниках в виде 9 предметов (и на одном из них, как на скипетре, всегда представлен бог-«карлик»). Стреловидные и геометрические по форме куски кремня и обсидиана — это, по-видимому, «громовые стрелы».

Этнографические параллели позволяют вполне определенно утверждать, что кремневые и обсидиановые изделия всегда рассматривались майя как грозное оружие небесных богов — прежде всего богов грозы и дождя, покровителей земледелия. Индейцы-какчикелли из горной Гватемалы называли камень «огненным камнем»⁶². Лакандоны считают кусочки обработанного обсидиана, часто находимые в тех местах, оружием Баламов (богов — покровителей земледелия)⁶³. Юкатанские майя тоже отождествляют кусочки кремня и обсидиана с «громовыми стрелами», брошенными с небес богом грозы во время вспышек молнии⁶⁴. Поэтому они имеют магическую защитную силу, и когда жрец («х-мен») совершает обряд, чтобы оградить свое селе-

Резные обсидиановые предметы из ритуального приношения под стелой 21, Тикаль

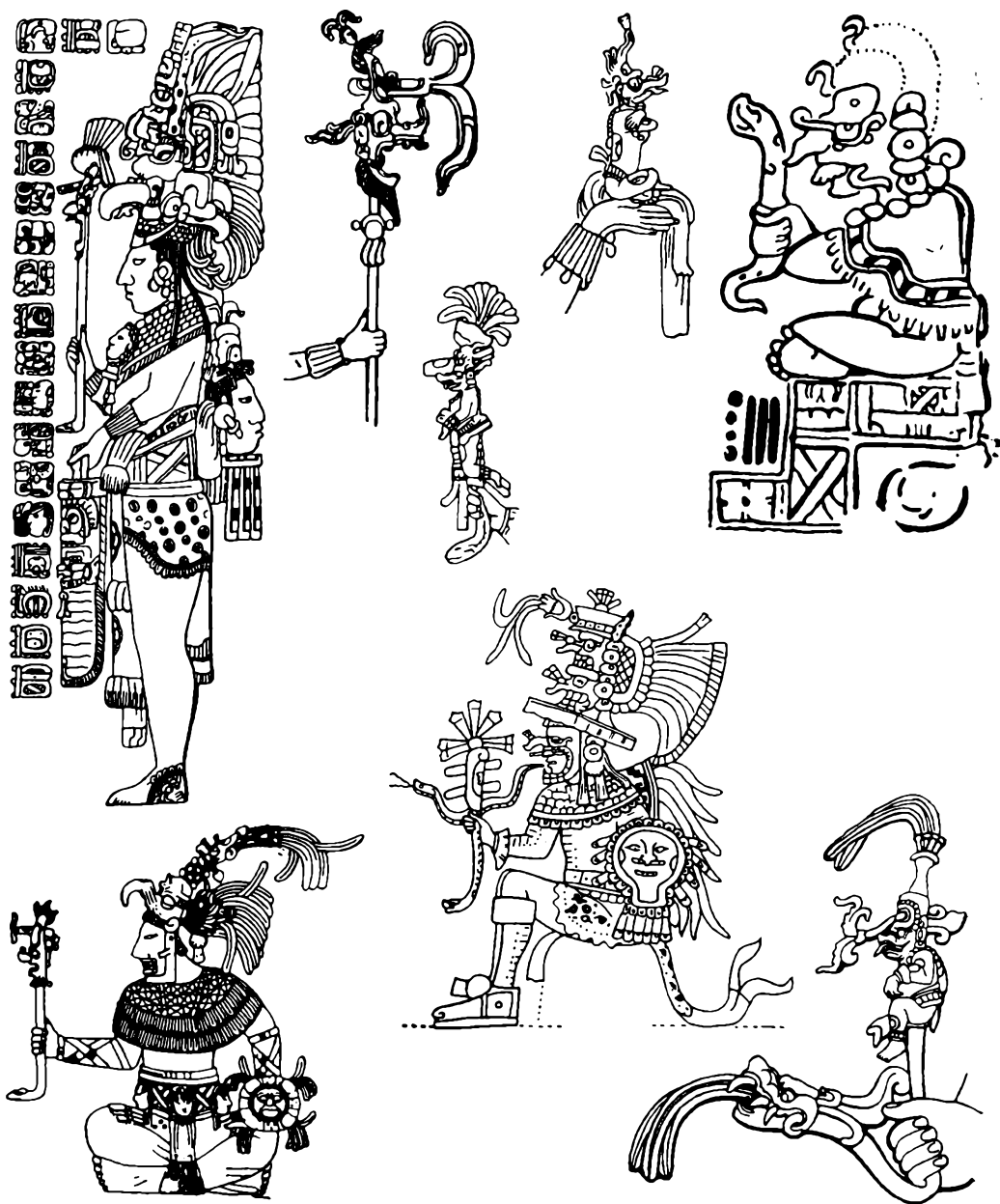
ние от дурных ветров, он закапывает кусочки кремня или обсидиана у всех четырех входов в поселок⁶⁵.

В свете вышесказанного становится понятным не только несколько необычный набор предметов из тайников под стелами (фигурные кремни и кусочки резного обсидиана с «портретами» главных богов, а также обилие морских продуктов — отражение культа воды: раковины, кораллы, иглы морского ежа, водоросли⁶⁶ и т. д.), но и общий смысл совершаемых в связи с установлением стелы обрядов. Это — прямое, археологическое отражение важнейшего обряда майя, призванного обновить магическую силу обожевленного царя на следующие двадцать лет правления⁶⁷. Тем самым царю как бы обеспечивалась поддержка всех основных богов майяского пантеона, от которых зависит урожай, а следовательно, и благополучие всей страны. Точно такой же смысл имел и знаменитый обряд хеб-сед у древних египтян⁶⁸. Во всяком случае, характер многих изображений на стелах и набор предметов в тайниках (кремни, кусочки обсидиана, морские раковины, кораллы, водоросли) недвусмысленно указывают на причастность майяских царей к культу плодородия, па связь их с божеством грозы и дождя.

Дополнительным аргументом в пользу этого предположения служит и внешний вид атрибутов царской власти у майя в позднеклассический период: «карликовый скипетр» (*map'quin seep'ter*) и круглый щиток с маской бога солнца. Бог-«карлик» украшает лишь навершие скипетра,

Атрибуты царской власти у древних майя

а рукоять этого предмета обычно сделана в виде изогнутого гибкого тела змеи. И основные функции бога «карлика» (это божество грозы и дождя, покровитель земледелия и т. д.), и рептильные ассоциации рукояти (змея — эмблема воды и дождя)⁶⁹ — все говорит о том, что этот атрибут власти правителей майяских государств, также как и более ранняя форма царских инсигний — «ритуаль-

ная полоса», (ceremonial bar) ведет свое происхождение либо от каменного топора-кельта, либо от «змейных жезлов» племенных вождей — «вызывателей дождя» (rain-maker) — более раннего периода.

Древнейшие известные сейчас образцы атрибутов царской власти на территории майя (в виде «ритуальных полос») относятся к концу III в. н. э. (стела 29 из Тикаля: 292 г.

и. э.)⁷⁰. Однако какие-то смутные прототипы их относятся к гораздо более ранней эпохе. Доказательством этому может служить, вероятно, обломок каменного навершия жезла в форме головки змеи с сильно изогнутой шеей (как у древнеегипетского «урей»), найденный в Эль Ситио (побережье Гватемалы) в слоях конца I тысячелетия до н. э.⁷¹ Не менее интересно изображение жезла на лицевой стороне стелы 1 из Эль Бауль (Эскинтла), на Тихоокеанском побережье Гватемалы. Жезл имеет прямое длинное древко, но верхней его части придана какая-то необычная, волнистая форма. Видимо, это тоже связано с рептильной, или водной, символикой: хорошо известная ассоциация «змея — вода». На стеле сохранилась календарная дата по эре майя, соответствующая 36 г. н. э.⁷² Изображение атрибутов власти в виде простой змеи как архаизмы встречаются и в искусстве более позднего времени: фигура бога «В» из Дрезденского кодекса, где он показан сидящим на троне и со змеей в руке⁷³.

В силу чисто местных климатических особенностей для майяского земледельца вода, дождь имели огромное, можно сказать, решающее для жизни значение. Джунгли Петена (Северная Гватемала), где находились основные центры «Древнего царства» майя (I тысячелетие н. э.), почти не имеют крупных рек, годных для искусственного орошения. Таким образом, существование человека во многом зависело здесь от дождевой воды, бережно хранимые запасы которой помогали выжить в течение сухого сезона. Я не говорю уже о решающем значении дождя для прорастания посевов маиса — основной пищи земледельцев майя. Стоит ли

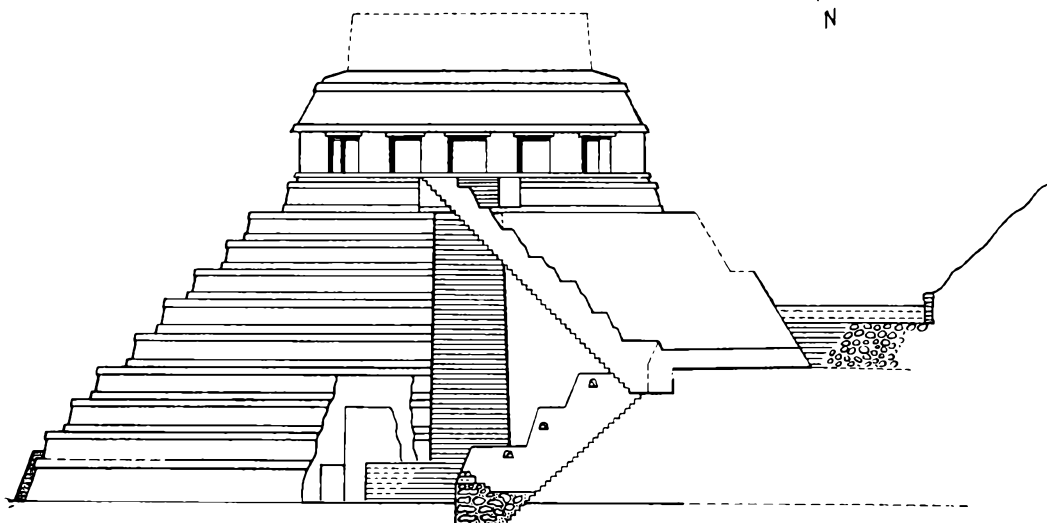
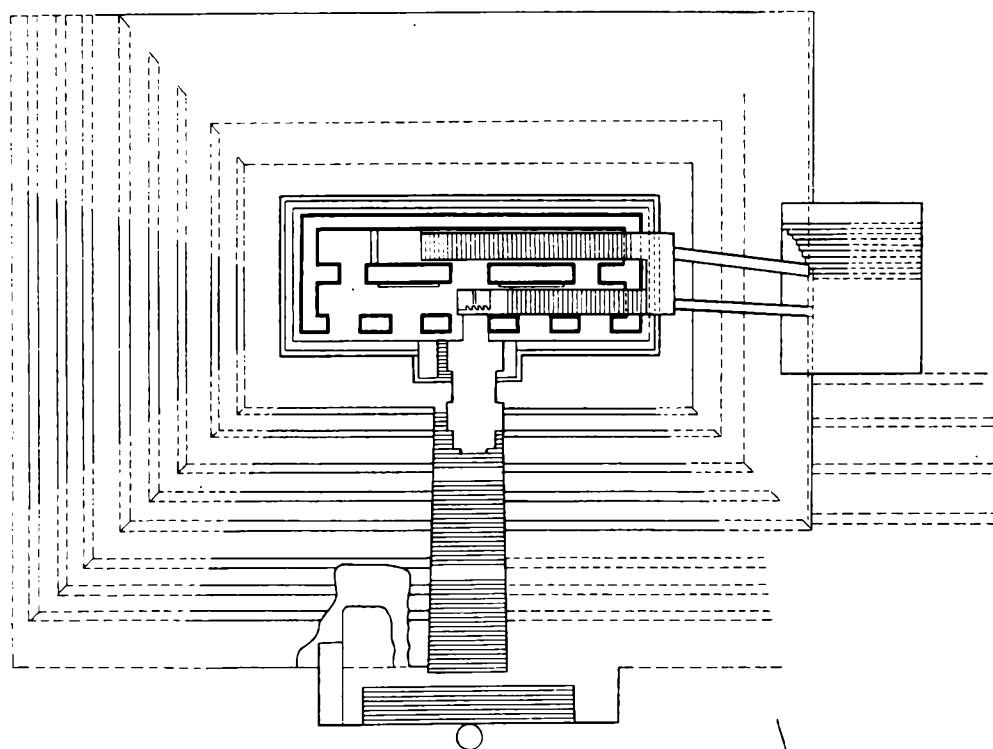
поэтому удивляться, что майя с глубокой древности почитали богов грозы и дождя, обеспечивающих плодородие полей и одновременно своих владык, выступающих как бы в качестве посредников между царством небесным и простыми смертными. Именно с этой целью обожествленные правители майя лично совершали весьма важные, с точки зрения земледельца, обряды, связанные с аграрным культом, и прежде всего с обеспечением страны водой и дождем.

Таким образом, археологические материалы I тысячелетия н. э. из Центральной области майя убедительно доказывают наличие *сакрализации* власти правителя. По мнению С. А. Токарева, сакрализация власти вождя, царя проявлялась обычно в трех взаимосвязанных формах: «во-первых, в сверхъестественной санкции его авторитета, как опирающегося на магическую силу (мана) ...: во-вторых, в почитании умерших вождей, превращающихся в сильных и опасных духов; в-третьих, наконец, в выполнении вождем ритуальных и культовых функций»⁷⁴. Как можно было убедиться, все три формы сакрализации власти правителя хорошо представлены и в классических городах-государствах майя.

Военный аспект царской власти у древних майя подчеркивается и обилием «военной тематики» в изобразительном искусстве классического периода («царь на поле брани», «сцены триумфа» и т. д.), и весьма вероятным происхождением ее из института военных вождей предшествующего этапа развития⁷⁵.

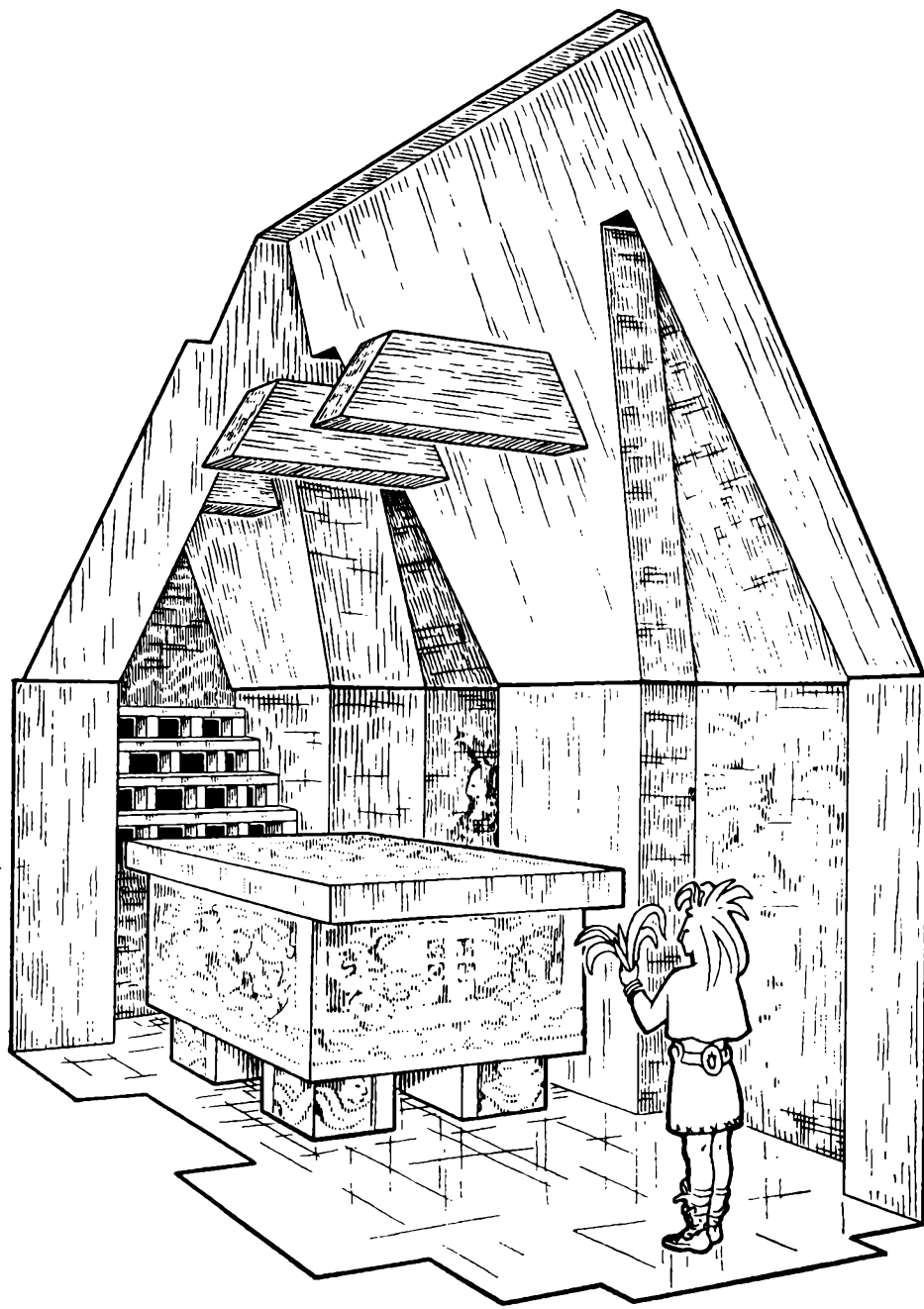
Глубокий и детальный анализ искусства майя классического периода содержится в работе Дж. Кублера

План и разрез Храма Надписей и его гробницы, Паленке

Храм Надписей, Пеленке

Внешний вид гробницы (реконструкция)

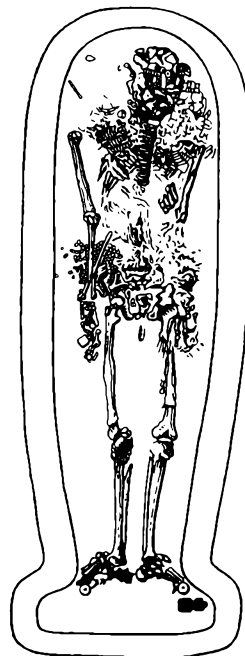
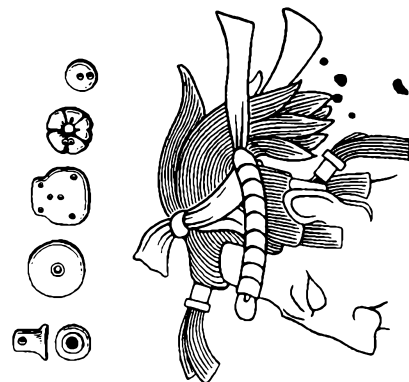
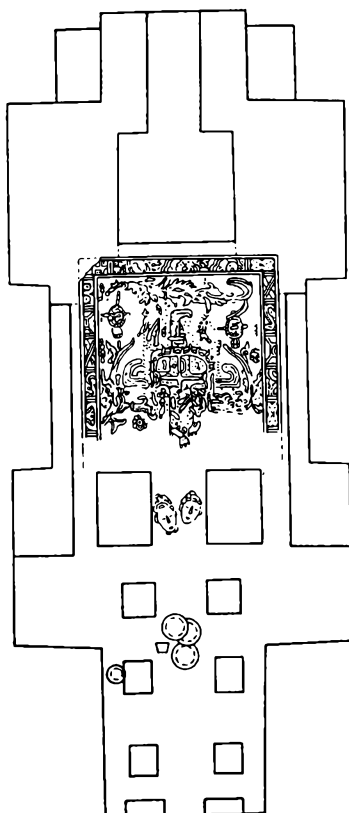
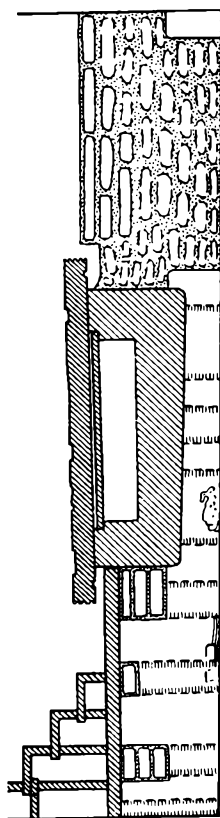

(США). Автор выделяет основные мотивы (темы) майяского искусства, рассматривая их как изобразительные эквиваленты мифологических

концепций, исторических событий и аллегорий, запечатленных и в иероглифических текстах на тех же памятниках. Но последние зачастую весьма лаконичны и содержат (в расшифрованной части) летописные сведения: даты, имена участников событий и краткий перечень случившегося⁷⁶.

Храм Надписей, Паленке

План и разрез саркофага

Все мотивы классического майяского искусства Дж. Кублер делит на две большие группы: 1) мемориальную (или памятную) и 2) ритуальную.

Первая из них представлена главным образом в монументальной скульптуре и на фресках и значительно реже встречается на расписной полихромной керамике⁷⁷. К числу этой первой группы относятся преимущественно мотивы с различными династическими церемониями, касающимися исторических персонажей, и прежде всего правителей: 1) представление наследника правителя; 2) восшествие правителя на престол; 3) правитель под защитой сверхъестественных сил; 4) победоносный завоеватель (с пленниками); 5) аудиенция во дворце; 6) «государственный совет»; 7) вручение инсигний власти; 8) царь в роли жреца; 9) покаяние членов царской фамилии; 10) сцены одевания; 11) битвы; 12) игра в мяч; 13) погребальные обряды⁷⁸.

Нетрудно убедиться, что почти все эти мотивы в основном укладываются в тот же круг образов и тем, который был несколько ранее выделен мной путем сопоставления монументальной скульптуры майя I тысячелетия н. э. с древневосточным искусством⁷⁹. Если же объединить все указанные мотивы, связанные с правителем, в большие группы, то мы получим трехчленное деление, предложенное и в данной работе: 1) военная; 2) династическая; 3) ритуальная группы.

Еще более расширили наши представления о характере царской власти в городах-государствах майя классического периода работы Ю. В. Кнорозова в нашей стране и Т. Проскурякова и ее последователей за рубе-

Прорись изображения на крышке саркофага, Храм Надписей, Паленке

жом по прочтению и истолкованию иероглифических текстов на памятниках I тысячелетия н. э. (прежде всего на стелах, рельефах и притолоках).

«Эти надписи, — подчеркивает Т. П. Калберт, — показывают, что каждый крупный центр майя (имеется в виду классический период. — В. Г.) имел одного правителя, который царствовал пожизненно. Ему наследовал старший сын или другой близкий родственник по мужской линии... Правители показаны занятыми в военной, религиозной и дипломатической сферах деятельности, всегда преуспевающими и в зените славы»⁸⁰.

Т. Проскурякова после тщательного анализа скульптурных изображений персонажей высокого ранга из Пьедрас Неграс и Йашчила и истолкования сопровождавших их календарных дат и надписей в 1960 г. выдвинула весьма правдоподобную гипотезу о наличии царских династий в городах-государствах майя. Согласно ее выводам, речь в этих надписях шла об именах правителей, их предшественниках и преемниках, знаменитых предках, враждебных правителях, пленниках, родовых группах (lineages), узурпаторах трона, матерях и женах правителя. Среди зафиксированных на стелах событий особое внимание уделялось таким, как рождение, восшествие на престол, вступление в брак и смерть правителя, а также борьба с чужеземными врагами и внутри государства за власть, заключение союзов с другими власти-

телями, захват пленных, ритуалы с актами жертвенных самоистязаний и т. д. Таким образом в целом речь явно шла о событиях политической истории правящих династий крупных классических городов майя, в данном случае — Пьедрас Неграс и Йашчилана⁸¹.

Т. Проскуракова установила также наличие аналогичных памятников и надписей в Наранхо, Паленке, Копане, Тикале, Сейбале, Топина, Пусильха и других городов I тысячелетия н. э.⁸²

Некоторое время спустя Д. Келли занялся расшифровкой исторического содержания надписей с монументов Киригуа. Ему удалось предположительно выделить имена пяти последовательно сменявших друг друга правителей города на протяжении 55 лет. Выяснилось также, что иероглифы Киригуа указывают на тесную связь с другим крупным центром — Копаном (о том же свидетельствует и значительное совпадение архитектурного и скульптурного стилей обоих городов). Согласно гипотезе Д. Келли, основатель династии Киригуа находился в родстве с одним из властителей Копана, а один или два копанских правителя носили те же самые титулы и имена, что и цари Киригуа⁸³.

За последние годы важные исследования в том же направлении были осуществлены А. Русом Луилье для Паленке⁸⁴ и К. Коггинс, К. Джонс и У. Хевилендом для Тикаля⁸⁵.

В Паленке, изучив иероглифические надписи на боковых сторонах саркофага знаменитой царской гробницы в Храме Надписей, А. Рус Луилье дал следующее предварительное истолкование этого текста: *Южная сторона*: (А—В—С) «В день 8 Ахав

13 Поп (9. 11.2.8. 0=13 марта 655 г. н. э.) родился наследник престола Паленке, который получил свое календарное имя 8 Ахав, или «Уёшёк Ахау» (Woxok Ajau) на языке чоль, на котором говорили тогда в этом районе».

(Д—Е). «Он стал халач-виником в 28 лет, в день 6 Эцнаб 11 Йаш (9. 12. 11. 5. 18=31 августа 683 г. н. э.), что отмечено также в тексте последнего столбца (Т. 5) западной таблицы Храма Надписей».

(F—G). «Четыре года спустя (?) он получил титул иерарха — должность или титул, которые символизировала пектораль».

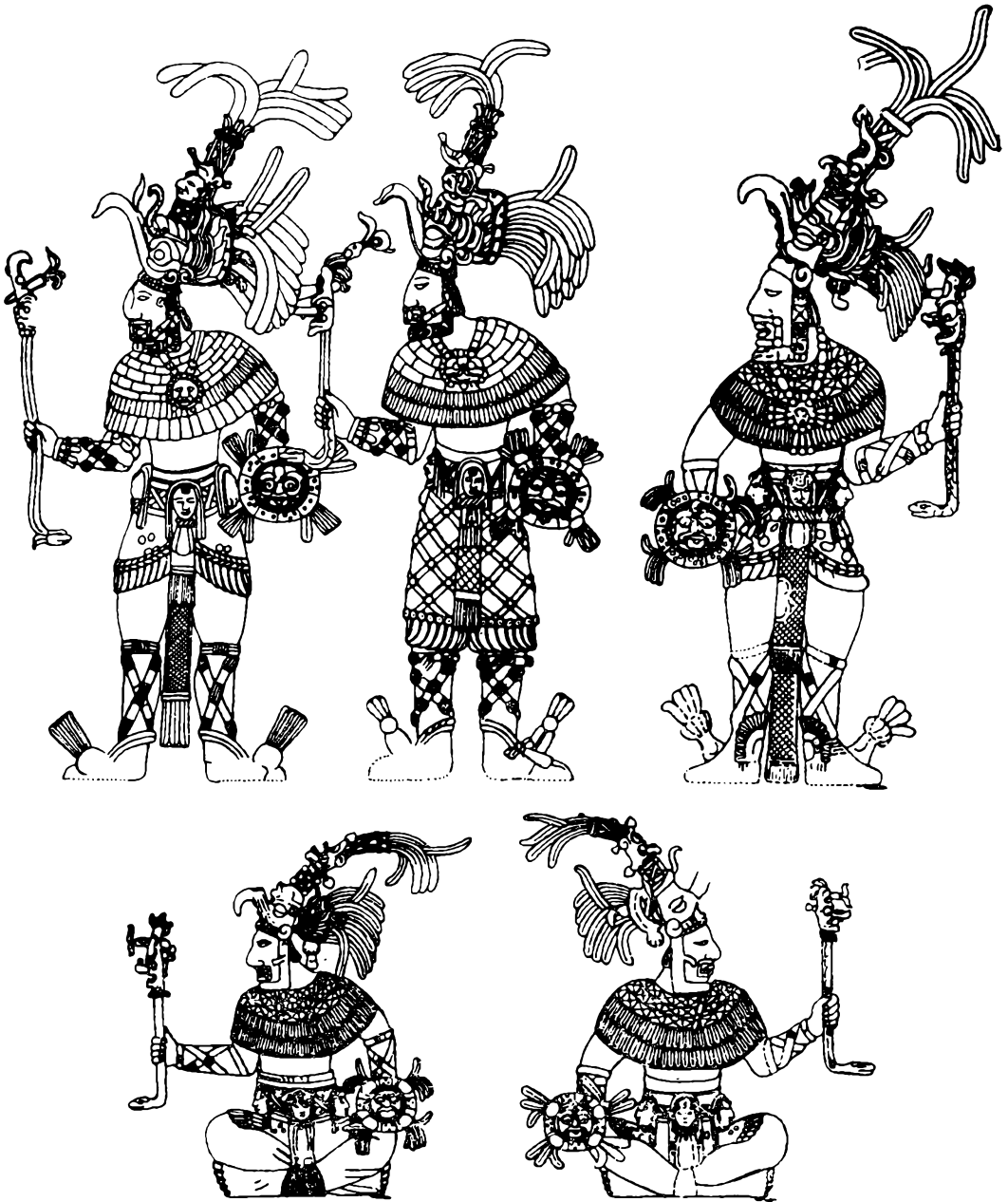
(H). «Получил он также и наивысший титул, символизированный небольшим круглым щитом. Именно этот щит вручает женщина центральному персонажу на рельефах из Дворца и с «Таблицы Рабов».

(I) «Эти титулы или отличия связаны только с Паленке».

(J—K). «Возможно, что он унаследовал трон от правителя, имя которого обозначалось иероглифами «Кабан» и «Мак» и различными суффиксами»⁸⁶.

В Тикале, обобщив все данные о наиболее пышных погребениях, связанных с соответствующими храмами и монументами возле них, и добавив к этому «прочтение» некоторых надписей, исследователи создали гипотетическую реконструкцию генеалогии правящей династии города на протяжении 11 поколений, с IV по IX в. н. э. Судя по этой генеалогии, передача власти всегда осуществлялась по мужской линии: в 7 случаях от отца к сыну и в 4 случаях от отца к мужу дочери⁸⁷. Так, мы узнаем из этого династического списка, что гробница под раннекласси-

Прорись рельефных фигур из алебаstra
на стенах гробницы Храма Надписей

ческим храмом 5 Д—26 (Burial 48) была связана со стелой 31 и принадлежала правителю, имя которого обозначалось иероглифом «Грозовое Небо»⁸⁸. В знаменитом царском погребении из глубин пирамиды Храма I (Burial 116), относящейся к 730 г. н. э. похоронен правитель в возрасте от 60 до 80 лет по имени «Двойной Гребень»: во всяком случае, именно такой иероглиф был вырезан на фигурном мозаичном сосуде из нефритовых пластин и с крышкой, увенчанной портретным изображением головы умершего. Этот сосуд входил в состав обильного и разнообразного погребального инвентаря упомянутой гробницы⁸⁹.

Следовательно, в настоящее время, помимо чисто археологических доказательств (наличие дворцов, царских погребений, мотивов искусства и т. д.), в пользу существования наследственных царских династий в столицах городов-государств майя в I тысячелетии н. э. имеются и эпиграфические свидетельства о таких династиях в Пьедрас Неграс, Паленке, Иашчилане, Тикале, Копане и Киригуа. Весьма вероятно, судя по иероглифическим текстам и монументальной скульптуре, существование царских династий в Наранхо, Сейбале, Тонина, Пусильха и т. д.

Остальные крупные города классического периода из Центральной области майя отнесены пока к классу столиц только по чисто археологическим основаниям.

Таким образом, даже беглый и схематический обзор материалов, освещающих особенности института

царской власти у майя в I тысячелетии н. э., позволяет говорить о большом его сходстве с системой правления городов-государств Юкатана накануне испанского завоевания. И для того и для другого периода характерно наличие многочисленных и независимых династий правителей, стоящих во главе сравнительно небольших территориально-политических единиц: городов-государств и «провинций». Между этими государствами преобладают враждебные отношения — столкновения, войны, политические интриги, стремление возвыситься за счет соседей. Судя по имеющимся источникам, в классический период, как и в канун конкисты, основными функциями верховного правителя были военная, судебная, ритуальная и дипломатическая (переговоры, союзы, браки и т. д.).

Налицо прижизненный и заупокойный культ⁹⁰ правителя, четко отраженный и в археологических находках I тысячелетия н. э., и в письменных источниках X—XVI вв.

Можно отметить такие стороны царской власти у древних майя, как ее сакральный и военный характер. В целом наши сведения о ранних формах царской власти в доколумбовой Мезоамерике остаются еще неполными. Однако даже по имеющимся данным можно сделать вывод о большом сходстве форм и конкретных проявлений царской власти у майя с первыми раннеклассовыми обществами Древнего Востока (Шумер и Египет).

¹ Кнорозов Ю. В., в издании Ланда Д. де, 1955, с. 37, 38; Кнорозов Ю. В., 1975, с. 250, 251; Гуляев В. И., 1972а, с. 203—206.

² Morley S. G., 1947, p. 163.

³ Ibid., p. 168.

⁴ Thompson J. E. S., 1954, p. 81.

⁵ Smith A. L., 1950, p. 9—11.

⁶ Coe W. R., 1962, p. 503.

⁷ Covarrubias M., 1957, p. 268.

- ⁸ Miles S. W., 1957.
- ⁹ Borhegyi S. F., 1956, p. 343—356.
- ¹⁰ Willey G. R., 1956, p. 777—780.
- ¹¹ Ruz Lhuillier A., 1964, p. 64.
- ¹² Ibid., p. 66.
- ¹³ Haviland W. A., 1970; Adams R. E., 1970; Proskouriakoff T., 1960.
- ¹⁴ Weaver M. P., 1972, p. 165, 166.
- ¹⁵ Lipschutz A., 1971.
- ¹⁶ Culbert T. P., 1974.
- ¹⁷ Haviland W. A., 1968, p. 106, 107.
- ¹⁸ Ibidem.
- ¹⁹ Ibid., p. 109.
- ²⁰ Maler T., 1901, vol II, N 1, pl. XXXI.
- ²¹ Morley S. G., 1956, p. 398, pl. 92 — b.
- ²² Villagra Caletti A., 1949.
- ²³ Anton F., 1968, pl. 217.
- ²⁴ См. с. 63—68 настоящей книги.
- ²⁵ Rice D. S., 1974, p. 74.
- ²⁶ Sanders W. T., 1963, p. 217.
- ²⁷ Becker J. M., 1973, p. 398, 399.
- ²⁸ Ibid., p. 399—400.
- ²⁹ Culbert T. P., 1974, p. 68.
- ³⁰ Там же, с. 67.
- ³¹ Гуляев В. И., 19766, с. 63—64, 71.
- ³² Гуляев В. И., 1968, с. 138—155; Он же, 1972а, с. 207—217.
- ³³ Гуляев В. И., 1972а, с. 207—217.
- ³⁴ Там же, с. 216—217.
- ³⁵ Proskouriakoff T., 1974.
- ³⁶ Barthel T. S., 1967, p. 223—239.
- ³⁷ Anton F., 1968.
- ³⁸ Coe M. D., 1971, p. 304.
- ³⁹ Ibidem.
- ⁴⁰ Ibid., p. 305—307.
- ⁴¹ Coe M. D., 1973, p. 12.
- ⁴² Coe M. D., 1971, p. 304—307.
- ⁴³ Coe M. D., 1973, plate 26.
- ⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 20, с. 328, 329.
- ⁴⁵ Gifford J. C., 1974, p. 84—89.
- ⁴⁶ Coe M. D., 1973, plate 26.
- ⁴⁷ Ibidem.
- ⁴⁸ Coe W. R., 1965, p. 465.
- ⁴⁹ Ibidem.
- ⁵⁰ Joyce T. A., 1932, p. XVII.
- ⁵¹ Ibid., p. XIX.
- ⁵² Morley S. G., 1938, v. I, p. 169—170.
- ⁵³ Замятин С. Н., 1948, с. 100.
- ⁵⁴ Там же, с. 120, 121.
- ⁵⁵ Coe W. R., 1965, p. 463, fig. 1.
- ⁵⁶ Morley S. G., 1938, vol. I, p. 362, 363.
- ⁵⁷ Berlin H., 1951, p. 38—44, fig. 12, 13.
- ⁵⁸ Ibid., fig. 9.
- ⁵⁹ Coe W. R., 1965, p. 463, fig. 1 — g.
- ⁶⁰ Morley S. G., 1947, p. 244; Spinden H., 1957, p. 303.
- ⁶¹ Гуляев В. И., 19726, с. 128.
- ⁶² Anales de los Cakchiqueles, 1967, p. 24.
- ⁶³ Tozzer A. M., 1907, p. 155.
- ⁶⁴ Brinton D., 1899, p. 148.
- ⁶⁵ Redfield R., Villa Rojas A., 1962, p. 113.
- ⁶⁶ Strömsvik G., 1941, p. 67—93.
- ⁶⁷ Оба упомянутых монумента из Тикаля (стелы 21 и Р-20) поставлены в честь окончания 20-летия, т. е. это — «юбилейные» стелы, по Ю. В. Кнорозову.
- ⁶⁸ Марье М. Э., 1956, с. 8.
- ⁶⁹ Joyce T. A., 1910, p. 236, 237.
- ⁷⁰ Shook E. M., 1960.
- ⁷¹ Shook E. M., 1965, p. 181, fig. 1, d, e.
- ⁷² Coe M. D., 1966, p. 62.
- ⁷³ Spinden H., 1913, p. 63, fig. 74.
- ⁷⁴ Токарев С. А., 1964, с. 337.
- ⁷⁵ Подробнее см.: Гуляев В. И., 1976а, с. 200—214.
- ⁷⁶ Kubler G., 1969, p. 3, 4.
- ⁷⁷ Ibid., p. 9.
- ⁷⁸ Ibidem.
- ⁷⁹ Гуляев В. И., 1968, с. 138—155.
- ⁸⁰ Culbert T. P., 1974, p. 68.
- ⁸¹ Proskouriakoff T., 1960, p. 454—463; Idem, 1963, p. 149—167; Idem, 1964, p. 177—201.
- ⁸² Proskouriakoff T., 1960, p. 468, 469.
- ⁸³ Kelley D., 1962, p. 323—335.
- ⁸⁴ Ruz Lhuillier A., 1973, p. 97—110.
- ⁸⁵ Haviland W. A., 1977, p. 61—66.
- ⁸⁶ Ruz Lhuillier A., 1973, p. 110.
- ⁸⁷ Haviland W. A., 1977, p. 61—66.
- ⁸⁸ Ibid., p. 63—64.
- ⁸⁹ Coe W. R., 1975, p. 68.
- ⁹⁰ Это не значит, что правители майя обожествлялись лишь после смерти, как это имело место у многих других народов древности. У майя, по крайней мере накануне конквисты, правители происходили непосредственно от богов и, следовательно, сами были богами при жизни, продолжая оставаться ими и после смерти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблемы развития докапиталистических общественно-экономических формаций имеют для историка огромный теоретический и практический интерес и не случайно на протяжении последних десятилетий подвергаются самому оживленному обсуждению со стороны ученых разных стран. Вместе с тем следует со всей определенностью сказать, что пока даже среди исследователей-марксистов существуют разногласия по целому ряду принципиальных вопросов. Особенно острые споры вызывает проблема перехода первобытнообщинных обществ к эпохе цивилизации, характер первых государств, их формационная принадлежность. Прошедшие за последние годы в различных гуманитарных институтах Академии наук СССР дискуссии об «азиатском способе производства» показали это со всей очевидностью. Их итоги подведены недавно в обстоятельной монографии В. Н. Никифорова¹. В ходе дискуссии выявилась особо важная роль так называемых раннеклассовых обществ Азии, Африки и доколумбовой Америки для понимания процесса сложения и развития первых государственных образований.

Археологические открытия последних десятилетий ввели в научный оборот новые огромные фактические материалы по всем указанным регионам. Значительных успехов добились и специалисты в других обла-

стях исторических знаний. Все это вселяет надежду на то, что уже в не столь отдаленном времени многие спорные проблемы древней истории будут успешно решены. Но прежде чем приступить к широким историческим обобщениям, необходимо тщательно собрать и изучить конкретные данные по каждому из названных крупных регионов. Настоящая работа — одна из многих, которые осуществляются сейчас в указанном направлении. Однако как бы ни были важны сами по себе описания конкретных древних культур и цивилизаций, часто разделенных тысячами километров океанских просторов, пустынями, лесами и горами, еще существеннее сопоставить их между собой, определив тем самым место каждой в рамках всемирного исторического процесса и выделив общее и особенное в их развитии. В ходе изложения конкретного исторического материала по доколумбовой Мезоамерике (в том числе и по древним майя) автор попытался практически обосновать глубокое внутреннее сходство местных социально-экономических институтов с теми порядками, которые были характерны для первых раннеклассовых государств Ближнего Востока (Шумер, Египет и др.). При желании можно без труда показать значительную близость общественной структуры древних майя с городами-государствами йорубов в Тропической Африке (XII—

XIX вв. н. э.), сведения о которых были обобщены в превосходной работе Н. Б. Кочаковой².

Все это позволяет с достаточной уверенностью отнести доиспанские цивилизации Мезоамерики к большой группе раннеклассовых государств Старого и Нового Света. Вопрос о точной их формационной принадлежности служит предметом острейших научных дискуссий³. До сих пор в литературе выдвигались три основные точки зрения по поводу характера этих обществ. Первая из них рассматривает указанные выше общества как «переходные» от первобытнообщинного строя к цивилизации, но относящиеся тем не менее к «нервичной», или «архаической (т. е. первобытнообщинной), формации⁴. Сторонники второй точки зрения приписывают данные общества к новой, не известной ранее антагонистической формации (по поводу характера которой, правда, нет единого мнения, о чем говорят и ее названия: личностная, феодально-рабовладельческая, протофеодальная, общинно-деспотическая и т. д.)⁵.

И, наконец, есть третье, наиболее многочисленное направление, сторонники которого считают, что раннеклассовые государства Древнего Востока, Тропической Африки и доколумбовой Америки относятся к рабовладельческой общественно-экономической формации⁶.

Прежде всего, следует со всей решительностью отвергнуть первую точку зрения, как наиболее неподходящую из всех. Ни один из историков древности, изучавший какое-либо конкретное раннеклассовое общество, не отрицал наличия в нем той или иной формы государства. Основное затруднение состоит обыч-

но в том, чтобы определить на базе существующих источников, сложились или нет в данном обществе классы. Именно из-за неопределенности этого процесса для древнейших этапов цивилизации и происходят все разногласия. При этом часто забывается важнейший ленинский вывод о том, что появление классов и государства — процесс единый и взаимосвязанный⁷. «Существование государства, — пишет С. Д. Ковалевский, — свидетельствует о том, что в нем уже сложились классы»⁸. И если имеющиеся в распоряжении историка источники в большинстве случаев не позволяют определенно судить о степени развития процесса классовообразования в том или ином обществе древности, то вывод о наличии или отсутствии в нем государства можно сделать на той же историко-экономической базе с гораздо большей уверенностью.

Именно этот факт (наличие государства, последующих царских династий) позволяет отнести указанные выше раннеклассовые общества к одной из антагонистических формаций.

Какой именно из них? Учитывая всю сложность и дискуссионность данного вопроса, автор счел себя вправе прямо высказывать мнение о формационной принадлежности доиспанских цивилизаций Мезоамерики. Тем более, что имеющийся фактический материал (археологический и историко-этнографический) не дает еще возможности сколько-нибудь полно судить на этот счет. Мне представляется, что на современном уровне наших знаний будет вполне достаточно доказать типологическую близость древнеамериканских цивилизаций (в данном случае майя) с

раннеклассовыми обществами Ближнего Востока. Вместе с тем итоги «второго раунда» дискуссии об «азиатском способе производства» продемонстрировали явное преобладание критической (разрушительной) линии в выступлениях сторонников новой антагонистической формации над созидательной линией. В результате, старая «пятичленная» схема всемирного исторического процесса полностью сохраняет свое основополагающее значение и с известными модификациями и уточнениями в отдельных своих звеньях (здесь имеется в виду прежде всего рабовладельческая формация и определение ее в свете последних работ И. М. Дьяконова, В. Н. Никифорова, Г. Ф. Ильина, Ю. В. Качановского и др.) по-прежнему служит надежным теоретическим оружием в практической работе исследователя.

С проблемой происхождения и развития древнейших государственных образований тесно связана проблема происхождения и развития раннего города. Это тем более очевидно, что, судя по «исследованиям советских и зарубежных ученых, древняя государственность прошла в своем развитии ряд этапов от примитивных и небольших «номовых» («племенных», «сегментных», «полисных») государств к царствам и затем — империям...»⁹.

Первому из упомянутых здесь этапов и посвящена настоящая работа. Для теоретической разработки проблемы раннего города особенно важны данные из первичных очагов городских цивилизаций: в Старом Свете — Месопотамия, Египет и др.; в Новом — Мезоамерика и Перу. Во всех названных областях процесс возникновения и развития города протекал в

«чистом» виде, без влияния извне со стороны более высоких культур.

Видимо, можно считать доказанным, что в этих первичных очагах цивилизации наиболее ранней формой территориально-политической организации раннеклассовых обществ явились *города-государства* («номы», по И. М. Дьяконову), т. е. крупный городской центр (столица) и его округа с рядом более мелких зависимых селений.

Структура типичного города-государства в доколумбовой Мезоамерике X—XVI вв. и на Древнем Востоке отличается поразительным сходством: метрополия и ее сельскохозяйственная округа, обычно не превышающая по размерам расстояния, которое может пройти за день пешеход, в среднем — на удалении до 15 км от города.

Столица — основное политико-административное, культурное и экономическое ядро города-государства. Это прежде всего место пребывания правителя и его приближенных, а также храма главного городского божества и связанного с ним жречества. Здесь же находились представители знати, воины, торговцы, чиновники, ремесленники и т. д. Однако основную массу городского населения составляли, вероятно, общинники, занимающиеся различными видами сельскохозяйственного производства.

Большие и малые селения, входившие в округу столицы, политически зависели от последней. Они в большинстве случаев копировали по своей планировке и структуре метрополию, будучи как бы ее уменьшенной копией.

Подсечно-огневое земледелие майя (система «милпа») способно было давать устойчивый прибавочный про-

дукт, достаточный для содержания господствующей верхушки общества, государственного аппарата и других групп населения (концентрация прибавочного продукта в руках знати доказывается наличием монументальной архитектуры, культовой и светской, каменной скульптуры, предметов роскоши и дорогих украшений в царских гробницах — во всех майяских городах классического периода).

Этому во многом способствовали селекция важнейших сельскохозяйственных растений и гибридизации их на протяжении архаического периода (II—I тысячелетий до н. э.), а также создание к рубежу н. э. четкого и детально разработанного агрокалендаря, строго регламентирующего порядок и сроки всего цикла земледельческих работ.

Индейцы-майя из горных и равнинных (в речных долинах) областей создали у себя также в доиспанский (в том числе и в классический) период различные виды интенсивного земледелия (ирригация, террасы, «возвышающиеся поля» и др.).

Хотя земледелие, безусловно, играло основную роль в экономике древних майя, последняя имела комплексный и сложный характер. В зависимости от особенностей местных природных условий у майя получали соответствующее развитие те или иные виды хозяйственной деятельности: на побережье Юкатана — добыча соли и морских продуктов, рыболовство; в лесах Петена — майсовое земледелие и эксплуатация лесных ресурсов — охота, собирательство диких семян, плодов и растений, добыча древесины и т. д.

Заметное место в сельскохозяйственном производстве занимали пчеловодство и разведение индеек.

В I тысячелетии н. э. развитие ремесла и торговли в городах майя достигло весьма значительного уровня. Однако профессиональный характер носили лишь *внешняя* торговля и те виды ремесла, которые обслуживали нужды правящей верхушки (производство предметов роскоши, оружия, культовых вещей и т. д.). Многочисленные сельские общины продолжали во многом оставаться замкнутыми и самообеспечивающимися организациями.

Древнейшие города майя возникали первоначально в наиболее цветущих и густонаселенных земледельческих областях — на наиболее плодородных землях, на удобных путях сообщения, вблизи источников воды и разного рода сырьевых ресурсов.

Ранний майяский город вероятно происходит по прямой линии от бывшего племенного центра — места обитания вождя и местонахождения святилища главного божества племени. Такие крупные племенные центры, судя по находкам в Цибильчалтуне, Тикале, Вашпактуне и др., появляются у майя в позднеархаическое время (500—100 гг. до н. э.).

Все «археологические» признаки города майя (каменные дворцы и храмы со ступенчатым сводом, планировка зданий вокруг прямоугольных дворишков и площадей, «акрополи», культ стелы-алтаря, иероглифическая письменность и календарь) представлены в комплексе где-то к рубежу н. э. В процессе происхождения майяских городов классического периода важную роль играл институт царской власти: город — это, прежде всего, столица государства, местопребывания правителя и его двора. Царские дворцы, гробницы, храмы царских предков, со стелами и алтарями,

определяли внешний облик центральной части любого крупного города майя в I тысячелетии н. э.

Города выступают здесь прежде всего как продукт объединения (добровольного или насильственного) нескольких соседских общин (синойкизм), что хорошо отражено и во внутренней городской структуре (кварталы-общины).

Типичный город доколумбовой Мезоамерики накануне конкисты (в том числе и майяский) наделен всеми признаками свободной самоуправляющейся общины. Сами понятия общины и города, в их терминологическом и фактическом применении, тесно связаны между собой. Например, испанский термин «пуэбло» (*pueblo*) означает «город», «поселение» и, в то же время, «территориальная община». Однако раннеклассовые цивилизации Месопотамии и Мезоамерики не знали резко выраженной противоположности между городом и деревней. В этих древнейших городах существовали и профессиональные ремесленники и корпорации торговцев, но обслуживали они, главным образом, нужды правящей элиты общества, не затрагивая глубин сельской экономики.

Ранний город отличался от деревни не столько экономически, сколько политически. Под городом обычно подразумевалось центральное поселение, урбанизированное ядро, политико-административный и культовый центр нескольких сельских общин. Он владел определенной территорией, имел определенное самоуправление, являясь в то же время и государством.

В древних языках Месопотамии и Мезоамерики (например, у майя) отсутствуют даже специальные термины, соответствующие нашим понятия

«город» и «деревня». У шумеров слово «уру» (*uru*), а у вавилонян «алу» (*ālu*) — означало буквально «селение» и применялось и к крупному столичному городу и к жалкой деревушке из нескольких глинобитных хижин¹⁰. У индейцев-майя наблюдается совершенно аналогичная картина. В словарях (испано-майяских и майя-испанских), составленных в XVI в. католическими миссионерами и проповедниками, нет особого термина для обозначения города, а употребляется общий термин «ках» (*cah*) — «селение».

Следовательно в доиспанской Мезоамерике I тысячелетия н. э. понятия «город» и «деревня», в нашем понимании этого слова, не существовало. На практике имело место противопоставление «столицы» города-государства и входящих в него остальных селений. По-видимому, и само понятие «город» в то время почти совпадало с понятием «столица». Это, однако, не означает, что в археологической практике, при классификации древних поселений мы должны ограничиваться только двухчленной схемой. В действительности, исходя из определенных количественных критериев (размеры площади), некоторые исследователи предлагают трехчленную классификацию для майяских (У. Буллард) и шумерских (Р. Мк Адамс) поселений. Весь вопрос в том, что на одном лишь археологическом материале мы не можем пока ничего сказать о статусе «городков» (*towns*) и «малых ритуальных центров», выделенных этими авторами, не можем доказать их реальный городской характер, отличающий их от простых земледельческих селений. Таким образом, крупнейшие города майя I тысячелетия н. э. совпа-

дают фактически со столицами небольших территориально-политических объединений, именуемых обычно городами-государствами. Интересно, что общее количество этих столиц для Центральной области майя в классический период — 18, примерно равно числу столиц постклассических «провинций» (государств) Юкатана — 16—18. Однако следует помнить, что не все столицы Центральной области функционировали в качестве таковых на протяжении III—IX вв. н. э., хотя они и сосуществовали в конце данного отрезка времени, между 600 и 900 гг. н. э. Следовательно, и в I тысячелетии н. э. мы видим у майя небольшие территориально-политические единицы — города-государства, своеобразный вариант раннего античного «полиса»: столица и подвластная ей округа из сельских общин.

Город, столица, метрополия выступает в данном случае как политико-административный, культовый и хозяйственный центр определенного замкнутого географического района или территории. Сопоставление признанных образцов доиспанского урбанизма в Мезоамерике — Теночтитлана и Теотихуакана — с классическими памятниками низменных районов майя позволяет установить более аморфный характер планировки и структуры майяских «центров»; меньшую плотность застройки и разбросанность зданий в них, а отсюда и меньшую плотность населения на единицу площади; отсутствие там в большинстве случаев каких-либо внешних оборонительных укреплений (стен, рвов, валов, палисадов и т. д.).

В то же время постклассические города юкатанских майя — Майяпан, Тулум, Чичен-Ица и другие — бесспорно (судя по письменным источ-

никам и данным археологии) имели урбанизированный характер и одновременно, по ряду существенных моментов (планировка, характер застройки и др.) были близки классическим памятникам Центральной области. Классические центры майя (предполагаемые столицы «номовых» государств) очевидно выполняли ряд важнейших городских функций: политико-административную, культовую, хозяйственную (ремесло, торговля и др.). Они занимали значительную площадь и зачастую имели население свыше 10 тысяч человек.

Следовательно, решающее значение при определении городского статуса того или иного памятника древности имеет его функциональное назначение. Если мы сопоставим в этом плане майяские «центры» I тысячелетия н. э., города юкатанских майя кануна конкисты и города Центральной Мексики (Теотихуакан — Теночтитлан), то нетрудно убедиться, что по своим важнейшим функциям все они очень похожи друг на друга.

Не исключено также, что классические «центры» майя представляют собой плохо известный нам в Старом Свете, наиболее ранний этап существования города, когда его физический облик не сложился еще в четких и законченных формах. Видимо, известной аналогией майяским «центрам» I тысячелетия н. э. могут служить столичные города Иньского Китая (XVIII—XII вв. до н. э.): с четко выделенным (и часто обнесенным стеной) ритуально-административным ядром (дворцы, храмы царских предков и т. д.) и аморфными районами жилой застройки (иногда еще не слившимися в единое целое, а существовавшими в виде отдельных селений вокруг метрополии) ¹¹.

Что касается структуры общества майя в классический период, то, к сожалению, мы можем сказать о ней очень немного.

Вся полнота власти внутри майяского города-государства в I тысячелетии н. э. была сосредоточена в руках правителя («халач виника» постклассических времен). Данные письменных источников кануна конкисты и ряд бесспорных археологических признаков (некоторые мотивы классического искусства, заупокойные храмы и гробницы с особо пышным ритуалом) свидетельствуют о наличии у майя обожествления царя, что косвенно указывает, в свою очередь, на существование уже в то время деспотической формы правления (наподобие той, что известна нам в фараоновском Египте и городах-государствах Шумера). Имеется ряд данных в пользу того, что к рубежу н. э. у майя появился культ царских предков, ставший, вероятно, со временем общегосударственной религией.

По мере развития и укрепления первоначальных городов-государств все отчетливее наблюдается тенденция к укрупнению этих сравнительно мелких территориально-политических

единиц в более широкие, хотя и неустойчивые государственные образования, когда один более сильный «ном» путем завоевания, династических браков, политических интриг, союзов и т. д., подчиняет себе несколько других, заставляя их выплачивать ему дань.

Мы не знаем точно, были ли такого рода крупные территориально-политические объединения в Центральной области майя в I тысячелетии н. э. (это невозможно решить без письменных источников), но можно напомнить, что в XVI в. на полуострове Юкатан испанцы встретили свыше полутора десятков самостоятельных государств («провинций»), наиболее крупные из которых занимали территорию до 9000 кв. км и имели население до 120 тыс. человек. Вполне возможно, что подобные же «провинции» во главе с Тикалем, Копаном, Паленке и другими наиболее значительными центрами существовали уже и в классическом периоде. Видимо, в I тысячелетии н. э. дальше этой ступени майя и большинство других индейских народов доколумбовой Мезоамерики так и не пошли.

¹ Никифоров В. Н., 1975.

² Кочакова Н. Б., 1968.

Это сопоставление является тем более плодотворным, что основой хозяйства у йорубов служило мотыжное ручное земледелие (подсечно-огневое и переложное) — в целом очень похожее на майяскую систему «мильпа».

³ Качановский Ю. В., 1971.

⁴ Виткин М. А., 1972, с. 104.

⁵ Никифоров В. Н., 1975, с. 12.

⁶ Качановский Ю. В., 1971.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 68, 69, 72.

⁸ Ковалевский С. Д., 1977, с. 4.

⁹ Кобищанов Ю. М., 1973, с. 73.

¹⁰ Дьяконов И. М., 1973, с. 33.

¹¹ Wheatley P., 1970, p. 160—172.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству.— *Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения*, т. 46, ч. 1.
- Маркс К. Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество». Лондон, 1877.— Архив Маркса и Энгельса, т. IX.
- Маркс К. Капитал, т. I.— *Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения*, т. 23.
- Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология.— *Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения*, т. 3.
- Энгельс Ф. Марка.— *Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения*, т. 20.
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— *Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения*, т. 21.
- Энгельс Ф. Дополнение к третьему тому «Капитала».— *Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения*, т. 25, ч. II.
- Ленин В. И. 1968. Конспект «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса 1844—1883 гг.». М.
- Ленин В. И. О государстве.— *Ленин В. И. Полное собрание сочинений*, т. 39.
- Авдиев В. И. 1935. Идеология обоготворения царя и царской власти в Древнем Египте.— *Историк-марксист*, № 8—9.
- Андреев Ю. В. 1976. Раннегреческий полис. Л.
- Андреанов Б. В. 1976. Концепция К. Витфогеля «гидравлическое общество» и новые материалы по истории ирригации.— В кн.: Концепции зарубежной этнологии. М.
- Башилов В. А. и Серов С. Я. 1975. Новые книги по истории культуры инков.— *СЭ*, № 4.
- Боже-Гарнье Ж. и Шабо Ж. 1967. Очерки по географии городов. М.
- Большаков О. Г. 1973. Город в конце VIII — начале XIII в.— В кн.: Средневековый город Средней Азии. Л.
- БСЭ, 3-е изд., 1975, т. 20.
- Брюсов А. 1926. Жилище. История жилища с социально-экономической точки зрения. Л.
- Брюсов А. Я. 1957. О характере влияния на общественный строй обмена и торговли в доклассовом обществе.— *СА*, т. XXVII.
- Бунин А. В. 1953. История градостроительного искусства, т. I. М.
- Вавилов Н. И. 1960. Великие земледельческие культуры доколумбовой Америки и их взаимоотношения.— *Избранные труды*, т. II. М.
- Вебер М. 1923. Город. Пг.
- Виткин М. А. 1972. Восток в философско-исторической концепции К. Маркса и Ф. Энгельса. М.
- Возникновение и развитие земледелия, 1967. М.
- Грибов Р. А. 1973. Северомесопотамский город в конце XIX — первой половине XVIII в. до н. э. по текстам из Мари.— *Древний Восток. Города и торговля* (III—I тыс. до н. э.) (ДВГТ). Ереван.
- Григорович Н. Е. 1973. Эволюция канона в бронзовой пластике Бенина.— В кн.: Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М.
- Гуляев В. И. 1966. Проблема происхождения цивилизации майя.— *СА*, № 3.
- Гуляев В. И. 1968. Америка и Старый Свет в доколумбову эпоху. М.
- Гуляев В. И. 1969. Некоторые вопросы становления раннеклассового общества у древних майя.— *СЭ*, № 4.
- Гуляев В. И. 1972а. Древнейшие цивилизации Мезоамерики. М.
- Гуляев В. И. 1972б. Атрибуты царской власти у древних майя.— *СА*, № 3.
- Гуляев В. И. 1976а. Проблема становления царской власти у древних майя.— В кн.: Становление классов и государства. М.
- Гуляев В. И. 1976б. О характере торговли у древних майя.— *СЭ*, № 1.
- Долгий В. М., Левинсон А. Г. 1971. Архаическая культура и город.— *ВФ*, № 7.
- Дьяконов И. М. 1950. О площади и составе населения шумерского «города-государства».— *ВДИ*, № 2.
- Дьяконов И. М. 1959. Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер. М.

- Дьяконов И. М. 1966. Община на Древнем Востоке в работах советских исследователей.— ВДИ, № 1.
- Дьяконов И. М. 1967. Проблемы собственности. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э.— ВДИ, № 4.
- Дьяконов И. М. 1968. Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э.— ВДИ, № 3.
- Дьяконов И. М. 1971. Основные черты древнего общества (реферат на материале Западной Азии).— В кн.: Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. М.
- Дьяконов И. М. 1973. Проблемы вавилонского города II тыс. до н. э. (по материалам Ура).— ДВГТ. Ереван.
- Замятин С. Н. 1948. Миниатюрные кремнёвые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы.— СА, т. X.
- Золотарёв А. М. 1964. Родовой строй и первобытная мифология. М.
- Исторический очерк развития города. 1972.— БСЭ, 3-е изд., т. 7.
- Качановский Ю. В. 1971. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? М.
- Кинжалов Р. В. 1968. Искусство древних майя. Л.
- Кинжалов Р. В. 1971. Культура древних майя. Л.
- Киселёв С. В. 1929. Поселение. Социологический очерк. М.
- Кнорозов Ю. В. 1963. Письменность индейцев майя. М.— Л.
- Кнорозов Ю. В. 1964. Пантеон древних майя. М.
- Кнорозов Ю. В. 1966. Религиозные представления индейцев майя по данным Лас-Касаса и других источников.— В кн.: Бартоломе де Лас-Касас. К истории завоевания Америки. М.
- Кнорозов Ю. В. 1971а. Заметки о календаре майя. Общий обзор. I.— СЭ, № 2.
- Кнорозов Ю. В. 1971б. Заметки о календаре майя. Общий обзор. II.— СЭ, № 3.
- Кнорозов Ю. В. 1973. Заметки о календаре майя (монумент E в Трес-Сапотес).— ЛА, № 6.
- Кнорозов Ю. В. 1975. Иероглифические рукописи майя. Л.
- Кобищанов Ю. М. 1973. Раннеклассовые общества на периферии феодальных государств (на примере северо-восточной и восточной Африки).— В кн.: Возникновение раннеклассового общества. Тезисы докладов. М.
- Крамер С. Н. 1965. История начинается в Шумере. М.
- Ковалевский С. Д. 1977. Образование классового общества и государства в Швеции. М.
- Коранапшвили Г. В. 1969. О причинах неразвитости рабства на Древнем Востоке.— ВИ, № 9.
- Коростовцев М. А. 1970. О понятии «древний Восток».— ВДИ, № 1.
- Кочакова Н. Б. 1968. Города-государства йорубов. М.
- Крюков М. В. 1967. Формы социальной организации древних китайцев. М.
- Ланда Диего де. 1955. Сообщения о делах в Юкатане. М.— Л.
- Ллойд С. 1972. Реки-близнецы. М.
- Массон В. М. 1966. От возникновения земледелия до сложения раннеклассового общества.— В кн.: Доклады и сообщения археологов СССР. VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. М.
- Массон В. М. 1967. Протогородская цивилизация юга Средней Азии.— СА, № 3.
- Массон В. М. 1973. Обмен и торговля в первобытную эпоху.— ВИ, № 1.
- Массон В. М. 1974. Вопросы социологической интерпретации древних жилищ и поселений.— В кн.: Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений. Л.
- Массон В. М. 1976а. Экономика и социальный строй древних обществ. Л.
- Массон В. М. 1976б. Археологические материалы и исторические реконструкции.— В кн.: Историзм археологии: методологические проблемы. Тезисы докладов. М.
- Массон В. М. 1977. Типология древних городов и исторический процесс.— В кн.: Древние города. Л.
- Матье М. Е. 1956. Хеб-Сед.— ВДИ, № 3.
- Никифоров В. Н. 1975. Восток и всемирная история. М.
- Пиотровский Б. Б. 1970. О формах хозяйства, способствовавших образованию классов и становлению государств.— Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1969 г. М.
- Пополь-Вух. 1959. Родословная владык Тотипикапапа. М.— Л.
- Послы Аги. 1973.— В кн.: Поэзия и проза Древнего Востока. М.

- Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса, 1972. М.
- Самаркина И. К. 1974. Община в Перу. М.
- Семенов Ю. И. 1965. Проблема социально-экономического строя древнего Востока.— НАА, № 4.
- СИЭ, 1963, т. 4.
- Созина С. А. 1969. Муиски. Еще одна цивилизация древней Америки. М.
- Тицацян Г. А. 1973. К вопросу о городах Армении доэллинистического времени (VI—IV вв. до н. э.).— ДВГТ. Ереван.
- Токарев С. А. 1964. Ранние формы религии. М.
- Утченко С. Л., Дьяконов И. М. 1970. Социальная стратификация древнего общества.— В кн.: XIII Международный конгресс исторических наук. М.
- Фрэзер Дж. 1934. Золотая ветвь. М.
- Хорев Б. С. 1975. Проблемы городов. М.
- Чайлд Г. 1956. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М.
- Шаревская Б. И. 1961. Религия тропической Африки. М.
- Шифман И. Ш. 1977. Развитие городской организации в древнем Переднеазиатском Средиземноморье.— В кн.: Древние города. Л.
- Энлиль повсюду. 1973.— В кн.: Поэзия и проза Древнего Востока. М.
- Яковская Н. Б. 1972. Обмен и торговля в странах Передней Азии по клинописным источникам (III—I тыс. до н. э.).— В кн.: Обмен и торговля в древних обществах. Тезисы докладов. Л.
- Adams R. E. 1970. Suggested classic period occupational specialization in the Southern Maya lowlands.— PPM, vol. 61.
- Adams R. E. 1971. The ceramics of Altar de Sacrificios. Cambridge, Mass.
- Adams R. E. 1974. A trial estimation of Classic Maya palace population at Uaxactun.— In: Mesoamerican Archaeology. New Approaches. Austin.
- Adams R. E., Gatling J. L. 1964. Noreste del Peten, un nuevo sitio y un mapa arqueológico regional.— ECM, vol. IV.
- Anales de los Cakchiqueles, 1967. La Habana.
- Andrews E. W. 1960. Excavations at Dzibilchaltun, Northwestern Yucatan, Mexico.— PAPS, vol. 104, N 3.
- Andrews E. W. 1962. Excavaciones en Dzibilchaltun, Yucatan, 1956—1962.— ECM, vol. II.
- Andrews E. W. 1965. Progress report on the 1960—1964 field seasons of Dzibilchaltun program.— MARIP, N 31.
- Andrews E. W. 1968. Dzibilchaltun a northern Maya metropolis.— Ar, vol. 24, N 1.
- Andrews G. C. 1975. Maya cities. Placemaking and urbanization. Norman.
- Anton F. 1968. Kunst der Maya. Leipzig.
- Anunciación D. 1940. Parecer de fray Domingo de la Anunciación sobre el modo que tenían de tributar los indios en tiempo de la gentilidad.— ENE, t. 7.
- Armillas P., West R. 1950. Los chinampas de México.— CuA, vol. IX, N 2.
- Barrera-Vasquez A. 1957. Codice de Calkini.— Biblioteca Campechana, IV. Campeche.
- Barrera-Vasquez A. 1964. Los Mayas.— HDM, t. 1.
- Barrera-Vasquez A. 1965. El libro de los cantares de Dzitbalche. México.
- Barthel T. S. 1967. Notes on the inscription on a carved bone from Yucatan.— ECM, vol. VI.
- Becker J. M. 1973. Archaeological evidence for occupational specialization among the Classic period Maya at Tikal.— A an, vol. 38, N 4.
- Becquelin P., Bauder C. 1975. Tonina, cité Maya de l'âge classique.— Archéologia. Trésors des Âges, N 80. Paris.
- Berlin H. 1951. El Templo de las Inscripciones VI de Tikal.— AHG, vol. III, N 1.
- Berlin H. 1958. El glifo «emblemata» en las inscripciones mayas.— JSA, vol. 47, III—9.
- Bittmann S. B. 1970. The city of Cholula and its ancient barrios.— VKIA-38, bd. II.
- Blom F. 1932. Commerce, trade and monetary units of the Maya.— MARSF, N 4.
- Borah W., Cook S. F. 1963. The aboriginal population of central Mexico on the eve of the Spanish Conquest.— IA, vol. 45.
- Borhegyi S. F. 1956. The development of folk and complex culture in the southern Maya area.— Aan, vol. 21, N 1.
- Braidwood R. J. (ed.). 1962. Courses toward urban life.— VFPA, N 32.
- Bray W. 1972. Land-use, settlement pattern and politics in prehispanic Middle America: a review.— MSU.
- Brinton D. 1899. Religions of primitive peoples. N. Y.— London.
- Bronson B. 1966. Roots and subsistence of the ancient Maya.— SWJA, vol. 22, N 3.
- Brown C. H. 1972. Pattern of erection of stelae at Piedras Negras Katunob, vol. VIII, N 1 (Carbondale).

- Bullard W. R.* 1952. Residential property walls at Mayapan.—CICRDA, N 3.
- Bullard W. R.* 1954. Boundary walls and house lots at Mayapan.—CICRDA, N 13.
- Bullard W. R.* 1960. Maya settlement pattern in Northeastern Peten, Guatemala.—A an, vol. 25, N 3.
- Bullard W. R.* 1964. Settlement pattern and social structure in the Southern Maya lowlands during the Classic period.—ACJA — XXXV.
- Bullen R., Plowden W.* 1963. Preceramic archaic sites in the highlands of Honduras.—Aan, vol. 28, N 3.
- Calneck E. E.* 1972a. The internal structure of cities in America precolumbian cities: the case of Tenochtitlan.—In: Urbanización y proceso social en America. Lima.
- Calneck E. E.* 1972b. Settlement pattern and chinampa agriculture at Tenochtitlan.—Aan, vol. 37, N 1.
- Cancian F.* 1965. Economic and prestige in a Maya community. The religions cargo system in Zinacantan. Stanford.
- Cardos de Mendez A.* 1959. El comercio de los Mayas antiguos.—Acta Antropologica, época 2, t. II, N 1 (México).
- Carr R. F., Hazzard J. E.* 1961. Map of the ruins of Tikal, El Peten, Guatemala.—TR, N 11.
- Caso A.* 1963. Land tenure among the ancient Mexicans.—Aa, vol. 65.
- Childe V. G.* 1950. The urban revolution.—TPR, vol. 21.
- Childe V. G.* 1956. Man makes himself. London.
- Cities.* Their origin, growth and human impact. Readings from Scientific American, 1973. San Francisco.
- Ciudad Real A. de.* 1873. Relación breve y verdadera de algunas cosas de las muchas que sucedieron en el Padre Fray Alonso Ponce en las provincias de la Nueva España. Madrid.
- Clavijero F.* 1917. Historia antigua de México, t. I. México.
- Coe M. D.* 1956. The funerary temple among the Classic Maya.—SWJA, vol. 12, N 4.
- Coe M. D.* 1957. The Khmer settlement pattern: a possible analogy with that of the Maya.—Aan, vol. 22.
- Coe M. D.* 1965. A model of ancient community structure in the Maya lowlands.—SWJA, vol. 21, N 2.
- Coe M. D.* 1966. The Maya. London.
- Coe M. D.* 1971. Ancient Maya writing and calligraphy.—Visible Language, vol. V, N 4 (Cleveland).
- Coe M. D.* 1972. The Maya «Book of the Dead».—Discovery, vol. 7, N 2 (New Haven).
- Coe M. D.* 1973. The Maya scribe and his world. N. Y.
- Coe M. D., Flannery K. V.* 1967. Early cultures and human ecology in south coastal Guatemala.—SCA, vol. 3.
- Coe W. R.* 1959. Piedras Negras archaeology: artifacts, caches and burials. Philadelphia.
- Coe W. R.* 1962. A summary of excavation and research at Tikal, Guatemala, 1956—1961.—Aan, vol. 27, № 4.
- Coe W. R.* 1963. A summary of excavation and research at Tikal.—ECM, vol. III.
- Coe W. R.* 1965a. Tikal: ten years of study of a Maya ruin in the lowlands of Guatemala.—Expedition, vol. 8, N 1 (Philadelphia).
- Coe W. R.* 1965b. Tikal, Guatemala and emergent Maya civilization.—Science, vol. 147, N 3664 (Washington).
- Coe W. R.* 1965c. Caches and offertory practices of the Maya lowlands.—HMAI, vol. 2.
- Coe W. R.* 1967. Tikal. A handbook of the ancient Maya ruins. Philadelphia.
- Coe W. R.* 1971. Tikal. Guía de las antiguas ruinas Mayas. Philadelphia.
- Coe W. R.* 1975. Restaurando el esplendor de Tikal.—NG, N 12.
- Cogolludo L. de.* 1954. Historia de Yucatán, t. 1. Campeche.
- Cook O. F.* 1921. Milpa agriculture, a primitive tropical system.—ARSI.
- Cook S. F., Borah W.* 1968. The population of the Mixteca Alta, 1520—1960.—IA, vol. 50.
- Cortes H.* 1963. Cartas de relación. México.
- Covarrubias M.* 1957. The Indian art of Mexico and Central America. N. Y.
- Cowgill U. M.* 1962. An agricultural study of the southern Maya lowlands.—Aa, vol. 64, N 2.
- Cowgill U. M.* 1966. An agricultural study of the southern Maya lowlands.—In: Ancient Mesoamerica. Selected Readings. Palo Alto.
- Cowgill U. M.* 1971. Some comments on «manihot» subsistence and the ancient Maya.—SWJA, vol. 27, N 1.
- Cowgill U. M., Hutchinson G. E.* 1963. Ecological and geochemical archaeology in the southern Maya lowlands.—SWJA, vol. 19, N 3.

- Culbert T. P. (ed.) 1973. The Classic Maya collapse. Albuquerque.
- Culbert T. P. 1974. The lost civilization: the story of the Classic Maya. N. Y.
- Davis K. 1955. The origin and growth of urbanization in the world.— *AJS*, vol. LX.
- Del Rio A. 1822. Description of the ruins of an ancient city, discovered near Palenque in the kingdom of Guatemala in Central America. London.
- Diaz del Castillo B. 1963. Historia verdadera de la conquista de la Nueva España, t. I—II. La Habana.
- Dumond D. E. 1961. Swidden agriculture and the rise of Maya civilization.— *SWJA*, vol. 17, N 4.
- Duran D. de. 1867—1880. Historia de las Indias de Nueva España y Islas de Tierra Firme, t. 1. México.
- Duran D. 1964. The Aztecs. The history of the Indians of New Spain. N. Y.
- Elorza y Rada F. 1930. A narrative of the conquest of the province of the Itzas in New Spain. Paris.
- Enciclopedia Yucatanense, 1944—1947, t. VIII. México.
- Fowler M. L. 1968. The temple town community: Cahokia and Amalucan compared.— *ACIA-XXXVII*, t. 1. Buenos Aires.
- Frankfort H. 1948. Kingship and the gods. Chicago.
- Frankfort H. 1950. Town planning in ancient Mesopotamia.— *TPR*, vol. 21, N 2.
- Frankfort H. 1968. The birth of civilization in the Near East. London — N. Y.
- Fuentes y Guzman F. A. 1882. Historia de Guatemala o recordación florida, t. I—II. Madrid.
- Garcia Moll R. 1975. Primera temporada arqueologica en Yaxchilan.— *BINAH*, N 12.
- Gifford J. C. 1974. Recent thought concerning the interpretation of Maya prehistory.— In: «Mesoamerican Archaeology. New Approaches». Austin.
- Girard R. 1962. Los Mayas eternos. México.
- Girard R. 1966. Los Mayas. Su civilización. Su historia. Sus vinculaciones continentales. México.
- Graham Ian. 1967. Archaeological explorations in El Peten, Guatemala.— *MARIP*, N 33.
- Graham John A. 1972. The hieroglyphic inscriptions and monumental art of Altar de Sacrificios.— *PPM*, vol. 64, N 2.
- Green E. L. (ed.) 1973. In search of man. Readings in archaeology. Boston.
- Guillemin G. F. 1967. The ancient Cakchiquel capital of Iximche.— Expedition, vol. 9, N 2.
- Guillemin G. F. 1968. Development and function of the Tikal ceremonial center.— *Ethnos*, N 1—4 (Stockholm).
- Guillemin G. F. 1969. Artefactos de madera en un entierro clasico tardio de Tikal.— *VKIA* — 38, bd. 1.
- Hammond M. 1972. The city in the ancient world. Cambridge, Mass.
- Hammond N. 1974. The distribution of the Late Classic Maya ceremonial major centers in Central Area.— In: Mesoamerican Archaeology. New Approaches. Austin.
- Hammond N. 1977. The earliest Maya.— *SA*, vol. 236, N 3.
- Hardoy J. 1967. Urban planning in Pre-Columbian America. London.
- Hardoy J. 1973. Pre-Columbian cities. N. Y.
- Harris D. R. 1972a. The origin of agriculture in the tropics.— *AS*, vol. 60, N 2.
- Harris D. R. 1972b. Swidden systems and settlement.— *MSU*.
- Harrison P. D. 1969. Form and function in a Maya «palace» group.— *VKIA-38*, bd. 1.
- Hartung H. 1968. Consideraciones urbanísticas sobre los trazos de los centros ceremoniales de Tikal, Copan, Uxmal y Chichen Itza.— *ACIA-37*, t. 1 (Buenos Aires).
- Hartung H. 1971. Die Zeremonialzentren der Maya. Graz.
- Haviland W. A. 1965. Prehistoric settlement at Tikal, Guatemala.— Expedition, vol. 7, N 3.
- Haviland W. A. 1967. Stature at Tikal, Guatemala: implications for ancient Maya demography and social structure.— *A an*, vol. 32, N 3.
- Haviland W. A. 1970a. Maya settlement patterns: a critical review.— *MARIP*, N 26.
- Haviland W. A. 1970b. Tikal, Guatemala and Mesoamerican urbanism.— *WA*, vol. 2, N 2.
- Haviland W. A. 1970c. Ancient lowland Maya social organization.— *MARIP*, N 26.
- Haviland W. A. 1971. Entombment, authority and descent at Altar de Sacrificios, Guatemala.— *A an*, vol. 36, N 1.
- Haviland W. A. 1972. A new look at Classic Maya social organization at Tikal.— *Ceramica de cultura Maya*, N 8 (Greeley).
- Haviland W. A. 1973. The population of Tikal.— In: In search of man. Readings in archaeology. Boston.
- Haviland W. A. 1975. The ancient Maya and the evolution of urban society.— *Katunob Miscellaneous Series*, N 7 (Greeley).

- Haviland W. A.* 1977. Dynastic genealogies from Tikal, Guatemala: implications for descent and political organization.— *A an*, vol. 42, N 1.
- Heizer R.* 1966. Agriculture and the theocratic state in lowland southeastern Mexico.— In: *Ancient Mesoamerica. Selected Readings*. Palo Alto.
- Heizer R., Drucker P., Squier R.* 1955. Excavations at La Venta, Tabasco.— *BAEB*, N 170.
- Hellmuth N. M.* 1970. Changes in the utilization of food resources in the southern Maya lowlands.— Abstract of Paper for the 35 AM SAA (México).
- Hellmuth N. M.* 1972. Excavations begin at Yaxha.— *Archaeology*, vol. 25, N 2 (N. Y.).
- Hellmuth N. M.* 1975. Nakum: a Late Classic Maya ruin.— *Archaeology*, vol. 28, N 4.
- Herrera A. de.* 1726—1730. Historia general de los hechos de los castellanos en las islas y tierra firme del mar océano, t. I—IX. Madrid.
- Hicks F.* 1974. Dependent labor in prehispanic Mexico.— *ECN*, N 11.
- Jones E.* 1966. Pre-industrial cities. London.
- Joyce T. A.* 1910. Mexican archaeology. London.
- Joyce T. A.* 1932. The «eccentric flints» of Central America.— *JRAI*, vol. LXII.
- Katz F.* 1966. Situación social y económica de los Aztecas durante los siglos XV y XVI. México.
- Kelley D. H.* 1962. Glyphic evidence for a dynastic sequence at Quirigua, Guatemala.— *Aan*, vol. 27, N 3.
- Kingsley D.* 1955. The origin and growth of urbanization in the world.— *AJS*, vol. LX.
- Kirchoff P.* 1954. Land tenure in ancient Mexico.— *RMEA*, vol. XIV.
- Kraeling C. H., McAdams R. (eds.)* 1960. City invincible. Chicago.
- Kramer S. N.* 1963. The sumerians: their history, culture and character. Chicago.
- Kubler G.* 1962. The art and architecture of ancient America. London.
- Kubler G.* 1969. Studies in Classic Maya iconography. New Haven.
- Kurjack E. B.* 1974. Prehistoric lowland Maya community and social organization: a case study at Dzibilchaltun, Yucatan, Mexico.— *MARIP*, N 38.
- La Farge O.* 1926—1927. Tribes and temples, vol. 1-2. New Orleans.
- Lampl P.* 1968. Cities and planning in the ancient Near East. N. Y.
- Lange F. W.* 1971a. Marine resource. A viable subsistence alternative for the prehistoric lowland Maya.— *Aa*, vol. 73, N 3.
- Lange F. W.* 1971b. Una reevaluación de la población del norte de Yucatán en el tiempo del contacto español: 1528.— *América Indígena*, vol. 31, N 1 (México).
- Las Casas B. de.* 1967. Apologética historia sumaris, t. 1-2. México.
- Le Blanc S.* 1971. An addition to Narrol's suggested floor area and settlement population relationship.— *A an*, vol. 36, N 2.
- Leon-Portilla M.* 1961. Los antiguos mexicanos a través de sus crónicas y cantares. México.
- Leon-Portilla M.* 1964. La literatura precolombina de México. México.
- Lipschutz A.* 1971. Los muros pintados de Bonampak. Enseñanzas sociológicas. Santiago de Chile.
- Lizana B. de.* 1893. Historia de Yucatán. México.
- Longyear J. M.* 1952. Copan ceramics.— *CIWP*, N 597.
- Lothrop S. K.* 1924. Tulum.— *CIWP*, N 335.
- Lowe G. W.* 1966. Current research: southwestern Mesoamerica.— *A an*, vol. 31, N 3, pt 1.
- Lundell C. L.* 1933. The agriculture of the Maya.— *Southwest Review*, vol. 93 (Albuquerque).
- Mac Bryde F. W.* 1945. Culture and historical geography of southwestern Guatemala.— *SIISAP*, N 4.
- Mac Keever J. A., Moriarty J. R.* A survey of Maya state, religions and secular architecture.— *Katunob*, vol. VII, N 3.
- Mac Neish R. (ed.)* 1965. The prehistory of the Tehuacan Valley, vol. 1. Austin.
- Maler T.* 1901. Researches in the central portion of the Usumatsintla valley.— *MPM*, vol. XI, N 1.
- Maler T.* 1908. Explorations of the Upper Usumatsintla and adjacent regions.— *MPM*, vol. IV, N 1.
- Maler T.* 1910. Explorations in the Department of Peten, Guatemala and adjacent regions.— *MPM*, vol. IV, N 3.
- Maler T.* 1911. Explorations in the Department of Peten, Guatemala. Tikal.— *MPM*, vol. V, N 1.
- Mamford L.* 1961. City in the history. N. Y.
- Marcus J.* 1973. Territorial organization of the lowland Classic Maya.— *Science*, vol. 180 (Washington).
- Marquina I.* 1964. Arquitectura prehispánica. México.
- Mason J. A., Satterthwaite L., Butler M.*

1934. The work of Middle American expeditions. N. Y.
- Maudslay A. P.* 1898—1902. Archaeology.— In: *Biologia Centrali-Americana*, t. I—IV, London.
- Maya Research. 1934, vol. 1, N 1 (New Orleans).
- Mayer-Oakes W.* 1960. A developmental concept of pre-spanish urbanization in the valley of Mexico.— *MARR*, vol. 2.
- McAdams R.* 1960. The origin of cities.— *SA*, vol. 230, N 3.
- McAdams R.* 1966. The evolution of urban society. Early Mesopotamia and prehispanic Mexico. Chicago.
- McAdams R.* 1969. The study of ancient Mesopotamian settlement patterns and the problem of urban origins.— *Sumer*, vol. XXV, N 1-2 (Baghdad).
- McAdams R., Nissen H.* 1972. The Uruk countryside. The natural setting of urban societies. Chicago—London.
- Meadow R.* 1971. The emergence of civilization.— In: *Man, culture and society*. Oxford.
- Means P. A.* 1917. History of the spanish conquest of Yucatan and of the Itzas.— *PPM*, vol. 7.
- Meggens B.* 1954. Environmental limitation to the development of culture.— *Aa*, vol. 56, N 5.
- Miles S. W.* 1957a. The XVIth century Pokom-Maya.— *TAPS*, n. s. vol. 47, pt 4.
- Miles S. W.* 1957b. Maya settlement patterns: a problem for ethnology and archaeology.— *SWJA*, vol. 13, N 3.
- Millon R.* 1959. La agricultura como inicio de la civilización.— In: *Esplendor de México Antiguo*, vol. 2. México.
- Moholy-Nagy H.* 1963. Shells and other marine material from Tikal. *ECM*, vol. III.
- Monzon A.* 1949. El calpulli en la organización social de los tenochca. México.
- Morley S. G.* 1920. The inscriptions at Copan.— *CIWP*, N 219.
- Morley S. G.* 1938. The inscriptions of Peten.— *CIWP*, N 437, vol. I—V.
- Morley S. G.* 1947. The Ancient Maya. Stanford.
- Morley S. G.* 1956. The Ancient Maya. Stanford.
- Naroll R.* 1962. Floor area and settlement pattern.— *A an*, vol. 27, N 2.
- Oppenheim A. L.* 1969. Mesopotamia—land of many cities.— In: *Middle Eastern Cities*. Berkeley—Los Angeles.
- Orozco y Berra M.* 1951. Historia antigua de las culturas aborígenes de México. México.
- Oviedo y Valdes F. G.* 1851—1855. Historia general y natural de las Indias, islas y tierra firme del mar océano, t. I—IV. Madrid.
- Parsons J. L.* 1971. Prehistoric settlement patterns in the Texcoco region. Mexico.— *MMAUM*, N 3.
- Parsons J. J., Denevan W. D.* 1967. Pre-Columbian ridged fields.— *SA*, vol. 217, N 1.
- Paso y Troncoso F. (ed.)* 1905—1906. Papeles de Nueva España, T. 5. Madrid.
- Paso y Troncoso F.* 1939—1942. Epistolario de Nueva España. 1505—1818, t. 2. México.
- Piña Chan R.* 1968. Jaina, la casa en el agua. México.
- Pollock H. E.* 1965. Architecture of the Maya lowlands.— *HMAI*, vol. 2.
- Pollock H., Roys R., Proskouriakoff T., Smith A.* 1962. Mayapan, Yucatan, Mexico.— *CIWP*, N 619.
- Ponce A.* 1873. Relación breve y verdadera de algunas cosas de las muchas que sucedieron en las provincias de Nueva España, t. I—III. Madrid.
- Ponce A.* 1947. Viaje a Nueva España. Antología.— *BEP*, N 184. México.
- Price B. J.* 1972. Population composition in pre-hispanic Mesoamerican urban settlements: a problem in archaeological reference.— In: *Urbanización y proceso social en America*. Lima.
- Proskouriakoff T.* 1950. A study of Classic Maya sculpture.— *CIWP*, N 593.
- Proskouriakoff T.* 1960. Historical implications of a pattern of dates at Piedras Negras, Guatemala.— *Aan*, vol. 25, N 4.
- Proskouriakoff T.* 1963a. An album of Maya architecture. New ed. Norman.
- Proskouriakoff T.* 1963b. Historical data in the inscriptions of Yaxchilan, pt I.— *ECM*, vol. III.
- Proskouriakoff T.* 1964. Historical data in the inscriptions of Yaxchilan, pt II.— *ECM*, vol. IV.
- Proskouriakoff T.* 1965. Sculpture and major arts of the Maya lowlands.— *HMAI*, vol. 2.
- Proskouriakoff T.* 1966. The lords of the Maya realm.— In: *Ancient Mesoamerica. Selected Readings*. Palo Alto.
- Proskouriakoff T.* 1971. Early architecture and sculpture in Mesoamerica.— *CUCARF*, N 11.
- Proskouriakoff T.* 1974. Jades from the Ce-

- note of Sacrifice, Chichen Itza, Yucatan.—MPM, vol. 10, N 1.
- Puleston D. E.* 1974. Intersite areas near Tikal and Uaxactun.—In: Mesoamerican Archaeology. New Approaches. Austin.
- Puleston D. E., Callender D. W.* 1967. Defensive earthworks at Tikal.—Expedition, vol. 9, N 3.
- Rands R. L.* 1967. Ceramica de la región de Palenque.—ECM, vol. VI.
- Rathje W.* 1974. The origin and development of lowland Classic Maya civilization.—In: The rise and fall of civilizations. Menlo Park.
- Rathje W., Sabloff J.* 1973. Ancient Maya commercial systems.—WA, vol. V, N 2.
- Recinos A.* (ed.) 1950. Memorial de Solola.—Anales de los Cakchiqueles (Mexico).
- Redfield R.* 1933. The culture of the Maya.—CIWSP, N 6.
- Redfield R.* 1938. Race and class in Yucatan.—CIWP, N 501.
- Redfield R.* 1941. The folk culture of Yucatan. Chicago.
- Redfield R., Villa Rojas A.* 1962. Chan Kom. A Maya village. Chicago.
- Relaciones de Yucatán.* 1898—1900.—CDI, t. 11, 13. Madrid.
- Rice S. D.* 1974. The archaeology of British Honduras.—Katunob Occasional Publications in Mesoamerican Anthropology, N 6 (Greeley).
- Richeston O. G., Richeston E. B.* 1937. Uaxactun, Guatemala, Group E: 1926—1931.—CIWP, N 477.
- Román y Zamora J.* 1897. Repúblicas de Indias: idolatrias y gobierno en México y Perú antes de la conquista, t. 1. Madrid.
- Roux G.* 1969. Ancient Iraq. London.
- Roys R. L.* 1939. The titles of Ebtun.—CIWP, N 505.
- Roys R. L.* 1940. Personal names of the Maya of Yucatan.—CIWP, N 523; CAAH, vol. 6, N 31.
- Roys R. L.* 1943. The Indian background of colonial Yucatan.—CIWP, N 548.
- Roys R. L.* 1949. The prophecies for the Maya tuns or years in the books of Chilam Balam of Tizimin and Mani.—CIWP, N 585; CAAH, vol. 10, N 51.
- Roys R. L.* 1957. The political geography of the Yucatan Maya.—CIWP, N 613.
- Roys R. L.* 1967. The book of Chilam Balam of Chumayel. Norman.
- Roys R. L., Scholes F., Adams E. B.* 1940. Report and census of the Indians of Cozumel, 1570.—CIWP, N 523; CAAH, vol. 6, N 30.
- Ruppert K., Denison J. H.* 1943. Archaeological reconnaissance in Campeche, Quintana Roo and Peten.—CIWP, N 543.
- Ruz Lhuillier A.* 1957. La civilización de los antiguos Mayas. Santiago de Cuba.
- Ruz Lhuillier A.* 1959. Estudio preliminar de los tipos de enterramientos en el area Maya.—ACIA — 33, t. 2 (San José).
- Ruz Lhuillier A.* 1964. Aristocracia o democracia entre los antiguos Mayas?—Anales de Antropología, vol. 1 (México).
- Ruz Lhuillier A.* 1968. Costumbres funerarias de los antiguos Mayas. México.
- Ruz Lhuillier A.* 1973. Más datos historicos en las inscripciones de Palenque.—ECM, vol. IX.
- Sahagun B. de.* 1969. Historia general de las cosas de Nueva España, t. III. México.
- Sanchez de Aguilar P.* 1937. Informe contra idolorum cultores del obispado de Yucatán. Mérida.
- Sanders W. T.* 1962. Cultural ecology of the Maya lowlands, pt 1.—ECM, vol. II.
- Sanders W. T.* 1963. Cultural ecology of the Maya lowlands, pt 2.—ECM, vol. III.
- Sanders W. T.* 1966. Cultural ecology of nuclear Mesoamerica.—In: Ancient Mesoamerica. Selected Readings. Palo Alto.
- Sanders W. T.* 1968. A profile of urban evolution.—ACIA-37, t. 1. (Buenos Aires).
- Sanders W. T.* 1971. Settlement Patterns in Central Mexico.—HMAI, vol. 10.
- Sanders W. T.* 1973. The cultural ecology of the lowland Maya: a revaluation.—In: The Classic Maya collapse. Albuquerque.
- Sanders W. T., Price B. J.* 1968. Mesoamerica. The evolution of a civilization. N. Y.
- Satterthwaite L.* 1937. Thrones at Piedras Negras.—UMB, vol. 7, N 1.
- Satterthwaite L.* 1956. Maya dates on stelae in Tikal «enclosures».—UMB, vol. 20, N 4.
- Satterthwaite L.* 1958. The problem of abnormal stela placements at Tikal and elsewhere.—TR, N 1—4.
- Satterthwaite L.* 1965. Maya practice stone-carving at Piedras Negras.—Expedition, vol. 8, N 2.
- Schaeffer E.* 1951. El corregidor del Petén coronel Modesto Mendez.—AHG, vol. III, N 1.
- Schneider A.* 1965. La ciudad-templo sumeria.—In: Historia de la economía por los grandes maestros. Madrid.
- Scholes F. V., Roys R. L.* The Maya Chontal Indians of Acalan — Tixchel.—CIWP, N 560.

- Sharer R. J.* 1974. The prehistory of the southeastern Maya periphery.— CA, vol. 15, N 2.
- Shook E. M.* 1960. Tikal. Stela 29.— Expedition, vol. 2.
- Shook E. M.* Archaeological survey of the Pacific Coast of Guatemala.— HMAI, vol. 2.
- Shook E. M., Kidder H. A. V.* 1961. The painted tomb at Tikal.— Expedition, vol. 4, N 1.
- Shook E. M., Proskouriakoff T.* 1956. Settlement patterns in Mesoamerica and the sequence in the Guatemalan Highlands.— VFPA, vol. 23.
- Siemens A. H., Puleston D. E.* 1972. Ridge fields and associated features in Southern Campeche: new perspectives on the Lowland Maya.— An, vol. 37, N 2.
- Sjoberg, Gideon.* 1965. The pre-industrial city: past and present. N. Y.
- Smith A. L.* 1940. The corbeled arch in the New World.— In: Maya and their neighbors. N. Y.
- Smith A. L.* 1972. Excavations at Altar de Sacrificios Architecture, settlement, burials and caches.— PPM, vol. 62.
- Smith A. L., Willey G. R.* 1969. Seibal, Guatemala in 1968: a brief summary of archaeological results.— VKIA-38, Bd. 1.
- Smith R. E.* 1955. Ceramic sequence at Uaxactun Guatemala.— MARIP, N 20, vol. 1—II.
- Smith R. E.* 1937. A study of structure A-I complex at Uaxactun, Peten, Guatemala.— CIWP, N 456, CAA, N 19.
- Sodi D. M.* 1964. La literatura de los Mayas. México.
- Spinden H. J.* 1913. A study of Maya art.— MPM, vol. VI.
- Spinden H. J.* 1957. Maya art and civilization. Indian Hills.
- Steggerda M.* 1941. Maya Indians of Yucatan.— CIWP, N 531.
- Stephens J. L.* 1842. The incidents of travel to Central America, Chiapas and Yucatan, vol. 1-2. N. Y.
- Stromsvik G.* 1938. Copan CIW Yearbook, N 37.
- Stromsvik G.* 1941. Substela caches and stela foundations at Copan and Quirigua.— CAAH, N 37.
- Stromsvik G.* 1952. Guide book to the ruins of Copan.— CIWP, N 577.
- Termer F.* 1951. The Density of population in the Southern and Northern Maya Empires as an archaeological and geographical problem.— SPICA XXIX (Chicago). The historical recollection of Gaspar A. Chi, 1952.— BYUP, N 3. Provo.
- The Tikal project. 1962.— Archaeology, vol. 15, N 2.
- Thompson E. H.* 1938. The high priest grave, Chichen Itza, Yucatan, Mexico.— ASFMNH, vol. 27, N 1.
- Thompson J. E. S.* 1930. Ethnology of the Mayas of Southern and Central British Honduras.— ASFMNH, vol. 7, N 2.
- Thompson J. E. S.* 1954. The rise and fall of Maya civilization. Norman.
- Thompson J. E. S.* 1960. Maya Hieroglyphic Writing: an introduction. Norman.
- Thompson J. E. S.* 1964. Trade relations between the Maya highland and lowlands.— ECM, vol. IV.
- Thompson J. E. S.* 1965. Archaeological synthesis of the southern Maya lowlands.— HMAI, vol. 2.
- Thompson J. E. S.* 1970. Maya History and religion. Norman.— TR 1961, N 5—11.
- Torquemada J. de.* 1969. Monarquía indiana, t. 2. México.
- Tozzer A. M.* 1907. A comparative study of the Mayas and Lacandonas. N. Y.
- Tozzer A. M.* 1913. A preliminary study of the prehistoric ruins of Nakum, Guatemala.— MPM, vol. V, N 3.
- Tozzer A. M.* 1941. Landa's Relación de las cosas de Yucatán.— PPM, vol. XVIII.
- Trigger B.* 1972. Determinants of urban growth in pre-industrial societies.— MSU.
- Trik A. S.* 1939. Temple XXII at Copan.— CAAH, N 27.
- Trik A. S.* 1963. The splendid tomb of temple I at Tikal, Guatemala.— Expedition, vol. 6, N 1.
- Ucko P. J., Tringham R., Dimbleby G. W.* 1972. Man, settlement and urbanism. London.
- Villa Rojas A.* 1945. The Maya of east central Quintana Roo.— CIWP.
- Villa Rojas A.* 1961. Notas sobre la tenencia de la tierra entre los Mayas de la antigüedad.— ECM, vol. 1.
- Villa Rojas A.* 1964. Barrios y Calpules en las Comunidades Tzeltales y Tzotziles del México Actual.— AMCIA, XXXV, t. 1.
- Villagra Caletti A.* 1949. Bonampak. La ciudad de los muros pintados. México.
- Villagutierrez Soto-Mayor J. de.* 1933. Historia de la conquista de la provincia de El Itza. Guatemala.
- Vogt E.* 1961. Some aspects of Zinacantan

- settlement patterns and ceremonial organization.—ECM, vol. 1.
- Vogt E. 1969. A Maya Community in the Highlands of Chiapas. Cambridge, Mass.
- Vogt E. 1970. The Zinacantecos of Mexico: a modern Maya way of life. N. Y.—London.
- Wadepuhl W. 1964. Die alten Maya und ihre Kultur. Leipzig.
- Wagner O. H. 1969. Subsistence potential and population density of the Maya on the Yucatan peninsula and causes for the decline in population in the XV century.—VKIA-38, bd. 1.
- Wauchope R. 1934. House mounds of Uuxactun, Guatemala.—CAA, N 7.
- Wauchope R. 1938. Modern Maya houses. A study of their archaeological significance.—CIWP, N 502.
- Weaver M. P. 1972. The Aztecs, Maya and their predecessors.—In: Archaeology of Mesoamerica. N. Y.
- Webster D. L. 1976. The fortifications of Becan, Campeche, Mexico.—MARIP, N 41.
- West R. C. 1970. Population densities and agricultural practices in pre-colombian Mexico, with emphasis on semi-terra-cing.—VKIA-38, bd. 2.
- Wheatley P. 1970. Archaeology and the chinese city.—WA, vol. 11, N 2.
- Wilken G. C. 1974. Food producing systems available to the ancient Maya.—A an, vol. 36, N 4.
- Willey G. R. 1953. Prehistoric settlement patterns in the Viru Valley.—BAEB, N 155.
- Willey G. R. 1956. The structure of ancient Maya society.—Aa, vol. 58, N 5.
- Willey G. R. 1964. An archaeological frame of reference for Maya culture history.—In: Desarrollo cultural de los Mayas. México.
- Willey G. R. 1972. The artifacts of Altar de Sacrificios.—PPM, vol. 64, N 1.
- Willey G. R. 1973. The Altar de Sacrificios excavations. General summary and conclusions.—PPM, vol. 64, N 3.
- Willey G. R. 1974a. Precolumbian urbanism the Central Mexican highlands and the lowland Maya.—In: The rise and fall of ancient civilizations. Menlo Park.
- Willey G. R. 1974b. The early great styles and the rise of precolumbian civilizations.—In: The rise and fall of ancient civilizations. Menlo Park.
- Willey G. R. (ed.) Prehistoric settlement patterns in the New World.—VFPA. N 23.
- Willey G. R. and Bullard W. R. 1965. Prehistoric settlement patterns in the Maya lowlands.—HMAI, vol. 2.
- Willey G. R., Smith A. L. 1963. New discoveries at Altar de Sacrificios, Guatemala.—Archaeology, vol. 16, N 2.
- Willey G. R., Smith A. L. 1967. A temple at Seibal, Guatemala.—Archaeology, vol. 20, N 4.
- Willey G. R., Smith A. L. 1969. The ruins of Altar de Sacrificios, Guatemala: an introduction.—PPM, vol. 62, N 1.
- Willey G. R., Bullard W. R., Glass J. 1955. The Maya community of prehistoric times. Archaeology, vol. 8, N 1.
- Willey G. R., Bullard W., Glass J., Gifford J. 1965. Prehistoric settlements in the Belize Valley, British Honduras.—PPM, vol. 54.
- Wisdom C. 1940. The Chorti Indians of Guatemala. Chicago.
- Wittfogel K. 1957. Oriental despotism. New Haven.
- Zorita A. de. 1909. Historia de la Nueva España, t. 1. Madrid.
- Zorita A. de. 1941. Breve y sumaria relación de los señores de la Nueva España. México.
- Zorita A. de. 1965. The lords of New Spain. London.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БСЭ — Большая советская энциклопедия
 ВДИ — Вестник древней истории
 ВИ — Вопросы истории
 ВФ — Вопросы философии
 ДВГТ — Древний Восток. Города и торговля (III—I тыс. до н. э.). Сборник. Ереван, 1973
 ЛА — Латинская Америка
 НАА — Народы Азии и Африки
 СА — Советская археология
 СИЭ — Советская историческая энциклопедия
 СЭ — Советская этнография
- Аа — American Anthropologist. Menasha
 А an — American Antiquity. Menasha (до 1956), Salt Lake City (1956—1973), Washington (с 1973)
 ACIA-33 — Actas del XXXIII Congreso Internacional de Americanistas, T. 1—2. San José
 AHG — Antropología e Historia de Guatemala. Guatemala
 AJS — American Journal of Sociology. Chicago
 AM SAA — Annual Meeting of the Society for American Archaeology
 Ar — Archaeology. New York
 ARSI — Annual Report of the Smithsonian Institution. Washington
 ASFMNH — Anthropological Series, Field Museum of Natural History. Chicago
 BAEB — Bureau of American Ethnology Bulletin. Washington
- БЕР — Biblioteca Enciclopedia Popular. México
 BINAH — Boletín del Instituto Nacional de Antropología e Historia. México
 BYUP — Brigham Young University Publications. Provo
 CA — Current Anthropology. Chicago
 CAA — Contribution to American Archaeology. Washington
 CAAH — Contribution to American Anthropology and History. Washington
 CDI — Colección de documentos inéditos. Madrid
 CICRDA — Carnegie Institute, Current Reports of the Department of Archaeology. Washington
 CIWP — Carnegie Institute of Washington Publication. Washington
 CuA — Cuadernos Americanos. México
 CUCARF — Contributions of the Univ. of California. Archaeological Research Facility. Berkeley
 ECM — Estudios de Cultura Maya. México
 ECN — Estudios de Cultura Nahuatl. México
 ENE — Epistolario de Nueva España. México
 HDM — Historia Documental de México. México
 HMAI — Handbook of Middle American Indians. Austin
 IA — Ibero — Americana. Berkeley-Los Angeles
 JRAI — Journal of the Royal Anthropological Institute. London

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

JSA — Journal de la Société des Américanistes. Paris	SA — Scientific American. Washington
MARIP — Middle American Research Institute Publication. New Orleans	SCA — Smithsonian Contribution to Anthropology. Washington
MARR — Middle American Research Records. New Orleans	SIISAP — Smithsonian Instit., Institute of Social Anthropology Publication. Washington
MARSP — Middle American Research Series Publication. New Orleans	SPICA — Selected Papers of the International Congress of Americanists
MMAUM — Memoires of the Museum of Anthropology, Univ. of Michigan. Ann Arbor	SWJA — Southwestern Journal of Anthropology. Albuquerque
MPM — Memoirs of the Peabody Museum. Cambridge, Mass.	TAPS — Transactions of American Philosophical Society. Philadelphia
MSU — «Man, settlement and urbanism», by P. Ucko and others (eds.). London, 1972	TPR — Town Planning Review. Liverpool
NG — National Geographic. Washington	TR — Tikal Reports
PAPS — Proceedings of the American Philosophical Society. Philadelphia	UMB — University Museum Bulletin. Philadelphia
PPM — Papers of the Peabody Museum. Cambridge, Mass	VFPA — Viking Fund Publication in Anthropology. New York
RMEA — Revista Mexicana de Estudios Antropológicos. México	VKIA-38 — Verhandlungen des XXXVIII Kongress Internacional die Americanisten, Bd. 1—2. München
	WA — World Archaeology. London

SUMARIO

Durante los últimos años, por medio de los trabajos de autores soviéticos (Yu. V. Knorosov, R. V. Kinzhalov, V. M. Masson, M. A. Korostovtzev, V. N. Nikiforov, I. K. Samarkina) y extranjeros (R. McAdams) fue claramente manifestada la afinidad de principio, formacional de las civilizaciones antiguas del Nuevo Mundo y de los estados clasistas tempranos de Mesopotamia, Egipto, etc. del Viejo Mundo. Eso lleva a dos conclusiones importantes: primero, obtenemos la oportunidad utilizar ampliamente el método comparativo para analizar las culturas antiguas de ambos hemisferios; segundo, y es especialmente valioso,— las tesis teóricas de los clásicos del marxismo — leninismo sobre la naturaleza de la sociedad y del estado del Antiguo Oriente, pueden ser completamente aplicadas al estudio de la América precolombina.

En este trabajo se trata sólo de las ciudades más antiguas de las sociedades clasistas tempranas. Para el desarrollo teórico del problema de la ciudad temprana son de especial importancia materiales relacionados con los focos primarios de las civilizaciones urbanas: en el Mundo Antiguo — Mesopotamia (Sumer) y Egipto; en el Nuevo — Mesoamérica y Perú, donde el proceso del surgimiento y desarrollo de la ciudad se realizaba de una «manera pura» y sin influencias exteriores de las culturas altas. Para comparaciones y conclusiones se toman en ese trabajo los datos sólo de dos de los mencionados focos primarios de la cultura urbana: Sumer y Mesoamérica Meridional (civilización de los mayas). Es que si para la mayoría de otros estados mesoamericanos de la

época preespañola sólo disponemos de conocimiento sobre uno — dos centros urbanos, en caso de los mayas esa cantidad sube hasta 15—20 lo que da cierto material para hacer comparaciones.

Primeros estados — ciudades surgieron entre los mayas al mismo fin del I mil. a. de n. e. Su desarrollo era forzosamente interrumpido por la conquista española del siglo XVI. De esa manera la historia de la civilización y del estado de los mayas cuenta con más de 1500 años. Dentro de este límite prolongado de tiempo los investigadores seleccionan habitualmente dos períodos cronológicos: Clásico (I—IX siglos de n. e.) y Postclásico (X—XVI siglos de n. e.). Las fuentes escritas alumbran más o menos solamente última etapa.

Sin embargo, el solo material arqueológico, con toda su abundancia y magnitud, es evidentemente insuficiente para juzgar de alguna manera completa sobre los institutos político — sociales de los mayas en las ciudades del I mil. de n. e. Por eso en el trabajo se utiliza ampliamente el método retrospectivo de la investigación para, partiendo de los fenómenos más estudiados y conocidos hacia menos comprensibles, poder «proyectar» la luz de las tradiciones históricas de las vísperas de la conquista sobre los «siglos oscuros» de la historia maya. Apoyándose sobre este comparablemente sólido fundamento se puede hacer una tentativa de la interpretación histórica de los materiales arqueológicos aun del período más temprano o sea Clásico. Cierta ayuda la pueden prestar los datos comparados de las ciudades tempranas de Mesopotamia.

Según la opinión de la mayoría de los investigadores, no existe única y absoluta determinación de lo que es ciudad, que sirva para todas las épocas y pueblos. En épocas diferentes en condiciones históricas diferentes, este concepto cambiaba su contenido.

A mi juicio la determinación más lograda de la ciudad para las sociedades clasistas tempranas esta hecha por I. M. Diakonov. «La ciudad durante el tiempo estudiado se presenta como el centro del distrito poblado que gravita hacia ella: ciudad es el centro del distrito desde punto de vista económico, ciudad es el centro del distrito desde punto de vista político siendo la concentración de la jerarquía de los órganos comunales de autogobernación y como la residencia de la administración estatal; ciudad es, al fin, su centro desde punto de vista ideológico...».

En realidad la ciudad antigua representaba en sí el centro económico y ideológico del distrito. Pero lo más importante y determinante consiste, en mi opinión, en lo que la ciudad temprana es, ante todo, un centro político — administrativo del distrito. La artesanía profesional y el comercio en las sociedades clasistas tempranas se desarrollan especialmente rápido en las ciudades, que funcionaban como capitales de los estados pequeños (o sea los centros político — administrativos y de culto), y están dirigidas al principio casi exclusivamente al servicio de las necesidades del grupo gobernante — la nobleza y el sacerdocio — sin tocar las bases económicas de las comunidades rurales.

Partiendo de lo arriba expuesto se puede proponer la siguiente, completamente preliminar, determinación de la ciudad para los estados clasistas tempranos de Viejo y Nuevo continentes: la ciudad durante la época estudiada — es un gran punto de población que servía como centro político — administrativo, de culto y económico para un determinado distrito que gravitaba hacia ella.

Puede ser considerado como probado el hecho que en los focos primarios de la civi-

lización urbana, las formas mas tempranas de la organización político — territorial eran así llamados estados — ciudades (según I. M. Diakonov, «nomo», o sea la ciudad y sus alrededores más cercanas). Así fue, por ejemplo, en el valle de Tigre y Eufrates existían hasta una quinzena de los estados — ciudades independientes. Un cuadro análogo, según las evidencias de las fuentes escritas, se observaba en los siglos X—XVI en la península Yucatán (el área septentrional de la cultura maya).

La estructura del estado — ciudad típico de los mayas yucatecos (en vísperas de la conquista española) y de la antigua Mesopotamia (Sumer) se caracteriza por una semejanza considerable: la capital (metrópoli); sus alrededores rurales que habitualmente no sobrepasaban 15 km. de la distancia desde la ciudad y que incluían los grandes y pequeños poblados agrícolas. La capital — es el centro político — administrativo, de culto y económico del estado — ciudad. Es un lugar de residencia del gobernador y su corte así como un lugar donde se encuentra el templo (templos) de la divinidad (divinidades) de la ciudad con los sacerdotes de él. Aquí se encontraban también los representantes de la nobleza, los funcionarios, guerreros y los artesanos y comerciantes al servicio de las necesidades de la capa gobernante. Las ciudades secundarias y poblaciones, por sus características exteriores, eran en la mayoría de los casos las copias reducidas de la metrópoli.

Si en el Oriente Próximo y en el Yucatán del siglo X—XVI el hecho de la existencia de las ciudades no provoca dudas y se trata sólo del estudio de su génesis y estructura interna, en el caso de las civilizaciones maya del I mil. de n. e. el asunto es mucho más complicado. Hasta hoy día muchos especialistas extranjeros niegan la presencia de las ciudades «verdaderas» entre los maya en aquel período, denominando todos los puntos de población grandes de Clá-

sico sólo como «centros rituales» (G. Willey, W. Sanders etc.).

Sin embargo, se me presenta que a pesar de toda su particularidad (el carácter («desimenado» de la urbanización, falta de defensas exteriores), los centros grandes de población de los maya en el I mil. de n. e. por sus características externas, por su estructura y especialmente por sus funciones — son parecidos a las ciudades sumeras y yucatecas en vísperas de la conquista.

Dentro del territorio maya, la más estudiada es la región Central (México Meridional y Guatemala del Norte), donde actualmente se conocen hasta un centenar de los «centros rituales» del I mil. de n. e., la mayoría de los cuales nunca estudiadas sistemáticamente. Están más o menos estudiados y publicados cerca de una quincena de los centros maya de aquel período, aunque dentro de ellos se estudiaban habitualmente sólo los templos y palacios, los textos jeroglíficos, los frescos y la escultura de piedra.

Tomando en cuenta el estado actual de las fuentes, hasta ahora se puede hablar sólo de la clasificación parcial de las poblaciones maya del Clásico. En este trabajo yo hago una tentativa de seleccionar de todo el conjunto de los «centros» de la antigua cultura maya conocidos actualmente, sólo las capitales de los probables estados-ciudades. Verdad es que, si partir de los arriba expuestos materiales de Mesopotamia y de los mayas yucatecos (siglos X—XVI), se puede admitir, que en realidad la mayoría de las ciudades tempranas en ambas áreas consistía precisamente de las capitales de los «nomos».

La separación de los centros capitalinos del I mil. de n. e. dentro del territorio maya se realiza a base de los tres géneros de índices.

Primero, el más importante, está relacionado con aquel hecho evidente que la capital de un estado-ciudad es a la vez el lugar de residencia del gobernador (rey) y

de su corte. De esa manera todas las evidencias arqueológicas que comprueban la presencia, en un centro dado, de la residencia real, sirven a nuestro propósito. Estas evidencias, a mi juicio son:

- a) presencia de los complejos de palacio
- b) presencia de los entierros reales
- c) presencia, en el arte, de los temas y de los motivos relacionados con la glorificación de la persona del gobernador y de sus acciones así como su cantidad total en diferentes tipos de los monumentos (estelas, altares, dinteles tallados, pinturas murales etc.).

Segundo género de índices — la presencia, en un «centro» dado, de una cantidad considerable de los grandes templos y santuarios de piedra, que comprueban que ante nosotros se encuentra un importante centro religioso de un cierto territorio.

Tercer género de índices — cualitativos: para que un dado punto poblacional pueda ser considerado como capital él debe tener las dimensiones bastante grandes (la superficie de la ciudad, el número de los pobladores, la cantidad total de las construcciones arquitectónicas monumentales y viviendas etc.).

Al separar las capitales hay que considerar todo el arriba mencionado complejo de índices pero no uno solo de ellos, arbitrariamente arrancado del contexto general (por ejemplo, la cantidad de las estelas esculpidas).

A base de los índices mencionados he separado de una manera estrictamente previa, 18 ciudades-capitales de ese tipo dentro del área Central de los maya. No todos ellos están argumentados por los materiales de una manera igualmente convincente, pero eso depende completamente del estado actual de las fuentes. Abajo se presenta la lista de las supuestas capitales de los estados-ciudades maya en el área Central del I mil. de n. e.:

1. Tikal
2. Uaxactun
3. Naranjo
4. Xultun
5. Yaxha
6. Nakum
7. La Honradez
8. Naachtun
9. Kalakmul
10. Copan
11. Quirigua
12. Seibal
13. Altar de Sacrificios
14. Yaxchilan
15. Piedras Negras
16. Tonina
17. Pusilha
18. Palenque

De estas capitales presumibles, la más estudiada es Tikal — el gran centro de las tierras bajas selváticas de los mayas del I mil. de n. e. Según los calculos más reservados, su superficie era de 7—8 km² con una población hasta 10 mil personas. Toda la extensión de las tierras de Tikal con los alrededores alcanzaba 125 km² con una población aproximada de 45 mil personas lo que concuerda bien con los índices médios de las estados-ciudades médios tempranos de Mesopotamia. Está presente también la similitud del trazado de los centros urbanos de ambas regiones: «barrio sacral» («temenos»), que incluye todas la más importan-

tes construcciones político — administrativas y del culto, esta al centro, y las áreas de residencia — alrededor de él. El distrito de Tikal incluía también 9 sitios pequeños secundarios sin contar las poblaciones menores.

Lamentablemente, sin poder leer los textos jeroglíficos del I mil. de n. e., no podemos de alguna manera precisa juzga sobre la magnitud y la estructura de las formaciones estatales de aquella época. Sin embargo el mismo hecho de la existencia de los estados-ciudades múltiples en el territorio de los maya antiguos durante el Clásico nos permite suponer que también en aquel tiempo los estados-ciudades («nomos» según I. M. Diakonov) o sea el centro grande urbano (capital) y el distrito a él subordinado, eran la forma principal de la organización político-territorial.

Con el tiempo se manifiesta la tendencia de consolidarse estas unidades político-territoriales primarias en unas amplias aunque no solidas formaciones estatales, cuando un «nomo» mas fuerte sometía, por medio de la conquista, de los matrimonios dinásticos, de las uniones, de las intrigas etc., unos cuantos estados-ciudades obligándolos pagarle el tributo.

Al parecer los maya no fueron más alla de esta etapa por cuanto en el siglo XVI su desarrollo independiente fue forzosamente interrumpido por la conquista española.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ИСТОРИОГРАФИЯ	26
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БАЗА ЦИВИЛИЗАЦИИ МАЙЯ	44
ГЕНЕЗИС ГОРОДА МАЙЯ	74
ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ГОРОДА МАЙЯ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.	100
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ	129
ГОРОДА-СТОЛИЦЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ОБЛАСТИ МАЙЯ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н. Э.	147
ГОРОДИОБЩЕСТВО ЮКАТАНСКИХ МАЙЯ В X—XVI ВВ. Н. Э.	206
ГОРОДА ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ (ШУМЕР)	233
ОБЩЕСТВО МАЙЯ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н. Э. ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ	248
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	280
БИБЛИОГРАФИЯ	287
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	297
SUMARIO	239

INDICE GENERAL

INTRODUCCIÓN	5
NOTAS BIBLIOGRAFICAS	26
LA BASE ECONOMICA DE LA CIVILIZACIÓN MAYA	44
EL ORIGEN DE LA CIUDAD MAYA	74
PROBLEMAS GENERALES DE URBANIZACIÓN ENTRE LOS MAYAS ANTIGUOS DURANTE EL I MILLENIO D. C.	100
LA INTERPRETACIÓN DE LA VUENTE V ARQUEOLOGICAS	129
CIUDADES-CAPITALES DE LA REGIÓN CENTRAL DE LOS MAYAS EN I MIL. D. C.	147
CIUDAD Y SOCIEDAD DE LOS MAYAS YUCATENENSES EN X—XVI SIGLOS D. C.	206
LAS CIUDADES ANTIGUAS DE MESOPOTAMIA (SUMER) LA SOCIEDAD MAYA EN I MIL. D. C. SEGÚN LOS DATOS ARGUEOLÓGICOS	233
CONCLUSIONES	248
BIBLIOGRAFIA	280
LISTA DE BREVEDADES	287
SUMARIO	297
	299

Валерий Иванович

ГУЛЯЕВ

ГОРОДА-ГОСУДАРСТВА МАЙЯ

★

Утверждено к печати

ордена Трудового Красного Знамени

Институтом археологии АН СССР

★

Редактор издательства Г. Н. Улунян

Художник М. В. Буткевич

Художественный редактор Н. И. Власик }

Художественно-технический редактор

А. П. Гусева

Корректоры Л. И. Карасева и Н. Л. Татаева

ИБ № 15222

Сдано в набор 13.11.78.

Подписано к печати 16.02.79.

Т-01235. Формат 70×90¹/₁₆

Бумага типографская № 1

Гарнитура обыкновенная

Печать высокая

Усл. печ. л. 22,67. Уч.-изд. л. 24.

Тираж 9700 экз. Тип. зак. 1219

Цена 1 р. 80 к.

Издательство «Наука»

117864 ГСП-7. Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а

2-я типография издательства «Наука»

121099, Москва, Г-89, Шубинский пер., 10

1 р. 80к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»